

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙН И КОНФЛИКТОВ XX ВЕКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Участники международной конференции.
Институт славяноведения, г. Москва

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

**СОЦИАЛЬНЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ
ВОЙН И КОНФЛИКТОВ
XX ВЕКА:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2014

УДК 1:316 : 94"20"
ББК 60.032+63.3(0)6
С 69

*Издание подготовлено
при поддержке Российского гуманитарного научного фонда,
грант № 12-01-14090*

Редакционная коллегия:
М.Ю. Дронов, доктор исторических наук Э.Г. Задорожнюк,
доктор исторических наук Е.П. Серапионова (ответственный редактор),
С.М. Слоистов

Рецензенты:
кандидат исторических наук Ю.В. Буланникова,
доктор исторических наук Т.В. Волокитина

С60 Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / отв. ред. Е.П. Серапионова. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. — 340 с.

ISBN 978-5-7576-0273-8

В совместном издании российских и словацких авторов, подготовленном на основе международной конференции, состоявшейся в Москве в Институте славяноведения РАН в октябре 2012 г., затрагиваются проблемы социальных последствий войн и конфликтов XX в. и исторической памяти об этом. Авторы, анализируя ранее неизвестные архивные материалы, опубликованные в России и за рубежом документы, свидетельства устной истории, художественные произведения, пытаются воссоздать атмосферу предвоенных, военных и послевоенных лет, сложные переплетения судеб двух народов в контексте мировых событий.

Для историков, политологов, специалистов по международным отношениям, литературоведов и широкого круга читателей, интересующихся историей России, Словакии, российско-словацкими отношениями.

УДК 1:316 : 94"20"
ББК 60.032+63.3(0)6

На обложке — Лагерь военнопленных в Дарнице. Фотография из РГВИА

ISBN 978-5-7576-0273-8

© Коллектив авторов, 2014
© Институт славяноведения РАН, 2014
© Издательство «Нестор-История», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
<i>Л. П. Ретина</i> (Москва) Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии.....	8
Часть I	
<i>Г. Дудекова</i> (Братислава) Социальные последствия Первой мировой войны — импульсы и результаты новейших исследований.....	19
<i>З.С. Ненашева</i> (Москва) Социально-политические аспекты развития национального движения чехов и словаков в России и проблема освобождения военнопленных (сентябрь 1914 — февраль 1917 г.).....	32
<i>А.Н. Птицын</i> (Ставрополь) Чешские и словацкие предприниматели на юге России в годы Первой мировой войны.....	49
<i>Д. Кодаева</i> (Братислава) Россия в Великой войне в памяти словаков: неприятель или славянская страна?.....	57
<i>Ю. Бенко</i> (Братислава) Репатриация военнопленных из России в Габсбургскую монархию в контексте проявлений социального радикализма в последний год Первой мировой войны.....	75
<i>И.В. Крючков</i> (Ставрополь) Чешские и словацкие военнопленные на территории Центрального Предкавказья в 1914–1917 гг.	91
<i>Г.В. Рокина</i> (Йошкар-Ола) Австро-венгерские военнопленные Первой мировой войны в Марийском крае.....	102
<i>Е.П. Серапионова</i> (Москва) Политика чехословацких властей в отношении возвратившихся из России легионеров, военнопленных и реэмигрантов.....	113
<i>К.В. Шевченко</i> (Минск) Положение русинов Чехословакии в 1920-х гг. в освещении русинской прессы.....	128
<i>С.М. Слоистов</i> (Москва) Сложности национальной идентификации чехов, словаков и подкарпатских русинов в мемориальной работе.....	136
<i>С.И. Михальченко</i> (Брянск) Словакия и Подкарпатская Русь 1920-х гг. в «Воспоминаниях» Е.В. Спекторского.....	147
<i>М. Даниш</i> (Братислава) Дипломатическая миссия Йозефа Белая в Москве в 1939–1940 гг.....	152

Часть II

<i>Й. Бистрицкий</i> (Братислава)	
Проблематика освобождения Словакии в 1944–1945 гг. в словацкой историографии после 1989 г.	169
<i>В.В. Марьина</i> (Москва)	
Славянская идея в СССР накануне, во время и после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	180
<i>О.В. Павленко</i> (Москва)	
1945 г. в странах Центральной Европы: по воспоминаниям солдат и офицеров Красной армии	195
<i>С. Мичев</i> (Банска-Бистрица)	
Социальные аспекты в политике Словацкого национального совета — главного политического органа Словацкого национального восстания.....	208
<i>Я.Ю. Кресан</i> (Москва)	
Тема памяти в словацкой и чешской военной прозе второй половины XX в.	217
<i>Н.В. Шведова</i> (Москва)	
Вторая мировая война в поэзии Мирослава Валека 1960-х гг.	221
<i>М. Завацка</i> (Братислава)	
Слухи, сплетни, панические известия: неофициальная информация в годы Второй мировой и холодной войн	230

Часть III

<i>Г.П. Мурашко</i> (Москва)	
Как и где решалась судьба венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны (по материалам российских архивов)	243
<i>М. Шмигель</i> (Банска-Бистрица)	
Советская репатриационная операция в Словакии (1944–1950 гг.) как фактор последствий войны	257
<i>Л.Ф. Широкова</i> (Москва)	
Историческая память в отражении художественной литературы (тема преследования духовенства и верующих в Словакии в 1950-х гг.)	270
<i>А.С. Стыкалин</i> (Москва)	
Память о венгерских событиях 1956 г. в период Пражской весны 1968 г.	279
<i>Э.Г. Задорожнюк</i> (Москва)	
Специфика протестных настроений в Словакии в послеавгустовское десятилетие (1969–1979 гг.)	288
<i>Н.В. Коровицына</i> (Москва)	
Социально-структурные изменения в Словакии после 1989 г.	305
<i>Г.П. Мельников</i> (Москва)	
Интерпретация гуситских войн в словацкой историографии второй половины XX в.	317
Сведения об авторах	328
Именной указатель.....	330

ВВЕДЕНИЕ

Российско-словацкие отношения имеют многовековую историю. Для их тщательного изучения в 2004 г. была образована Комиссия историков России и Словакии. Естественно, что она использовала опыт сотрудничества существовавшей до 1990-х гг. советско-чехословацкой комиссии историков. Вновь созданную Комиссию со словацкой стороны возглавил славист, научный сотрудник Института истории Словацкой академии наук (САН) д.н. М. Барновский, а с российской — директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (РАН) акад. В.А. Тишков.

За эти годы поочередно в Братиславе и Москве состоялись четыре заседания, в рамках которых прошли научные конференции, посвященные российско-словацким контактам и взаимным представлениям на различных исторических этапах¹. По результатам первых конференций вышли в свет два сборника статей².

К глубокому прискорбию, и словацкая, и российская части Комиссии понесли утраты. Скончались первый председатель словацкой части Комиссии М. Барновский, член Комиссии Б. Глава, секретарь российской части комиссии М.Ю. Досталь. ***Их светлой памяти мы посвящаем эту книгу.*** В силу этих и ряда других причин был обновлен первоначальный состав совместной Комиссии. Словацкую часть возглавила к.н. Т. Ивантышинова (Институт истории САН, Братислава), вице-председателем словацкой части стала доц., к.н. Л. Гарбулева (Институт истории Прешовского университета), секретарем — д-р Д. Кодаева (Институт истории САН). Членами Комиссии со словацкой стороны в настоящее время состоят: к.н. Ю. Бенко, к.н. М. Завадска (Институт истории САН);

¹ О конференциях см.: *Досталь М.Ю.* Первое заседание Комиссии историков России и Словакии // Славяноведение. 2007. № 1. С. 120–122; *она же.* Второе заседание Комиссии историков России и Словакии в Москве 2–4 октября // Славяноведение. 2008. № 5. С. 116–121; *она же.* Третье заседание Комиссии историков России и Словакии в 2010 году // Славяноведение. 2011. № 4. С. 116–118; *Дронов М.Ю.* Четвертое заседание Комиссии историков России и Словакии. Международная научная конференция «Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память» // Словакия. 2012. № 1. С. 12–17; информация М.Ю. Дронова о конференции 2012 г. также была сдана для публикации в редакции московских изданий «Вестник РГНФ» и «Славянский альманах». О работе Комиссии историков России и Словакии см. также: *Задорожнюк Э.Г.* Российские и словацкие историки: вместе, нельзя врозь // Российский совет по международным делам. Блоги. 2012. 19 декабря. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/tiacexperts/?id_4=268

² См.: Русские и словаки в XIX–XX вв.: контакты, взаимодействие, стереотипы. Материалы Международной научной конференции, приуроченной ко Второму заседанию Комиссии историков России и Словакии (Москва, 2–4 октября 2007 г.). М.-Йошкар-Ола, 2007. 224 с.; *Ivantyšinová T., Kodajová D. a kol.* Východná dilema strednej Európy. Bratislava, 2010. 253 s.

к.н. Й. Бистрички, (Институт военной истории, Братислава); проф., к.н. М. Даниш (Философский факультет Университета им. Коменского, Братислава); к.н. С. Мичев (Музей Словацкого национального восстания, Банска-Бистрица); доц., к.н. М. Шмигель (Университет им. Матая Бела, Банска-Бистрица).

Российскую часть Комиссии с октября 2012 г. возглавляет чл.-корр. Л.П. Репина (Институт всеобщей истории РАН), ее заместителем стала д.и.н. Э.Г. Задорожнюк, секретарем — М.Ю. Дронов. Членами российской части Комиссии являются: почетный вице-председатель российской части Комиссии, д.и.н. В.В. Марьина, д.и.н. Г.П. Мурашко, д.и.н. Е.П. Серапионова (Институт славяноведения РАН), проф., д.и.н. Л.П. Лаптева (МГУ), доц., к.и.н. О.В. Павленко (РГГУ), проф., д.и.н. Г.В. Рокина (Марийский государственный университет), проф., д.и.н. И.В. Крючков (Северо-Кавказский федеральный университет), проф., д.и.н. С.И. Михальченко (Брянский государственный университет).

Последнее заседание комиссии состоялось 16–18 октября 2012 г. в Москве. Научная конференция, организованная в основном при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 12-01-14090), носила название «Социальные последствия войн и конфликтов XX в.: историческая память».

В конференции приняли участие более 40 ученых из России и Словакии, заслушаны и обсуждены 26 докладов. Доработанные с учетом вопросов и замечаний выступления легли в основу научных статей, предлагаемых вашему вниманию.

Сборник посвящен двум важным проблемам: социальным последствиям войн и конфликтов XX в. и исторической памяти. Нашим предкам в XX столетии выпало пережить две мировые войны и большое количество конфликтов, в том числе вооруженных. Память о военных событиях, связанная с тяжелыми испытаниями, утратами и переживаниями, до сих пор жива у свидетелей тех лет. С течением времени коллективная память неизбежно героизируется и мифологизируется, не в последнюю очередь под влиянием официальной идеологии. Во многом этому способствует и отражение памяти о войне в художественном творчестве, литературе, искусстве, кино. Поэтому реконструкция реальных событий и процессов на основе существующих документов, свидетельств и отчасти художественных произведений, воссоздающих атмосферу времени, становится значимой задачей историка.

Открывает сборник статья «Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии» чл.-корр. РАН Л.П. Репиной. Вероятно, здесь уместно представить нового главу российской части Комиссии: Л.П. Репина — заместитель директора Института всеобщей истории РАН, президент Общества интеллектуальной истории, главный редактор журнала «Диалог со временем» и ежегодника «Адам и Ева», член редколлегии журнала «Новая и новейшая история», автор восьми книг, в том числе недавней монографии «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика» (М., 2011. 560 с.), 350 статей и других научных публикаций.

Первая часть книги посвящена социальным последствиям Первой мировой войны. В нее вошли 13 статей, посвященных таким проблемам, как: новые подходы к изучению социальных последствий Первой мировой войны в историо-

графии, изменение положения чешских и словацких предпринимателей в связи с началом войны, положение чешских и словацких военнопленных в России и их возвращение на родину, формирование Чехословацкого корпуса на российской территории, социальная политика чехословацкого правительства в отношении возвратившихся из России легионеров, военнопленных, реэмигрантов, положение русинского меньшинства Словакии в 1920-х гг., образ межвоенной Словакии в воспоминаниях русского эмигранта Е.В. Спекторского, особенности и сложности в национальной идентификации чехов и словаков в СССР в 1920–1940-х гг., отражение советских реалий в воспоминаниях словацкого дипломата Й. Белайя в конце 1930-х гг.

Во вторую часть сборника включены статьи, связанные с событиями Второй мировой войны и послевоенным развитием. Авторы рассматривают исторические проблемы: изменения роли Славянской идеи в политике СССР накануне, в годы и после Второй мировой войны, соотношения официальной пропаганды и неофициальной информации в годы Второй мировой и холодной войн, сохранения и использования воспоминаний солдат и офицеров о войне как исторического источника, социального законодательства и социальной системы Словацкого национального восстания, его освещения в советской периодике, послевоенной репатриации, роли памяти о венгерских событиях 1956 г. в период принятия решений о подавлении Пражской весны 1968 г., религиозной составляющей словацкого оппозиционного течения в период «нормализации». В их поле внимания также социокультурные проблемы отражения Второй мировой войны и послевоенных событий в чешской и словацкой литературе и искусстве. Заключает сборник статья, связанная с интерпретацией гуситских войн в исторической памяти словаков в XX столетии.

Хочется верить, что настоящая книга привлечет внимание как специалистов-гуманитариев, так и самого широкого круга читателей, интересующихся историей российско-словацких связей и другими проблемами, поднятыми в коллективной публикации.

Е.П. Серапионова,
М.Ю. Дронов

Л. П. Репина
(Москва)

ФЕНОМЕН ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ И В ПЕРСПЕКТИВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Разнообразие тематики современных исторических исследований наглядно демонстрирует имеющиеся в ней приоритеты и основные направления теоретических поисков. В широком диапазоне исследовательских подходов центральное место занимает антропологически ориентированная социокультурная история. Это и весьма обширный корпус работ, нацеленных на анализ исторических типов и форм межкультурного взаимодействия, и проблема индивидуальной и коллективной идентичности, и, наконец, проблема соотношения истории и памяти, которая быстро оказалась в фокусе современной историографии. Внимание к феномену исторической памяти было привлечено в результате взаимодействия истории с другими науками о человеке и обществе. Взаимоотношения памяти и истории рассматриваются представителями различных областей социогуманитарного знания с разных позиций и соответственно с весьма различными результатами. Так, например, в самом общем виде психологи обычно определяют память как отражение сознанием того, что было в прошлом опыте, путем запоминания, воспроизведения и узнавания. Но это сугубо ментальное явление, с которым имеют дело психологи, превращается в социально-ментальное или социокультурное, когда речь идет о социологическом анализе, который фокусирует внимание на коллективном, нормативном и культурно-семиотическом аспектах памяти о прошлом.

Ситуация рубежа веков во многом «подогрела» интерес к изучению мифов коллективной памяти, которые поддерживают претензии той или иной общности на высокий статус, материальные, территориальные, политические и иные преимущества в настоящем и базируются на процедурах стереотипизации. Социально сконструированные исторические мифы, воспринимаемые как достоверные «воспоминания» и составляющие значимую часть данной картины мира, играют важную роль в ориентации, самоидентификации и поведении индивида, и сегодня в историографии (вслед за социологией и антропологией) на передний план вышла проблема изучения роли памяти в историческом конструировании коллективной идентичности. Процесс самоидентификации рассматривается как «процедура придания смысла» (на основе жизненного опыта или культурного присвоения унаследованного коллективного опыта). Социальная память «вырастает» из разделяемых или оспариваемых смыслов и ценностей прошлого, которые «вплетаются» в понимание настоящего и в проекции будущего. Обра-

зы прошлого, составляющие важную часть коллективной идентичности, могут служить легитимации существующего порядка, выполняя функцию позитивной социальной ориентации, или же, наоборот, противопоставлять ему ностальгический идеал утраченного «золотого века», формируя матрицу негативного восприятия происходящего.

Историческая память всегда мобилизуется и актуализируется в сложные периоды жизни нации, общества или какой-либо социальной группы, когда перед ними встают новые трудные задачи или создается реальная угроза самому их существованию. В связи с этим возникает потребность в анализе формирования отдельных исторических мифов, их бытования, маргинализации или реактуализации в обыденном историческом сознании, их использования и идеологической переоценки, в том числе в сменяющих друг друга или конкурирующих нарративах национальной истории. В процессе коммуникаций происходит постоянный отбор событий, в результате чего некоторые из них подвергаются забвению, в то время как другие сохраняются, обрастают смыслами и превращаются в символы групповой идентичности. Решающая роль в конституировании коллективной идентичности принадлежит памяти о центральных событиях прошлого, будь то в модели «национальной катастрофы» или в модели «триумфа». Конфликтующие нарративы идентичности являются эффективным инструментом мобилизации масс вокруг политических программ. Каждое новое поколение людей ищет в прошлом ответы на вопросы, которые волнуют его сегодня, и потому идет процесс неизбежных пересмотров и смены ракурсов в рассмотрении прошлого. В этом плане перед историком памяти стоит задача изучить весь комплекс факторов, воздействовавших на интерпретацию и трансформацию образов «ключевых» событий.

Не меньше трудностей представляет анализ средств контроля над исторической памятью. Как известно, «тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее». Речь идет об исторической легитимации как источнике власти и об использовании исторических мифов для решения политических проблем. Известно, что борьба за политическое лидерство нередко проявляется как соперничество разных версий исторической памяти и разных символов ее величия и позора, как спор по поводу того, какими эпизодами истории нация должна гордиться или стыдиться. Содержание коллективной памяти меняется в соответствии с социальным контекстом и практическими приоритетами. Активно навязываемый аудитории «удобный» образ прошлого становится нормой ее собственного представления о себе и формирует ее реальное поведение. И здесь обнаруживается обратная связь с важнейшими этическими проблемами исторической профессии, в числе которых как раз недопустимость «изобретения прошлого», его искажения и инструментализации в каких бы то ни было целях. Однако историография не обладает достаточно стойким иммунитетом от прагматических соображений: существует немало средств социального контроля — не только прямое давление или запреты, но и более мягкие, скрытые ограничения и особые «механизмы поощрения», которые так или иначе воздействуют на формирование различных историографических традиций.

В 1990-х гг. немецкий историк Ян Ассманн сформулировал задачи нового научного направления, которое он обозначил как *история памяти*¹. Он также ввел принципиальное различие между «живой» коммуникативной и символической культурной памятью — между устной традицией, возникающей из опыта пережитого и культивации воспоминаний в повседневной жизни, и традицией формализованной, выходящей за рамки опыта отдельных людей или групп и выраженной в памятных местах, датах, церемониях, памятниках. По Ассманну, культурная память, передаваясь из поколения в поколение, удерживает лишь наиболее значимое прошлое — мифическую историю; таков результат параллельного функционирования культурных механизмов запоминания и забывания. Одной из наиболее дискутируемых в рамках этого направления является проблема соотношения индивидуальной и коллективной памяти. Индивидуальная память многопланова: она включает персональный, социокультурный и исторический планы. Наряду с собственным жизненным опытом она подразумевает приобщение к опыту социальному и его присвоение, в результате чего отдаленные в пространстве и времени факты истории включаются в индивидуальное сознание. Огромное значение в этом процессе имеют устные «домашние хроники», рассказы старших о событиях прошлого, которые в той же мере, что и непосредственно переживаемые события, формируют индивидуальную память, дополняя ее «воспоминаниями второго порядка». Здесь возникает и другая серьезная проблема, которая не ограничивается рамками изучения механизмов трансляции семейного опыта. Это проблема перехода от биологического ритма человеческой жизни к ритму жизни социальной, через плотную сеть межличностных связей, порождаемую единовременным сосуществованием и неразрывной последовательностью смены поколений. Посредством трансляции накопленного опыта, как позитивного, так и негативного, обеспечивается связь между поколениями. Тема «Конфликты в исторической памяти поколений» представляет одно из важнейших исследовательских полей в истории памяти².

В современном общественном сознании понятие «поколение» обычно опирается на общность социальных переживаний и деятельности относящихся к этой группе людей. Длительность поколения в культурно-историческом смысле зависит от скорости обновления общества: чем быстрее перемены, тем короче поколения, тем плотнее пространство их взаимодействия и тем ярственнее выступают и осознаются различия между поколениями. В результате смены поколений изменяется содержание коллективной памяти. Главным предметом

¹ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. См. также: Эксле О.Г. «История памяти» — новая парадигма исторической науки // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2011. С. 75–90.

² Данная проблематика была разработана в рамках Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов», реализованной в 2009–2011 гг. Результаты научной работы опубликованы в кн: Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2012. 336 с.

истории памяти является не событие прошлого, а *память* о нем, тот *образ*, который запечатлелся у переживших его участников и современников как некий «общий опыт, пережитый совместно», транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях как исторический опыт, отложившийся в памяти человеческой общности. Особое значение имеет сопоставление воспоминаний о крупных исторических событиях: а) «первого поколения», пережившего события в сознательном возрасте; б) «второго поколения» («отцов» и «детей» в буквальном или фигуральном смысле) и в) «третьего поколения»; т. е. памяти смежных поколений, по-разному воспринимающих и оценивающих одни и те же события. При всей своей условности выражение «память поколения» имеет содержательную сторону, отражающую некую общность культурно-исторического опыта, организованную вокруг ключевого для этого поколения События-Конфликта. Если у участников, свидетелей или разновозрастных современников исторического события получаемая извне информация (интерпретация события) в той или иной степени соотносится с личным опытом, то представители последующих поколений за отсутствием личного опыта относительно события воспринимают его готовую схему³. Если для «второго поколения» эти события — все еще факты их «живого прошлого», то для представителей «третьего поколения» образы этих событий становятся достаточно абстрактными: это уже не часть собственной биографии, а часть истории. С окончательным уходом из жизни тех, для кого события являлись фактом собственной биографии, субстанция коллективной памяти исчезает и замещается довольно приблизительными коллективными представлениями.

Зафиксированные коллективной исторической памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в конкретных ситуациях. Изменения в интересе к историческому событию и в восприятии его последующими поколениями связаны с переменами в социальных условиях и в общественном сознании. При этом сами мемориальные клише, на которые опирается память, не изменяются, а замещаются другими, столь же устойчивыми стереотипами или мифами, которые выполняют в жизни социума важнейшую роль, моделируя поведение индивидов и социальных групп, создавая образы будущего, настоящего и прошлого, мобилизуя и направляя активность общества на реализацию определенной цели. Являясь фактором консолидации и интеграции общества, миф может способствовать разрешению противоречий, нейтрализации социальных конфликтов. Однако миф может нести в себе как позитивную, так и негативную энергию.

³ Нуркова В. В. Историческое событие как факт автобиографической памяти // Вопрежаемое прошлое Америки. История как культурный конструкт. М., 2001. С. 22–23. См. также: *Она же*. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М., 2000. 320 с.; *Она же*. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. № 2. С. 77–87; *Она же*. Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 17–25.

Исторические мифы, построенные на противопоставлении «мы — они», представляют обратную сторону социального мифа, который служит условием интеграции и снижения внутренней конфликтности общества на основе неприятия, инородности «чужого». Конфликтная историческая память преследует цель концентрации внимания общества на образе врага, отвлекая от насущных проблем и заслоняя реальные потребности мнимыми (например, в мифологической картине советского человека образ врага отразился в идее обострения классовой борьбы по мере дальнейшего развития социализма). Распространение мифов разрушительной направленности создавало лишь временный эффект сплочения и мобилизации общества, провоцируя внутренние конфликты. Мифы исторической памяти могут служить и мотивации внешних конфликтов. Выделяются такие, например, характерные структурные элементы этноцентристской и националистической исторической мифологии, призванной сплотить своих приверженцев и определенным образом направлять их действия, как мифы о «золотом веке», «славных предках», «заклятом враге» и многие другие. В ряде научных проектов Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН была поставлена задача предметно проанализировать генезис, структуру, социальное функционирование и механизм замещения наиболее живучих исторических мифов и стереотипов в стабильные и переломные эпохи истории⁴. При этом авторы исходили из того, что происходящие в обществе перемены порождают новые вопросы к минувшему, трансформируя сложившиеся представления об истории. И чем значительнее общественные изменения, тем радикальнее меняются и представления о прошлом, оказывая, в свою очередь, обратное влияние на социальные процессы.

В современной ситуации все больший интерес вызывают проблемы репрезентации исторического прошлого, его удержания, замещения или «подавления» в исторической памяти, механизмы трансформации и способы актуализации воспоминаний в массовом историческом сознании. История XX в. дает яркие примеры манипуляций с памятью и забвением. В условиях современной культуры восстановить смысл прошлого, опираясь на традицию, на прошлый опыт, уже не представляется возможным, поскольку сама «историческая традиция» подвергалась переосмыслению неоднократно. В условиях кризиса коллективных форм исторической памяти социум оказывается в сложной ситуации множественности и неопределенности собственной биографии, в отсутствие общезначимого прошлого. Особой стороной исследования исторической памяти выступает рассмотрение тех моментов, когда ее коллективное и персональное начала находятся в противоречии или в конфликте друг с другом. В отношении феномена «расколотой» исторической памяти, наполненной конфликтами, разночтениями, против-

⁴ См. книги, изданные в серии «Образы истории» издательства «Кругъ»: Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2003. 408 с.; История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. 768 с.; Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. 800 с.; Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. 960 с.

положными мнениями об одних и тех же событиях в прошлом, большое значение имеет обращение к автобиографическим версиям происходивших событий.

«Меморизация» — это сложный процесс соединения отдельных воспоминаний и сведений о прошлом в социальной памяти. По существу, прошлое сохраняется путем изъятия его из контекста, поэтому передача памяти — это всегда трансформация, «проработка прошлого»: вытеснение одних фактов и отбор других, хотя роль «культурной амнезии» в стереотипизации и мифологизации представлений о *недавно пережитом* опыте при радикальной смене идейно-ценностных ориентиров социума историкам еще предстоит исследовать.

В течение последних полутора веков неуклонно сокращается временной лаг, отделяющий историческое событие от момента его теоретического осмысления историком-профессионалом. Специалист по новейшей истории имеет возможность вступить в очный диалог с героями своего будущего исследования — от знаковых фигур первого и второго планов до рядовых обывателей. Как в процессе сбора материалов для исследования, так и в процессе публикации его результатов исследователь *в реальном пространстве и реальном времени* сталкивается с современниками событий, которые он изучает, и получает уникальную возможность опросить живых свидетелей, уточнить какие-то уже известные детали и выявить подробности, о которых умалчивают документы. Еще живы люди, которые хранят память о былом в его незавершенности и пытаются понять как смысл минувших событий, так и свое место в них. Настоящее не является для них единственно возможным следствием прошлого, непосредственное восприятие которого сохранилось в их памяти, причем оставшиеся в живых непосредственные участники исторических событий весьма болезненно реагируют на предпринимаемые историками попытки демифологизации, ибо многие мифы были неотъемлемой частью их биографии и в этом качестве не утратили для них свой непреходящей ценности⁵.

Особое внимание в современных *memory studies* уделяется массовым представлениям о прошлом. Как показано во многих исследованиях на базе эмпирических данных, представления о прошлом действительно играют существенную роль в национальной, политической и других формах идентификации: в этом случае от содержания представлений о прошлом во многом зависит общественный консенсус в настоящем и общность или разнообразие социальных ожиданий. Содержание массового исторического сознания в огромной степени определяется конкретным национальным опытом. В исторической литературе можно, например, найти сопоставление отношения к прошлому европейцев и жителей стран Нового Света, история которых была короткой, и знания о прошлом связаны преимущественно с историей XX в., к тому же американцы не демонстрируют характерной для европейской мысли склонности к трагическому восприятию прошлого, потому что оно было для них менее конфликтным. В связи с этим нельзя не упомянуть интересное исследование И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, которое было проведено на основании результатов социологических исследований,

⁵ Подробнее об этом см.: *Экшутт С.А.* Битвы за храм Мнемозины // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 27–48.

проводившихся в 1990-х гг. в США, что позволило выявить некоторые особенности национальной памяти, высокую степень общественного согласия и единства поколений в отношении национального прошлого (расхождения не дотягивают и до 10%)⁶.

Пристальное внимание в российских исследованиях уделяется функциям памяти и формам ее воплощения в литературе, кинематографе и музыкальных произведениях, монументальных мемориалах и архивах, устных и письменных свидетельствах, правительственных и неправительственных организациях и, наконец, в средствах массовой информации, особенно в связи с памятью о Великой Отечественной войне, которая не только сформировала духовный облик людей фронтового поколения, но и на протяжении последующих лет занимала важнейшее место в общественном сознании. В исследованиях И.В. Ребровой об исторической памяти советского и постсоветского общества в мемуарах о Великой Отечественной войне показано, как существенно менялись оценки событий и общая картина войны под воздействием идеологической и политической ситуации. Первые воспоминания о Великой Отечественной войне стали появляться уже в ходе войны по мере освобождения оккупированных территорий. Для исторического сознания общества на этом этапе были характерны установка на героизацию, уверенность в скорейшей победе, ненависть к захватчикам. В первое послевоенное десятилетие, которое характеризуется ужесточением контроля власти за массовым сознанием, была сформирована концепция войны как символа веры и доказательства преимущества социализма. История Великой Отечественной войны прочно вошла в идеологический багаж КПСС, стала неотъемлемой частью официальной идеологии. В конце 1940-х гг. изменилось отношение в массовом сознании к недавним союзникам, причем негативное отношение, возникшее еще в начале холодной войны, оставалось главенствующим в общественном сознании и одной из тем воспоминаний вплоть до окончания противоборства двух систем в конце 1980-х гг. Показательно, что в мемуарах о Великой Отечественной войне в 1960–1980-х гг. тесно переплетаются два среза повествования. С одной стороны, прошедшая война представлялась как событие всемирно-исторического значения, а с другой стороны, каждый мемуарист, описывая свое участие в Великой Отечественной войне, становился органической частью ее истории. Одно из наиболее серьезных изменений в новой картине войны периода «оттепели» было связано с переоценкой личности и деятельности И.В. Сталина. Впервые с момента окончания войны мемуаристы стали писать о негативных сторонах ее истории: о причинах неудач Красной армии в 1941 г., о предателях и изменниках Родины. С конца 1960-х в условиях ужесточения цензуры мемуары о войне вновь стали действенным средством создания привлекательного образа Сталина. Новый виток развития мемуаристики о Великой Отечественной войне в конце 1980-х — начале 1990-х гг. был вызван окончанием холодной войны и распадом социалистической системы. Постепенно акценты

⁶ Савельева И.М., Полтаев А.В. Исторические знания американцев // *Время — История — Память: Проблемы исторического сознания* / Ред. Л.П. Репина. М., 2007. С. 289–318. См. также: *Они же*. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М., 2008. 456 с.

в военных мемуарах сдвинулись с роли партии на простого солдата и работника тыла. Широкое празднование последних юбилейных дат Победы показывает, что новые властные структуры стремятся использовать историческое прошлое как интегрирующий фактор⁷.

Нельзя не отметить интересный пример обращения к теме восприятия недавнего прошлого глазами трех поколений, условно «дедов», «родителей» и «детей», на материале эпохи перестройки. Т.Ю. Тимофеева, используя документы из фонда М.С. Горбачева, материалы ВЦИОМа, работы ведущих российских социологов Ю. Левады и Б. Грушина, а также собственный опрос-исследование (москвичи, 250 опросных листов), продемонстрировала существенные изменения и поколенческие различия в восприятии перестройки⁸. Поколение «детей» на первое место в оценке значимости событий поставило катастрофу в Чернобыле и вывод войск из Афганистана, судьба КПСС их не интересует вообще. Начиная с «родителей», картина резко меняется. Абсолютной доминантой становится распад СССР, который делит первое место с развалом социалистического лагеря, и лишь на втором месте — чернобыльская катастрофа. Общая оценка эпохи Горбачева вскрыла во всех возрастных группах резкую поляризацию мнений, разделившихся почти пополам между «возвращением России на путь западной цивилизации» и «национальным предательством». У «детей» перевес «возвращения» наиболее резок (41 : 13). Практически на три части разделились «родители»: «возвращение», «предательство» и собственные оценки в равных долях. Старшее поколение, что интересно, возвращается к незначительному перевесу «возвращения» над «предательством». Конечно, различия в восприятии эпохи разными поколениями объективны. Однако интересен не столько их факт, сколько рубежи разногласий, что может помочь и в прогнозировании поведения.

В связи со всем вышесказанным возникает важный вопрос о перспективах проблематики исторической памяти в конфликтологии. Как известно, конфликтология как особая научная дисциплина в Советском Союзе не существовала. Однако важное место концепта «конфликт» в советской идеологической системе определялось принципиальными для ее конституирования положениями «борьбы противоположностей», «классового антагонизма», «столкновения сил прогресса и реакции» и т. п. Соответственно в советском обществоведении и, в частности, в историографии одним из приоритетных исследовательских

⁷ Реброва И.В. Историческая память советского и постсоветского общества, отраженная в мемуарах о Великой Отечественной войне поколений // Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте. Тезисы Международной научной конференции. М., 2006; *Она же*. Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический аспект (на материалах Краснодарского края): Автореф. ... дис. к.и.н. СПб., 2005; *Она же*. Великая Отечественная война в памяти фронтового поколения: на материалах устных воспоминаний // Науки о культуре в новом тысячелетии. Ярославль, 2007. С. 237–241; и мн. др. См. также публикацию материалов: Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования / Сост. И.В. Реброва, С.С. Сачук, Е.Н. Стрекалова. СПб., 2008. 292 с.

⁸ Тимофеева Т.Ю. Эпоха Михаила Горбачева глазами трех поколений // Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте. Тезисы Международной научной конференции. М., 2006.

направлений было изучение социальных конфликтов (революций, народных движений, крестьянских войн и т. п.) в русле марксистско-ленинской теории классовой борьбы. При этом конфликт оказывался неизбежно встроенным почти в любую интерпретационную модель, подвергаясь спецификации относительно конкретного исторического периода через набор стереотипных формул, выведенных из общей схемы смены общественно-экономических формаций. Кстати, популярные обобщающие исторические издания советского времени (особенно в разделах, посвященных наиболее конфликтным периодам советской истории — Гражданской и Великой Отечественной войнам) зачастую представляют официальную модель исторического развития страны в наиболее ясном виде, обозначая в то же время ее очевидную связь с мифологемами массового сознания, что дает возможность анализировать способы репрезентации истории в советской культуре в их соотношении друг с другом⁹.

С конца 1980-х гг. у нас начала формироваться конфликтология как специальная научная и учебная дисциплина, причем речь идет, как правило, о политической конфликтологии. Однако существует и развивается (особенно в связи с проблематикой идентичности) *историческая конфликтология*. Между тем в содержательной части курсов «исторической конфликтологии» собственно историческая составляющая практически сводится к истории конфликтологии, а еще точнее — к истории политологии. Историко-антропологическая проблематика, или социокультурная история, в рамках которой выделилась история памяти, в конфликтологических работах остается за кадром¹⁰, что на мой взгляд, их существенно обедняет, лишая полезного концептуального инструментария. А ведь изучение сохранившихся в исторической памяти образов социальных конфликтов и кризисов разных эпох задействует важную, но лишь одну из возможных конфликтологических перспектив. В другой, еще не раскрытой, но весьма многообещающей перспективе речь должна идти об исследовании роли тех или иных партикулярных версий исторической памяти в сознании и поведенческих стратегиях ее индивидуальных и социальных носителей¹¹. К сожалению, вопрос о реализации такой исследовательской оптики в работах по так называемой исторической конфликтологии даже не ставится, несмотря на очевидные достижения социально-антропологического подхода, который позволяет выявить собственную логику поведения участников социального взаимодействия, в том числе их поведения в конфликтной ситуации, и дать, таким образом, новое прочтение этих ситуаций — сквозь призму культурных представлений, верований, убеждений, эмоций, ценностей, идеалов исторических акторов.

⁹ См., например: *Котылев А.Ю.* Историческая конфликтология в северном контексте: советский популярный вариант // Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте. Тезисы Международной научной конференции. М., 2006.

¹⁰ См.: Современная конфликтология в контексте культуры мира. Материалы I Международного конгресса конфликтологов. М., 2001. 592 с.

¹¹ *Чеканцева З.А.* Конфликты в пространстве французского Старого порядка: теоретические аспекты современной историографии // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций: Сб. статей. М., 2009. С. 296–304.

Часть I

*Г. Дудекова
(Братислава)*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ — ИМПУЛЬСЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Целью настоящей статьи является проследить новые тренды в исследованиях социальных последствий Первой мировой войны и обратить внимание на их проявления в словацкой, чешской, а частично также в венгерской и австрийской историографии. Изменения исследовательской парадигмы Первой мировой войны в Западной Европе, которая эволюционировала от изучения военно-политических событий до истории повседневности и ментальности, до 1989 г. имели лишь небольшое влияние на чешско-словацкую и венгерскую историографию, а начиная с 1990-х гг. основное влияние на историографию Чехии, Словакии и Венгрии оказывают немецкие и австрийские исследования. И это естественно, так как следует из общего прошлого в рамках Габсбургской монархии. Хотелось бы подчеркнуть, что, хотя некоторые из социально-исторических и культурно-исторических теоретических концепций могут показаться сиюминутной модной тенденцией, они не только открывают возможности изучения менее привычных видов источников, но и предоставляют возможность для новых важных выводов и интерпретаций. Сегодня эти новые подходы к изучению социальной истории применяются при исследовании войн в различные исторические эпохи (например, наполеоновские войны, Вторая мировая война). Однако большинство из них стало применяться именно при исследовании Первой мировой войны.

Новые интерпретации Первой мировой войны

Причиной иной интерпретации событий и иных оценок Первой мировой войны за последние два десятилетия стали два основных фактора:

1. Дистанция во времени и изменение политической ситуации в Европе, связанное с окончанием холодной войны. Сегодня Первая мировая война воспринимается как прямая предшественница Второй мировой войны, как начало главного катаклизма XX в., завершеного лишь после холодной войны. Основное внимание сосредоточилось уже не на военной истории и истории дипломатии и не на всеобщей политической истории, сегодня в центре

* Работа выполнена при помощи Агентства по поддержке исследований и развития, договор № APVV-0119-11.

исследований оказались социальные последствия войны для населения стран-участниц.

2. Изменения во взглядах на последствия войны обусловили и новые подходы к социальной истории, начиная с классических и заканчивая новейшими постмодернистскими теориями¹.

Практически в историографии до 1950–1960-х гг. основное внимание уделялось политическим, а точнее говоря, военным и дипломатическим аспектам Первой мировой войны. Важную политическую роль имело выяснение причин возникновения войны и возложение вины за развязывание Первой мировой войны на Германию и Австро-Венгрию. Важное место в немецкой историографии имел так называемый *Historikerstreit* («битва историков»), самокритичное переосмысление Германией вопроса о собственной доле ответственности за развязывание и последствия обеих мировых войн.

В отличие от немецкой, в английской и французской историографии вопросы влияния войны на население, экономику, снабжение, а также долговременные демографические последствия войны, проявившиеся, например, в увеличении смертности (особенно мужчин), снижении рождаемости и количества браков во время войны, что стало причиной значительного превышения численности женщин в некоторых возрастных категориях, начали рассматривать уже ранее. Начиная с 70-х гг. XX в. в исследованиях становятся важными так называемые классические вопросы социальной истории, т. е. влияния чрезвычайной военной ситуации и послевоенной разрухи на экономику и отдельные слои населения, особенно на рабочий класс², на забастовочное движение как причину краха военных политических режимов и возникновение левых революций в Европе³. Важным вопросом стало влияние войны на более широко трактуемые изменения в обществе⁴. Особое место заняла, особенно в историо-

¹ Из новейших оценок специальной литературы о Первой мировой войне в международной компаративистике см.: *Krumeich G., Hirschfeld G. Die Geschichtsschreibung zum Ersten Weltkrieg // Enzyklopädie des Ersten Weltkrieges. Aktualisierte und erweiterte Studienausgabe / Eds. G. Hirschfeld, I. Renz. Paderborn – München – Wien – Zürich, 2009. S. 304–315; The Great War in history. Debates and controversies, 1914 to the present / Eds. J. Winter, A. Prost. Cambridge – New York, 2005; Hirschfeld G. Der Erste Weltkrieg in der deutschen und internationalen Geschichtsschreibung // Politik und Zeitgeschichte. 2004. Band 29–30. URL: http://www.erster-weltkrieg.clio-online.de/_Rainbow/documents/poluzeit/apuz_hirschfeld.pdf.*

² Классической работой немецкой историографии является монография историка Йюргена Кокки. См.: *Kocka J. Klassengesellschaft im Krieg. Deutsche Sozialgeschichte 1914–1918. Göttingen, 1978.*

³ Постепенно в этом направлении возникали компаративистские работы, классикой стала: *The Upheaval of War. Family, Work and Welfare in Europe, 1914–1918 / Eds. R. Wall, J. Winter. Cambridge – New York, 1988.*

⁴ Интересны работы британского историка Артура Марвика, который исследовал процесс социальных изменений, начатый войной не только в Британии, но и в Европе, и в США: *Marwick A. Total war and Social Change. Houndsmill – London, 1998; Marwick A. War and social change in the twentieth century. A comparative Study of Britain, France, Germany, Russia and the United States. London – Basingstoke, 1979.*

графии государств советского блока, Великая Октябрьская социалистическая революция и ее влияние⁵.

Однако в западноевропейской и североамериканской исторической науке в 1980-х гг. на передний план выходит вопрос о том, как пережил войну так называемый обыкновенный, рядовой человек на фронте и в тылу. Подобная так называемая история снизу, т. е. с точки зрения обыкновенных людей, должна была заполнить пустоты в толковании классической социальной истории классовых структур, в которых терялась отдельная личность. Она призвана была стать и прямой противоположностью «истории сверху», главными действующими лицами которой были видные политики, дипломаты, генералы, военачальники. Описываемый новый подход, проникший с середины 1980-х гг. и в классическую немецкую военную историю⁶, открыл возможность работы с мало используемыми до тех пор историческими источниками. Мемуары и корреспонденция выдающихся деятелей изучались и до того, но теперь внимание стало обращаться на региональную прессу, фронтовые газеты, мемуары и переписку людей, менее значительных, особенно на фронтовую/полевую почту⁷. Одновременно с этим начинается исследование повседневной жизни во время войны так называемого военного опыта солдат и гражданского населения⁸ и влияния войны на ментали-

⁵ С 1990-х гг. и в российской историографии произошла переоценка первоначальной марксистской интерпретации социального кризиса и революционной ситуации в конце Первой мировой войны. См. об этом, например: Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquiuma. Санкт-Петербург, 1999.

⁶ *Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten* / Ed. W. Wette. München – Zürich 1992; *Ulrich B.* «Militärgeschichte von unten». Anmerkungen zu ihren Ursprüngen, Quellen und Perspektiven im 20. Jahrhundert // *Geschichte und Gesellschaft*. 1996. 22. S. 473–503.

⁷ Особенно этот тип источников первоначально использовался в британской и французской историографии, в немецкой историографии его стали систематически использовать лишь с начала 1990-х гг. С методологической точки зрения внимания заслуживают работы немецких историков Петера Кноха, Клауса Латцела и Бернда Ульриха, который сопоставил письма с фронтов Первой и Второй мировых войн. Подробнее см.: *Knoch P.* Feldpost – eine unentdeckte historische Quellengattung // *Geschichtsdidaktik*. 1986. 11. Heft 2; *Latzel K.* Vom Kriegerlebnis zur Kriegserfahrung. Theoretische und methodische Überlegungen zur erfahrungsgeschichtlichen Untersuchung von Feldpostbriefen // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*. 1997. 56. № 1. S. 1–30; *Knoch P.* Kriegsalltag. Die Rekonstruktion des Kriegsalltags als Aufgabe der historischen Forschung und der Friedenserziehung. Stuttgart, 1989; *Ulrich B.* Feldpostbriefe des Ersten Weltkrieges – Möglichkeiten und Grenzen einer alltagsgeschichtlichen Quelle // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*. 1994. 53. S. 73–83; *Ulrich B.* Die Augenzeugen. Deutsche Feldpostbriefe in Kriegs- und Nachkriegszeit 1914–1933. Essen, 1997.

⁸ *Volker U.* Kriegsalltag. Hamburg im Ersten Weltkrieg, Köln, 1982; *Kriegserfahrungen. Studien zur Sozial- und Mentalitätsgeschichte des Ersten Weltkriegs* / Ed. G. Hirschfeld. Essen, 1997; *Mommsen W.J.* Kriegsalltag und Kriegerlebnis im Ersten Weltkrieg // *Militärgeschichtliche Zeitschrift*. 2000. № 59. S. 125–138 и др. Из последних работ см.: *Buschmann N., Reimann F.* Die konstruktion historischer Erfahrung. Neue Wege zu einer Erfahrungsgeschichte des Krieges // *Die Erfahrung des Krieges. Erfahrungsgeschichtliche Perspektiven von der Französischen Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg* / Eds. N. Buschmann, C. Horst. Paderborn – München – Wien – Zürich, 2001. S. 261–271.

тет и изменение отношения населения к военному режиму⁹. Появляется новая сфера исторических исследований, так называемая история ментальности, которая занимается в том числе изучением памяти о войне, способах и культуре напоминания о военных событиях (Erinnerungs-Kultur)¹⁰.

Начиная с середины 1980-х гг. в число новых тем попадают исследования социальных последствий войны для семьи, положение женщин и детей в военное время, а также и влияние войны на женскую эмансипацию, в частности на получение ими избирательных прав¹¹. Сегодня используются также источники, полученные методом устной истории (oral history). Это относится в первую очередь ко Второй мировой войне, но существуют сборники свидетельств и о Первой мировой войне: например, в Институте этнологии САН находится сборник бесед с очевидцами Первой мировой войны (разговоры записаны в 1970-х гг.)¹²; в Австрийском университете имеется собрание интервью и мемуаров, из которых уже были составлены и опубликованы многие тематические выпуски, как, например, «Детство во время Первой мировой войны»¹³.

Последние 20 лет шла дискуссия о достоверности весьма специфического вида источников — так называемых эго-документов, особенно писем солдат с фрон-

⁹ «Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch...» Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs / Eds. G. Hirschfeld, I. Renz. Frankfurt a. M., 1996. Kriegserfahrungen. Studien zur Sozial- und Mentalitätsgeschichte des Ersten Weltkriegs / Eds. G. Hirschfeld, G. Krumeich, D. Langewiesche, P. Ulmann. Essen, 1997.

¹⁰ См. об этом: Fussell P. The Great war and Modern Memory. New York — London, 1975; War and remembrance in the twentieth century / Eds. J. Winter, E. Sivan. Cambridge — New York, 1999.

¹¹ Исследования были посвящены различным аспектам: участию женщин в войне, влиянию войны на семью, положение женщин, увеличение их занятости в годы войны, на процесс эмансипации женщин, рефлексии войны глазами самих женщин, ее отражению в литературе и других видах искусства. Обзор и оценку литературы см.: Daniel U.F. Enzyklopädie des Ersten Weltkrieges. Aktualisierte und erweiterte Studienausgabe / Eds. G. Hirschfeld, G. Hirschfeld, I. Renz. Padernborn — München — Wien — Zürich, 2009. S. 116–134; Hämmerle C. Von den Geschlechtern der Kriege und des Militärs. Forschungsergebnisse und Bemerkungen zu einer neuen Debatte // Was ist Militärgeschichte? / Eds. T. Kühne, B. Ziemann. Padernborn et. a., 2000. S. 229–262. В последнее десятилетие появились и компаративистские работы о положении женщин в годы Первой и Второй мировых войн, см.: Daniel U. Zweierlei Heimatfronten: Weibliche Kriegserfahrungen 1914 bis 1918 und 1939 bis 1945 im Kontrast // Erster Weltkrieg — Zweiter Weltkrieg. Ein Vergleich. Krieg, Kriegserlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland / Eds. B. Thoß, H.-E. Volkmann. Padernborn et. a., 2002. S. 391–409.

¹² Коллекция бесед, явившаяся результатом полевых исследований в 1970 и в начале 1980-х гг., находится в Архиве Словацкого этнографического общества в Институте этнологии Словацкой академии наук в Братиславе. На основе их анализа возникли работы: Kiliánová G. Divided Memories: The Image of the First World War in the Historical Memory of Slovaks // Sociológia. 2003. 35. № 3. S. 229–246; Kiliánová G. Erlebt und erzählt: Der Erste Weltkrieg aus der mikrosozialen Perspektive // Aggression und Katharsis. Der Erste Weltkrieg im Diskurs der Moderne / Eds. P. Ernst, S.A. Haring, W. Suppanz. Wien, 2004. S. 263–281.

¹³ Hämmerle C. Kindheit im Ersten Weltkrieg. (Ed. «Damit es nicht verlorengeht» 24.) Wien, 1993.

та, которые изучали в первую очередь немецкие и британские историки¹⁴. Несмотря на свой субъективный характер, они остаются незаменимым источником при изучении повседневной жизни, отражают непосредственное влияние войны на индивида и на специфические группы населения (например, на военных), отражают их фронтовые впечатления и переживания, их менталитет и изменение жизненной позиции. Однако исследования показывают, что при интерпретации писем и мемуаров необходимо принимать во внимание не только цели пишущего, его социальное положение и обстоятельства возникновения источника, но и влияние пропаганды, цензуры и коммуникативных правил и норм исследуемого периода. К тому же наши исследования указывают на тот факт, что большая часть рядовых воинов были неграмотными. Для многих из них именно чрезвычайная ситуация войны становится причиной, по которой они начинают писать письма, — это касается и писем мужей с фронта, и писем жен на фронт. Письма часто представляют собой лишь простые общепринятые формулировки и клише, и, возможно, именно ввиду цензуры почты не несут важной информации, а лишь простое послание: пишущий пока еще жив. Почта, задержанная цензорами, часто содержит в себе значительно более интересную информацию.

«Молчание» или «тишина» является значительной составляющей и в не менее специфичном виде источников личного характера — беседах по методу «устной» истории. Очевидцы лишь в исключительных случаях рассказывают о травмировавших их впечатлениях, смерти, убийствах, о чувстве вины после нарушения одной из главных заповедей Божьих: «не убий!». Свидетели не раскрывают нам свое непосредственное впечатление от войны, но рассказывают о своем опыте. Все увеличивающаяся дистанция во времени позволяет формировать и трансформировать собственные воспоминания, с одной стороны, под влиянием последующего опыта и жизненной ситуации рассказчика, с другой стороны, под влиянием официальной концепции о данной войне, которую целенаправленно выстраивали отдельные политические режимы в послевоенное время.

Но, несмотря на все критические замечания, использование подобного рода источников представляется однозначно весьма перспективным. Необходимо лишь достаточно критичный подход и уточнение вопросов, на которые мы хотим и можем получить ответы. Например, разговоры, записанные с очевидцами событий, сегодня уже покойными, позволяют раскрыть процесс формирования памяти и то, как так называемые малые индивидуальные истории соответствуют так называемой большой истории, т. е. официальной, которую нам представляет и сложившаяся историография¹⁵.

¹⁴ См. сноску 7.

¹⁵ Подробнее об использовании этих типов источников см.: *Dudeková G.* Vojenská cenzúra korešpondencie. Niekoľko úvah o vzťahu armády a spoločnosti za prvej svetovej vojny // *Miles Semper Honestus. Zborník štúdií vydaný pri príležitosti životného jubilea Vojtecha Dangla* / Eds. V. Segeš, B. Sed'ová. Bratislava, 2007. S. 125–135; *Dudeková G.* Protirečivé spomienky? Zázitky z prvej svetovej vojny // *OS (Fórum občianskej spoločnosti)*. 2006. 10. Č. 1–2 (специальный выпуск «Память во многоязычном пространстве», ред. Е. Маннова). S. 102–114; *Dudeková G.* Zajatci v prvej svetovej vojne. Význam a miesto memoárov vo výskume // *Paměti a vzpomínky jako historický pramen* / Ed. M. Sekyrková. Praha, 2006. S. 22–241.

Новые подходы, новые выводы

Хотелось бы рассмотреть некоторые вопросы, на которые уже удалось хотя бы частично ответить, и заключения, которые смогли скорректировать на основании вышеупомянутых новых подходов социальной и культурной истории. Британская историография, первая начавшая исследования социальных последствий войны для рядового населения, сосредоточила свой интерес на так называемом домашнем фронте, т. е. на людях в тылу (Jay Winter¹⁶), и ответила на ряд вопросов о влиянии войны на женщин, детей, повседневную жизнь и отражение войны в популярной литературе и искусстве. Перспективным и востребованным являются и компаративные исследования различных аспектов. Из новейших — можно привести в пример публикацию, сравнивающую ситуацию в трех европейских мегаполисах — Париже, Лондоне и Берлине во время войны. Автором книги «Столицы во время войны» является британский историк Jay Winter¹⁷. Многие английские специальные публикации доступны по стилю широкой общественности и имеют успех у читателей — например, впечатления о войне глазами юношей, а часто и несовершеннолетних мальчиков в книге «Мальчики-солдаты Первой мировой войны»¹⁸. Такой интерес общественности к Первой мировой войне является результатом того, что в исторической памяти Великобритании она занимает важное место, о ней ежегодно вспоминают во время чествования годовщин войны. Похожее направление имеет и французская историография, которая занимается историей менталитета и анализирует отражение войны в памяти¹⁹. На развитие исследований о Первой мировой войне оказали влияние и публикации американских историков о формировании исторической памяти во время войны и после нее, включая и строительство памятников, и одновременно культура военного героя (George Mosse, Paul Fussel)²⁰. Кроме всего прочего, они обратили внимание и на решающее влияние милитаризма на общество в XX в. и значение интерпретаций Первой мировой войны для возникновения последующих военных конфликтов в XX столетии²¹.

¹⁶ Winter J. *The Great War and the British People*. London, 1986.

¹⁷ Winter J., Robert J.-L. *Capital Cities at War*. Paris, London, Berlin 1914–1919. Vol. 1–2. Cambridge, 1997–2007; Winter J. *The Great War and the British People*. London, 1986.

¹⁸ Vanemden R. *Boy soldiers of the Great War. Their own stories for the first time*. Headline Book Publishing, 2006.

¹⁹ Из французской историографии о Первой мировой войне см.: *Audoin-Rouzeau S., Becker A.* 14–18, *Retrouver la guerre*. Paris, 2000. В переводе на венгерский язык вышла под названием: 1914–1918, *Az újraít háború*. Budapest, 2006.

²⁰ Fussel P. *The Great war and Modern Memory*. New York — London, 1975; Mosse G. L. *Fallen Soldiers. Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford-New York, 1990. Моссе, кроме того, характеризовал значение милитаризма для формирования идеала мужчины и моделей родовой организации общества (gender order): Mosse G. L. *The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity*. New York — Oxford, 1996.

²¹ Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning. The Great War in European cultural history*. Cambridge, 1995; *Der politische Totenkult. Kriegerdenkmäler in der Moderne* / Eds. R. Kosseleck, M. Jeismann. München, 1994; *Krumeich G., Brandt S.* Schlachtenmythen. Ereignis — Erzählung — Erinnerung. Köln et. al., 2003.

Важную часть исследований памяти о войне составляет и сформировавшаяся официальная память о войне в виде историографии.

Что касается конкретной проблематики, то на основании новых подходов развенчан миф о всеобщем военном восторге населения в Германии и Австро-Венгрии в начале войны (так называемый «Augusterlebnis»). Именно изучение региональной прессы и эго-документов раскрыло тот факт, что военные восторги были более делом пропаганды, нежели реальностью, и в Германии в том числе. Центральные ежедневные газеты приносили патетические новости о восторге жителей городов, однако полностью противоположная ситуация была в деревне, в малых городах и в пограничных зонах, где в настроениях преобладал страх и опасения, которые, конечно, были совершенно не подходящими для пропаганды²². Скорректированы были и выводы о неоспоримом эмансипационном эффекте войны на положение женщин. Трудовая занятость женщин, во время войны заменивших на различных типичных мужских местах мобилизованных в армию мужчин, изменила положение женщин лишь частично и временно. Долговременные последствия войны сказались на положении женщины в обществе весьма противоречиво. Большинство женщин после войны вернулись к своему традиционному образу жизни и зависимому положению в семье. Большинство женщин, оставшихся и после войны работать не только в домашнем хозяйстве, были вынуждены это делать по причине послевоенного экономического кризиса или отсутствия мужчины-кормильца. К тому же исследования по истории региона Габсбургской монархии и государств-наследников позволили выяснить, что широко пропагандируемая равноценность заслуг женщин и мужчин во время войны в послевоенной реальной жизни проявилась ассиметрично: лишь в некоторых европейских государствах женщины получили всеобщие избирательные права наравне с мужчинами (так, во Франции лишь в 1944 г., в Англии, хотя и с 1919 г., но лишь для женщин старше 30 лет). Подчиненное положение женщин в семье и обществе осталось в большинстве европейских стран закрепленным законодательно и далее²³.

Великая война в чешско-словацкой историографии

Выше упомянутые импульсы в изучении социальной истории в чехословацкой и словацкой историографии нашли лишь малый, можно сказать, минимальный отклик. До 1989 г. интерпретация Первой мировой войны в духе идеологических

²² Подробнее см.: *Krumeich, Hirschfeld*. Die Geschichtsschreibung zum Ersten Weltkrieg. См. сноску 1. S. 311–312 и приведенную там литературу.

²³ Подробнее: *Daniel U. F.* Op. cit. О ситуации в Венгрии, Словакии и Чехословакии подробнее см.: *Dudeková G. a kol.* Na ceste k modernej žene. Kapitoly z dejín rodových vzťahov na Slovensku. Bratislava, 2011; *Dudeková G.* Vplyv Veľkej vojny a rozpadu Habsburskej monarchie na právne a spoločenské postavenie žien // 1918: Model komplexného transformačného procesu? / Eds. L. Kostrbová, J. Malínská. Praha, 2010. S. 169–191; *Dudeková G.* Stratégie prežitia v mimoriadnej situácii. Vplyv Veľkej vojny na rodinu na území Slovenska // Forum Historiae. 2009. 3. Č. 1. URL: http://www.forumhistoriae.sk/FH1_2009/texty_1_2009/dudekova.pdf.

клише марксизма-ленинизма оставалась однозначной и неизменной. В соответствии с ней война объявлялась результатом политики империалистических стран, и практически все развитие войны вело к падению монархии и возникновению Чехословакии. Освобождение так называемых малых народов Габсбургской монархии интерпретировалось не только как национально-освободительная борьба против национального гнета, но и одновременно как борьба против империалистической системы. Особое место в изложении отводилось воздействию революционных событий в России, которые были названы Великой Октябрьской социалистической революцией и которые объясняли как начало так называемой мировой революции и пути к коммунистическому будущему. Социальные беспорядки, вызванные экономическим кризисом, недостатком сырья и разочарованием населения ходом войны, объяснялись революционным влиянием идей, исходящих из России.

Эта интерпретация существенно отличалась от объяснений причин, влияний и результатов Первой мировой войны, принятых в период между двумя мировыми войнами. В ЧСР межвоенного периода, а также в Чехословакии после 1948 г. праздновался не конец Первой мировой войны, а возникновение Чехословакии в октябре 1918 г. В масариковской демократической Чехословакии официальными героями войны стали легионеры (участники иностранных легионов, бывшие во время войны сторонниками идеи возникновения Чехословакии), остальные военные, особенно оставшиеся лояльными по отношению к Австро-Венгрии, не заслужили места в хвалебных воспоминаниях. В эпоху реального социализма по идеологическим причинам легионеры получили однозначно негативную оценку вместе с Т.Г. Масариком, Э. Бенешем, М.Р. Штефаником и прочими представителями демократического режима.

После 1989 г. в официальную историю снова включены легионеры и ранее «не желательные для упоминания» «создатели» Чехословакии, однако традиционная трактовка Первой мировой войны как процесса, приведшего к возникновению Чехословакии, осталась прежней. В многочисленных историографических анализах уже пришли к выводу, что историографии стран социалистического блока, несмотря на идеологически постулировавшийся интернационализм, сохраняли подобие исключительно национальной истории, и тот же этноцентристский подход стал главной чертой историографий постсоциалистических стран. Это относится и к словацкой историографии. Часть историков и общественности «застряли» на этноцентристском принципе, который является причиной их нежелания или неспособности критически подойти к оценке характера и значения Словацкой Республики в 1939–1945 гг.

Исследования этнологов однозначно указывают на тот факт, что память о Первой мировой войне перекрывает Вторая мировая война. Даже и небольшие военные памятники в малых городах и деревнях в Чехословакии, установленные после Первой мировой войны, сегодня являются одновременно и памятниками Второй мировой — на них попросту дописаны имена ее жертв. Официальная трактовка Второй мировой войны, так же как и Первой, преподносилась с позиций победителя. Официальная историография после 1948 г. подчеркивала главным образом борьбу против фашизма и превозносила значение Словацкого

национального восстания как однозначное доказательство антифашистских настроений большинства населения. Как уже говорилось, среди части историков остается дискуссионным вопрос о доле ответственности и вины политического руководства Словакии в установлении тоталитарного профашистского режима первого Словацкого государства, который возник и существовал благодаря союзной Германии.

Для исследований Первой мировой войны даже минимально не использован центрально-европейский контекст, поэтому так важны результаты и импульсы, исходящие от соседей, особенно чешской, венгерской и австрийской историографий. Новые подходы к социальной и культурной истории до них, за исключением австрийской, доходят лишь частично и постепенно. Хотя в Словакии и в Чехии были откорректированы представления об однозначном военном энтузиазме в начале войны. Уже в первых интерпретациях войны в словацкой и чешской историографии повторялся тезис, что воодушевление в связи с войной было присуще лишь «господствующим» народам Австро-Венгрии, немцам и венграм, и что славянские меньшинства заняли негативную позицию в отношении войны. Они, наоборот, якобы проявляли симпатии к славянам, сербам и русским. Ситуация, однако, была сложнее: проявления воодушевления в виде торжественных собраний и шествий, сопровождавшихся криками «Да здравствует война!» тщательно готовились и контролировались местными австро-венгерскими гражданскими органами власти и полицией и требовались как выражение лояльности в отношении к государству. В маленьких местечках и в деревне они имели совсем иной вид, чем в столицах и крупных городах, причем большинство населения заняло выжидательную позицию. Австро-венгерские органы тщательно контролировали и пресекали проявления нелояльности, под особым контролем находились малые славянские народы монархии, которые подозревали в нежелательной реакции. В качестве превентивной меры перед усиливавшимся преследованием их политические активисты (включая словацких и чешских) выбрали пассивное сопротивление и нелегальную деятельность²⁴. Утверждение о сопротивлении чехов в отношении к военному режиму уточнил чешский историк Иван Шедивы. Основываясь на различных источниках, например изучая реквизиции сырья из регионов с чешским населением, он доказал, что о пассивном сопротивлении чехов в австрийской части монархии можно говорить не ранее конца 1916 г. и что в активном сопротивлении участвовала лишь малая часть населения²⁵. Начинает объясняться и вопрос о пассивности словаков — касается ли это политической пассивности словацких политиков и их нелегальной деятельности либо всего словацкого населения, проявляющего внешнюю лояльность практически до середины 1918 г. Вопросу лояльности к режиму отдельных народов многонациональной Габсбургской монархии постоянно придается первостепенное значение. Однако новые исследования ментальности на основании эго-документов

²⁴ Подробнее см. работу и приведенную в ней литературу: *Dudeková G. Dvojsečná zbraň. Vojnové nadšenie, perzekúcie a problém lojality Slovákov v prvej svetovej vojne // Ivaničková E. a kol. Kapitoly z histórie stredoeurópskeho priestoru v 19. a 20. storočí. Pocta k 70-ročnému jubileu Dušana Kováča. Bratislava, 2011. S. 243–268.*

²⁵ *Šedivý I. Česi, české země a velká válka 1914–1918. Praha, 2001. S. 195–202.*

указывают на то, что в вопросе лояльности куда более значительным фактором, нежели национальность, была принадлежность к социальной среде и вероисповедание. Большую часть воинов и жителей тыла в Габсбургской монархии составляли крестьяне, долго сохранявшие лояльность в отношении режима. Их позиция лишь постепенно изменялась из-за негативных последствий экономического кризиса и ухудшающегося снабжения, а также и плохого обеспечения семей мобилизованных²⁶.

В чешской, словацкой, а частично и в венгерской историографии после 1989 г. стали изучаться новые темы по Первой мировой войне, как, например, роль пропаганды во время войны, пленные — не только легионеры на чужбине, но и иностранные пленные на территории бывшей Австро-Венгрии²⁷, проблемы питания, снабжения и другие аспекты повседневной жизни во время войны²⁸.

Первой мировой войной занимается и небольшая часть военных историков — с военно-политической точки зрения в 1996 г. они проанализировали ее в контексте военной истории Словакии²⁹. Словацкие историки, специализирующиеся на социальной истории, принимали участие в создании обобщающей работы по истории Первой мировой войны и в специальном выпуске серии источников³⁰. В обеих публикациях и в отдельных работах обращается

²⁶ *Mannová E.* Die ungarische und tschechoslowakische Staatsidee. Der Bewußtseinswandel der slowakischen Gesellschaft // Der Erste Weltkrieg und die Beziehungen zwischen Tschechen, Slowaken und Deutschen / Eds. H. Mommsen, D. Kováč, J. Malíš. Essen, 2001. S. 109–120; *Mannová E.* Koncept lojality. Postoj k autoritám na Slovensku počas prvej svetovej vojny // Historický časopis. 2007. Roč. 5. Č. 4. S. 681–698; *Mannová E.* Krízy lojality // *Kováč D. a kol.* Prvá svetová vojna 1914–1918. (Ed. Slovensko v 20. storočí, druhý zväzok.) Bratislava, 2008. S. 205–214; *Dudeková G.* Dvojsečná zbraň, см. сноски 24.

²⁷ Проблематике пленных уделяется мало внимания, в последнее время стали выходить отдельные работы Ю. Бенко и Г. Дудековой. Интересную диссертационную работу о лагерях военнопленных в районе Западной Словакии и Восточной Австрии защитила Й. Затькова. Подробнее см.: *Benko J.* Boľševizmus medzi Východom a Západom (1900–1920). Bratislava, 2012; *Dudeková G.* Zajatci, см. сноски 15; *Zatková J.* Zajatci v oblasti V. zborového veliteľstva Bratislava v kontexte 1. svetovej vojny. Trnava, 2012.

²⁸ Например, работы по региональной истории: *Michnovič I.* Vranov nad Topľou v 20. storočí. Vranov nad Topľou, 2002; *Karácsonyi V.* Správa mesta Bratislavy v rokoch 1914–1918 // Bratislava. Zborník mestského múzea. 2003. 15. S. 103–113; *Jurčišinová N.* Život obyvateľov severovýchodného Slovenska začiatkom prvej svetovej vojny (1914–1915) // Dejiny — internetový časopis Inštitútu histórie FF UK v Prešove. 2006. Č. 1. S. 48–61. URL: <http://dejiny.unipo.sk/>; см. также: *Dudeková G.* Stravovanie a zásobovanie mesta za prvej svetovej vojny // Dobrou chuť veľkomesto. Sborník z konferencie Archivu hl. m. Documenta Pragensia XXV / Eds. O. Fejtová, V. Ledvinka, J. Pešek. Praha, 2007. S. 123–142; *Kodajová D.* Reflexia vojnových udalostí v rokoch 1914–1918 v cirkevnej tlači // Vojenská história. 2006. Roč. 10. Č. 2. S. 31–42; *Mannová E.* Nemecká tlač na Slovensku a prvá svetová vojna // Vojenská história. 2006. Roč. 10. Č. 4. S. 66–76.

²⁹ *Hronský M., Krivá A., Čaplovič M.* Vojenské dejiny Slovenska, zv. 4 (1914–1939). Bratislava, 1996.

³⁰ *Kováč D. a kol.* Prvá svetová vojna 1914–1918. Ed. Slovensko v 20. storočí, druhý zväzok. Bratislava, 2008; *Kováč D., Dudeková G., Hronský M., Holec R., Podrimavský M.* Slováci v prvej svetovej vojne 1914–1918: zmeny na politickej mape Európy a odchod Slovenska

внимание не только на политические и экономические, но и на социальные последствия Первой мировой войны и повседневную жизнь во время нее. Однако все еще отсутствует более широкий и глубокий анализ рефлексии и памяти о Первой мировой войне, который мы хотели бы предпринять в Историческом институте САН. Интерес общественности к Первой мировой войне в Словакии намного меньше, чем в странах, где она занимает значительное место в памяти и где о ней уже традиционно вспоминают, проводя официальные мероприятия. В нашем регионе память о Первой мировой войне затеняется памятью о создании Чешско-Словацкой Республики и других стран — наследниц Габсбургской монархии. Однако некоторые группы, например, объединения энтузиастов в Восточной Словакии, организуют акции, посвященные Первой мировой войне (нередко вместе с Военно-историческим институтом Словацкой Республики) и занимаются поддержанием в порядке воинских захоронений на кладбищах, где захоронены также русские и немецкие солдаты)³¹.

Австрийские историки упоминавшимися новыми темами занимаются уже давно. В последнее время прибавились интересные для нас новые исследования о повседневной жизни в регионах, жизни пленных, влиянии социалистических идей из России³² а также и гендерные³³. Возникают международные компаративистские проекты, в рамках многотомной серии «История Габсбургской монархии 1848–1918» («Geschichte der Habsburgermonarchie») подготовлен отдельный выпуск о Первой мировой войне³⁴.

В Венгрии Первой мировой войной все еще занимаются преимущественно военные историки, которые, вдохновленные немецкой энциклопедией Первой мировой войны, опубликовали в 2000 г. венгерскую энциклопедию «Венгрия в Первой мировой войне»³⁵. Военно-исторический архив и военно-исторический

z Uhorského kráľovstva do Česko-slovenskej republiky. Edícia Pramene k dejinám Slovenska a Slovákov, XI b. Bratislava, 2010. Из новейших работ см.: *Кодаева Д.* Война — это смерть. Чрезвычайное положение и стратегия выживания в период Великой войны (на примере Словакии) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. / Ред. Е.П. Серапионова. СПб., 2011. С. 108–120.

³¹ Объединение «Клуб военной истории Бескиды», подробнее см.: URL: <http://www.kvhbeskydy.sk>.

³² См. новейшие: *Gusenbauer E.* Kriegsgefangenenlager während des 1. Weltkrieges in Österreich-Ungarn und ihre Auswirkungen auf das Leben der Zivilbevölkerung. München, 2011; *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien — Köln — Weimar, 2003; *Moritz V., Leidinger H.* Zwischen Nutzen und Bedrohung. Die russische Kriegsgefangenen in Österreich 1914–1921. Bonn, 2005.

³³ В 2011 г. прошла международная конференция «Первая мировая война в гендерном контексте: темы и перспективы», по материалам которой готовится сборник статей под редакцией Христа Хаммерле, Бригитты Бадер, Заар и Освальда Убереннер (Christa Hämmerle, Birgitta Bader-Zaar a Oswald Überegger).

³⁴ Информацию об этой публикации см.: URL: <http://www.oeaw.ac.at/habskomm/main.php?page=19&menu=13>.

³⁵ Magyarország az első világháborúban. Lexikon A-Zs. Budapest, 2000.

музей издают время от времени публикации о некоторых аспектах Первой мировой войны, в том числе и популярного характера³⁶. И несмотря на то, что венгерским историкам удалось создать качественную обобщающую работу по социальной истории Венгрии (которая охватывает и вторую половину XIX в., и распад Габсбургской империи)³⁷, Первая мировая война в ней полностью отсутствует. И это не потому что они не осознавали ее ключевое значение, а просто из-за состояния современной историографии. Единственной новой публикацией является работа Бихари (Biháti), основное внимание в которой сосредоточено на эскалации антисемитизма в Венгрии в годы войны³⁸. В отличие от чешской и словацкой официальной памяти о Первой мировой войне, венгры воспринимают войну и особенно ее результат, т. е. развал большой Венгрии, как национальную трагедию. Как продемонстрировал недавний 90-летний юбилей Трианонского договора, данная тема для венгерской общественности, политики и пока что, к сожалению, и для большинства венгерских историков по-прежнему остается болезненной и однозначно политической проблемой³⁹. Импульсы от русской историографии для словацкой в исследовании Первой мировой войны минимальны, хотя в новых книгах требуется учитывать наработки, касающиеся интерпретации революционных событий 1917 г., проблематики чехословацких легионеров⁴⁰, либо некоторые работы, использующие новые социально-исторические подходы. Заслуживает внимания ряд диссертационных работ о влиянии войны на менталитет деревенского населения и солдат⁴¹, а также, например, работы, в которых сравнивается психологическое влияние Первой и Второй мировой войн⁴². Более

³⁶ См. сб. музея Hadtörténeti Múzeum Értésítője – Acta Musei Militaris in Hungaria.

³⁷ Gyáni G., Kövér G. Magyarország társadalomtörténete. A reformkortól a második világháborúig. Budapest, 2003.

³⁸ Bihári P. Lövészárkok a hátszországban. Középosztály, zsidókérdés, antiszemitizmus az első világháború Magyarországon. Budapest, 2008.

³⁹ В связи с 90-летним юбилеем Трианонского договора прошел целый ряд конференций и появились публикации. Комментарий к этой проблематике см., например: Holec R. Trianonské rituály alebo úvahy nad niektorými javmi v maďarskej historiografii // Historický časopis. 2010. Roč. 58. Č. 2. S. 291–312.

⁴⁰ О состоянии историографии и литературу см.: Серапионова Е.П. К истории формирования чехословацких воинских частей на российской территории в годы Первой мировой войны // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX. в. / Ред. Е.П. Серапионова. СПб., 2011. С. 120–136.

⁴¹ Поршинева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918). Екатеринбург, 2000; Она же. Рабочие, крестьяне и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; Кижжаева Т.А. Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны: 1914–1917 гг.: Дис. ... к.и.н. Барнаул, 2006. Обзор и анализ литературы по теме приводит Семенова Е.Ю. Историография проблемы мировоззрения российского общества в первую мировую войну // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2011. Т. 13. № 3 (1). С. 213–221; То же [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2011/2011_3_213_221.pdf (30.11.2012).

⁴² Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; Она же. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999.

тесное сотрудничество было бы полезно при исследовании темы военнопленных из России⁴³.

Подход с точки зрения социальной и культурной истории дает больше возможностей исследователям, позволяя по-другому посмотреть на политические противоречия. Именно по этой причине считаю его весьма и весьма полезным. Он открывает перед нами возможность интереснейшего сопоставительного анализа со Второй мировой войной; в этом направлении в Западной Европе уже издано множество интересных публикаций⁴⁴. Сопоставление может происходить не только на уровне государств, но и судеб и свидетельств отдельных людей из различных частей света, как это демонстрирует нам сегодня шведский историк Петер Ингланд (Peter Englund) в своей книге «Красота и ужас. История Первой мировой войны в 11 судьбах»⁴⁵. Приближается годовщина начала Первой мировой войны, готовятся новые проекты, конференции и публикации. Некоторые аспекты Первой мировой войны в словацкой историографии еще не достаточно разъяснены. И в других странах сложилась подобная ситуация. И по этой причине можно сказать, что мы еще далеки от концепции всеобъемлющего видения так называемой расширенной военной истории⁴⁶, предлагаемой немецкими историками и понимаемой ими как соединение всех вышеупомянутых сторон войны: военно-политической, социальной, культурной, истории повседневной жизни и которую можно просто понимать и называть социальной историей войны⁴⁷. И хотя историк обычно занимается лишь некоторыми избранными аспектами, осознание необходимости комплексного подхода представляется весьма важным, возможности социальной истории, без сомнения, перспективными и инспирирующими для дальнейших исследований.

⁴³ В последнее время в России начинают уделять внимание теме пленных из Германии и Австро-Венгрии, см. работу И.В. Крючкова и приведенную в ней литературу: *Крючков И.В.* Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2006. Проблематикой пленных из России долго занимается израильско-американский историк А. Рахамимов, из его новых работ см.: *Rachamimov A.* A POWs and The Great War. Captivity on the Eastern Front. Oxford — New York, 2002.

⁴⁴ Обзор тем и литературы см.: *Erster Weltkrieg — Zweiter Weltkrieg, Ein Vergleich. Krieg, Kriegerlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland* / Eds. B. Thoß, H.-E. Volkmann. Paderborn et. a., 2002.

⁴⁵ *Englund P.* Schönheit und Schrecken. Eine Geschichte des Ersten Weltkriegs, erzählt in neunzehn Schicksalen. Berlin, 2011. (Пер. шведского оригинала «Stridens sköhet och sorg». Stockholm, 2009.)

⁴⁶ *Kühne T., Ziemann B.* Militärgeschichte in der Erweiterung. Konjunkturen, Interpretationen, Konzepte // Was ist Militärgeschichte? / Eds. T. Kühne, B. Ziemann. S. 9–46.

⁴⁷ «Sozialgeschichte des Krieges»: *Buschmann N., Carl H.* Zugänge zur Erfahrungsgeschichte des Krieges: Forschung, Theorie, Fragestellung // Die Erfahrung des Krieges. Erfahrungsgeschichtliche Perspektiven von der Französischen Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg / Eds. N. Buschmann, H. Carl. Paderborn — München — Wien — Zürich, 2001. S. 11–12.

З.С. Ненашева
(Москва)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ В РОССИИ И ПРОБЛЕМА ОСВОБОЖДЕНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ (СЕНТЯБРЬ 1914 — ФЕВРАЛЬ 1917 г.)

По данным отечественных исследователей, в России к 1917 г. насчитывалось более 400 лагерей для австро-венгерских военнопленных. Причем отдельных лагерей, предназначенных исключительно для чешских и словацких пленников, не существовало. Военнопленные каждого из лагерей, как правило, относились к различным этническим группам. Территориально лагеря, в которых содержались чехи и словаки, располагались в европейской части России, а также в Сибири (Омский, Иркутский военный округ), отчасти в Средней Азии и на Дальнем Востоке (Приамурский военный округ).

Очевидно, что характер социальных проблем у бывших бойцов императорско-королевской армии был различным. Однако одна проблема являлась характерной для всех военнопленных, причем на протяжении всего времени пребывания их в России. Речь шла об элементарной выживаемости. Степень остроты проблемы в таком ракурсе определялась многими факторами. Психологический шок, какой они испытали в момент пленения, не ослабевал. Пессимистические настроения подкреплялись как плохими условиями содержания, какие превалировали в местах нахождения военнопленных¹, так и рядом других обстоятельств. В их числе были, например, слухи, а затем и довольно точные сведения о пресле-

¹ Уже 7 октября 1914 г. Николай II утвердил «Положение о военнопленных», разработанное Военным министерством. В его основу были положены принципы Гаагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны». В новом Положении специально были оговорены права чешских и словацких военнопленных в российских лагерях. При этом оно не касалось таких вопросов их содержания, как нормы питания, медицинское обслуживание, устройство госпиталей, перемещение пленных. Тем самым не были выработаны действительные гарантии прав военнопленных, вытекающих из международных соглашений. См.: *Остроухов А.И.* Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: Автореф. дис. ... к.и.н. М., 2011. К сожалению, автор диссертации не использовал материалы таких российских архивов, как Архив внешней политики Российской империи и Российский государственный военный архив, в которых сконцентрированы важнейшие материалы дипломатического и военного ведомств по этой теме.

дованиях членов их семей как изменников родины², необходимость поддержать тот или иной политический проект или уклониться от выполнения задач, которые выдвигали перед военнопленными с первых недель войны лидеры начавшегося освободительного движения.

Общепризнано, что его идейной базой являлась борьба за национальное самоопределение. Именно она рассматривалась в качестве стержня, основы, вокруг которых могли сплотиться широкие массы чешских и словацких военнопленных, оказавшиеся на просторах Российской империи. В качестве иллюстрации этого тезиса сошлемся на высказывание одного из офицеров Чешско-Словацкого корпуса Ярослава Кратохвила: «Русские легионы — результат распространения идеологии чистого национализма»³. Однако для того, чтобы ее поддержала огромная масса чехов и словаков, требовалось время. В практическом плане она вылилась в проекты формирования чешско-словацкого войска и организацию работ в тылу на оборону.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что оба направления были тесно взаимосвязаны. По мнению чешских лидеров, все их начинания базировались на «основной мысли неразрывного соединения освобождения из плена с возложением на освобождаемого серьезных национальных обязательств». Военнопленным следовало «принять непосредственное участие в борьбе с Австро-Венгрией в качестве добровольца на фронте или в качестве рабочего на заводах государственной обороны». Почти сразу же появилась и третья составляющая. Сначала переселенцы, а также чехи, застигнутые войной в России, а затем и военнопленные должны были «передать часть своего заработка в пользу находящихся на фронте и составить резерв чешско-словацкого войска»⁴.

В России на первоначальном этапе инициатива создания чешско-словацких формирований исходила от организаций, в которых подавляющее большинство составляли чехи, здесь проживавшие. При этом волна переселенцев, покинувшая Цислейтанию на рубеже XIX–XX вв., несла в своем багаже новые идеи. Заявления о равноправии народов, о приверженности принципу самоопределения наций уже стойким рефреном звучали в публицистике и партийных документах большинства чешских политических партий. Глубокую традицию имело требование объединения земель Чешской короны. Его реализация была возможна лишь в результате серьезных конституционных преобразований всего дуалистического комплекса. При этом в планах чешской общественно-политической элиты это требование не затрагивало главного —

² На это обстоятельство обращали внимание и российские СМИ. Так, «Утро России» в одной из публикаций сообщало, что австрийское правительство за каждого погибшего чеха выплачивало 1 тыс. крон. Напротив, у семей попавших в плен солдат и офицеров конфисковывалось имущество, а они сами подвергались судебным преследованиям вплоть до заключения в тюрьмы // Утро России. 1917. 21 января. № 21.

³ *Kratochvil J. Cesta revoluce (Ceskoslovenské legie v Rusku)*. Praha, 1922. S. 8.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд «Особый политический отдел» (Ф. ОПО). Оп. 474. Д. 229. Л. 146–152. Бланк. Правление Союза чешско-словацких обществ в России. Министру иностранных дел — В. Вондрак. 20 февраля 1917. № 233.

не ставило под сомнение существование монархии Габсбургов. Нельзя упускать из вида и тот факт, что программу разрушения монархии Габсбургов на тот момент не имела ни одна из крупных европейских стран, будь то Россия, Франция, или Англия. Распад Дунайской монархии великие державы воспринимали с опасением⁵.

С началом Великой войны в значительно большей мере политически ангажированные чешские колонисты прислушивались к голосам, раздававшимся в самой России, прежде всего в официальных структурах. Отдавали они должное и общественности. Ее наиболее активные деятели в своих выступлениях развивали тему о «бедной, бедной Чехии»⁶. Подобные настроения создавали вполне благоприятный идеологический фон. Главным было убеждение, что Россия после объявления войны Австро-Венгрии «несет славянам свободу». Это утверждение являлось базовой ценностью, и для такого подхода были определенные основания.

В сентябре 1914 г. позицию Российской империи о дальнейшей судьбе Австро-Венгрии выразил министр иностранных дел. В этот период он не раз высказывал идею о возможной триализации этого государства. В результате Чешское королевство, включавшее Чехию, Моравию и Силезию, уравнилось бы в правах с Королевством Св. Иштвана. В середине сентября, во время приема делегации «русских», или, как называли их, «русско-подданных» чехов, С.Д. Сазонов не только подтвердил, но и уточнил свою позицию. «Воссоздание вполне самостоятельного Чешского королевства стоит в планах русского правительства», — заявил он на этой встрече⁷. И хотя слова «самостоятельное государство» не обязательно могли означать полный государственный суверенитет, русские чехи в новых геополитических реалиях строили свои планы на этой основе. «Судьба Австрии должна считаться решенной уже бесповоротно: ни маленькой, ни большой Австрии уже больше не должно быть в числе государств Европы», — эта констатация отражала их политические устремления. Чехия и Моравия должны были «составить совершенно самостоятельное государство» или могли соединиться с Россией «в виде автономного государства, если того пожелали бы»⁸. Что же касается судьбы Словакии, то оснований для ее вхождения в состав «Чехо-моравского королевства», было слишком мало. Более органичным было включение словацких земель, в «географическом отношении» тяготевавших

⁵ См.: *Ненашева З.С.* Идеино-политические аспекты чешского национального движения в России в 1914–1915 гг. // Научовий вісник Ужгородського університету. Серія «Історія». 2011. Вип. 27. С. 16–31.

⁶ Из последних публикаций на эту тему см.: *Терехина О.В.* Образ «страдающей Чехии» в российской прессе в годы Первой мировой войны // *Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности.* М., 2011. С. 485–491.

⁷ *Савваитова М.Д.* Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // *Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории.* М.: Наука, 1994. С. 118–119.

⁸ АВПРИ. Ф. 134. Архив «Война». Оп. 473. Д. 268. Л. 135–139 об. Включение Восточной Галиции, Буковины и Угорской Руси в территориальный комплекс России не подлежало никаким сомнениям.

к Угорской Руси, в территориальный комплекс Российской империи, предоставив словакам «некоторую автономию».

В каком-то смысле русские чехи по сравнению с чешскими политиками, сделав подобное заявление уже в сентябре 1914 г., совершили заметный прорыв в настроениях национальной элиты, настаивая на пересмотре государственно-политических реалий в Европе. Об этом свидетельствует меморандум под названием «Докладная записка о чешско-словенском вопросе». Кроме высших политических сфер он распространялся по многим адресам. Этот документ получил определенную известность в России в отличие от проектов, подготовленных чешскими политиками («Устав Славянской империи» К. Крамаржа, три меморандума Т.Г. Масарика), переданных в российский МИД и вызвавших там недоверие. Таким образом, лидеры русских чехов заметно опередили в политической деятельности своих заграничных коллег. Следует указать, что современная чешская историография не только признала этот факт, но и придает ему большое значение в процессе формулирования и кристаллизации целей освободительного движения⁹. Для современных чешских исследователей важны как сама по себе дата этого заявления — начало сентября 1914 г.¹⁰, так и его содержание.

Как уже указывалось, возглавить процесс формирования, а затем и встать во главе созданных частей стремились деятели «местного» значения — наиболее активные члены Временного совета чехов в России, затем Союза чешских обществ, а с февраля 1915 г. чешско-словацких обществ. Для их умонастроений и убеждений социальные требования (вернее, социальные мотивы политических установок) обуславливались политическим моментом. Сама ситуация вынудила их обратить внимание на социальную составляющую политических заявлений и программ.

Необходимо отметить, что процесс формирования воинских частей тормозился несколькими обстоятельствами. Прежде всего это вполне прагматичные действия российских властей. Их сомнения по поводу возможности вооружения и использования в войне огромного воинского контингента, еще вчера находившегося в составе вооруженных сил неприятеля, вполне понятны и оправданны. Соответствующие проблемы, в принципе, могли возникнуть и при использовании военнопленных в оборонной промышленности.

В начале формирования чешско-словацкого войска добровольцами могли стать лишь чехи, застигнутые войной в России. Еще не введенные в научный оборот документы раскрывают, какими чешские дружины (а изначально планировалась создать их несколько) виделись русскому командованию. Известно,

⁹ Более того, этот документ рассматривается как «первая, ясно сформулированная программа, выражавшая чехословацкие стремления к полной государственной самостоятельности». См.: Československé legie v Rusku. 1914–1920. Výstava konaná u příležitosti 90. výročí vzniku samostatného Československého státu. Katalog. Praha. 2008. S. 30. Подобная трактовка (в смысле ясности, на которой акцентируют внимание авторы) вызывает вполне оправданные сомнения.

¹⁰ Программа, достаточно определенно провозгласившая курс на достижение политической самостоятельности чешского народа, была сформулирована и озвучена Т.Г. Масариком 14.11.1915 г.

что их создание преследовало цель поднять «восстание среди чешского населения Австро-Венгрии». И именно такое предназначение заставляло смотреть на них «не как на боевую часть, а как на собрание пропагандистов в тылу Русской армии». Этот фактор должен был повлиять на уклад «внутренней жизни этих частей». В спешно подготовленном совершенно секретном предписании Главного управления Генерального штаба от 15 сентября 1914 г. начальнику штаба Киевского военного округа указывалось, что «Чешская дружина должна быть дисциплинирована лишь настолько, чтобы дойти в порядке до театра военных действий»¹¹. Еще более существенным было следующее положение: «С момента вторжения в австрийские пределы Чешская дружина как войсковая часть перестанет существовать». Таким образом, можно утверждать, что внутренний распорядок в создаваемых подразделениях отличался некоторым либерализмом. Этим фактором, на наш взгляд, объясняется и согласие на введение чешского языка как командного в частях и специфическое отношение властей к введению дисциплинарного устава¹². Таким образом, чешские национальные формирования уже с момента организации получили особый статус по отношению к Русской армии. При этом они находились в абсолютной зависимости от правительства.

Уже 18 сентября 1914 г. чехами было заявлено об образовании фонда Чешской дружины. И инициаторы его создания, и сами добровольцы придавали существенное значение своему материальному обеспечению. С самого начала они обозначили круг людей, требующих специальной защиты. Он был довольно широким, поскольку в него входили сами добровольцы, инвалиды, вдовы, сироты, пожилые родители. В этой связи Фр. Дедина, сотрудник «Временного совета чехов в России», образованного в Киеве, писал в Петроград: «Нам нужны деньги — много денег, так как у нас более 800 добровольцев!»¹³. Разработанные правила формирования фонда были достаточно жесткими и строго обязывающими каждого чеха участвовать в финансировании освободительного движения. «Тот, кто хотя бы материально не поможет (движению. — З.Н.), и в фонд Дружины ничего не внесет... будет исключен из нации и славянства», — подчеркивает автор проекта¹⁴. Для того чтобы получить как можно больше средств, предлагалось провести перепись чехов, находившихся на территории России. Как видно, организаторы дружины не питали особых иллюзий в отношении своих соплеменников. Они

¹¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2985. Л. 18–20 об. 18 сентября 1914 г.

¹² Особое положение сохранялось на протяжении всей войны. Приказ № 613 начальника Штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Духонина (пункт 6) гласил: «Вести во всех чешско-словацких войсковых частях дисциплинарный устав французской армии». В пункте 7 значилось, что командным языком был русский, «сохранив команды на чешском языке для парадов и церемоний, связанных с национальными чешско-словацкими торжествами». РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 342. Л. 131–131 об. Следующий дисциплинарный устав был введен приказом Т.Г. Масарика 27 января 1918 г.

¹³ Vojenský ústřední archiv-Vojenský historický archiv (VÚA-VHA). Praha. F. Svaz čs. Spolků na Rusi. 1914. Inv.č. 28. Kart. 5.

¹⁴ Юридическим лицом, на который возлагался сбор средств, предлагалось назначить общество Яна Амоса Коменского в Киеве. Позднее оно и вело «фондом Чешского полка, выдающего добровольцам пособия».

пытались найти действенный инструментарий, чтобы побудить их к «исполнению своей святой обязанности в борьбе», в которой решались «жизнь и будущее славянства». Все чехи России должны были оказывать дружине реальную помощь¹⁵. Весьма настойчиво был поставлен вопрос и о «гражданском положении чешско-словацких добровольцев»¹⁶, о призрении из казны их семей и порядке предоставления гражданства чехам — подданным других государств¹⁷.

Что касается военнопленных чехов и словаков, то распространить на них свое влияние русским чехам оказалось не просто. Первое, на что было обращено внимание, — это условия их пребывания в лагерях. Следует признать, что существовал ряд льгот для военнопленных славянских национальностей. В частности, их размещали преимущественно в Европейской России, а не в Сибири или Туркестане. Кроме того, на них распространялись некоторые послабления режима в лагерях. Однако общее положение незначительно менялось в лучшую сторону, несмотря на меры, которые предпринимались российским правительством, а также деятельность Всероссийского попечительства о пленных славянах. Оно было создано уже в октябре 1914 г.¹⁸ Для пленных чехов особенно неправильным казалось отсутствие в лагерях регистрации по профессиям, в результате чего квалифицированные специалисты часто направлялись на непривычно тяжелые физические работы. Была широко распространена практика привлечения чехов и словаков как наиболее политически благонадежных для выполнения срочных заданий на стратегические объекты. В таких случаях, как правило, отсутствовали даже минимально благоприятные условия для проживания. Ситуацию усугубляли и нехватка средств, необходимых для поддержания даже скромного существования, и высокий уровень заболеваемости, и смертность от эпидемий и ряд других обстоятельств.

Весьма тягостным для военнопленных было отсутствие каких-либо ясных перспектив освобождения из плена в условиях затягивавшейся войны. Казалось бы, что недовольство, которое могло возникнуть на этой почве, должно было аккумулироваться в социальный протест большой силы. Однако этого не случилось. Во многом это обстоятельство определялось менталитетом чехов и словаков, их психологическим состоянием, страхом еще больше ухудшить и без того нелегкое положение. Его можно было улучшить, оказавшись в ранге специалистов

¹⁵ Они в соответствии с прилагавшимся образцом должны были «отписывать регулярные ежемесячные или квартальные платежи». Так, Петроградский округ (их было 4) до 1 октября 1914 г. должен был перевести 750 рублей.

¹⁶ Об этом говорится в Заявлении помощника командира Чешско-Словацкого стрелкового полка и уполномоченного Союза чешско-словацких обществ в России Л.В. Тучека и З.И. Реймана в Ставку от 2 марта 1916 г. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 324. Л. 275.

¹⁷ Там же. Л. 278–278 об. Совет министров своим решением от 2 января 1916 г. утвердил специальное положение от 17 ноября и 8 декабря 1915 г., распространявшее действие законов, определявших права и порядок призрения нижних чинов и их семейств, на добровольцев.

¹⁸ 30 июня 1917 г. это общество приняло «Правила, устанавливающие особые льготы для военнопленных чехов и словаков на территории европейской части России». Они были утверждены Военным советом. См.: *Остроухов А.И.* Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: Автореф. ... С. 24.

на промышленных предприятиях или на квалифицированных работах в сельском хозяйстве. В условиях военного времени этот тренд определялся не только заинтересованностью российских работодателей в рабочих руках, но и самими военнопленными. Вопрос об их трудоустройстве был поставлен уже в 1914 г. Возможность их использования регулировалась специальными правительственными постановлениями¹⁹.

В течение 1914 и в начале 1915 г. представители чешских обществ не ставили вопрос перед правительством об облегчении процедуры освобождения военнопленных. Осенью 1915 г. Правление Союза чешско-словацких обществ «предложило русским учреждениям» использовать пленных чехов и словаков — специалистов на оборонных предприятиях. Однако Центральный военно-промышленный комитет такую инициативу не поддержал. В свою очередь, в ставке Верховного главнокомандующего эта идея нашла понимание. Среди пленных началась агитация. Она имела успех, «люди записывались на работу и отправлялись на сборные пункты». Несколько тысяч чехов должны были трудиться на заводах Таганрога. Между тем в феврале 1916 г. Совет министров установил квоту для Европейской России 20 тыс. (из них 5 тыс. для Южной России и 1 тыс. — для Таганрога). Большинству же пленных следовало отправиться на полевые работы, что вызвало у них понятное недовольство. Само Правление рассматривало такой поворот как катастрофу. Последовало «жуткое сражение с российской администрацией»²⁰.

По наблюдению Ф. Заплетала, на тот момент заместителя редактора газеты «Чехословак», люди, оказавшиеся на сборных пунктах, были вырваны «из намного более спокойной жизни». Таким ему казалось нахождение в лагерях. Он глубоко сомневался и в готовности пленных отправиться на фронт. Ф. Заплетал утверждал, что ни о какой стотысячной армии, о которой заявляли некоторые чешские энтузиасты, говорить не приходится. Максимальная цифра, по его мнению, могла перевалить за тысячу, но не более. Основанием для таких сомнений было количество заявлений в Чешскую дружину. Поэтому не следовало «предаваться большим иллюзиям». «Кто бы мог подумать, какое небольшое количество записывается в дружину. Кому в российском плену плохо, тот не идет в дружину (и отчаявшиеся люди не нужны дружине), а кто себя чувствует хорошо, те в большинстве своем не променяют свой комфорт на горькую жизнь на позициях»²¹. «В теории хорошо, но на практике этого мало», — констатировал Ф. Заплетал.

Что касается самих организаторов освободительного движения, то они признавались, что их действия не носят «исключительно идейного, альтруистического

¹⁹ «Правила о порядке предоставления для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств» были утверждены Советом министров 16 сентября 1914 г. «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» и «Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами» были одобрены в 1915 г.

²⁰ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1198 к. Оп. 1. Д. 128. Л. 12–15 об. Письмо Флориана Заплетала, заместителя редактора газеты «Чехословак» (Čechoslovak). 17 (30) марта 1916 г.

²¹ Там же.

характера». Они не уставали призывать военнопленных, чтобы «всякий по своим силам и по своим способностям» считал «своим священным долгом» содействовать «как на поле брани, так и за рабочим станком... победам славянства...»²². Правление Союза чешско-словацких обществ исходило из идеи «неразрывного соединения освобождения из плена с возложением серьезных национальных обязательств». Рассматривались две возможные формы участия в борьбе с Австро-Венгрией: в качестве добровольца на фронте или же рабочего на оборонительных или промышленных предприятиях либо в сельском хозяйстве²³.

Именно поэтому параллельно с созданием войска чешские активисты перед российскими властями неизменно ставили вопрос о трудоустройстве пленных чехов и словаков. И в том и в другом случае славянские общества брали на себя обязанность подтвердить их преданность, лояльность России. Как российские власти, так и исследователи в этой связи делали акцент на стремлении идеологов движения удержать часть заработка в пользу специального «народного» или же «национального» фонда. Сами же члены Правления считали такие условия «вызволения из плена» настолько суровыми, что «об освобождении говорить почти не приходилось»²⁴.

По признанию лидеров освободительного движения, военнопленные вплоть до 1917 г. были задействованы в крайне незначительных масштабах, «в ущерб целям войны и снабжения армий и тыла...»²⁵. Между тем уже первый год работы пленных в Киевском военном округе показал «крайний вред» бессистемности использования их труда. В этой связи интересно заметить, что такая ситуация сохранялась и в дальнейшем. В многочисленных ходатайствах об освобождении военнопленных неизменно указывалось на «ту, действительно значительную работу», которую они выполняли «везде, где им только предоставлялась возможность». Надо отдать должное их настойчивости и целеустремленности. В определенные моменты им казалось, что они уже близки к достижению поставленной задачи. Таким стал документ, датированный 8 апреля 1916 г. Он приобрел принципиальное значение. Имеется в виду доклад начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М.В. Алексеева на имя главнокомандующего Российской императорской армии. Он был полностью подготовлен на материалах, предоставленных председателем военной комиссии Союза чешско-словацких обществ в России²⁶. Это ходатайство Союза было направлено военному министру и затем передано в Штаб Верховного главнокомандующего.

²² Обращение военнопленных чехов и словаков к министру иностранных дел Н.Н. Покровскому с выражением благодарности России «за военные усилия по освобождению европейского славянства». 15.01.1917 // АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 213. Л. 3 об.

²³ Эскурс в историю вопроса сделан в «Обращении Правления Союза чешско-словацких обществ в России в МИД». 20 февраля 1917. Киев // АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 229. Л. 146–152.

²⁴ АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 229. Л. 147.

²⁵ Обращение председателя Общества чешско-словацкого единения В. Зивала к военному министру М.А. Беляеву. Цит по: *Каржанский Н. (Качанов)*. Чехо-словаки в России. По неизданным официальным документам. М., 1918. С. 32–35.

²⁶ АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 215. Л. 53. Доклад по Штабу Верховного Главнокомандующего. 8 апреля 1916. № 162.

Речь шла об освобождении военнопленных чехов и словаков, «доказавших свою преданность славянской идее и имеющих поручительство чешско-словацкой организации»²⁷. Согласно приведенной авторами ходатайства информации, на весну 1916 г. в Киевском военном округе было размещено более 50 тыс. славян. При этом около 45 тыс. работало на оборону, на строительстве полевых укреплений, частью непосредственно на заводах, выпускавших вооружение и снаряжение. В докладе излагалась точка зрения чехов, рассматривавших эти результаты как «ничтожные» в сравнении с теми, которых можно было бы достигнуть, если бы к интенсивной работе была привлечена вся масса пленных славян. Важнейшим условием такого успеха было использование их профессионализма. Тогда бы они работали «не как подневольные пленники, а как свободные сотрудники, помогающие России одолеть общего врага».

Надо отдать должное умению Правления Союза чешско-словацких обществ убедительно излагать свои мысли. Авторы доклада старались подчеркнуть «пользу», которую принесли чехи для российской промышленности. Позитивную роль этот акт сыграл бы и в пропагандистской деятельности. Речь шла о впечатлении, которое могло произвести освобождение пленных как среди друзей, так и в стане врагов. В частности, Австрии был бы нанесен «смертельный удар», так как «у нее была бы совершенно отнята возможность втянуть славянские элементы в русло австрийской политики». Более того, с этим шагом связывалось дальнейшее развитие «так прекрасно зарекомендовавших себя чешско-словацких частей». Принимая во внимание все эти обстоятельства, в Штабе Верховного главнокомандующего считали «желательным удовлетворить» ходатайство Правления Союза чешско-словацких обществ в России²⁸.

Эта точка зрения нашла понимание и у российского императора, с осени 1915 г. занимавшего пост Верховного главнокомандующего. Резолюция Николая II «Согласен» от 8 апреля 1916 г. на долгое время стала основой, одним из главных аргументов для всех последующих инициатив со стороны чешско-словацких организаций в России по вопросу об освобождении военнопленных.

Однако за этим принципиального характера мнением должны были последовать конкретные «распоряжения о дальнейшем направлении настоящего вопроса». Их ждали от военного министра. Именно в этом ведомстве были «разработаны соображения», которые могли укрепить у пленных славян сознание

²⁷ Они основывались на пункте II-м Положения о военнопленных (приказ № 697 по военному ведомству, 1914 г.): «Военнопленные могут быть освобождаемы на честное слово, но не могут быть принуждаемы к даче честного слова». В случае нового пленения «с оружием в руках» боец терял права военнопленных и предавался военно-полевому суду. См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544. Л. 347.

²⁸ Там же. Л. 345–346; АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 215. Л. 54–55. Доклад по Штабу Верховного Главнокомандующего. Управление дежурного генерала. 8 апреля 1916. № 162. В заключении документа читаем: «Испрашивается Высочайшее соизволение: Благоугодно ли будет Вашему Императорскому величеству соизволить на принципиальное одобрение освобождения военнопленных славян в соответствии с пунктом II-м «Положения о военнопленных» и под поручительством за них законных организаций и на дальнейшее направление настоящего вопроса в установленном порядке». Подлинность подписи государя удостоверял секретарь Дипломатической канцелярии при Ставке С. Валуев».

«родственного отношения к ним со стороны России». Речь шла об освобождении в ближайшее время «под честным словом тех из военнопленных чехов, словаков, русских галичан, а равно и славян других национальностей, кои уже на деле доказали свою преданность России». В первую очередь имелись в виду те военнопленные, в отношении которых австро-венгерское правительство приняло решение «передать их всех, по возвращении на родину, военному суду». Предлагалось освободить тех пленных, семьи которых при отходе русских войск покинули пределы Австро-Венгрии, стали беженцами и поселились в России. «Подлежали бы освобождению все вообще пленные», за «полную лояльность» которых ручался ряд легализованных в России обществ²⁹. Признавалось возможным получить освобождение и по личному ходатайству при соответствующей поддержке военного начальства³⁰.

Следует признать, что предлагавшиеся военным министром Д.С. Шуваевым и начальником Генерального штаба генералом от инфантерии Беляевым меры на первый взгляд были вполне либеральными. Освобождавшимся полагалось предоставить полную свободу передвижения и выбора места жительства по всей территории страны (кроме района театра военных действий). Однако наряду с этими положениями в документе как о весьма позитивном предложении говорилось о целесообразности для обозначенной группы славян свободно «переходить в русское подданство, не ожидая окончания войны». Именно такой шаг дал бы им возможность «получать свободный заработок». Ограничения распространялись на рабочих, находящихся на особо важных работах. С момента освобождения они должны были оставаться на рабочем месте в течение месячного срока.

Необходимо подчеркнуть, что такой порядок освобождения военнопленных славян не вызвал в «принципе возражений» у начальника Штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексева³¹.

Естественно, что принятие русского подданства не входило в планы большинства чехов и словаков, оказавшихся на территории воюющей страны. А о том, что война приняла затяжной характер, понимал уже каждый бывший боец королевско-императорской армии. Именно поэтому такие условия не могли гарантировать «всеобщего воодушевления» со стороны пленных.

Призыв создать две армии — «на фронте и в тылу», начать сбор денег на организацию «военного и национального налога», с которым выступило Правление Союза 27 мая 1916 г., отражал его политическую линию на расширение масштабов сопротивления. Ни один чех не мог оставаться в стороне³². Однако наступательная риторика не нашла понимания даже у тех российских ведомств, которые ранее выступали в поддержку чешских инициатив. Эта тактика нового руководства

²⁹ АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 215. Л. 56–57. Ответ военного министра на отношение № 5057 от 9 апреля 1916 г. начальника Штаба Верховного Главнокомандующего. Были названы Союз чешско-словацких обществ, Русский народный совет Прикарпатской Руси, Всероссийское попечительство о пленных славянах.

³⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544. Л. 350–351. Записка адресована начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего М.В. Алексеву. 8 мая 1916 г.

³¹ Там же. Л. 352. 16 / 17 мая 1916 г.

³² VÚA-VNA (Praha). F. Svaz čs. Spolků na Rusi. 1914. Inv. č. 28. Kart. 5.

Союза, избранного на съезде в Киеве, рассматривалась как неоправданный радикализм³³. Некоторые бывшие члены Правления не хотели отступать от принципа добровольчества, ставить перед Россией «неприемлемые условия», торопить ее, вести переговоры «о провозглашении чешско-словацкой независимости».

В этой связи необходимо понимать причины сдержанности российских властей к чешским инициативам, в том числе и в сфере занятости. Весьма четко и недвусмысленно их объяснил военный министр М.А. Беляев. По его мнению, точка зрения российских властей была сформулирована в июне 1916 г. Это был ответ на заявления нового руководства Союза чешско-словацких обществ³⁴, выдвинувшего «высокую и ответственную задачу» — организовать чешский народ «для вооруженной борьбы с Австро-Венгрией»³⁵. Для выполнения этой цели следовало «произвести мобилизацию всех чехов и словаков, как свободных, так и пленных, и обложить всех, не находящихся на фронте, прогрессивным военным налогом». Части пленных предстояло отправиться на фронт, остальным — на фабрики и заводы, работающие на оборону, «с сохранением внутренней военной дисциплины». Формирование войска могло «заставить пленных забыть действительно неприглядные зачастую условия плена, установить и укрепить их симпатии и преданность России». Братство по оружию, совместно пролитая кровь должны были объединить всех чехов, оказавшихся на чужбине. В свою очередь, в будущей независимой Чехии они составили бы «ядро народа, беззаветно преданного славянской идее и России»³⁶.

В обращении к правительству речь шла о предоставлении Союзу особых прав по организации чешско-словацкого войска. Именно он должен был «руководить организацией всего дела». Однако тот факт, что этот институт преследовал цели политического характера, «вредные интересам» России, вынудили руководство страны «с осторожностью» отнестись к выработанному Правлением Союза проекту и ограничить «до минимума» его участие в деле формирования войска. В результате проект был пересмотрен, функции Правления по подбору добровольцев передавались особой Военной комиссии. Однако и новая редакция «Положения о формировании чешско-словацких войсковых частей» (28 ноября 1916 г. она была внесена на рассмотрение Военного совета, а 8 декабря одобрена) не была отправлена на Высочайшее утверждение. В судьбу проекта вмешалось новое обстоятельство — учреждение в России Чешско-Словацкого Народного Совета. Тем самым с точки зрения политического руководства России была устранена «основная» причина, вызвавшая промедление в деле организации чешско-словацких войсковых частей.

Что касается наболевшего вопроса, фактически фундамента для реализации всех замыслов, — освобождения пленных, то, по мнению Б. Павлу, редактора газеты «Чехословак», хорошо знавшего ситуацию изнутри, новое Правление не было «способно вообще работать». По крайней мере, спустя 2 месяца после получения

³³ РГВА. Ф. 1198 к. Оп. 1. Д. 128. Л. 22–25. Богдан Павлу. 30, 31 мая 1916 г.

³⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 325. Л. 64–67 об.

³⁵ Он состоялся в Киеве в конце апреля — начале мая 1916 г. 1-й съезд прошел в Москве 22–26 февраля 1915 г.

³⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 325. Л. 64–67 об.

радостной вести о «Всемиловейшем соизволении на освобождение» оно не позаботилось о тех нескольких тысячах чехов и словаков, которые уже были полностью готовы к отправке на сборные пункты. Б. Павлу считал, что среди пленных совсем не случайно распространялись слухи о том, что Правление намерено освобождать только того, кто хотя бы условно хотел вступить в войско. Оно действительно опасалось, что этот призыв не будет поддержан в лагерях. По мнению редактора «Чехословака», значительная часть пленных была не готова к новым физическим тяготам, многие были «еще незрелые», чтобы проникнуться идеей освобождения родины. Они могли «дозреть» только на свободе. Особенно «мало политически зрелых» пленных было среди словаков. «Кто, впрочем, может винить убогую Словакию за ее национальную отсталость»³⁷, — задает риторический вопрос автор письма. Освободив словаков, можно было показать на деле последствия реализации идеи славянской солидарности и тем самым склонить их к чешской национальной идее.

Что касается трудоустройства военнопленных, то, по мнению военного министра, в провале всех начинаний в этом направлении также было виновато Правление. Именно оно «оказывало содействие лишь тем (военнопленным. — *З.Н.*), кто соглашался проводить политические цели Союза». Доказательством таких настроений было введение национального налога в размере 25% от заработка — «для образования особого фонда на политические цели». Отказ от выполнения этого условия якобы использовался как акт устрашения для несогласных, «как заподозренных, будто бы в преданности Австрии, оставлением в лагерях военнопленных»³⁸.

Проект создания подобного фонда был подвергнут серьезной экспертизе в нескольких центральных структурах. В результате он был рассмотрен Особым совещанием в начале октября 1916 г.³⁹ Принятое им решение «не подлежало оглашению» даже в выпуске постановлений этого важнейшего государственного органа. Такая закрытость вызывает определенное недоумение. Эта резолюция вполне могла использоваться в пропагандистских целях. Ведь по своей сути она была направлена на защиту интересов военнопленных и основывалась на вполне объективных данных. Подготовленные к совещанию материалы свидетельствовали, что чехи и словаки старательно «уклонялись» от уплаты налога.

Но правительство отказалось от обнародования своей позиции. Можно предположить, что, будучи прекрасно осведомлено о нараставшем кризисе в отношениях между отдельными центрами в Союзе чешско-словацких обществ (особенно между Киевом и Петроградом), оно не стремилось к усилению позиций любой из сторон конфликта.

Между тем особенно жесткую позицию занял Особый политический отдел МИД. Платить «народный налог» можно было только добровольно. С точки

³⁷ РГВА. Ф. 1198 к. Оп. 1. Д. 128. Л. 26–28 об. Письмо из Петрограда Б. Павлу доктору права Й. Коутняку в Киев. 13 июня 1916 г.

³⁸ Ответное письмо военного министра М.А. Беляева премьер-министру князю Н.Д. Голицыну. 27.01.1917. Там же. Л. 39–43.

³⁹ АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 229. Л. 111. Бланк. Особое при председателе Совета Министров делопроизводство. 6 октября 1916 г. № 20174.

зрения управляющего этого отдела, было «совершенно недопустимо даже моральное принуждение», не говоря уже о придании каким бы то ни было пожертвованиям «формы налога»⁴⁰. Эта жесткость предопределялась общей крайне негативной на тот момент позицией по отношению к Т.Г. Масарику и его политическому курсу.

МИД был осведомлен о ходе совещания в Лондоне, в котором участвовали Т.Г. Масарик, Эд. Рейман и В. Ванек, представители Правления Союза чешско-словацких обществ в России, и о принятых на нем решениях. Во-первых, там была жестко сформулирована задача — «достичь как можно большего количества чешских сражающихся солдат» любой ценой, не принимая во внимание жертвы и допустив «все необходимые компромиссы». Кроме того, было указано на необходимость поиска значительных финансовых средств. Успех дела находился в прямой зависимости от их количества. Констатировалось: «Чем больше их было бы в распоряжении, тем больше удалось бы сделать». Причем на доходы от налога в России, различные пожертвования претендовал и Чешский заграничный комитет⁴¹.

Как уже на раз указывалось в историографии, Военное министерство было более склонно по сравнению с МИД и отчасти МВД согласиться на освобождение лояльных пленных славян и использование труда военнопленных чехов и словаков. Совершенно очевидно, что эта позиция была вынужденной, обусловленной необходимостью обеспечить содержание огромной массы пленных и острой потребностью в рабочих руках в промышленности и сельском хозяйстве. Однако и в этих условиях вопрос о степени благонадежности, лояльности к властям оставался приоритетным. Помимо списков, которые готовили официально признанные чешско-словацкие организации, в каждом отдельном случае требовались соответствующие сведения от местного военного начальства. Все это осложняло трудоустройство военнопленных. Между тем их положение было незавидным. Например, чешские пленные 133-й железнодорожной рабочей роты в Вязьме искали помощи в самых разных местах, не только у Союза чешско-словацких обществ, но и у Союза русских соколов. Из 178 пленных в роте за 16 месяцев в строю осталось 93 человека, из 44 чехов — только 26. Остальные или умерли, или были тяжело больны⁴². Ситуация требовала более решительных действий со стороны властей. В этом свете заверения военного министра, когда он, несмотря на объективные факты, решительно отказался принять на свой счет обвинение чешских лидеров о недостаточном использовании для нужд обороны чехов и словаков из рядов военнопленных, кажутся не совсем убедительными.

Таким образом, летом 1916 г. перед Союзом чешско-словацких обществ была выдвинута цель активного вовлечения в национальное движение широких масс военнопленных. Ее реализация вылилась в подготовку Проекта организации самостоятельного чешско-словацкого войска. Одновременно с его обсуждением на

⁴⁰ АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 229. Л. 113. Н.П. Потапову от Управляющего ОПО. 4 ноября 1916 г.

⁴¹ VUA-VNA Praha. F. Svaz čs. Spolků na Rusi. Inv. č. 42. K. 8. Протокол совещания в Лондоне. 23 июня / 6 июля 1916 г.

⁴² РГВА. Ф. 1198 к. Оп. 1. Д. 106. Л. 2–Зоб. 23 июля 1916 г.

всех уровнях на повестке дня актуальным оставался и вопрос об освобождении пленных. Особенно остро он встал в связи с возможной переброской во Францию 30 тыс. пленных чехов и словаков в качестве рабочих солдат⁴³. В этот момент МИД предельно жестко сформулировало свое отношение к идее освобождения как таковой. Ее оно видело в двух ипостасях — как награду и как средство привлечения в формировавшееся войско. В первом случае оно рассматривалось не только как дар жизни, но «и дар свободы», который нужно было заслужить, доказав свою любовь к России. Во втором — возникал вопрос о степени доверия к войску, не создаст ли эта вооруженная масса «некоторой новой опасности»⁴⁴.

В частности, в МИД была высказана мысль, что вооруженные на средства России, организованные в отдельные корпуса, эти 50–100 тыс. рекрутов могут представлять «весьма существенную опасность», если их «противодействие» разовьется в тылу русской армии. По мнению чиновников дипломатического ведомства, практически все зависело от того, кому в действительности это войско будет подчиняться. Для экспертов было очевидным стремление чехов «ограничить власть Русского Императора и даже Русского Верховного Главнокомандующего исключительно военной областью и исключительно временем войны». В результате серьезного анализа ситуации вокруг освобождения пленных было сделано заключение, что освобождение как «массовая мера» могло внести «большое замешательство в сельские и фабричные работы», «облегчить шпионскую деятельность». Кроме того, русское население признало бы его «несправедливым». Складывалось мнение, что освобождению подлежали лишь те пленные, которые вошли бы в состав воинских частей или были бы вызваны на работы военным ведомством⁴⁵.

Новый этап в усилении именно социальных основ в развитии освободительного движения чехов и словаков приходится на 1917 г. Оценивая этот момент, следует согласиться с точкой зрения известного чешского историка Яна Галандауэра. Он отмечал, что «война социализировала чешскую политику», причем движение шло в сторону как социального, так и политического радикализма⁴⁶. Это суждение со всей полнотой можно отнести и к процессам, проходившим в России. В то же время при всей своей очевидности оно требует определенных пояснений.

По данным Правления Союза чешско-словацких обществ в России, к февралю 1917 г. в России находилось около 250 тыс. чехов и словаков. Именно им предстояло определять направление политики «чешско-словацкого народа

⁴³ Переговоры по этому поводу вел в августе 1916 г. М.Р. Штефаник. 5 августа 1916 г. этот проект был отклонен Советом министров «ввиду наблюдаемого повсеместно в империи острого недостатка рабочих рук». См.: *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России 1914–1920. М.: Наука, 1965. С. 86.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 215. Л. 78–84 об. Информационная записка МИД России. Павловск. 31 июля 1916 г.

⁴⁵ Там же. Л. 85–88 об.

⁴⁶ *Galandauer J.* Vznik Československé republiky. 1918. Programy, projekty, předpoklady. Praha, 1988. S. 189.

в будущем»⁴⁷. В этом контексте явным приоритетом являлась пропагандистская работа в лагерях. Позиция Правления была изложена в проекте освобождения пленных славян⁴⁸. Как уже указывалось, его авторы исходили из идеи неразрывного соединения освобождения из плена с серьезными национальными обязательствами. При этом лидеры движения усиленно декларировали идею о том, что состояние плена позорно, невыносимо для «высокоразвитого чувства национальной гордости» чехов и словаков. В начале 1917 г. этот мотив приобретает особое значение. После серьезных неудач предстояло «возродить (пленных. — З.Н.) к новой жизни», вновь дать им веру в историческую миссию России, доказать русскому обществу их преданность славянской идее.

С середины января 1917 г. (особенно после обнародования 10 января ноты держав согласия на мирные предложения Вильсона) среди пленных чехов широко распространяется лозунг: «Чехия будет свободна»⁴⁹. Анализ большого массива корреспонденции с мест, адресованной в Киев и Петроград, показывает, что идея борьбы за свободу и демократию к этому времени активно внедрялась в массовое самосознание пленных чехов и словаков. Постепенно она становится частью мировоззрения военнослужащих чешско-словацких частей и военнопленных.

В то же время укреплялась мысль, что добиться свободы чешских земель и Словакии было невозможно без национальной армии. Особенно интенсивно этот вопрос стал обсуждаться в начале февраля 1917 г. Если ранее на протяжении длительного времени Правление Союза отстаивало принцип, что инициатива в организации войска может принадлежать исключительно «чешско-словацкому почину», то теперь его позиция изменилась. Лидеры движения вынуждены были идти на некоторый компромисс. «Инициатива, набор и поручительство» оставались за национальными силами, а формирование войска сосредотачивалось в руках русских военных властей».

Устранение основной причины, вызвавшей «промедление в деле организации чешско-словацких войсковых частей», занимало и руководство военного ведомства. По его мнению, это были «распри и взаимные нарекания, происходившие среди находящихся в России и принадлежащих к различным политическим течениям чехов и словаков»⁵⁰. Негативный шлейф, источником которого был

⁴⁷ Обращение Правления Союза чешско-словацких обществ в России в МИД России о ситуации вокруг вопроса об освобождении военнопленных славян. См.: АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 215. Л. 146–152. Бланк № 233. 20 февраля 1917. Киев.

⁴⁸ Он был утвержден Военным Советом 8 декабря 1916 г., однако журнал Военного Совета не был представлен на Высочайшее утверждение. В переработанном виде проект вновь был представлен ГУГШ в Военный Совет 26 февраля 1917 г.

⁴⁹ Обращение военнопленных чехов и словаков к министру иностранных дел Н.Н. Покровскому с выражением благодарности России «за военные усилия по освобождению европейского славянства». 15.01.1917. См.: АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 213. Л. 1–3 об.

⁵⁰ Именно эти обстоятельства затормозили выработку основного «Положения о формировании чешско-словацких войсковых частей» и крайне мешали использовать чешские общественные организации в деле набора военнопленных. Письмо военного министра М.А. Беляева премьер-министру Н.Д. Голицыну. 27 января 1917. См.: *Каржанский Н. (Качанов). Чехо-словаки в России. ... С. 39–43.*

раскол внутри чешско-словацкого освободительного движения в России, довлел над всеми другими элементами.

Лишь в конце февраля 1917 г. высшее военное руководство России предложило сформировать «из лояльных добровольцев чехов и словаков особые — чисто боевые — части». Причем к этому решению, согласно представлению ГУГШ в Военный Совет, привела не критическая ситуация на фронтах, не нехватка людской силы, а прежде всего стремительный рост числа чехов и словаков, желающих вступить в ряды войск, сражающихся против Австро-Венгрии, и успешное выполнение Чешско-Словацкой стрелковой бригадой на фронте «специфических задач». И провести это мероприятие в жизнь следовало с особой срочностью⁵¹.

В обновленной России руководство освободительного движения, а вслед за ним и значительная часть пленных по-прежнему видели спасительницу славянства. В обращении к новым властям шла речь о том, чтобы наделить Правление Союза правом «освобождать верных России чехов и словаков из плена, размещать на оборонительных заводах, принимать добровольцев на фронт». Тем самым можно было «осчастливить» тысячи людей, измученных «незаслуженной пыткой долговременного плена», «похожего зачастую на рабство». Подчеркивалось, что славян назначали на самые тяжелые работы, морили голодом, помещали в холодных бараках, не обустроенных лагерях, где они умирали тысячами от тифа, цинги и холеры («Золотая Орда», Троицкий лагерь), а иногда подвергали утонченным пыткам, оскорбляя их национальное достоинство и «ругая их в присутствии немцев и мадьяр клятвопреступниками и изменниками»⁵².

В свою очередь, Правление Союза позиционировало себя в качестве борца за интересы военнопленных, доказывавшего в течение 2 лет крайнюю необходимость использования труда преданных России славян «наиболее целесообразным образом»⁵³. Оценка позиции российских властей по целому комплексу проблем была сформулирована в одном предложении. Все усилия инициаторов «потонули в трясине безначалия, инертности и канцелярщины»⁵⁴.

Таким образом, очевидно, что российское правительство в лице своих ведущих министерств на протяжении длительного времени воспринимало чешские замыслы с изрядной долей сдержанности, если не скепсиса. К середине 1916 г.

⁵¹ Представление ГУГШ в Военный Совет об утверждении проектов «Положения о формировании чешско-словацких войсковых частей» и «Положения о Комиссии, руководящей формированием чешско-словацких войсковых частей. № 3470. 26 февраля 1917 г. // РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1585. Л. 33–35.

⁵² Обращение В. Вондрака в Совет Министров. 12 марта 1917 г. // АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 215. Л. 154–157.

⁵³ Оно предлагало организовать особые рабочие команды из плотников, каменщиков, бетонщиков для обслуживания ближайшего тыла армии, сооружения тыловых коммуникаций. В целом в предложенный план входило размещение мастеров и техников по их специальностям на казенных заводах, работавших на оборону. См.: АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 213. Л. 8. Приветственная телеграмма из г. Киева. 14 марта 1917 г.

⁵⁴ Там же. Достаточно самокритично признавалось, что в противостоянии с бюрократической системой единственное, что удалось сделать Союзу, — это поместить около 1600 человек на заводах Русско-Балтийского общества в Таганроге, а также трудоустроить пленных в Киевском военном округе.

были очерчены основные проблемные зоны, в рамках которых и рассматривался вопрос об освобождении пленных чехов и словаков. Преодолеть их так и не удалось. Необходимо признать, что позиции лидеров чешского освободительного движения и российского правительства оказались прямо противоположными.

Между тем в исторической литературе, особенно легионерской, затем чехословацкой и чешской, критиковалась исключительно Россия. Она обвинялась в непонимании долгосрочных политических задач, которые стояли перед чехами и словаками с началом Великой войны. Вопрос о том, насколько приемлемы, правомерны (особенно в свете международных обязательств России) и безопасны для страны были предлагавшиеся проекты, как правило, уходил на второй план. Царизм как явление, бюрократизм и неповоротливость системы управления и принятия решений как его производные были главными виновниками неоправдавшихся надежд чехов и словаков.

В действительности же ни один из предложенных ими проектов не остался без скрупулезного изучения, тщательного рассмотрения всего комплекса поставленных вопросов с самых разных сторон. Другое дело, что официальные структуры при их анализе исходили из государственных интересов (в их собственном понимании), учитывали не только текущий момент, но и возможное негативное для страны развитие событий в будущем. Для них было очевидно, что политическое руководство освободительным движением в России на тот момент не соответствовало его масштабам и особенно потенциалу. Неоправданные уступки чехам рассматривались в качестве нежелательного прецедента, к которому могли апеллировать и другие национальные сообщества пленных. Был высказан ряд и других фундаментальных возражений. Системные перемены, произошедшие в феврале 1917 г., открыли новые возможности для актуализации нерешенных проблем и их продвижения в новом ключе.

А.Н. Птицын
(Ставрополь)

ЧЕШСКИЕ И СЛОВАЦКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ НА ЮГЕ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Одним из основных районов расселения чешских и словацких переселенцев на территории Российской империи являлись причерноморские, приазовские и кавказские губернии. По данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., всего в них проживало около 7 тыс. чехов и словаков (15% от их общей численности в нашей стране)¹. К 1914 г. численность чехов и словаков на юге России увеличилась примерно на треть (как за счет естественного прироста, так и вследствие притока новых переселенцев) и превысила 10 тыс. человек.

Среди переселенцев преобладали крестьяне-колониисты, широко были представлены также ремесленники, рабочие, технические специалисты, учителя, музыканты и т. д. Особую группу составляли предприниматели, которые наряду с представителями интеллектуальных и творческих профессий составляли своеобразную переселенческую элиту. Они руководили деятельностью эмигрантских организаций, финансировали образовательные и культурные проекты, покровительствовали своим бедным соотечественникам, выступали в качестве посредников в отношениях между переселенческими общинами и российскими властями и т. д.

Роль эмигрантской элиты особенно возросла в годы Первой мировой войны, когда под воздействием мероприятий, направленных против подданных «враждебных держав», произошла консолидация проживавших в России чехов и словаков и наблюдалась своеобразная «мобилизация этничности»². Примечательно, что в это время руководителями чешских и чешско-словацких комитетов, действовавших в Киеве, Петрограде, Москве и других городах, стали как раз представители предпринимательского сословия. То же наблюдалось и в изучаемом регионе. Так, главой чешской переселенческой общины в Екатеринодаре и Кубанской области в годы войны стал местный заводчик Владимир Гусник, а словацкое землячество в Тифлисе и Закавказье возглавил владелец дротарских³ мастерских Йозеф Белон.

¹ Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб., 1905. Т. II. С. 21, 39.

² Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 185–187.

³ Дротари — словацкие ремесленники-металлисты, занимавшиеся изготовлением и ремонтом изделий из жести и проволоки (посуды и т. п.). См.: *Ferko V. Svetom, moje, svetom* (Slovenskí drotári doma i vo svete). Bratislava, 1985.

Среди предпринимателей австро-венгерского происхождения, действовавших в России, численно преобладали чехи, за ними следовали австрийские немцы. Словаки здесь тоже играли заметную роль, более яркую, чем венгры, австрийские поляки и южные славяне. У иностранных предпринимателей, действовавших в нашей стране, наблюдалась своеобразная специализация. Подавляющее большинство предприятий, основанных здесь чехами, относились к нескольким отраслям: металлообработке и машиностроению, пивоваренной и пищевой промышленности. Словаки в силу своих национальных традиций специализировались на металлообработке, их предприятия вырастали из мастерских ремесленников-дротарей. Чешские и словацкие переселенцы также активно занимались торговлей, причем у словаков она часто осуществлялась развозом и разносом товаров, что отражало национальные традиции предпринимательства.

Южные регионы России выглядели особенно привлекательно для иностранных предпринимателей в конце XIX — начале XX в., когда переживали период бурного экономического роста. Чешское и словацкое предпринимательство на юге России было многоликим, охватывая различные сферы — промышленность, торговлю и сферу услуг. Первыми этот регион еще с середины XIX в. стали осваивать странствующие словацкие торговцы и ремесленники. Так, уже в 1860 г. Ставрополь и другие кавказские города посетили 20 словацких торговцев, в том числе представители известной предпринимательской семьи Орсагов⁴.

С 80-х гг. XIX в. в Причерноморье и на Северном Кавказе стали возникать различные заводы и фабрики, принадлежавшие чешским владельцам. Наибольший размах этот процесс приобрел в начале XX в., особенно в предвоенные годы. В то время здесь действовало несколько десятков промышленных и торговых предприятий, принадлежавших чехам и словакам.

Самую заметную роль чехи сыграли в возникновении и развитии местной пивоваренной промышленности. Накануне Первой мировой войны только в одной Кубанской области действовало 10 чешских пивоваренных заводов (в Екатеринодаре, Майкопе, Темрюке, Армавире, станицах Крымской, Отрадной, Лабинской, Усть-Лабинской, Тихорецкой и селе Ольгинском). В Донской области было 4 чешских пивоваренных завода, в Ставропольской губернии — 3, в Черноморской губернии — 2, в Терской области — 2 и т. д. Примечательно, что чешским пивоварам удалось открыть свои предприятия как в крупных городах (Одесса, Ростов-на-Дону и т. д.), так и в некоторых селах и станицах. Чешские пивзаводы действовали даже в таких экзотических местах, как недавно присоединенный закавказский город Карс и село Хасавюрт в Чечне⁵.

Владельцами нескольких металлообрабатывающих заводов в рассматриваемом регионе были чехи: Карл Гусник — в Екатеринодаре (его совладельцем был сын Владимир), Франц Грушка и Ярослав Матоушек — в Нахичевани-на-Дону (ныне — часть Ростова-на-Дону) и др.⁶ Словацкие дротари открыли свои мастерские в Одессе, Ростове-на-Дону, Тифлисе и Баку. Самым крупным словацким

⁴ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 101. Оп. 1. Д. 3940. Л. 570.

⁵ См.: Список фабрик и заводов Российской империи / Ред. В.Е. Варзар. СПб., 1912.

⁶ Там же.

предпринимателем региона являлся Иосиф Белон — хозяин дротарских мастерских в Тифлисе и Баку. Примечательно, что в его тифлисской мастерской было занято около 30 рабочих-словаков⁷. Чешский инженер Алоиз Навратил возглавлял крупную строительную фирму, которая имела отделения в Ростове-на-Дону и Майкопе.

Чешскими переселенцами в южнороссийских губерниях был открыт ряд небольших предприятий перерабатывающей промышленности: колбасных фабрик, мельниц, маслобойных заводов и т. п. Среди предприятий подобного рода можно назвать маслобойный завод Оскара Лажанского в Армавире, мельницу Вячеслава Козеля в станице Лабинской, колбасные фабрики Войтеха Карасака в Мариуполе, Карла Новотни в Ставрополе, братьев Вратислава и Юлиана Штепанеков в Армавире и др.⁸

Следует отметить, что российские предприятия чешских и словацких владельцев, как правило, принадлежали к числу средних и мелких. Впрочем, в то время таковыми были почти все промышленные предприятия рассматриваемого региона. О профиле деятельности мелких предприятий можно судить по воспоминаниям учителя-чеха Ярослава Сватоша, много лет проработавшего в Тифлисе. Он отмечал, что на Кавказе «целый ряд чехословаков владел небольшими преуспевающими промышленными предприятиями: занимались производством колбас, хлебобулочных изделий, слесарным и столярным делом, кладкой стен, штукатурными работами, строительными работами, жестяными работами, извозом, сапожным и швейным ремеслом, садоводством»⁹.

Чешские и словацкие фабриканты, как правило, привлекали на свои предприятия в качестве инженеров, мастеров и квалифицированных рабочих своих соотечественников. Так, почти на всех чешских пивоваренных заводах мастерами-пивоварами тоже были чехи. А в тифлисских мастерских словака Йозефа Белона в годы войны было занято 28 рабочих из числа его соотечественников¹⁰.

Во многих городах Причерноморья и Кавказа на постоянной основе действовали торговые предприятия, принадлежавшие чехам и словакам. Они также выступали в качестве представителей иностранных торговых фирм. Предприниматели австро-венгерского происхождения вели свои дела в крупных портовых городах (Одессе, Ростове-на-Дону, Таганроге, Новороссийске) и региональных экономических центрах (Ставрополе, Армавире Владикавказе и др.). Они обслуживали главным образом внешнеэкономические связи региона с Австро-Венгрией и другими европейскими странами. Некоторые торговцы успешно осваивали и внутренний рынок. Примером преуспевающего торговца может служить ставропольский купец 1-й гильдии чех Карл Новотни, который являлся одним из

⁷ Голец Р. Словацкие предприниматели в России накануне Первой мировой войны // Мифы — стереотипы — образы. Восприятие России в Словакии. Братислава—Йошкар-Ола, 2010. С. 30; Пучкиш В.С. Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868–2010. Ростов-на-Дону, 2010. С. 290.

⁸ См.: Список фабрик и заводов Российской империи / Ред. В.Е. Варзар. СПб., 1912; Пучкиш В.С. Ук. соч.

⁹ Svatoš J. Československá emigrace na Kavkaze // Naše zahraničí. 1927. VIII. Č. 2. S. 72.

¹⁰ Пучкиш В.С. Ук. соч. С. 290.

крупнейших игроков на северокавказском мясном рынке. Он вел оптовую торговлю скотом, владел сетью мясных лавок и собственной колбасной фабрикой. В предвоенные годы ежегодные операции К. Новотни доходили до весьма внушительной в те времена суммы в 300 тыс. руб.¹¹

Словацкие торговцы вели развозную и разносную торговлю во многих селах и станицах рассматриваемого региона. Странствующие торговцы-словаки на Кавказе добирались даже до высокогорной Теберды. Накануне Первой мировой войны в сельских районах Кубани и Ставрополья торговали словаки Иван Червен, Иван Ткачик и другие¹².

Чешские предприниматели действовали также в сфере услуг, выступая в качестве владельцев гостиниц, трактиров, кинематографов и т. д. Так, например, целую сеть трактиров открыл в предвоенные годы в Ставропольской губернии владелец пивоваренного завода Антон Груби¹³. Хозяевами гостиниц на Черноморском побережье являлись Ярослав Вострый (Новороссийск), Вацлав Старец (Анапа), Бартоломей Флегр (Геленджик). Чешка Богумила Шиллерова открыла первый курортный пансионат в Геленджике. Некоторые чехи занимали руководящие должности в коммерческих банках: Фома (Томас) Дуффек был директором ростовского филиала Санкт-Петербургского учетного и ссудного банка, Франц Особа возглавлял новороссийский филиал Волжско-Камского банка¹⁴.

Предприниматели играли активную роль в жизни австро-венгерских переселенческих общин. Так, в 1911 г. среди членов австро-венгерского вспомогательного общества, действовавшего в Ростове-на-Дону (туда входили и лица, проживавшие в соседних регионах), насчитывалось 7 владельцев торговых фирм, 8 самостоятельных коммерсантов, 14 представителей заграничных торговых фирм, 5 владельцев и 7 директоров промышленных предприятий, 2 владельца строительных компаний и 1 владелец сети кинематографов¹⁵.

Первая мировая война прервала масштабный и поступательно развивавшийся процесс развития иностранного предпринимательства в нашей стране. Российское правительство приняло ряд чрезвычайных законов, направленных на ликвидацию предприятий, принадлежавших подданным и выходцам из «враждебных государств», и на конфискацию их собственности. Чехи и словаки, как и другие зарубежные славяне, были выведены из сферы действия чрезвычайного законодательства, однако на практике их затронули многие ограничительные меры военного времени. Чешскому и словацкому предпринимательству в годы войны был нанесен серьезный удар.

Чтобы защитить себя и свои предприятия от действия чрезвычайных законов, чехам и словакам приходилось затрачивать немало сил. Во-первых, им требовалось доказать свое славянское происхождение. В тогдашних удостоверениях личности, как австро-венгерских, так и российских, графа «Националь-

¹¹ ГАСК. Ф. 459. Оп. 1. Д. 12032. Л. 50.

¹² Государственный архив Краснодарского края (ГАСК). Ф. 454. Оп. 1. Д. 5844.

¹³ ГАСК. Ф. 459. Оп. 1. Д. 12032. Л. 107–137.

¹⁴ Пукшиш В.С. Ук. соч. С. 68, 71.

¹⁵ Отчет Австро-Венгерского вспомогательного общества в Ростове-на-Дону за 1911 г. Александровск, 1912. С. 18–26.

ность» попросту отсутствовала, ее заменяла графа «Вероисповедание». Здесь на помощь приходили удостоверения, выдаваемые местными чешскими обществами, или поручительства известных и уважаемых соотечественников. Сразу же после начала войны в Екатеринодаре был арестован ряд австрийских подданных, в числе которых были чехи. Выйти на свободу они смогли благодаря ходатайству уважаемого местными властями человека — заводчика Владимира Гусника¹⁶.

В июле 1916 г. владелец пивоваренного завода в селе Александровском Ставропольской губернии чех Карл Гавлик обнаружил свое имя в списке лиц, чье недвижимое имущество было выставлено уездными властями на торги как принадлежащее неприятельским подданным. Только своевременно поданная им жалоба на имя губернатора и представленное удостоверение в славянском происхождении предпринимателя не позволили этим торгам состояться¹⁷.

Сразу же после начала войны, опасаясь преследований и стараясь подчеркнуть свою лояльность, проживавшие в России чехи и словаки стали подавать ходатайства о переходе в российское подданство. Как «лица славянского происхождения» они получали его в ускоренном и упрощенном порядке. Большинство чешских и словацких предпринимателей сменили свое подданство именно в конце 1914 г. и в начале 1915 г. Впрочем, другая часть предпринимателей, давно живущих в России, сменила подданство еще до войны. Всего по стране, по данным МВД, в годы Первой мировой войны с прошениями о принятии в российское подданство обратились 2465 чехов (888 из них просили принять в российское подданство и членов их семей) и 188 словаков (в том числе 55 — с семьей)¹⁸.

Первая мировая война вызвала в среде чешской эмиграции подъем национального самосознания. Среди чехов-переселенцев утвердилась мысль о том, что они должны поддержать Россию в ее борьбе с Австро-Венгрией и Германией, поскольку результатом этой борьбы станет воссоздание независимого чешского государства. Представители чешской диаспоры на юге России неоднократно выступали в печати о своей поддержке России в ее борьбе с «угнетательницей славян» — империей Габсбургов. В частности, с подобными статьями в кубанской прессе выступал Владимир Гусник.

«Славянский патриотизм» чехов также находил свое выражение в денежных пожертвованиях в пользу семей военнослужащих российской армии, раненых и т. д. Так, в июле 1914 г. члены чешской колонии в Армавире приняли решение отчислять определенный процент из получаемого каждым из них заработка в пользу семей военнослужащих в течение всей войны. А владелец местного маслобойного завода чех Оскар Лажанский выдал каждому мобилизованному из числа своих работников двухмесячный оклад жалованья и принял на себя обязательство материально поддерживать их семьи¹⁹. Помощник начальника Кубанского областного жандармского управления по Черноморской губернии

¹⁶ Пукши В.С. Ук. соч. С. 107.

¹⁷ ГАСК. Ф. 68. Оп. 2. Ч. 2. Д. 7997. Л. 2–7.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 243. Ч. 2. Д. 7631–7648.

¹⁹ Ктиторев С.Н. Чешский след в истории Армавира // Мир славян Северного Кавказа. 2005. Вып. 2. С. 275.

в своем докладе губернатору (март 1915 г.) отмечал, что «среди чехов вспыхнул патриотизм славян: чтобы доказать свою преданность России, они стали вносить пожертвования на нужды войны»²⁰.

Чешские и словацкие предприниматели рассматриваемого региона приняли участие в формировании и финансировании чешской добровольческой дружины (позднее — корпуса). По решению чешских комитетов все проживавшие в России соотечественники должны были платить особый налог на содержание этого воинского соединения. Уже в августе 1914 г. в Екатеринодаре на заводе Гусника началась запись добровольцев в дружину. В то же время в город с агитационными целями прибыл представитель Московского комитета чешской дружины инженер и предприниматель Л.И. Майдль. В числе первых чешских добровольцев были представители предпринимательских кругов. Владелец пивоваренного завода в Юзовке (ныне — Донецк) Иван Брож в составе дружины и затем корпуса дослужился до звания майора. В годы Гражданской войны он был одним из командиров частей чешского корпуса во Владивостоке²¹. В состав чешской дружины вступили также владелец колбасной мастерской в Майкопе Иосиф Трисоль и совладелец местной строительной фирмы Владимир Навратил²².

Несмотря на то что чехи и словаки всячески демонстрировали российским властям свою лояльность, отношение к ним как к бывшим «австрийско-поданным» оставалось настороженным. Полиция регулярно собирала сведения о настроениях эмигрантов и надзидала за «подозрительными». О том, насколько уязвимым было положение переселенцев, свидетельствует случай, произошедший в августе 1915 г. со ставропольским предпринимателем чехом Алоизом Эргартом. Он был известным в городе инженером, владельцем фирмы «Энергия», занимавшейся разведкой и добычей природного газа, изготовлением и монтажом газового оборудования. Вскоре после начала войны предприниматель принял российское подданство. 18 августа 1915 г. А. Эргарт встретился с находившимися в Ставрополе военнопленными-чехами, которые сообщили ему, что русским солдатам на фронте не хватает оружия, из-за чего многие из них недавно попали в плен к австрийцам. В тот же день в частном разговоре с несколькими своими знакомыми, ставропольскими предпринимателями, А. Эргарт повторил полученную от пленных информацию. Один из бдительных собеседников тут же поспешил в полицию и сообщил о том, что «инженер Эргарт — австрийский шпион, ведущий пораженческие разговоры». В полиции тут же завели на чешского эмигранта дело и вызвали на допрос его самого и других участников беседы. Инженеру удалось доказать, что, хотя он высказался «неосторожно», но не имел при этом злого умысла, а лишь передал чужие слова. Помогла ему и репутация известного и уважаемого в городе предпринимателя. Впрочем, самим

²⁰ Матвеев О.В. «Среди них вспыхнул патриотизм славян...»: чехи Кубанской области и Черноморской губернии в годы Первой мировой войны // Мир славян Северного Кавказа. 2009. Вып. 5. С. 135.

²¹ Муратов А., Муратова Д. Дипломаты Йосеф и Вацлав Гирса // Русское слово (Прага). 2011. № 5. С. 20.

²² Матвеев О.В. Ук. соч. С. 131.

полицейским А. Эргарт также был отлично известен, так как он неоднократно привлекался ими в качестве переводчика. В итоге дело кончилось тем, что А. Эргарт был оштрафован на 25 руб., пережив во время допроса и следствия весьма неприятные минуты²³.

Война привела к большим переменам и в собственно профессиональной деятельности чешских и словацких предпринимателей. Больше всего пострадали пивовары, составлявшие самую многочисленную прослойку чешских предпринимателей. Вскоре после начала войны в нашей стране был введен «сухой закон», что привело к закрытию большинства пивоваренных заводов, а оставшиеся были перепрофилированы на выпуск безалкогольных напитков, масштабы производства и прибыли при этом существенно сократились.

Другие промышленные предприятия чешских и словацких владельцев в годы войны продолжили свою работу. Однако они столкнулись с серьезными трудностями экономического характера, вызванными военными условиями, — расстройством хозяйственных связей, дефицитом сырья и топлива, призывом рабочих в армию и т. п. В то же время металлообрабатывающие предприятия, получившие военные заказы, в годы войны расширили свою деятельность. Так, если в 1909 г. екатеринодарский завод Гусника производил продукцию на 40 тыс. руб. при 35 рабочих, то в 1914 г. число рабочих выросло до 120, а сумма производства — до 140 тыс. руб. Если до войны завод изготавливал оборудование для мельниц и маслобоек, сельскохозяйственные орудия и машины, то теперь стал выпускать снаряды к бомбometам и другие боеприпасы²⁴.

На военные рельсы перешел и действовавший в Нахичевани-на-Дону механический завод чеха Франца Грушки. Ранее он производил медные и бронзовые отливки, печное оборудование и пр. Накануне мировой войны на данном предприятии было занято 23 рабочих, годовое производство оставляло 23 тыс. руб.²⁵ В военные годы завод был перепрофилирован на выпуск патронов, что привело к расширению производства. Завод продолжал изготавливать патроны и в годы Гражданской войны, сыграв важную роль в снабжении боеприпасами Донской армии белых.

Упомянутый выше А. Эргарт в начале 1916 г. совместно с российским капиталистом М. Пономаревым организовал в Ставрополе «механическую мастерскую по выделке разного рода военного снаряжения», однако из-за нехватки капитала масштабное производство в ней развернуть не удалось²⁶.

Продолжали свою деятельность в годы войны и многие предприятия пищевой промышленности, принадлежавшие чешским владельцам. В составленном в конце 1915 г. Кубанской областной войсковой канцелярией списке австрийских подданных, оставленных на жительство на Кубани, упомянуты чехи — владельцы мельниц в Майкопе (Вячеслав Товара), станице Уманской (Владислав Некокса), станице Лабинской (Вячеслав Козель) и хуторах Кавказского отдела (Александр Кулганек и Антон Кочвара) и хозяева колбасных фабрик в Армавире

²³ ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3679. Л. 1–7.

²⁴ Екатеринодар — Краснодар. 1793–1993. Краснодар, 1993. С. 166, 390.

²⁵ Список фабрик и заводов Российской империи... Ч. 1. С. 213.

²⁶ ГАСК. Ф. 68. Оп. 2. Ч. 2. Д. 7805. Л. 20–21.

(Юлиан Штепанек) и станице Лабинской (Франц Малирж)²⁷. Торговое предпринимательство чехов и словаков в годы войны оказалось свернуто, как и их деятельность в сфере услуг.

Февральская революция привела к дальнейшему подъему национального самосознания чешской и словацкой общины. В воззвании «К чехам и словакам», опубликованном в апреле 1917 г. в екатеринодарских газетах, Владимир Гусник призывал представителей этих народов вступать в ряды местного чешско-словацкого общества, а затем организовать съезд чешских обществ Северного Кавказа. Он заявлял о том, что чехи должны быть заинтересованы в продолжении войны «до победного конца». Свое обращение В. Гусник заканчивал следующими словами: «Или сегодня — или никогда. Или настоящая война наконец освободит нас от рабства, или погибнет наш народ, оставив последние кровавые следы борьбы за правду и свободу. Да здравствует свободный русский народ! Да здравствует свободная и независимая Чехия»²⁸.

Однако вскоре для героев нашего очерка начались новые испытания. Приход к власти большевиков и проводимая ими политика национализации положили конец иностранному предпринимательству. Чешские и словацкие владельцы в одночасье лишились своей собственности. Начавшаяся в стране Гражданская война поставила под угрозу жизнь переселенцев и членов их семей. В этих условиях начиная с весны 1918 г. набирает ход чешская и словацкая реэмиграция из России. Вернулось на родину, в ставшую теперь независимой Чехословакию, и большинство чешских и словацких предпринимателей. Из охваченной беспорядками Грузии выехали не только Й. Белон, но и все его рабочие-словаки. Покинувший Кубань Владимир Гусник стал работать инженером на металлургическом заводе в словацкой Подбрезове. А его отец, престарелый Карл Гусник, оставшийся в Екатеринодаре, был убит неизвестными в июне 1920 г.²⁹

Таким образом, чешское и словацкое предпринимательское сообщество, сформировавшее на юге России в конце XIX — начале XX в., в годы Первой мировой войны по объективным причинам было вынуждено сократить свою экономическую активность. При этом усилилась деятельность некоторых предпринимателей в общественно-политической сфере, они стали играть руководящую и консолидирующую роль для местных переселенческих общин. После прихода к власти большевиков чешские и словацкие предприниматели лишились своей собственности, а разразившаяся в России Гражданская война вынудила большинство из них вернуться на родину. Однако память о деятельности этих людей, внесших свой вклад в развитие причерноморских и кавказских регионов, сохраняется на местах и в наши дни.

²⁷ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5844.

²⁸ Листок войны (Екатеринодар). 1917. 15 апреля.

²⁹ Пукши В.С. Ук. соч. С. 70, 126, 291.

Д. Кодаева
(Братислава)

РОССИЯ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ В ПАМЯТИ СЛОВАКОВ: НЕПРИЯТЕЛЬ ИЛИ СЛАВЯНСКАЯ СТРАНА?*

Применительно к ранним периодам бессмысленно говорить о международных отношениях. Отношения между странами опирались на принципиально иные основания. Договоренности возникали на основе династических связей, мирным путем — вследствие заключения браков, получения наследства — или, наоборот, в результате усилий дипломатов в конце военных конфликтов. Исходя из насущных политических интересов, союзники могли в одночасье превратиться во врагов. При этом они обычно не принимали в расчет родственные связи монархов, а уж тем более абсолютно не интересовались эмоциональным восприятием этих отношений жителями страны.

С наступлением эпохи национализма население разных стран стало восприниматься как нации, т. е. в каком-то смысле как живые организмы, обладающие собственной волей, чувствами, мечтами, представлениями и целями. Мир, ранее делившийся на государства и конфессии, стал разделяться по национальному признаку. Нациям приписывались определенные качества, на основе которых возникали симпатии или антипатии. Процессы самоидентификации и дифференциации от других («мы»/«они») происходили на переломе XVIII и XIX столетий. В последующий период романтизма категория *нация* фигурировала в литературе, публицистике, искусстве и общественной жизни как реальный факт и одна из важнейших ценностей. «Образы» собственной и других наций являлись распространенным выразительным средством.

Начало словацкого национального движения связано именно с этим периодом. Территория словаков находилась в составе Венгерского королевства, которое потеряло независимость в 1526 г., став частью империи Габсбургов. Часть венгерского дворянства неоднократно пыталась возобновить свою государственность путем антигабсбургских восстаний. Национальные лидеры преследовали данную цель и в 1848 г., однако все так же безуспешно. Желаемое было достигнуто в 1867 г., когда в результате австрийско-венгерского соглашения государство

* Статья возникла в рамках грантовой программы VEGA 2/0180/13 «Словаки и международные отношения в Центральной и Восточной Европе. Мифы — стереотипы — историческая память», проводившейся в Институте истории САН.

стало называться Австро-Венгрией, а соответствующими законодательными актами был установлен дуалистический режим.

Параллельно с венгерским (мадьярским) национализмом развивались и национализмы остальных народов, которые образовывали многонациональную страну. основополагающие тезисы словацкого национализма базировались на этническом принципе. Словаки воспринимали себя как славянский народ, который проживает на «земле между Дунаем и Татрами» и является составной частью большой славянской семьи народов. В течение XIX в. словаки предложили несколько политических программ, целью которых было изменить или хотя бы улучшить собственное положение. При этом венгерский национализм не скрывал свои амбиции развития Венгрии как единого государства с одной государственной нацией и одним языком. Представителям немадьярских народов угрожала не просто ассимиляция, но и ежедневное испытание на себе ассимиляционной политики.

Как в Вене, так и в Будапеште не было желания политически разрешить словацкий вопрос. После 1867 г. венгерские политики даже утверждали, что словаки — это не национальность, а лишь национальное меньшинство, а потому не признавали за ними национальных прав. Национальные лидеры тогда пережили чувство подавленности. По сути, все варианты политической программы включали в себя оборонительную концепцию и поиск опоры или помощи, используя которую словакам удастся улучшить свое положение. Естественным союзником им представлялись остальные славянские народы. В течение нескольких десятилетий часть интеллигенции славянских народов поддерживала славянское движение. В его рамках развивались культурные и научные контакты, книгообмен, взаимное информирование об истории, литературе и культуре своих народов и остальных славян. Некоторые деятели кроме аполитичных культурных и литературных контактов культивировали также теории о создании общего славянского государства. Оно должно было возникнуть когда-нибудь в будущем. Но каким образом это должно было произойти, какую форму должно было принять это государство или содружество государств — никто никогда детально не разработал.

В этой туманной версии славянского будущего Россия играла важную роль. С данной державой связывались надежды славян. Они верили, что эта славянская страна поможет своим славянским братьям. У них была уверенность, что Россия примет участие в военных конфликтах, по окончании которых она поднимет вопрос об освобождении славян на мировой дипломатической арене. Слово «освобождение» является в этих теориях основополагающим. Освобождение славян, как и представление о едином славянском государстве, носило неясный характер. Как сторонники данных теорий это себе представляли? Путем военного конфликта? С помощью моральной поддержки? Посредством дипломатии? В виде присоединения «освобожденных» славян к Российской империи или преобразования России, которая составила бы вместе с остальными славянами федеративный союз государств? В представлениях о решении славянского вопроса не сбрасывалась со счетов ни одна из перечисленных альтернатив.

Война, которую начнет Россия, как вариант решения словацкого вопроса

Часть словацких национальных деятелей приняла русофильскую ориентацию. Ее наиболее известным представителем являлся Светозар Гурбан Ваянский. Он считал, что Россия, освободив балканских славян, освободит и славян австрийских. В своей уверенности в желании России действовать подобным образом Ваянский опирался на теорию национальных интересов отдельно взятых государств. При этом в русских национальных интересах, по его мнению, должно было быть именно освобождение славян. «Так, национальные задачи России взваливают на нее высокую миссию освободить славянские народы от иноплеменного ярма и даровать им автономное устройство. Россия должна быть готова переносить всю тяжесть эгоистического отношения других государств к его высокой освободительной миссии в глубоком убеждении, что судьбы народов и государств вершат непреодолимые законы истории, а не жадные и изменчивые желания дипломатии... Россия и славянство сейчас переживают критический момент. Россия уже вела не одну войну против угнетателей славян для сохранения их народности, веры, языка, обычаев. Ценой непомерных жертв она сокрушила мощь Турции и с не имеющим в истории аналогов великодушием, ничего не взяв себе, все отдала освобожденным»¹. Ваянский признавал право на национальные интересы и за остальными государствами. По его мнению, национальным интересом Австро-Венгрии было не вступать в войну с Германией, поэтому она образовала с ней союз, хотя все германские политические усилия были направлены против России и славян. Славяне при этом составляли огромную часть австро-венгерских подданных. Интересно, что Ваянский не анализировал этот внутренний конфликт интересов Австро-Венгрии, а сосредоточил свое внимание на образе России и описании ее готовности воевать ради священной миссии собственных национальных интересов, а следовательно, и за освобождение славян. Однако что под этим подразумевалось? Война России с Австро-Венгрией? Обоснованно ли было надеяться, что Россия вступит в войну с Австрией, с которой она была в союзнических отношениях в течение всего богатого на военные конфликты XIX столетия? Опыт последнего десятилетия показывал, что, если для решения восточного

¹ *Vajanský S.H. Položenie Európy // Národné noviny. XIX. 1888. Č. 115; 118.* Данная статья была опубликована в нескольких номерах газеты за сентябрь и октябрь 1888 г. (Č. 114–118.) Она отражает взгляды Ваянского на задачи России, основанные на его интерпретации Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Подобное видение он сохранил и позднее, в период Балканских войн. Вплоть до настоящего времени Ваянского продолжают характеризовать как убежденного русофила. После войны сын и жена Ваянского утверждали, что в конце своей жизни (скончался в 1916 г.) он скорректировал собственные «ожидания» освобождения со стороны России, однако об этом перерождении не было известно более широкому кругу словацких национальных деятелей. В данном вопросе мы ссылаемся на воспоминания личного архивиста президента Масарика, которая зафиксировала, как это перерождение объяснял президенту Владо Гурбан, сын Ваянского. См.: *Gašparíková–Horáková A. U Masarykovcov. Spomienky osobnej archivárky T.G. Masaryka. Bratislava, 1995. S. 105.*

вопроса была необходима война, а затем мирная конференция (Берлинский конгресс), подобный сценарий мог использоваться и в будущем. После возникновения Тройственного союза, когда Россия перестала быть союзником Австрии, официальная проправительственная печать реагировала на новую политическую ситуацию, представляя Россию как захватническую страну, неоднократно воевавшую с Османской империей ради собственных великодержавных интересов². В прессе, симпатизировавшей славянам, в связи с данными шагами России всегда писалось о русских войнах за освобождение славян. Подобную интерпретацию принимал и Ваянский. Таким образом, возникла парадоксальная ситуация. Представитель словацкого народа, не сумевший реализовать свои политические требования в собственной стране, и одновременно представитель Словацкой национальной партии, которая в результате сложившегося положения отказалась от участия в выборах, обращался к другой стране, чтобы последняя активнее выступала от имени его народа. На каком основании? Ответ Ваянского был однозначен. Для того, чтобы Россия освободила очередного представителя семьи славянских народов. В славянском движении конца XIX — начала XX в. Ваянский в своих взглядах не был одинок. Славянская публицистика часто подобным образом аргументировала и по-своему ожидала «большой военный конфликт держав», в котором Россия исполнит миссию освобождения славян.

Хотя влияние прорусски ориентированных групп славянских политиков в различных уголках Габсбургской монархии было слабым, потенциальные шаги России в возможном конфликте должны были занимать и ту часть политического спектра, которая, в отличие от русофилов, не желала никакого российского вторжения на территорию своей страны. Вне зависимости от того, какую политику вела Российская империя, Россия фигурировала во всех сценариях политического развития Европы и Азии.

Конфликтом, в результате которого европейская дипломатия могла бы заняться славянским вопросом, стала Балканская война 1912 г. В словацкой печати этого периода события рассматривались в прославянском духе. Просербские и славянофильские симпатии словаков даже стали предметом интереса государственных органов, которые усматривали в них проявления российской панславистской агитации. Словацкая пресса писала о естественном праве России быть гарантом мирной конференции, где она будет отстаивать интересы всех славянских народов, в том числе и тех, кого Балканская война непосредственно не касалась. Вскоре, однако, стало ясно, что мирная конференция должна будет разрешить актуальные проблемы воюющих друг против друга «братьев-славян» и там не будет места для славянского вопроса в том виде, в котором это ожидалось. Словацкий политик Милан Годжа, который был оппонентом русофильской ориентации, в данной связи отметил: «Победителем на Балканах является Германия — румынский и греческий короли — это родственники немецкого императора, а не славяне или Россия»³.

² Prokš P. Válečné cíle carského a revolučního Ruska za Velké války // Slovanský přehled. 2011. Roč. 97. Č. 1–2. S. 17–48.

³ Slovenský týždenník. 1913. 15.03.

Атмосфера первых дней войны

В течение короткого промежутка между покушением в Сараеве и началом войны во многих странах, позднее принявших участие в конфликте, прошли ура-патриотические демонстрации. В Австро-Венгрии война трактовалась как справедливое возмездие за смерть наследника престола. Население демонстрировало лояльность монархии, династии и правительству. Волна симпатии и сочувствия к пожилому монарху, которому судьба нанесла очередной удар, овладела общественным мнением. Особенно в крупных городах, где скапливались мобилизованные солдаты, проводы на фронт сопровождались ура-патриотической истерией и прогабсбургскими настроениями. Официальная печать сообщала, что «необходимо посчитаться с Сербией... следует искоренить идею великосербских мечтаний... после кампании против Сербии нас ожидает русская война» и т. п.⁴ Пропаганда стремилась представить войну с Сербией как кратковременное мероприятие. Сообщалось не о войне, а о «мерах против Сербии», о «кампании», о деле чести и справедливости, при этом использовались образы коварного «серба-убийцы» и его подстрекателя и покровителя — России, стоящей за ним. Россия, хотя еще не было войны, называлась зачинщиком конфликта и неприятелем. Плоды подобной пропаганды проявились в разных местах. Например, местные «газафики», т. е. венгерские патриоты (от венгерского слова *haza* — родина), пришли прямо под окна словацких национальных деятелей, чтобы проскандировать лозунги «Да здравствует война!», «Да здравствует дорогое отечество!» и т. п. Согласно воспоминаниям словацких политиков, подобное произошло в Ружомбероке, Банска-Бистрице, Скалице, Мартине и в других местах. ««Восторженные газефики» организовали “травлю панславистов”, преследовали семьи национальных деятелей, обвиняли их в ожидании русских войск и шпионаже в пользу России, а местные государственные органы не вмешивались, поскольку для этого у них не было никаких полномочий или приказов»⁵.

Тогда как в городах была напряженная ситуация, в сельской местности массовый фанатизм последних предвоенных и первых военных дней практически не проявлялся. Здесь преобладали опасения, связанные с угрозой для жизни, и чаяния вернуться к нормальной жизни⁶.

Уже первые дни войны принесли с собой разные оценки ситуации, разные взгляды на войну и различный опыт. В последующий период все это отразилось в памяти о войне. Для одних это было «только» продолжение политики или даже шанс для решения сложных вопросов, которые политика не сумела разрешить мирными средствами, особенно социального и национального вопросов. Войне приписывалась задача нового разделения мира, шанс создать новые государства, провести новые границы. Для большей части населения война представляла

⁴ *Dangl V.* Vojensko-diplomatické pozadie príprav prvej svetovej vojny po sarajevskom atentáte // Pod zástavou cisára a kráľa. Bratislava, 2009. S. 176.

⁵ *Janšák Š.* Život dr. Pavla Blahu. Slovenské národné hnutie na prahu XX. storočia. Trnava, 1947. S. 463.

⁶ *Mannová E.* Koncept lojality. Postoj k autoritám na Slovensku počas prvej svetovej vojny // Historický časopis. 2007. Roč. 55. Č. 4. S. 683.

собой в первую очередь страдания, период неуверенности и опасности, социальные потрясения. Общей чертой всех высказывавшихся мнений была только вера в то, что война будет краткой. Однако и эта довоенная «уверенность» очень быстро улетучилась.

Многослойность памяти о Великой войне

Под памятью мы подразумеваем интеллектуальную способность человека сохранять и использовать информацию и на ее основе вспоминать о пережитых событиях. Хотя воспоминания имеют преимущественно индивидуальный характер, метод нашего представления прошлого не является исключительно субъективным. В память переносятся опыт и коллективные идеи, которые у нас общие с другими членами коллектива, к которому мы себя относим. Общественная и социальная обусловленность памяти приводит к тому, что об одном и том же периоде или событии всегда существуют отличающиеся воспоминания. На память повлияли как личные ситуации, опыт, победы и поражения ее носителей, так и сведения, полученные из печати, литературы, воспоминаний других людей, обучения в школе, идеологии, семейной, национальной и конфессиональной памяти и многих других феноменов. Поэтому память не может иметь универсальный и однообразный вид. Напротив, она заключает в себе множество слоев или как бы является сплетением многих «памятей».

Первая мировая война получила название «первая» не сразу. Изначально ее называли Великой войной. Она затронула судьбы огромных масс людей, населения разных стран, многих национальностей. Для словаков Великая война представляла собой одно из ключевых событий XX столетия. Восприятие войны в дошедших до нас источниках, литературе и воспоминаниях не однозначно. В нем отражается ценностная ориентация конкретных людей и групп населения, слагаемыми которой являлись лояльность по отношению к государству или «отечеству»⁷, правителю, а также отношение и переоценка национальных интересов — в том виде, как их долгие годы до начала войны представляли словацкие национальные деятели. В изменившихся политических условиях их цели оказались минималистскими. Новые возможности принесли новые цели, а также новые политические фигуры, с которыми «старая гвардия» национальных активистов не всегда пребывала в согласии. Память о Великой войне имеет массу оттенков. Если для их классификации избрать один критерий, которым будет восприятие образа России, то можно выделить как бы пять слоев этой памяти.

В первом слое отражалась официальная память, которую форсировала официальная австро-венгерская пропаганда. Она использовала все средства государственной машины и чрезвычайного военного положения, включая их репрессивную составляющую, заметно отразившись в памяти о войне. В ней постоянно присутствует Россия, и всегда в качестве неприятеля.

⁷ *Dudeková G.* Dvojsčenná zbraň. Vojnové nadšenie, perzekúcie a problém lojality Slovákov v prvej svetovej vojne // *Ivaničková E. a kol.* Kapitoly z histórie stredoeurópskeho priestoru v 19. a 20. storočí. Pocta k 70-ročnému jubileu Dušana Kováča. Bratislava, 2011. S. 243.

Во втором слое памяти, который мы называем венгерским и провенгерским и который навязывался словакам как в значительной степени альтернативный по отношению к австро-венгерскому уровню, Россия играла гораздо более сложную роль. Она находилась в диапазоне между неприятелем и страной, с которой можно посчитаться за поражение в 1849 г. и тем самым вновь открыть вопрос о возобновлении венгерского суверенитета, сегодня открыто называющегося венгерской государственностью.

Третий слой памяти отражает взгляды обычных граждан, словацкого населения. С одной стороны, он подвергался влиянию со стороны австро-венгерского правительства в духе лояльности к монарху и единому отечеству, а также находился под влиянием пропаганды венгерского правительства, как и под значительным влиянием церкви. С другой стороны, он был под влиянием длительной довоенной деятельности словацких национальных активистов, которые не культивировали негативное враждебное отношение к России, а подчеркивали с ней славянское родство — в языке и менталитете.

В качестве следующего слоя памяти словаков о войне можно выделить память самих национальных лидеров. После начала войны они были вынуждены лояльно относиться к политике правительства и сохранять пассивность. Более того, действия заграничного и внутреннего Сопротивления не были согласованы, и для них Россия играла диаметрально противоположную роль. Внутреннее Сопротивление было вынуждено обходить Россию, молчать о ней. Деятели Заграничного национально-освободительного движения, наоборот, ожидали, что, укрепляя отношения с Россией, можно добиться разрешения формировать на ее территории легионерские части. То есть заграничное движение должно было сотрудничать с официальной Россией.

Отдельный слой памяти составляет легионерская память. Де-факто легионеры участвовали в ликвидации монархии, но в словацкой среде об их деятельности было ничего неизвестно либо же известно крайне мало. Официальная пропаганда представляла их как «горстку дезертиров». После войны их заслуги, наоборот, переоценивали, и память «горстки дезертиров» перекрыла память сотен тысяч австро-венгерских солдат, которые до последнего дня войны сражались на стороне монархии.

Память о войне, сформированная в духе официальной политики

Так же как в военной песне с припевом «За государя императора и его семью!», в австро-венгерскую армию были мобилизованы сотни тысяч мужчин. Лояльное отношение к государству перемежалось с лояльностью к императору, династии, австро-венгерской монархии, ее армии и союзническим обязательствам, т. е. благожелательности к германской политике. Союз с сильной Германией считался гарантией военной кампании против Сербии. Новым было лояльное отношение к еще одному союзнику — Османской империи. Столетиями Габсбургская монархия воевала против Османской империи и султана. Однако сейчас были изданы листовки, на которых император был изображен рядом с султаном, а австро-венгерский солдат находился рядом с турецким и они вместе

готовились «посчитаться с сербами и русскими». Тогда как во время Балканских войн армейские командиры докладывали об опасности использования солдат австро-венгерской армии славянского происхождения в сражениях против других славянских народов, поскольку у них была сильно развита славянская солидарность⁸, в первые месяцы новой войны этот славянский компонент полностью исчез. Солидарность заменили обвинения сербов и Сербии в убийстве наследника престола. В этом отношении официальная пропаганда была настолько убедительна, что в памяти надежно закрепился мотив сербской ответственности за развязывание войны.

Образ России был подчинен военным интересам Австро-Венгрии. Он был враждебный. Пропаганда делала акцент на том, что Россия — это деспотичное государство с несвободным населением, располагающее огромной армией, которая по приказу царя уже несколько раз маршировала по Европе и всегда стремилась к возвращению старых порядков — в наполеоновских войнах, в рамках обязательств по Священному союзу, и в 1849 г. Пропаганда, однако, умалчивала, что действия России объяснялись тем, что она была австрийским союзником.

Прямые столкновения между австро-венгерской и российской армиями начались уже в первые дни войны. Одинаково преувеличивались как неудачи русских наступлений на Восточном фронте, так и успехи австро-венгерской армии. Пропаганде было на руку, что русские солдаты не вели себя как освободители славян, хотя им удалось проникнуть на территорию Австро-Венгрии в Восточной Словакии, где преобладало словацкое и русинское население. Официальная печать использовала термин «вторжение российской армии», который вызывал ассоциации с татарским нашествием, турецким вторжением, варварством и коварностью. В пропагандистскую кампанию были вовлечены и деятели литературы и искусства. Примером подобного тенденциозного творчества являлись иллюстрированная книга под названием «Альбом в поддержку шаршского люда, пострадавшего от русского вторжения»⁹, стихотворения, пьесы, закреплявшие образ русского-врага в восприятии необразованного простонародья. Этот образ, однако, претерпел значительные изменения после встреч населения с первыми русскими и сербскими пленными. Они не были похожи на опасных врагов и, скорее, вызывали сочувствие. Начиная с 1916 г. труд пленных использовался

⁸ Согласно рапортам военных командиров, в период Балканских войн славянская солидарность среди солдат словацкого происхождения проявлялась путем организации денежных сборов в помощь сербскому населению разрушенных областей. В рапортах обращалось внимание на осторожность при назначении словацких солдат в службу конвоя. Причиной этого были их симпатии к сербам и разные подозрения, например, что в случае конфликтных ситуаций с сербами солдаты будут стрелять в воздух. Сведения о материалах из военных архивов взяты из следующей публикации: *Dangl V. Slovanská idea a antimilitarizmus v radoch vidieckeho obyvateľstva, mládeže a vojska v čase balkánskych vojen 1912–1913 // Vojenská história. 2003. Roč. 7. Č. 4. S. 31.*

⁹ *Dudeková G. Hrdinskí vlastenci, barbárskí nepriatelia a nebezpeční vlastizradcovia. Propaganda v prvej svetovej vojne // Bystrický V., Rogul'ová J. (zostavovatelia). Storočie propagandy. Slovensko v osídľach ideológií. Bratislava, 2005. S. 10.*

в сельском хозяйстве. Контакт с ними способствовал, образно выражаясь, новой «вспышке памяти» о славянской солидарности.

Официальная печать представляла образ России, сотрясаемой сложной внутривластной жизнью. Вследствие распространения этого образа несколько померкла даже знаменитая слава русского оружия. Официальная пропаганда иллюстрировала разложение России сообщениями о скандальных действиях российской общественности по отношению к императрице, которую обвиняли в шпионаже в пользу Германии. После революции, кроме этого, в прессе сообщалось о хаосе, насилии, голоде и неконтролируемых убийствах мирного населения. Победившие в России принципы равноправия, реализованные на практике, толковались отпугивающим способом: «Общая земля, женщины, дети, вши, голод» и т. п. Официальная пропаганда попадала в народную среду особенно с помощью церковной печати и духовенства. Они представляли революцию не как попытку установления справедливого социального порядка, а как Божье наказание. При этом ситуацию в собственном отечестве, которая так же отличалась голодом, неуверенностью в завтрашнем дне и неимоверными страданиями, церковная пресса характеризовала как кульминацию социального напряжения, не лишённую и своей положительной стороны. Этой положительной стороной была обречённость социальной ситуации, способной заставить «творцов послевоенного мира» принять меры, которые приведут к введению более справедливого общественного устройства. Вопреки сильному давлению официальной пропаганды, нагнетавшей враждебный образ России, в памяти словаков, даже в тяжелейшие часы войны, постоянно всплывали воспоминания об идее славянской солидарности, о славянском родстве, которые проступали сквозь образ России как неприятеля. С другой стороны, в случае распространявшегося официальной пропагандой образа большевистской России словаки не смогли проявить к нему такое неприятие. Преобладающая часть словаков признавала Россию великой европейской державой или славянской страной, однако не принимала большевистскую Россию.

Солидарность подданных с военной политикой Австро-Венгрии и ее союзников должны были поддерживать официальные ритуалы, праздничные мероприятия, культ героев, возведение памятников. Католическая пресса распространяла мученический культ застреленного престолонаследника. Однако дань уважения воздавалась и сотням тысяч погибших солдат. Закон 1917 г. об увековечении героев, сражавшихся за родину, обязывал города и другие населённые пункты, чтобы они по возможности возводили памятники павшим¹⁰. При любом удобном случае играл гимн, водружался государственный флаг, проводились общие молебны о погибших и сражающихся за императора, отечество и победу. Не за окончание войны, а за победу в ней. Государство выплачивало женам и детям солдат пособие, позднее оно организовало систему распределения продуктов. Парадоксально, что государство больше заботилось о своих гражданах во время войны, чем до этого в мирной жизни.

¹⁰ *Mannová E. Koncept lojality. Postoj k autoritám na Slovensku počas prvej svetovej vojny // Historický časopis. 2007. Roč. 55. Č. 4. S. 684–685.*

Любопытной чертой данного слоя памяти является незаконченность ее форм, хотя у официальной пропаганды был наибольший потенциал: пресса, листовки, обращения, данные о настроениях населения, государственное расследование антивоенных выступлений и т. п. После войны диаметрально изменился носитель памяти, формированию которой служила целая военная машина. Сотни тысяч солдат австро-венгерской армии, отправившихся воевать после присяги на верность императору и монархии (многие из них пали в бою), дождались медалей и памятников. Однако они воевали на стороне государства, которое проиграло, но при этом после войны им суждено было стать гражданами страны, относившей себя к победителям¹¹. Их память о войне уже не представляла интереса для общественности. Поэтому мы знаем преимущественно о потенциале этого слоя памяти, но нам очень мало известно, о том, какие настроения были у солдат и какова была их жизнь.

Память в провенгерском духе

Словаки тонко улавливали разницу между австро-венгерской и венгерской позициями. Об этом, например, свидетельствуют воспоминания рядового из Мошовце (Мошовце — родина Яна Коллара). По обычаю во время мобилизации рекруты ходили вместе по селу и распевали народные песни. Однако уход на войну требовал не только обычных народных песен, хотелось исполнить и гимн. Петь гимн, начинавшийся словами «Isten áld meg a magyart!», т. е. «Боже, благословляй мадьяра!», они все-таки не хотели, поскольку считали себя национально сознательными словаками и «пением венгерского гимна слишком далеко бы зашли в лицемерии». Вопрос решили тем, что запели «австро-венгерский гимн в чешском варианте. Венгры его не любили, но не могли показать это открыто»¹². И так, словацкие парни сняли шляпы и по-чешски запели «Zachovej nám, Hospodine, císaře a naši zem». Присутствовавшие жандармы не могли ничего поделать, поскольку официальный порядок не был нарушен. Таким образом, разницу между венгерской и австро-венгерской лояльностью понимали и обыкновенные люди.

Память, которая фиксировала провенгерские оценки, как бы отражала две линии. В первой она мало отличалась от официальной австро-венгерской, и у нее был схожий потенциал, включая репрессивные составляющие. Во второй линии просматриваются надежды на послевоенное переустройство Европы и возможное возвращение венгерской государственной самостоятельности. И именно с этой линией восприятия войны вступала в противоречие зарождавшаяся идея чешско-словацкого сопротивления, имевшая целью образование национального государства чехов и словаков. Тогда как исходное требование разрушения старой монархии могло быть общим, из-за венгерских и чешско-словацких амбиций оно не стало объединяющим началом обоих национализмов. Наоборот, еще более

¹¹ *Lipták E.* Slovensko v 20. storočí. Bratislava, 1998. S. 51.

¹² Цит. на основе опубликованных воспоминаний: *Urbanová B., Vrábek F.* Spomienky ruského legionára Andreja Šikuru z Mošoviec // *Vojenská história.* 2010. Roč. 14. Č. 2. S. 141–142.

усилился их антагонизм, сформировавшийся в XIX в. После того как появилась политическая возможность существования вне монархии, не возникло вариантов общего словацко-венгерского будущего.

В Венгрии большую традицию имело «пугало панславизма» и описание России как панславистской державы, которая сбивала с толку славян, пообещав им собственное славянское государство. Однако антироссийская военная пропаганда пополнилась новым сюжетом. Утверждалось, что Россия обманула и своих западноевропейских союзников, используя их, чтобы расширить собственные границы за счет Австро-Венгрии, и обманывает местное славянское население, вещая о свободе, которую им принесет. В этот период в местах «соприкосновения» австро-венгерской и российской армий было замечено огромное множество листовок с обращением к солдатам-славянам, чтобы те не воевали против русских солдат. Российское командование распространяло листовки с декларацией освободительной миссии Русской армии¹³. О масштабе этой инициативы свидетельствует также большое количество печатной продукции, которой засыпали австро-венгерских солдат в фронтовой полосе в Северной Венгрии. В 1914 г. в России было издано около 600 видов этой продукции с разными призывами к славянским братьям общим тиражом 11 млн экземпляров¹⁴. На территории Восточной Словакии, где местное население встретилось как с Русской армией, так и с российской военной пропагандой, несмотря на противоборство армий, распространились стихийные проявления симпатии к славянским «братьям». Эти симпатии, как и антипатии, исходили из того, как какая армия относится к местному населению. Тогда как Русская армия получила приказ дружески обходиться со славянским населением, что являлось частью российской пропаганды, императорско-королевская армия, которая как бы автоматически предполагала лояльность местного населения, действовала по законам военного времени и, отступая, оставляла за собой «выжженную землю»¹⁵. Более того, венгерское правительство начало преследования православных священнослужителей, обвинив их в шпионаже в пользу России. Многие из них были повешены. Суды обвинили 800 русинских селян в якобы имевшем место пособничестве Русской армии¹⁶. Правительство добивалось лояльности собственного населения также с помощью устрашающих решений, что отразилось в памяти об этом периоде в виде негативных оценок венгерской политики.

В Венгрии было несложно поддерживать страх перед новым топотом русских сапог по венгерской земле. С другой стороны, быстрая остановка российского продвижения характеризовалась как проявление слабости России в тот момент и делался вывод, что эту слабость необходимо использовать. Военная пропаганда работала не только с «панславистской картой». Противная сторона вытянула на поверхность «карту обновления венгерской государственной

¹³ *Mrva I., Segeš V. Dejiny Uhorska a Slováci. Prešov, 2012. S. 372.*

¹⁴ *Булдаков В.П. Первая мировая война и имперство // Мальков В.Л. Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998.*

¹⁵ *Kováč D. a kol. Prvá svetová vojna 1914–1918. Slovensko v 20. storočí. Druhý zväzok. Bratislava, 2008. S. 59.*

¹⁶ *Mrva I., Segeš V. Dejiny Uhorska a Slováci. ... S. 371.*

независимости», убеждая, что эта идея не чужда и российской стороне. В листовках, напечатанных в России и распространявшихся среди солдат венгерского происхождения, венгров призывали не бояться русских и не воевать против России. При этом описывалось, как российская армия, побеждающая австро-венгерские войска, переходит границы и наступает на Будапешт, Краков, Вену и Львов. «Когда Россия войдет в эти города в качестве победителя, она не нарушит венгерскую свободу и независимость. То, что Россия сделала 70 лет назад, было ошибкой. Россия заплатила за нее. В этой войне российские войска не повторят такую ошибку, наоборот, они принесут венграм независимость и свободу. Уже сейчас Россия большая, ей не нужна Венгрия. Час свободы близок, перестаньте воевать на стороне Германии и Австрии и поддержите Россию»¹⁷.

Венгерская пропаганда, в свою очередь, также усиленно работала с мотивом реальности нового обретения государственной самостоятельности. Так, возникли отличающиеся особой радикальностью «фантастические планы о коронации Франца-Иосифа в Киеве, о разделении России» и т. п.¹⁸ В данной связи любопытно, что, если российская пропаганда стремилась повлиять на иностранных солдат, утверждая, что Россия достаточно большая и ей не нужны новые территории, венгерская, наоборот, акцентировала внимание на том, что в России много земли и Венгрия как ее победитель не только вновь создаст свое государство, но еще и получит новые земли. Писалось не о территории, а о земле. Агитация была рассчитана на рядовых солдат, большинство из которых были крестьянами, поэтому земля для них представляла большую ценность и мотивацию для изменения собственного мнения.

Постепенно в венгерской прессе произошли значительные изменения. Если до войны словаков называли национальным меньшинством, позднее получили распространение утверждения о лояльности словацкого народа, о мужестве словацких солдат, восхвалялась «непоколебимая верность словацких братьев венгерской нации и монархии», которых ранее только «обманывали и сбивали с пути всякие панславистские мятежники без души и ума». Из всех народностей Венгрии именно словаки были названы «самыми близкими венгерскому сердцу». Из обращений к словацкой общественности исчезло слово «мадьярский» и гораздо чаще стало использоваться слово «венгерский» (*uhorský*, не *maďarský*. — *Прим. ред.*) или «наш» в смысле «наш общий венгерский». «Ведь словак — это венгр (*Uhor*. — *Прим. ред.*). Он столетия живет вместе с нами, столетия ест наш хлеб, живет на нашей земле, столетия находится под нашей охраной...»¹⁹

Предназначенное для солдат императорско-королевской армии художественное творчество должно было сформировать чувство борьбы за общее дело.

¹⁷ Slováci v prvej svetovej vojne 1914–1918. Zmeny na politickej mape Európy a odchod Slovenska z Uhorského kráľovstva do Česko-Slovenskej republiky // *Kováč D. a kol.* Pramene k dejinám Slovenska a Slovákov. XI b. Bratislava, 2012. S. 132.

¹⁸ *Šrobár V.* Pamäti z vojny a väzenia (1914–1918). Praha, 1922. S. 10.

¹⁹ *Vörös L.* Slováci: «Najvlasteneckjší Uhri “alebo“ slobodný národ»? Sociálne prezentáciu Slovákov v maďarskej tlači v rokoch 1914–1918 // *Vörös L.* Analytická historiografia versus národné dejiny. «Národ» ako sociálna kategória. Pisa, 2010. Прочитированные фрагменты см. на S. 139–141.

В качестве одного из объединяющих моментов кроме императора и общего отечества оно стремилось использовать общую победу над Русской армией. В подобном духе были написаны простые, легко запоминающиеся стишки для солдат, например: «Венгры, немцы, словаки — это хорошие солдаты. Гораздо более проворные, чем казаки»²⁰.

Хотя словаков представляли как верных и мужественных солдат, воюющих до конца на стороне монархии, в 1918 г. в их рядах стало больше военных мятежей. Словаки составляли лишь 3,6% солдат Австро-Венгрии, однако они принимали участие в 20% мятежей²¹. Однако даже в конце войны их причиной были не антивоенные требования, а плохое обращение с простыми солдатами, проблемы с довольствием и т. п.

Народная память о войне

В данном слое памяти доминирует социальный аспект. Последствия войны, страдания на фронтах и в тылу, людские потери, разлука членов семьи, материальные убытки стали главными чертами памяти о войне. Индивидуальная память простых солдат и крестьян с их женами, которые должны были трудиться в тылу на «домашнем фронте» не только ради нужд своей семьи, но и для армии, имеет несколько общих компонентов. Ими являются нужда, голод, страх. Обычные люди не решали мировые проблемы. Однако последствия политики их касались самым непосредственным образом. При этом они понимали, что сами не в силах изменить ситуацию. Люди должны были приспособиться и изменить свою стратегию жизни на выживание. В военное время все власть имущие стремились выдвигать народ на роль главного ответственного лица за успехи армии. Под угрозой строгих наказаний они требовали для армии исполнения сельскохозяйственного налога, что требовало жертв. Обращения из официальных инстанций народу объясняли в основном священники. Последние исходили из того, что «Если существует жертва ради общественного блага, то жертва безымянных неизвестных героев во имя родины и императора является этой высочайшей жертвой»²². Идея жертвы во имя отечества и императора в ценностной системе словацкого народа, как рядового солдата, так и крестьянина, значилась высоко. «Династия, трон и монарх являли собой для словаков величины священные и неприкосновенные»²³, и эти понятия фиксировались в течение столетий. И поэтому в народной среде в начале войны не было проявлений сопротивления. Здесь не ощущалось ни восторга от войны, ни протестов против мобилизации.

²⁰ *Bazovský K.* Sberka nových piesní. Budapešť, 1916. Цит. по: *Pramene k dejinám Slovenska a Slovákov*. XI b. Bratislava, 2012. S. 74.

²¹ *Lipták E.* Vzbury vojakov a nacionálny rozchod národov Uhorska r. 1918 // *Mommsen H., Kováč D., Maláč J., Marková M.* (eds). První světová válka a vzťahy medzi Čechy, Slováky a Němci. Brno, 2000. S. 234.

²² *Tiso J.* Kňaz na bojisku // *Fabricius M.; Suško L.* (ed.). Jozef Tiso. Prejavy a články. Zv. I (1913–1938). Bratislava, 2002. S. 91.

²³ *Holec R.* Rok 1918 — Slováci medzi lojalitou k Uhorsku a k novej republike // *Česko-Slovenská historická ročenka*. Brno; Bratislava, 2009. S. 21.

Однако в массовом масштабе появились попытки «отозвать» мужчин из армии, которые обосновывались необходимостью их труда в сельском хозяйстве. В то же время на самой воинской службе словаков характеризовали как надежных бойцов.

Образ России, как и других держав, включая собственную страну, в народной памяти не претерпел существенных изменений. На память воздействовали абсолютно противоположные влияния. С одной стороны, это было длительное воздействие официальной «господской политики» и церкви, изображавшей Россию как неприятеля. Особенно католическая церковь представляла Россию как православную страну, где преследуют католиков и правит сильный абсолютистский режим. Словацких национальных деятелей она клеймила как отечественных панславистов и русских шпионов, мечтающих о присоединении к России, принятии православия и русского языка, а тем самым и русского кнута со всемогущей полицией. С другой стороны, это было также длительное, хотя и ограниченное, воздействие национальных лидеров в предвоенный период, которое идеализировало Россию как славянскую страну, с населением которой, близким словакам по менталитету, они легко найдут общий язык. Простые солдаты, в мирное время бывшие в основном крестьянами, которые обычно не путешествовали и не знали «мир», познавали его сейчас, хотя бы и из окопов и окон военных поездов. Многие ранее не слышали о славянской взаимности, однако теперь встретились с реальным фактом, что не понимали собственных командиров, говоривших по-немецки и по-венгерски, но понимали командиров врага, т. е. русских. Участники войны часто вспоминали, как славянские солдаты с удивлением осознавали огромное пространство Восточной и Юго-Восточной Европы, с жителями которой они могли друг друга понять²⁴. Эти несовместимые воздействия на народ во многих областях теперь дополнились опытом личного контакта с российской армией и русскими пленными, которых направляли на работы в сельскую местность. Оказалось, что действительно с русскими можно легко договориться, что они точно так же, как и словаки, — крестьянский народ, который желает для своих семей и детей мира, а не войны за царя и других господ. Русский народ, который олицетворяли русские пленные, не был носителем враждебных эмоций по отношению к словакам. На территории самой Словакии было относительно мало сражений, однако там, где велись бои в 1914–1915 гг., население вступало в контакт именно с Русской армией. Волна симпатий к русским у словацкого населения вызывала ужас в Вене и Будапеште. Проявления русофильства, теперь означенные ярлыком «антипатриотический мятеж», преследовались властями²⁵.

Если в начале войны в народе господствовала определенная преданность стране и императору, а значит, и некоторое смирение перед судьбой и принятие мобилизации «За государя императора и его семью», начиная с 1916 г. люди все чаще проявляли стремление к окончанию страданий и возвращению к мирной жизни.

²⁴ *Lipták E.* Vzbury vojakov a nacionálny rozchod národov Uhorska r. 1918 // První světová válka a vztahy mezi Čechy, Slováký a Němci / Eds. H. Mommsen, D. Kováč, J. Malíř, M. Marková. Brno, 2000. S. 233.

²⁵ *Lipták E.* Slovensko v 20. storočí. Bratislava, 1998. S. 56.

Память, зафиксированная в среде словацких национальных деятелей

Реальное воздействие словацкой национально мыслящей общественности на народ/нацию было сильно приукрашено уже на основе послевоенной реальности. В период дуализма, когда давление венгерских правительственных кабинетов на формирование венгерского патриотизма в мадьярском духе было наиболее сильным, немадьярские национальные лидеры действовали в очень стесненных условиях. Во многих областях национальные деятели действовали в обществе, которое мы называем словацким, как одиночки. Предполагается, что количество словаков, активно преданных венгерской государственной идее, было сравнимо с числом национальных словацких активистов. Таким образом, последние не могли даже претендовать на роль решающих лидеров. Свои политические требования даже в мирное время национальные деятели должны были формулировать осторожно. С первых дней войны они подверглись еще более целенаправленному общественному контролю со стороны патриотически настроенных сограждан и учреждений. Многие были интернированы. Корреспонденция люстрировалась. Другие были призваны в армию, однако часть из них как представители интеллигенции старались использовать возможность отдать свой долг перед отечеством другим образом, нежели на фронте. Они трудились для армии в тылу — в управлении по цензуре, больницах, церковных приходах и учреждениях. Чрезвычайное положение вынуждало их аккуратнее выражаться о войне в целом и о России в особенности. Ни в одной словацкой газете не публиковались антивоенные статьи. Напротив, писалось о героизме наших воинов, сражающихся против сербских и русских солдат. При этом «нашими» были не только воюющие словаки, но и все австро-венгерские солдаты. В общественной сфере было мало места для славянской солидарности. Как бы то ни было, обсуждение русской помощи было возможно разве что между самыми близкими людьми.

Политические партии остановили свою деятельность. Представители Словацкой национальной партии в специальном документе провозгласили собственную лояльность монарху и, говоря о словацком народе, заявили: «...Как всегда раньше, и сейчас мы все сплотимся вокруг Его высокого престола и не будем уклоняться даже от самых тяжелых жертв в интересах чести, славы и величия нашего отечества... нам (т. е. словацкому народу) важно то, чтобы наша родина и наша монархия сохранилась в своей целостности...» В связи со своим славянским происхождением и убеждениями они приняли следующую формулировку: «Поэтому, как народ, принадлежащий к славянскому племени, мы не отрекаемся — поскольку отречься не можем — от своего более или менее близкого родства ни с одним из славянских народов. Однако оглядки на это родство не будет, оно не посмеет препятствовать нам в том, чтобы мы в достаточно полной мере исполнили свою верноподданническую и патриотическую обязанность»²⁶.

²⁶ Slováci v prvej svetovej vojne 1914–1918. Zmeny na politickej mape Európy a odchod Slovenska z Uhorského kráľovstva do Česko-Slovenskej republiky // *Kováč D. a kol. Pramene k dejinám Slovenska a Slovákov. XI b.* Bratislava, 2012. S. 24–25. Документ, датированный 5 августа 1914 г., назывался «Заявление словацкой национальной партии об остановке деятельности в период войны».

В воспоминаниях национальных деятелей, которые они опубликовали уже после войны, есть упоминания о том, как они учились читать газеты и расшифровывать официальные сообщения, как ожидали приход российской армии и как уже с 1918 г. готовили создание нового государства чехов и словаков. Однако документы военных лет свидетельствуют, что идея разрушения монархии не была им такой близкой. Более того, у отечественного Сопротивления не было точной информации о действиях заграничного Сопротивления. Идея общего государства чехов и словаков родилась за границей, среди легионеров и эмиграции, и здесь начиная с 1916/1917 гг. воспринималась в качестве цели, ради которой и направлены все дипломатические и военные усилия. Во внутреннем движении Сопротивления даже в документе, относящемся уже к началу 1918 г. — в так называемом «Трехкоролевском» договоре (6 января — праздник Трех Королей, т. е. Богоявления), — не было открыто выражено отношение к монархии, не было призывов разрушить Австро-Венгрию, а было лишь требование общего представительства чехов и словаков на мирной конференции²⁷. Совершенно иначе сохранилась и память об участии в отечественном и заграничном Сопротивлении. На нее повлияло также то, что после окончания войны между представителями обеих групп сложились напряженные отношения. В новой Чехословакии активные во времена Австро-Венгрии национальные деятели были несколько отодвинуты от политики. Их обвиняли в том, что они ушли в тень, вступив на путь сотрудничества со старым режимом. Сами они, наоборот, обращали внимание на тяжелые условия и преследования за непатриотическую деятельность. Их воспоминания о тяготах войны содержали взаимные обвинения. К России, ее задачам и гипотетической возможности русской помощи словакам у них было принципиально различное отношение. Хотя русофильство среди словацких национальных деятелей и имело давнюю традицию, именно во время войны Россия как тема должна была исчезнуть из печати. Исходя из чрезвычайного военного положения ограничивались письменные контакты. Любые действия в пользу доброго имени Российской империи оценивались как шпионаж и непатриотическое поведение. В среде заграничного Сопротивления у представителей словаков были весьма оживленные контакты с военным командованием и дипломатическими кругами. Отношение к России у участников переговоров было диаметрально различным. Они не сидели, сложа руки в ожидании помощи от России, а собственными силами сражались на ее стороне за свободу и окончание войны.

В Венгрии как непатриотические проявления обозначались даже пацифистские взгляды, которые жестко карались. Известность перед войной получил случай словацкого толстовца Альберта Шкарвана, который отказался служить в армии, поскольку это противоречило его убеждениям. Его осудили и очернили в прессе. Не было понято и решение Шкарвана эмигрировать. Поскольку он контактировал с Л.Н. Толстым, его поступок объяснялся как дурное влияние учения русского писателя о непротивлении злу насилием. В печати подчеркивалось, что речь идет о влиянии русской среды, которая воздействовала на молодого Шкарвана, сбивала его

²⁷ Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století. Spolupráce a konflikty 1914–1992. Vyšehrad, 2012. S. 53.

с правильного пути и свела с ума. Его поступок воспринимался негативно и был назван антипатриотическим. Другого словака, который решился на пацифистское выступление, Яна Маляка, задержали прямо во время публичного выступления. Его отправили в психиатрическую больницу и во всеуслышание объявили сумасшедшим. Оба эти случая были на слуху, причем они не встретили понимания ни у венгерской, ни и у словацкой общественности. О случаях с простыми солдатами, которые уклонялись от военной службы, в тот период не было известно, поскольку армия старалась скрывать сведения о проявлениях антивоенных настроений в своих рядах. Таким образом, среда словацких национальных деятелей не проводила отчетливой антивоенной агитации. Наоборот, в воспоминаниях больше всего сохранились описания страданий, преследований и внешней лояльности к правительству и отечеству, а не ревностное воодушевление от войны.

Память легионеров

Легионерская память по многим пунктам отличается от остальных слоев памяти. Вследствие войны гражданам было необходимо защищать родину, приносить ей жертвы, причем не только вследствие воздействия официальной пропаганды. Легионеры, наоборот, выступили против своего отечества: большинство из них — дезертиры из австро-венгерской армии, воевавшие на стороне изначальных неприятелей. Главной чертой легионерской памяти является линия, которая как бы логически устремлялась к единственной цели — разрушению монархии и провозглашению нового государства, в котором будет республиканское устройство, т. е. самое справедливое из всех, созданных человечеством. Сохранилось множество дневников и воспоминаний командиров и рядовых солдат. Легионеры в ЧСР имели привилегированное положение, их заслуги при возникновении государства считались общепризнанными. У них были собственные организации, журналы и издательства. Именно с помощью последних уже в мирное время закреплялась легионерская память, неотделимой частью которой является образ России. Опыт каждого солдата, перешедшего на сторону России и прожившего здесь по несколько лет, был индивидуален, но при этом он нес в себе очень отчетливые элементы общей легионерской истории. Проблема заключается в отделении документального, фактографического слоя от литературного. Большинство авторов стремились не только передать собственные военные воспоминания, но и уделяли много внимания описанию страны, людей, традиций и природы. Поэтому эти работы, которым явно присущи черты художественной литературы, являются примером определенного поиска личного пути к восприятию России и русских. Образ России в них основан на описании славянской страны, а образы чистых русских душ преобладают над образами хаоса периода революции и Гражданской войны. Однако данные тексты стали известны широкой общественности только после войны. Причина этого заключалась и в том, что, хотя в книгах легионеров были собраны самые разные материалы о России, в военное время они непосредственно не участвовали в формировании образа России.

В словацкой историографии существует сравнительно обширная научная литература по легионерской проблематике. В течение последнего года эта тема

стала привлекать интерес и с точки зрения возможности исследования памяти, образа России, истории повседневности, политических взглядов и личной мотивации вступления в легионы²⁸.

Память словаков о войне включала в себя несколько полностью отличных образов России. Большинство населения находилось под влиянием официальной пропаганды, формировавшей образ враждебной России, которая подговорила сербов спровоцировать войну, коварно ранила пожилого монарха убийством наследника престола и выжидает возможность расширить собственные границы за счет Австро-Венгрии. Образ России-агрессора сменился образом России, сотрясаемой в хаосе революции и не способной решить свои внутренние проблемы. Пугало панславизма было заменено на новую угрозу Европе, распространявшуюся из России, а именно большевизм. Этому образу словаки не смогли оказать достаточное сопротивление. Вопреки негативным ситуациям периода наступления Русской армии на территорию, населенную словаками, и влиянию официальной пропаганды в памяти о войне вновь и вновь (пускай и не с той силой) всплывал образ славянской России, формировавшийся национальными деятелями XIX в. на основе идеи славянской взаимности. Одновременно этот славянский образ подпитывался собственным опытом контактов с русскими солдатами и пленными, и они не были негативными. Близость языка, способность договориться друг с другом отразились в том, что словаки смогли отличить между собой официальную Россию с ее имперской политикой и русский народ, который они воспринимали как своего великого славянского брата. Совершенно иную форму и функцию имела легионерская память. В ней Россия выступала как страна, которая сделала возможным, чтобы сражавшиеся на стороне Тройственного союза чехословацкие легионеры боролись за освобождение чехов и словаков.

В довоенный период образ России варьировал между двумя крайностями. Первая заключалась в дискредитации задач России в европейской политике со стороны официальной Австро-Венгрии. Вторая — в некритичном восхищении и признании России решающей силой в будущих судьбах Европы со стороны словацких русофилов. Можно видеть, что в памяти словаков о войне Россия виделась по-разному, эти образы существовали параллельно, накладывались друг на друга, взаимно исключая либо дополняя друг друга. Таким образом, представление о России являлось в годы Великой войны гораздо более многоликим, чем в предыдущие периоды.

Перевод со словацкого языка М.Ю. Дронова

²⁸ Легионерские воспоминания, прессу, документы, поведение на фронте и в мирное время анализировали многие авторы. Однако с точки зрения изучения памяти и образа России считаем в качестве наиболее важной следующую статью: *Harbuľová E. Obraz Ruska v prácach a spomienkach slovenských legionárov // Ivantušynová T. a kol. Mýtus — stereotyp — obraz. Rusko v slovenských dejinách a kultúre. Bratislava, 2011. S. 36–47.*

Ю. Бенко
(Братислава)

РЕПАТРИАЦИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ИЗ РОССИИ В ГАБСБУРГСКУЮ МОНАРХИЮ В КОНТЕКСТЕ ПРОЯВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО РАДИКАЛИЗМА В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Термин «репатриация» обычно означает процесс возвращения беженцев или военнопленных на родину, в государство, гражданами которого они являются. Более широко это понятие стало использоваться в XX в. в связи с масштабными военными конфликтами, сопровождавшимися перемещением огромных масс бывших гражданских лиц на военные фронты и затем в плен неприятельских стран. Давно установленной практикой в отношении пленных являлся их обмен по принципу «голова за голову», после чего пленные, как правило, снова попадали в армию. В прошлом столетии эта практика обогатилась новшеством: обмен между воюющими сторонами перестал быть единственным шансом возвращения домой здоровых пленных, появились нормы, на основе которых больные и раненные пленные могли вернуться на родину, с тем чтобы их обеспечивало свое государство. Усилилось и стремление посредством международного права запретить их возвращение на военную службу¹.

Непосредственные результаты Первой мировой войны актуализировали тему репатриации. За более чем четыре года военных действий в плену оказались 8–9 млн солдат, т. е. почти седьмая часть всех мобилизованных лиц. В конце войны в лагерях военнопленных находились уже около 7 млн человек. Больше всего пленных было на Восточном фронте. Русских солдат в неприятельских лагерях военнопленных насчитывалось приблизительно 2,7 млн, из них в Германии — 1,43 млн,

* Работа была выполнена в рамках грантового проекта VEGA № 2 / 0123 / 12 «Социальный радикализм и радикальный социализм в Словакии в межвоенный период. Выявление социальных беспорядков и поиск альтернатив в кризисные периоды развития словацкого общества в рамках социалистического и коммунистического движения (1918–1939)» и грантового проекта VEGA № 2 / 0208 / 1 «Словаки и формирование современных наций в Центральной, Восточной (Юго-Восточной) Европе: идентичность, профессиональность, мифы».

¹ Vance, J. F. Repatriation. Encyclopedia of Prisoners of War and Internment / Ed. J. F. Vance. Santa Barbara, 2000. History Reference Online. ABC-CLIO. URL: <http://www.history-referenceonline.abc-clio.com/?bookid=9781576074114&loc=240&format=entry>

в Австро-Венгрии — 1,27 млн². А из 9 млн мобилизованных солдат Габсбургской монархии за годы войны попало в плен 2,8 млн, т. е. около трети, из них почти 2,1 млн пленных оказались разбросанными по огромной российской территории³. Учитывая небывалую массовость и универсальность этого феномена, необходимость решения вопроса военнопленных в конце войны стала весьма актуальной гуманитарной, правовой, экономической проблемой и проблемой безопасности для всех участвовавших в войне сторон⁴. Гагская конвенция — наиболее известные международные договоренности о военнопленных до Первой мировой войны — не уделяла особого внимания репатриации⁵. В вопросе о раненых и больных в ней содержалась отсылка к Женевской конвенции 1864 г.⁶ В любом случае исторически беспрецедентная ситуация в вопросе о пленных вынуждала воюющие страны заключать различные взаимовыгодные соглашения, основываясь на доброй воле, причем инициаторами и посредниками являлись нейтральные государства, разные гуманитарные организации либо римско-католическая церковь в лице высшего авторитета — Папы Римского⁷. Не менее 750 тыс. пленных погибли из-за тяжелых условий, в которых они находились, а приблизительно 1 млн пленных по инвалидности уже был обменян или освобожден⁸. На Восточном фронте, однако, результаты репатриации пленных в ходе еще продолжавшихся боевых действий были невелики. В Австро-Венгрию до весны 1917 г. вернулись, в основном благодаря посредничеству Швеции, всего 22 123 тяжело раненных и больных военнопленных⁹.

² В русский плен попали 2,27 млн неприятельских солдат.

³ Согласно официальным германским и австро-венгерским данным, в русский плену в годы войны оказались 2 111 146 австро-венгерских, 158 104 германских и 51 тыс. турецких и болгарских солдат и офицеров. См.: *Wurzer G. Die Erfahrung der Extreme. Kriegsgefangene in Rußland 1914–1918 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / Ed. J. Oltmer. Oldenburg, 2006. S. 97.*

⁴ Предположительно в конце войны в плену находились около 6,6 млн человек. См.: *Cazacu I. E. The Nansen Commission and the Romanian prisoners of war's repatriation // Revista Română de Studii Baltice și Nordice. Vol. 3. Issue 1 (2011). S. 145.*

⁵ В Гагском соглашении о соблюдении законов и обычаев ведения наземной войны (1907 г.) об обязанности репатриировать пленных говорится: «После заключения мира должна быть проведена репатриация пленных как можно быстрее». См.: *Laws of War: Laws and customs of War on Land (Hague IV); October 18, 1907. Annex to the Convention: Regulations Respecting the Laws and Customs of War on Land, Section I On Belligerents, Chapter II Art. 20 (Prisoners of War). URL: <http://avalon.law.eale.edu/20thcentury/hague04.asp#art2>. См. также: *Quigley J. Iran and Iraq and the Obligations to Release and Repatriate Prisoners of War after the Close of Hostilities // American University International Law Review. Vol. 5. No 1 (Fall 1989). P. 74. URL: <http://www.auilr.org/pdf/5/5-1-4.pdf>.**

⁶ *Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2005. S. 352.*

⁷ *Vance J. F. Op. cit.*

⁸ *Stibbe M. The Internment of Civilians by Belligerent States during the First World War and the Response of the International Committee of the Red Cross // Journal of Contemporary History. 2006. 41. 5. P. 5. On-line verzia: URL: <http://jch.sagepub.com/cgi/content/abstract/41/1/5>.*

⁹ *Rachimimov A. POW and the Great War. Captivity on the Eastern Front. New York, 2002. P. 191; см. также: *Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland...**

Поиски решения и сам процесс репатриации миллионов пленных с окончанием войны стал темой современного общественного, медиального и политического дискурса, а также темой мемуарной литературы. В несколько меньшей степени это относится к историографии. В любом случае один из аспектов этой тематики, связанный с участием пленных в политическом и военном движении Сопrotивления против Габсбургской двуединой монархии и их анабазисом на родину, стал частью формирующейся идеологии во вновь образованных странах-«победительницах», которые возникли на территории Австро-Венгрии¹⁰. В целом вопрос о военнопленных в Первой мировой войне, их пребывании в лагерях военнопленных и репатриации на родину находился на периферии историографии вплоть до конца XX в.¹¹ В настоящее время проблематика военнопленных Центральной Европы в Первой мировой войне привлекает повышенный интерес: в последние годы вышло много серьезных работ, целиком посвященных этой тематике¹².

Возвращение пленных из России представляет собой наиболее сложную проблему из всего комплекса процессов репатриации пленных Первой мировой войны. В 1917 г. события в империи на востоке Европы разворачивались настолько динамично, что в конце концов привело к октябрьскому перевороту. Власть над огромным государством и постепенно и над сотнями тысяч пленных в ходе Гражданской войны перешла к большевикам. Репатриация пленных из России происходила на этом военно-политическом фоне. С приходом к власти большевиков начался процесс возвращения пленных на родину (территорию бывшей Австро-Венгрии), который длился несколько лет и являлся весьма сложным с точки зрения организации. Новый режим в России, его трансформировавшие институты, огромная протяженность территории, на которой находились лагеря военнопленных, Гражданская война, начавшаяся там в 1918 г., и идеология,

S. 358. Оба автора опираются на данные Элзы Брандстром, работницы шведского Красного Креста в России. См.: *Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen in Rußland und Sibirien. Berlin, 1922. S. 84.

¹⁰ См. об этом: *Wingfield N.* The Battle of Zborov and the Politics of Commemoration in Czechoslovakia // *East European Politics and Societies*. Vol. 17. Nov. 2003. № 4. P. 654–681.

¹¹ См. об этом: *Rachamimov A.* POW and the Great War... P. 1–19.

¹² Из новейшей литературы о пленных из Австро-Венгерской монархии в России в период Первой мировой войны следует отметить: *Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland... 626 s.; *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs* / Ed. Oltmer J. ... 308 s.; *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914 bis 1918: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel und Osteuropa 1917–1920. Wien, 2003. 754 s.; *Rachamimov A.* POW and the Great War... 259 p. О военнопленных Первой мировой войны в Германии пишет, например: *Hinz U.* Gefangen im Grossen Krieg: Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914–1921. Klartext, 2006. 392 s. О русских военнопленных в Австро-Венгрии см.: *Телицын В.Л.* Возвращение домой. К истории русских военнопленных Первой мировой войны. М., 2011. 160 с.

которая стала интенсивно насаждаться большевиками среди пленных еще до их прихода к власти, делали репатриацию пленных из России специфической проблемой в рамках общего процесса возвращения военнопленных в конце Первой мировой войны и непосредственно после нее.

В целом репатриацию военнопленных из России в Центральную Европу можно разделить на три этапа:

Последний год Первой мировой войны, он же последний существования Австро-Венгрии (с конца 1917 по ноябрь 1918 г.).

Период иностранной блокады России, охваченной Гражданской войной и интервенцией (с конца 1918 по май 1920 г.).

Основная фаза репатриации после ослабления блокады и начала ее координации международными институтами (с мая 1920 до начала 1922 г.).

В настоящей статье речь пойдет о первом этапе репатриации военнопленных из России, т. е. о последнем годе Первой мировой войны. Мы не будем специально разбирать ситуацию в русских лагерях военнопленных, хотя на некоторые стороны этой тематики обратим внимание в контексте возвращения пленных домой. Целью статьи является проследить условия репатриации, обстоятельства отъезда военнопленных из России и их прибытия в монархию, а также проанализировать ожидания и надежды бывших военнопленных и их разочарования после возвращения на родину. Речь также пойдет об опасениях органов государственной и военной власти относительно идейных убеждений репатриантов из большевистской России. И последнее, на чем хотелось бы остановиться, — это непосредственное влияние вернувшихся пленных на эскалацию социального напряжения в монархии и различного рода выступления, грозящие всеобщим взрывом.

Первым, решающим для судеб военнопленных, последствием большевистского переворота в центральной части российского государства стало заключение перемирия между воюющими сторонами — Россией и Центральными державами, — а также начало на Рождество 1917 г. мирных переговоров в Брест-Литовске, которые закончились подписанием 3 марта 1918 г. мирного соглашения¹³.

Одновременно в духе постановлений новой советской власти режим содержания военнопленных стал смягчаться. Это обстоятельство вызвало массовое и во многих случаях неконтролируемое передвижение пленных с тем, чтобы получить лучшее довольствие и работу, а кроме того, конечно, с целью добраться до районов, расположенных ближе всего к границе¹⁴. Официально уравнивание в правах военнопленных с остальным населением подразумевало создание более благоприятных условий для организации и проведения среди пленных

¹³ Прологом к началу переговоров стал Декрет о мире, принятый на Втором Всероссийском съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов 26 октября 1917 г.

¹⁴ *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965. С. 118–119.

агитации, однако вопреки этому они оставались в большинстве своем равнодушны к внутривойсковой ситуации и глухи к большевистской пропаганде¹⁵. Если имелась возможность и средства любым способом попасть домой, они не колебались.

В конце 1917 г., после выхода России из войны, в российском плену находились еще 1,9 млн солдат Центральных держав. Три четверти, или 1,4 млн, из них использовались как рабочая сила и жили в европейской части России; почти полмиллиона были размещены в сибирских лагерях и примерно 50 тыс. в Средней Азии — в Туркестане¹⁶. В этом стотысячном море пленных из Габсбургской монархии находились и словаки, но без точного учета, поэтому все попытки определить их количество остаются лишь приблизительными. Скорее всего, речь может идти о десятках тысяч в общем числе сотен тысяч «чешских и словацких» пленных¹⁷.

Само размещение пленных в конкретной части страны и тем самым географическая удаленность в значительной мере определяли в конце 1917 г. дальнейшие судьбы и перспективы возвращения домой. Эта тенденция обозначилась уже весной 1918 г., когда началось успешное наступление армий Центральных держав на Украине и в Прибалтике. Линия фронта сдвинулась далеко на восток. На захваченной германскими и австро-венгерскими войсками территории, хотя на ней еще не был установлен административный контроль, в апреле 1918 г. оказалась одна треть всех пленных России. Их шанс попасть домой необычайно возрос¹⁸. Отличительной чертой этой трети пленных была их этническая принадлежность: на европейской части территории царское правительство сосредоточило в основном представителей славянских национальностей, а также

¹⁵ См. об этом: *Benko J. Medzi nacionalizmom a socializmom: vojnoví zajatci a politická propaganda v Rusku v období svetovej vojny // Východná dilema strednej Európy / Ed. T. Ivančičová a kol. Bratislava, 2010. S. 165–181.*

¹⁶ Согласно официальным российским данным, к 1 сентября 1917 г. всего в плену в России находилось 159 390 немцев, 1 736 764 солдат и офицеров австро-венгерской армии и 64 509 турок. См.: *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914 bis 1918: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte. S. 241.*

¹⁷ Количество словацких пленных по предположению чехословацкой марксистской историографии то возрастало, то убавлялось в зависимости от того, какое общее число чехов и словаков приводилось, и основывалось в значительной мере на данных чехословацких органов и институтов в России. Общее количество пленных чехов и словаков определялось в 200–400 тыс.; исходя из этой цифры количество словаков составляло 5–10%, т. е. где-то 30–100 тыс. См.: *Клеванский А.Х. Уж. соч. С. 30–31.* См. также: *Klevanskij A. Ch., Krempa I., Vávra V. Ke vzniku československého komunistického hnutí v Sovětském Rusku // Československý časopis historický. 1981. S. 809.* Из новейших российских работ на эту тему см.: *Остроухов А.И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: Автореф. ... дис. к.и.н. М., 2011.*

¹⁸ *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914 bis 1918: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte... S. 244.* Часть пленных в лагерях и работавших в промышленности и сельском хозяйстве была уже завербована в добровольческие части — прежде всего в чехословацкие и румынские легионы, — которые на стороне Антанты воевали с наступающими войсками Центральных держав.

антигермански и антигабсбургски настроенных эльзасцев, румын и итальянцев. Представителей же так называемых нежелательных наций (венгров, австрийцев, немцев, турок или евреев) царское правительство старалось разместить в Сибири или в Средней Азии¹⁹.

* * *

В результате сложившейся ситуации на Восточном фронте после октября 1917 г. первая, наиболее многочисленная волна военнопленных смогла вернуться в Австро-Венгрию еще до окончания мировой войны. Массовое перемещение возвращавшихся на запад началось уже в декабре 1917 г. В первые месяцы оно отличалось спонтанностью и практически отсутствием координации. Сначала это касалось только пленнх европейской части России, но вскоре за ними потянулись и пленные из Западной Сибири. Те, кто имел средства на дорогу, отправились в путь, стараясь попасть к линии фронта или хотя бы в Москву и Петроград²⁰. В этих двух столицах российского государства в начале 1918 г. сосредоточилось огромное множество пленнх, о которых пытались заботиться различные гуманитарные организации, прежде всего комиссии Красного Креста — шведского и датского.

Параллельно с «неорганизованным» возвращением пленнх велись переговоры между Россией и Центральными державами о взаимной репатриации²¹. До того как репатриацию из России взяли в свои руки представители миссии Центральнх держав, советскому правительству посредством своих только еще начавших формироваться институтов надо было организовать перемещение пленнх из восточной в центральную европейскую часть²².

Представителям Центральнх держав удалось выслать репатриационную комиссию на Украину уже в конце 1918 г.²³ Окончательное соглашение с Россией было подписано во второй половине июня 1918 г., только спустя 6 месяцев после начала миграции пленнх. Ситуация осложнялась тем, что летом-осенью 1918 г. в полную силу разгорелась Гражданская война, которая в значительной степени сузила простор для работы комиссии в России и одновременно усложнила возвращение пленнх²⁴. Наибольший прилив пленнх в монархию на-

¹⁹ Клеванский А.Х. Ук. соч. С. 218–219, прим. 60.

²⁰ *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914 bis 1918: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte...* S. 242; *Rachamimov A.* Op. cit. P. 191.

²¹ Переговоры обеих воюющих сторон шли еще с 1915 г. Тогда они касались обмена большими и ранеными пленными. Они продолжались и после установления советского режима.

²² Забота о военнопленных была в первые месяцы после переворота одной из важнейших задач советской России. Совет народных комиссаров поручил ее комиссариатам иностранных дел, демобилизации армии и военному. См. об этом: Протоколы заседания Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 г. М., С. 263; Декреты советской власти II, 17 марта — 10 июля 1918. М., 1959; *Телицын В.* Ук. соч. С. 103–104.

²³ Весной 1918 г. Украина была оккупирована войсками Центральнх держав и провозглашена независимым государством.

²⁴ *Rachamimov A.* POW and the Great War... P. 192–193.

блюдался весной 1918 г., когда административные органы зафиксировали более полумиллиона пленных, а кульминации он достиг в апреле-мае того же года²⁵. В эти месяцы в монархию ежедневно прибывали более 4 тыс. пленных²⁶.

Для представителей большевистского советского режима в России двух-миллионная масса солдат являла собой важный инструмент распространения революции в Центральной Европе, особенно в эпицентре ожидавшейся мировой революции — в Германии. Перед ними стояла задача в значительной мере способствовать тому, чтобы «бацилла большевизма», как ее любовно называл Ленин, распространилась на весь регион²⁷. Подобную терминологию в отношении этой радикальной политической идеологии использовала также государственная и военная власть Габсбургской монархии. Считалось, что пленные, которые начали возвращаться из России домой, долгое время подвергались влиянию подрывных для монархии идей — не только радикально-социалистических и большевистских, но и националистических, идей национально-освободительных движений (чехословацкого, польского, румынского либо сербского).

Австро-венгерские органы смотрели на возвращавшихся пленных, почти как на большевиков, воспринимая их как угрозу правопорядку в стране. Вместо надежд репатриация из России с конца 1917 г. стала внушать опасения. Знакомство с русской печатью привело к тому, что среди представителей государственной власти и органов безопасности в Венгрии господствовало представление о широком распространении революционных идей среди пленных и их членстве в большевистских организациях в России. Не только большевики, но и высшие военные круги монархии рассматривали репатриацию как действенный способ распространения идей мировой революции²⁸. Восторженные ожидания большевиков, а с другой стороны, большие опасения государственных органов относительно дестабилизационных последствий репатриации имели под собой реальные основания — социальная ситуация в воюющих странах была критической, особенно в венгерской части монархии.

Возвращавшихся пленных государственный аппарат встречал на границах с большим недоверием. Они сразу же сталкивались с такого рода действительностью, и первоначальное успокоение в связи с возвращением на родину довольно быстро сменялось иными настроениями. Возвращавшихся за собственный счет сначала задерживали в карантине, длившемся несколько недель и сопровождавшемся дисциплинарными процедурами. Такая же судьба ожидала и возвращавшихся пленных с репатриационными транспортом. Во время пребывания

²⁵ К 31 июля 1918 г. в монархию вернулись 522 235 пленных, большинство из них до конца апреля. Из общего числа 2 млн австро-венгерских пленных треть вернулась до октября 1918. См.: *Pichlík K. K otázce navrátilců z ruského zajetí // Historie a vojenství. 1962. Č. 1. S. 100.*

²⁶ *Rachamimov A. POW and the Great War... P. 193.*

²⁷ Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов / Отв. ред. А.Я. Манусевич. М., 1967. С. 7.

²⁸ *Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien–Köln, 2003. S. 466.*

в карантинных лагерях (а именно так начинался процесс повторного зачисления в армию) в полной мере проявлялась подозрительность администрации в отношении пленных. Кроме стремлений предотвратить распространение заразных болезней среди населения монархии значительное внимание уделялось выявлению и изоляции «душевных болезней». У пленных не только выясняли обстоятельства пленения, но и их мировоззренческие убеждения. Особое внимание проверявших обращалось на возможное «заражение» антигабсбургскими идеями, которые в России распространялись в основном представителями национальных движений (чехословацкого, румынского или польского), либо же «большевистской бациллой». Свидетельством того, что левые убеждения воспринимались как особая форма «душевной» болезни, как диагноз, является заявление военных органов, проводивших мероприятия в карантине: «Большевизм, который можно сравнить с полным заражением крови, нельзя истребить одним махом, и даже если рядовой состав, благодаря драконовским методам, подчинится, эта вынужденная дисциплина может отказать в критический момент (перед лицом неприятеля). Действительный успех здесь можно достичь лишь терпеливой и разумной работой среди пленных. Очень важно, чтобы это воспитание начиналось уже на карантинных станциях»²⁹. Целый ряд мероприятий должен был «наряду с укреплением дисциплины и морального влияния пробудить воинский дух возвратившихся»³⁰, т. е. реактивировать из пленных воинский потенциал для планировавшегося повторного использования их в боях на фронтах мировой войны.

Для военных кругов монархии устрашающим примером служила дезорганизованная Русская армия, в которой «не существовала дисциплина, уважение к офицерам, рядовой состав обращался к ним “товарищ” и требовал у них сигарет...»³¹. Отслеживая развитие ситуации, они старались проводить конкретные мероприятия, призванные обеспечить «безотказную боеспособность армии под главенством главнокомандующего»³². Физическое, психическое и идейное состояние возвратившихся бывших военнопленных перед их повторной отправкой на фронт вызывало недоверие армейских верхов. Органы, ведавшие регистрацией, отмечали, что во время своих странствований по России пленные перестали подчиняться дисциплине и были «заражены революционными идеями»³³. Вопреки этой все нагнетавшейся и в значительной мере параноидальной оценке органов верховного командования постепенная эрозия лояльности пленных в отношении монархии не была напрямую связана с какими-либо новыми политическими взглядами.

Существовавшее априори недоверие государственной власти к возвратившимся из русского плена, вызванное страхом перед большевистской за-

²⁹ Sociálne a národné hnutie na Slovensku od Októbrovej revolúcie do vzniku československého štátu (Dokumenty) / Ed. L. Holotík. Bratislava, 1979. S. 168.

³⁰ *Leidinger H., Moritz V.* Op. cit. S. 465.

³¹ Информация австро-венгерской центральной разведки о ситуации на Украине. Цит. по: *Horčíčka V.* Rakousko-uherská politika vůči sovětskému Rusku v letech 1917–1918. Praha, 2005. S. 71.

³² Sociálne a národné hnutie na Slovensku... S. 168.

³³ *Leidinger H., Moritz V.* Op. cit. S. 456–457.

разой, в подавляющем большинстве случаев не имело под собой оснований. Оно вело к противоположному результату, так как цепной реакцией на него с самого начала становилось отчаяние этих людей³⁴. Чрезмерная подозрительность государственных и военных органов лишь вызывала разочарование возвратившихся на родину.

В конце 1917 г. непреодолимое желание пленных попасть домой уже не стимулировалось надеждой вернуться к довоенной жизни. В основном они являлись представителями крестьянских, рабочих слоев и низших ступеней среднего класса, жизнь которых в монархии в конце войны значительно ухудшилась по сравнению с довоенной. Уровень жизни снизился в разы, а ситуация усугублялась растущей неопределенностью обеспечения предметами первой необходимости. Жители монархии старались сообщить об этом своим близким — главам семей, — находившимся в плену. Сообщения, которые доходили до них с родины, свидетельствовали о разрыве между их в некоторой степени идеализированными представлениями и гораздо более тяжелой действительностью. В корреспонденции, задержанной цензурой, сообщалось о выживании и голоде, реквизициях, беспощадной эксплуатации рабочих, низкой оплате труда в промышленности, насилии, эпидемиях и, наконец, о мыслях покинуть монархию³⁵. С другой стороны, из писем близких пленные могли узнать о злоупотреблениях центральной власти, освобождении представителей богатых и влиятельных слоев от воинской повинности и безбедной жизни элиты. Отсутствие мужской половины в семьях очень чувствовалось, и все ожидания связывались с их возвращением. Не только для того, чтобы они опять взяли на себя основную тяжесть обеспечения семей. Из корреспонденции следовало, что по мере ухудшения обстановки в тылу росли ожидания, что с приходом домой мужчин обстановка разложения и деморализации сменится порядком³⁶.

Длительное пребывание в карантине стало началом прозрения пленных, которое только росло в связи с возможностью их повторного зачисления в армию. К обоим обстоятельствам, неудовлетворительному материальному обеспечению и жесткому обращению, прибавился еще негативный опыт четырехнедельных отпусков, во время которых бывшие пленные могли у себя дома, в своих родных местах, убедиться в катастрофическом положении своих семей в тылу. Именно те, кто после четырехнедельного отпуска вернулся в резервные части, стали наиболее взрывоопасным элементом среди возвратившихся на родину пленных. К опыту и часто лишь бессвязным знаниям, полученным в России, прибавились новые впечатления от жизни в австро-венгерской армии, где уже несколько лет наблюдалась нужда, связанная с недостатком продуктов питания. Во время первого наплыва возвращавшихся бывших военнопленных из отпусков в казармы резервных частей — в мае-июне 1918 г. — произошли крупные вооруженные

³⁴ Например, из 120 272 возвратившихся, которые в мае 1918 г. подвергались проверке, лишь 1620 не было «оправдано» и 514 признаны подозреваемыми «в неояльной деятельности». Перед окончанием проверки 603 репатрианта дезертировали из запасных частей. См.: *Rachamimov A. POW and the Great War...* P. 158.

³⁵ *Sociálne a národné hnutie na Slovensku...* S. 52–53; 95–98.

³⁶ *Hronský M. Slovensko pri zrode Československa.* Bratislava, 1987. S. 99–100.

волнения в армии³⁷. Вернувшиеся из русского плена являлись их наиболее активными участниками. Бунты стали ответной реакцией на условия, в которых они оказались и которые прямо противоречили их простым и, в общем-то, тривиальным ожиданиям. Представления о возвращении домой связывались ими с основными физиологическими и социальными потребностями: с лучшим питанием, гигиеной и одеждой, как и с возвратом к семьям и кругу людей, с которыми они были тесно связаны перед войной, что составляло часть их прежней жизни. Административные меры австрийского милитаризованного государства того времени в отношении возвратившихся пленных вели к краху вынашиваемых ими в течение длительного времени надежд. «Многолетние мечты обрести опять дом, таким, как мы его оставили, поджидали разочарование и горькое пробуждение», — написал в первые дни после возвращения один из военнопленных³⁸. Длительный и параноидальный карантин, бедность, увиденная дома, и мизерное обеспечение питанием после повторной отправки в казармы являлись основными причинами стихийных восстаний.

Хотя возвратившиеся с первой репатриационной волной поначалу и в мыслях не имели стать апостолами идей русской революции, при столкновении с действительностью на родине и с таким обращением к ним в армии оживилась их память о российских событиях и воспоминания приобрели новый смысл. Пока пленные с нетерпением ожидали возможности вернуться на родину, они могли более или менее достоверно отслеживать политическое развитие в основных городских центрах России, откликах на него в местах их расположения, быть свидетелями революционной агитации в лагерях и во время репатриации. В событиях и идеологии, являвшихся частью более широкого контекста их пребывания в российском плену, они поначалу не находили никакой связи с жизнью, которую хотели вести после возвращения домой³⁹. Но постепенно на фоне ситуации дома все эти факторы стали приобретать определенное значение. Их знания, воспоминания и пережитый опыт после возвращения на родину стали важными сравнительными ориентирами при оценке ситуации.

В этом свете можно воспринимать и эволюцию взглядов той части словацкой нации, которая в годы войны прошла специфический путь — от мобилизации в армию, фронта и русского плена, и вновь оказалась в армии. В начале войны словацкие рекруты считались наиболее лояльными солдатами австро-венгерской армии, и военная пропаганда приводила их в качестве примера⁴⁰. В плену долго

³⁷ Pichlík K. Op. cit.

³⁸ Шмосс Э. Цит. по: Leidinger H., Moritz V. Op. cit. S. 468.

³⁹ Плен можно понимать как временную и пространственную потерю корней, сопровождавшуюся утратой материальных стандартов, социальных и психологических истин. Это было грубым нарушением жизненного пути (дословно «биографического континуитета». — Е.С.). См. об этом: Becker A. Paradoxien in der Situation der Kriegsgefangenen 1914–1918 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / Oltmer J. Paderborn, 2006. S. 25.

⁴⁰ О том, что информация о героизме словаков (или румын) на фронтах Первой мировой войны являлась частью целенаправленной политики формирования стереотипа о лояльном, патриархальном «словацком народе», см.: Vörös L. Preмену obrazu Slovákov

сохранялся их традиционный стойкий патриотизм, основанный на верности императору⁴¹, который не поддавался даже разлагающему влиянию современной политической пропаганды. Чем меньше по сравнению с венгерскими или чешскими пленными словацкие военнопленные участвовали в политических событиях в России на стороне национального движения либо социалистической революции, тем активнее они выступали в стихийных восстаниях в монархии. Молодые люди, составлявшие всего 4% австро-венгерской армии, подняли пятую часть всех восстаний в монархии⁴².

В последний год войны усиливавшиеся социальные волнения уже серьезно нарушали хрупкую стабильность политических порядков в монархии. Они явились результатом различных факторов. В первую очередь глубокой социальной фрустрации и материальных лишений низших слоев общества в годы войны. С другой стороны, роль играл и распад системы ценностей и авторитетов прежнего режима. Третьим фактором стихийных бунтов и беспорядков стали распространявшиеся радикальные политические дискурсы, которые придали волнениям видимость политических акций с программой и альтернативой действия. Военные восстания стали спонтанным проявлением эскалации социального напряжения, в них в полной мере обозначилась политическая миссия первой волны вернувшихся из России пленных. В определенной степени их судьбы отвечали надеждам и чаяниям большевиков⁴³. Репатрианты из России, повторно зачисленные в армию, в своем большинстве выступали инициаторами восстаний и привносили в них элементы политического радикализма, усвоенные ими в России.

v maďarskej hornouhorskej regionálnej tlači v období rokov 1914–1918 // Historický časopis. 2006. Roč. 54. Č. 3.

⁴¹ См. об этом: *Rachamimov A. Arbiters of Allegiance: Austro-Hungarian Censors during World War I // Constructing nationalities in East Central Europe / Eds. P.M. Judson, M.L. Rozenblit. Berghahn Books, 2005. P. 169–170.*

⁴² *Holotík L. Vplyv Veľkej októbrovej socialistickej revolúcie na Slovensku (1917–1921) // Historický časopis. Roč. XXX. 1982. Č. 4. S. 685.* Среди подсудимых участников одного из наиболее крупных военных восстаний в Крагуеваце в июне 1918 г. были возвратившиеся из русского плена, которые провели там 41 месяц. См. об этом: *Sociálne a národné hnutie na Slovensku... S. 252.*

⁴³ Орган чехословацких коммунистов в России «Průkopník svobody» в июле 1918 г. предупредил пленных перед возвращением на родину (правда, желая перетянуть их на сторону большевистской революции): «Если вы еще в какой-то степени здоровы, сильны и способны своим трудом облегчить тяжелые условия жизни вашим близким, то на вас наденут форму, повесят винтовку на плечо и пошлют снова на итальянский либо на французский фронт, чтобы вы снова воевали, истекали кровью, а может быть, и погибли бы ради интересов ваших тиранов, которые уничтожили ваше семейное счастье, подорвали здоровье и радость жизни ваших жен и невинных детей, послали на бойню, дали убить и искалечить друзей вашей молодости, ваших хороших товарищей». См.: *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (ДМИСЧО). М., 1973. Т. 1. С. 141.*

Заряд политической энергии, который в волне пленных видели большевики (а также государственные органы Австро-Венгрии), наиболее ярко проявился в армейской среде, специфическим способом реализовался в конце войны — в начале ноября 1918 г. — в словацкой деревне и в городах во время погромов и грабежей. Они представляли собой конкретный пример распространения всеобщих политических надежд в ограниченном пространственно и аполитичном социальном радикализме низших слоев. Так, погромы создавали впечатление, что несут в себе определенные всеобщие социальные идеи или зародыши политической программы, а не только желание мести и грабежа. Их осуществляли в основном вернувшиеся из русского плена вместе с возвращавшимися с фронта солдатами либо представителями «зеленых кадров»⁴⁴. Локальным погромам в городах и селах Словакии они придавали характер политических акций. На местной почве все перемешивалось с социальными идеями, которые составляли традиционный народный менталитет, с ксенофобией и антисемитизмом⁴⁵.

В момент распада австро-венгерской монархии и объявления о создании нового государства на чешских и словацких землях социальные волнения в деревне и в городах проявлялись скорее в деструктивных взрывах насилия, нежели в организованных формах народного движения, основанных на национальных, социалистических либо иных политических платформах. Новым политическим тенденциям лишь изредка удавалось вытеснить тягу населения к мести и наживе.

К пережитому опыту фронта и плена добавилась драматическая ситуация, в которой оказалось гражданское население дома в годы войны. В обстановку всеобщего хаоса в конце войны возвращавшиеся солдаты вносили в основном инициативы, инспирированные идеализированными и обрывочными известиями из России. Вернувшиеся словаки сопровождали погромы выражениями и лозунгами, аналогичными большевистским в России. Собственные впечатления и переживания перемежались со слухами, а также с расхожими националистическими и социалистическими лозунгами. В происходивших весной 1918 г. грабежах часто в разных вариантах звучали призывы «Расправиться с господами так же, как большевики в России!»⁴⁶. Фрагменты радикальной программы не могли, однако, обладать конструктивной либо организационной силой, а лишь придавали все усиливавшемуся насилию и социальным беспорядкам кажущийся характер универсальных, политически значимых действий. Возвращавшиеся пленные вместе с солдатами с фронта в своих требованиях быстро идентифицировались с остальным населением, с которым их связывала в основном атавистическая ненависть к «господам». Глубокое чувство фрустрации, вербальное и действитель-

⁴⁴ Так называемые зеленые кадры составляли в 1918 г. уже десятки тысяч дезертиров из австро-венгерской армии, которые укрывались в труднодоступных местах и старались там пересидеть последнюю фазу войны. Преимущественно они находились в Галиции и на юге монархии.

⁴⁵ О традиционном народном менталитете см.: *Matejček J. Pět idejí lidových vrstev. K zapomenutému projektu profesora Grosse // Vestník grantu KSČ a radikální socialismus v Československu 1918–1989 (Praha). 2005. Č. 12. S. 60–66.*

⁴⁶ См., например, воспоминания К. Шмидта о ситуации на Погроми в сб.: *Október 1917. Bratislava, 1957. S. 350.*

ное, облегчало перенос гнева на врагов народа — местных евреев, нотариусов, богачей, буржуев, помещиков или венгров.

Во время этих событий с первых дней существования Чехословацкой республики и перед представителями нового истеблишмента в Словакии появилось «пугало русского большевизма», перенятое новым режимом у старого. В этом духе поступали сообщения со словацких окраин в центры старой и новой власти — в Будапешт и Прагу⁴⁷.

Венгерские, а в первые месяцы после окончания войны и чехословацкие, органы власти обращали внимание скорее на видимые, а не действительные проявления социальных волнений, что вело к односторонним оценкам и сводилось к одному понятию «большевизм». Этим термином с начала 1918 г. обозначался целый спектр проявлений недовольства, основанного на отрицании принципов установленного правопорядка, начиная с краж и грабежей, осуществлявшихся «зелеными кадрами», нарушений субординации и бунтов в армейских частях, погромов и заканчивая проявлением действительно организованного сопротивления, инспирированного социалистическими идеями. Под «большевизмом» долгое время подразумевались, скорее, все негативные явления, деятельность и взгляды, которые с точки зрения официальных кругов могли привести к нарушению порядка и дестабилизации ситуации, т. е. имелась в виду широкая картина безвластия в России того времени (состояние хаоса, анархии, беспорядков, убийств, экспроприации имущества и т. п.). Вспышки коллективного насилия, которые в конце октября и первые недели ноября 1918 г. сопровождали основные политические события — распад монархии и провозглашение новых государственных объединений⁴⁸, первые слухи об окончании войны⁴⁹, — продолжались недолго. Стихийный социальный конфликт удалось преодолеть прежде всего благодаря тяге к мирной жизни всех «естественных» союзников революции. В своем литературном произведении Мило Урбан так отразил послевоенную обстановку в одной из северных окраинных деревень распавшейся Венгрии: «Думали, что будут восставать, что весь мир перевернут вверх дном, думали, что отомстят всем. Но как только они сняли пальцы с пускового крючка, они стали изнывать от безделья. Сначала им помешала начавшаяся зима, потом неожиданно пришла весна, и этих чувств они как бы уже и не испытывали: гнев исчез из их сердец, как злой дух, мысли о мщении потерялись где-то в широком поле, в мелодии колес плуга, который тащили гнедые и который оставлял жирные борозды. Все разочарования похоронили, зарыли в землю картофель, а с ним как будто бы

⁴⁷ *Holotík L.* Októbrová revolúcia a revolučné hnutie na Slovensku koncom roku 1918 // *Historický časopis.* 1967. Roč. XV. Č. 4. S. 492.

⁴⁸ Провозглашение Чехословацкой Республики 28 октября 1918 г., независимой немецкой Австрии и югославского государства 29 октября 1918 г., присоединение Галиции к польскому государству 30 октября 1918 г., образование правительства М. Каройи в Венгрии 31 октября 1918 г.

⁴⁹ «На День Всех святых (1 ноября. — *Прим. перев.*) стали говорить о конце войны, как молния ширился этот слух, и в конце концов его официально подтвердили, когда 5 ноября 1918 г. в Надаш дошла Мартинская декларация...» См.: *Krištúfek V. Prevrat v okolí Nádaša* // *Slovenský prevrat* /Ed. K.A. Medvecký. Trnava, 1931. Zv. IV. S. 96–97.

и всю ту горечь, которой их кормили четыре с половиной года. Окунулись в работу, в жизнь и заметили это лишь тогда, когда были далеко от берега — в удивительном бурном потоке, который неудержимо нес их в неизвестное будущее»⁵⁰.

До конца Первой мировой войны полную репатриацию военнопленных провести не удалось. Из приблизительно 670 тыс. пленных тем или иным способом удалось вернуть в Австро-Венгрию с помощью комиссий по репатриации в Киеве и Москве лишь четвертую часть. Нестабильность, изменчивость ситуации в России и в Европе привела к тому, что процесс возвращения военнопленных на родину растянулся. Пленные чехи и словаки из России первыми из военнопленных воевавших стран стали в массовом порядке возвращаться на родину, но в конце войны оказалось, что успешное окончание репатриации станет сложной проблемой. Широкие возможности, открывшиеся для их возвращения домой благодаря перемирию, мирным переговорам и Брест-Литовскому миру, вскоре ограничились из-за начавшейся Гражданской войны и интервенции. Последовавшее затем окончание войны аннулировало все прежние договоренности между большевиками и павшими режимами в Центральной Европе — в Германии и Австро-Венгрии.

Деятельность австро-венгерской репатриационной комиссии в России длилась лишь несколько месяцев — до конца войны и распада монархии. 5 ноября 1918 г. образовался Австро-венгерский совет рабочих и солдатских депутатов (так называемый Австросовет). Австро-венгерская репатриационная комиссия в Москве стала подчиняться Австросовету, который официально взял на себя заботу о репатриации пленных из России в Центральную Европу вопреки протестам стран-наследниц⁵¹. И все же Советом народных комиссаров советской России он был признан единственным уполномоченным представителем интересов граждан бывшей Австро-Венгрии, находившихся в России. Австросовет обратился к правительствам в Вене, Будапеште и в Праге с требованием признать его единственным дееспособным представителем их интересов в России. Континуитет прежних репатриационных мероприятий был нарушен — старым имперским делегациям предстояло уступить место «новым, революционным», и вводился новый метод работы⁵². Наряду с организацией возвращения пленных на родину Австро-венгерский совет стал еще одним институциональным инструментом распространения большевистской пропаганды среди пленных и их набора в интернациональные части Красной армии. В конце 1918 г. к нему присоединили в качестве его секций и другие органы — чехословацкий, венгерский, югославянский и румынский советы. Их возникновение отражало новую

⁵⁰ *Urban M.* Hmly na úsvite. Bratislava, 1970. S. 9.

⁵¹ Открыто этот протест выразил Отто Бауэр, министр иностранных дел новой Австрийской Республики, который обратился к датскому посольству в Москве с просьбой взять на себя заботу об австрийских пленных. См. об этом: *Horčíčka V.* Op. cit. S. 214–215; *Leidinger H., Moritz V.* Op. cit. S. 522.

⁵² *Leidinger H., Moritz V.* Op. cit. S. 522.

политическую и национальную ситуацию на территории распавшейся Габсбургской монархии. Организация репатриации снова временно затормозилась. Зимой 1918–1919 гг. правительства стран-наследниц в Центральной Европе пытались ограничивать поток возвращавшихся до тех пор, пока не удастся разместить в карантинных лагерях тех, кому уже удалось попасть на родину. В этот период забот требовали и возвращавшиеся с фронтов солдаты⁵³. С осени 1918 г. вплоть до февраля 1920 г. возвращение пленных на родину в виду блокады советской России со стороны Антанты было крайне ограничено. С весны 1920 г. ожидался самый решающий этап репатриации на основе прямых договоров между вновь образованными государствами и советской Россией. В апреле того же года Лига Наций предоставила этим странам кредит в размере 600 тыс. фунтов стерлингов на финансирование репатриационных операций. Одновременно при посредничестве Красного Креста между Россией и государствами Центральной Европы были достигнуты соглашения (сначала в апреле с Германией и, наконец, в июле с Венгрией), призванные устранить любые преграды на пути возвращения пленных на родину. В марте 1922 г. Верховный комиссар по делам беженцев и военнопленных полярный исследователь Фритьоф Нансен сообщил, что из России репатриированы 437 386 пленных и около 4 тыс. еще осталось там, причем многие из них не хотели возвращаться⁵⁴.

Правительственные круги стран, пришедших на смену Австро-Венгрии, не испытывали особого восторга в связи с массовым возвращением тысяч своих пленных. Страх перед распространением большевистских идей перешел и к элитам новых режимов. Отношение чехословацкого государственного аппарата к репатриантам по своей бдительности и подозрительности немногим отличалось от позиции бывших австро-венгерских органов. Центральные государственные органы были предупреждены о продолжавшемся прибытии пленных из России, которые с разных сторон пересекали границы новой республики как в одиночку, группами, так и в составе массовых транспортов. Рост числа донесений о систематической пропагандистской работе и организации коммунистического движения среди пленных из России лишь усиливал опасения импорта большевистских идей. Подобная ситуация приводила компетентных чехословацких представителей к мысли продолжать карантинную политику монархии. Главной функцией карантинных и сортировочных лагерей, которые находились в Праге, Брно,

⁵³ *Rachamimov A. POW and the Great War...* P. 221.

⁵⁴ *Ibidem.* Рейнхард Нахтигал (Reinhard Nachtigal) пишет, что невозможно определить количество и национальность тех пленных, которые вопреки возможности репатриации надолго остались в России. Среди них, правда, была большая группа венгерских интернационалистов, которые поступили на службу в Коминтерн, и большая группа славянских пленных, которые легко адаптировались в славянском языковом пространстве, — согласно Нахтигалу, речь может идти о шестизначном числе оставшихся. Они возвращались в страны — наследницы Австро-Венгрии вплоть до 1930-х годов, многие уже с семьями. В целом их можно причислить к 400-тысячной группе пленных, которые погибли или пропали без вести, что составляет 17% всех солдат, попавших в русский плен. См.: *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914 bis 1918: Literaturbericht zu einem neun Forschungsfeld.* P. Lang, 2005. S. 265.

Границах на Мораве, Пардубице и в Кошице, должно было стать «искоренение зла большевизма»⁵⁵. С одной стороны, задача заключалась в выявлении большевистских агитаторов, курьеров или эмиссаров в репатриационных транспортах с их последующей изоляцией от остальных пленных. С другой стороны, сортировочные лагеря преследовали цель перевоспитания. Пребывание в них должно было «вернуть на правильный путь тех солдат, которые за длительный период войны... утратили чувство дисциплины и смысл гражданских свобод»⁵⁶. В инструкциях Министерства национальной обороны от февраля 1919 г., которые определяли цели и задачи сортировочных лагерей, отмена телесных наказаний как одна из функций карантина была осуществлена в последнюю очередь. Лишь после того, как пленные прошли полностью всю процедуру, они могли получить удостоверение, позволявшее вернуться домой и получить продовольственные карточки⁵⁷.

Перевод со словацкого языка Е.П. Серапионовой

⁵⁵ Кошицкий лагерь после вторжения венгерской Красной армии был эвакуирован в июне и вновь открыт в июле 1919 г., но принимал уже только возвращавшихся словаков и украинцев. Венгерских репатриантов, за которыми значился, например, транспорт из 1200 пленных из России, направили на досмотр в лагеря на чешской территории. См.: Národní archiv České republiky (NA ČR). PMV-AMV 225–248–23.

⁵⁶ Цит. по: *Amort Č.* Op. cit. S. 248.

⁵⁷ *Ibidem.*

*И.В. Крючков
(Ставрополь)*

ЧЕШСКИЕ И СЛОВАЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В 1914–1917 гг.

В начале XX в. Ставропольская губерния являлась одним из наиболее развитых аграрных регионов Российской империи. Поэтому в годы Первой мировой войны в условиях обострения ситуации с продовольствием экономическое значение губернии сильно возросло. С осени 1914 г. из-за мобилизации мужчин в армию экономика губернии начала также испытывать нехватку рабочих рук (до 40 тыс. человек), что особенно ощущалось в сельском хозяйстве. Власти и земство губернии уже зимой 1914/1915 г. обратились в Министерство внутренних дел и военное ведомство с просьбой о предоставлении губернии военнопленных, желательно славян, с целью использования их труда в регионе. В конце апреля 1915 г. военное ведомство отказало в удовлетворении данной просьбы на том основании, что Ставропольская губерния формально относилась к театру боевых действий¹. Но вскоре в условиях нарастания в стране продовольственного кризиса Петрограду пришлось изменить свое решение. Ставрополь и Петроград договорились об условиях перевозки и размещения военнопленных. При этом ставропольская губернская администрация просила прислать только пленных славян, желательно русин (украинцев), сербов, чехов и словаков.

В середине июня 1915 г. в губернию прибыли первые партии военнопленных, предназначенных для работы в народном хозяйстве губернии, общей численностью в 5169 человек². О национальном составе пленных можно судить по следующим данным. Так, из 420 человек., прибывших в Ставрополь 16 июля 1915 г., было: 111 венгров (мадьяр), 116 русин, 110 румын, 16 чехов, 41 австрийский немец, 16 поляков³. К октябрю 1915 г. в самом Ставрополе трудились 130 военнопленных, в том числе 28 чехов (четыре каменщика, плотник, два столяра, токарь, пять чернорабочих, бакалейщик, два лакея, ткач, два кучера, два лавочника, мельник, технолог, кондитер, писец, два рабочих на сахарном заводе, рабочий на железной дороге) и семь словаков (пять чернорабочих, один маляр, один музыкант)⁴.

¹ Северокавказский край. 1915. № 79. С. 3.

² Там же. № 217. С. 3.

³ Там же. № 145. С. 2; там же. № 149. С. 3.

⁴ Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК). Ф. 96. Оп. 2. Д. 3150. Л. 14.

Среди военнопленных, находившихся в начале 1916 г. в распоряжении губернии, преобладали славяне. В марте 1916 г. из 1893 военнопленных в Ставропольском уезде немцы, венгры, евреи составляли всего 334 человека, остальные в основном были славяне. Из 707 пленных Медвеженского уезда словаки составляли 105 человек, а чехи — 96 человек.⁵ Общая численность военнопленных в губернии на 1 ноября 1916 г. превысила 19 тысяч человек, из них более 20% являлись чехами и словаками⁶.

Военнопленных привозили в железнодорожных эшелонах под усиленной охраной. Каждому уезду были определены станции для принятия военнопленных. Для Ставропольского уезда — ст. Ставрополь и ст. Изобильная, для Александровского уезда — ст. Курсавка, Благодарненского и Святокрестовского — ст. Святой Крест, для Медвеженского — ст. Песчанокопская. Уже во время перевозки пленные сталкивались с большими проблемами, их, как правило, перевозили в товарных вагонах, многие из военнопленных очень тяжело переносили акклиматизацию при переезде. Кроме этого, пленные зачастую страдали заболеваниями, приобретенными на фронте и в лагерях. Психические отклонения стали неотъемлемым спутником солдат, прошедших Первую мировую войну. Поэтому все военнопленные подвергались соответствующему медицинскому осмотру. Больные размещались в местных госпиталях, а остальных по определенным квотам распределяли по селам. Этим военнопленным требовалось время для восстановления сил. Для данной категории предполагалось выделять увеличенные продовольственные пайки.

В сельской местности, несмотря на рекомендации о раздельном труде славян и представителей других народов, данное правило в большинстве случаев нарушалось. Так, например, на хуторе Я.И. Калмыкова работали 18 человек (шесть немцев, 11 венгров и один чех)⁷.

Власти особо подчеркивали, что военнопленным запрещалось жить вместе с российскими хозяевами. Пленных следовало содержать в отдельном помещении с охраной. Кроме этого, в тех местах, где полиция была малочисленна, волости должны были нанимать специальных охранников. В случае если крестьяне не могли обеспечить отдельное проживание военнопленных, то им следовало отказывать в распределении пленных⁸. Крестьяне, разумеется, обещали выполнить все, что от них требовалось, лишь бы получить столь необходимую рабочую силу, идя и на открытый обман властей. Поэтому значительное число пленных проживало в одних жилищах вместе с крестьянами, так как у них не было других помещений, где могли бы проживать пленные. Эта проблема отчасти решалась летом, когда пленных могли разместить в хозяйственных помещениях и летних кухнях. Однако зимой такой возможности уже не было. Крестьяне не хотели тратить средства на оплату услуг стражников, поэтому они заверяли соответствующие инстанции в том, что они обеспечат охрану пленных самостоятельно. Сами они это не делали, отсюда во многих населенных пунктах пленных никто не охранял, все было построено на доверии.

⁵ ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 603. Л. 114.

⁶ ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 503. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 137.

⁸ Там же. Л. 23.

В 1915 г. ставропольский губернатор получил четкие инструкции по снабжению военнопленных продовольствием. Исполнение утвержденных норм возлагалось на местные власти. Согласно утвержденным нормативам, все солдаты вне зависимости от гражданства и национальности получали в день 2 фунта хлеба, 0,25 фунта баранины, свинины или рыбы, некоторое количество крупы и других припасов из расчета 25 коп. на человека в день. Два дня в неделю пленные не получали мяса. Дополнительно 15 коп. в месяц выделялось на хозяйственные нужды. Правда, с лета 1915 г. военнопленные лишились этой доплаты⁹.

МВД было озабочено тем, что пленных во многих хозяйствах Ставрополя чрезмерно кормили. Кроме этого, до МВД дошли сведения, что пленные в губернии жили в семьях крестьян без всякого надзора со стороны властей. В этой связи предписывалось в короткие сроки устранить эти недостатки и усилить меры дисциплинарного воздействия на пленных, не соблюдающих установки российской администрации¹⁰. Правда, некоторые положения постановлений были заранее обречены на провал. Бюрократия в любом случае не могла отследить меню пленных у частных хозяев, как и условия их содержания. Между крестьянами и пленными установилась круговая порука.

В 1915 г. возникают первые проблемы с организацией питания военнопленных в Ставрополе. В 1915 г. ежедневный рацион одного пленного оценивался в 25 коп. На эту сумму пленным в день полагалось 0,5 фунта мяса на 7,5 коп., 2,5 фунта хлеба (11,25 коп.), 0,23 фунта фасоли (2,3 коп.), зелени на 0,25 коп., соли на 0,16 коп., муки на 0,20 коп., сахара 3–4 куска в день на 1,70 коп., чая на 1,60 коп. Ряд категорий пленных получал паек из расчета в 30 коп. Но в любом случае это не дотягивало до норм питания рядового состава российской армии (31,4 коп.), к чему привязывался продовольственный паек военнопленных¹¹.

Уже летом 1915 г. военнопленные, работавшие при ставропольской городской управе, подали первые прошения об увеличении продовольственного довольствия с 25 до 40 коп. В прошениях отмечалось, что до сих пор питание «было очень однородное (мясо, картошка, хлеб, чай), а для физически работающих нужны еще и иные продовольственные продукты»¹². Кроме того, в прошении отмечалось, что порции выдаваемых продуктов военнопленным были заниженными, чай и сахар они получали в недостаточном количестве.

Жизнь самих военнопленных в течение 1916 г. изменилась не в лучшую сторону. Экономический кризис, разразившийся в России, не мог не сказаться и на их положении. Инфляция обесценивала доходы военнопленных. С 14 апреля 1916 г. «кормовые» по губернии увеличиваются с 25 коп. в сутки до 40 коп. Кроме этого, на баню и стирку белья пленные стали получать дополнительно по 1 руб. в месяц¹³. С 14 октября 1916 г. военнопленным подняли оплату за труд. Если до этого каждый пленный получал на руки в среднем по 5–6 руб. в месяц, то теперь эта сумма увеличилась до 10 руб. Правда, в ряде случаев были и исключения,

⁹ ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 583. Л. 34.

¹⁰ Там же. Л. 26.

¹¹ ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 3150. Л. 13.

¹² ГАСК. Ф. 314. Оп. 1. Д. 102. Л. 13.

¹³ ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 262. Л. 5, 30.

военнопленные за успешно выполненную работу могли получить повышенную заработную плату. В ноябре 1915 г. трое пленных за изготовление парт для школ Ставрополя получили по 15 руб. 50 коп.¹⁴

Все циркуляры о мерах дисциплинарного воздействия предписывалось публиковать на немецком, венгерском и польском языках и вывешивать во всех публичных местах, посещаемых военнопленными. Здесь вновь проявлялась тенденция разделения пленных на «хороших» и «плохих». Чехи, словаки, южные славяне, румыны, итальянцы относились к разряду лояльных пленных.

Большинство военнопленных чехов и словаков распределялось среди крестьянских семей Ставрополя. Следовательно, они в основном получали такую же пищу, что и местные жители. В губернии уровень жизни крестьян, по сравнению с другими регионами Российской империи, был довольно высоким. Это благоприятно сказывалось на питании военнопленных. Правда, некоторые блюда из местной кухни не пришлись пленным по душе, в частности борщ. Вместо него они предпочитали употреблять другие супы, каши, мясные блюда и пирожки. Хозяйка крестьянской семьи готовила в большинстве случаев одну пищу для себя и военнопленных. Только в редких случаях пленные имели возможность самостоятельно приготовить себе еду. Военнопленные в праздничные дни старались готовить свои национальные блюда. Некоторые из них позже переняли ставропольские крестьяне, включая различные овощные блюда и гуляш.

В отличие от сельской местности положение пленных в губернском центре отличалось в худшую сторону. Пленные, находившиеся под контролем городской управы, имели четко фиксированный рабочий день — с 6.00 до 18.00 с перерывом с 12.00 до 14.00. В манеже и в большинстве других помещений города условия содержания пленных в целом были удовлетворительными. Однако в обращении, подданном в августе 1915 г., группа пленных жаловалась на тяжелые бытовые условия своего содержания¹⁵. В таких случаях власти города постоянно сетовали на нехватку средств на обустройство быта пленных. Правда, это не совсем соответствовало действительности, если учесть, что пленные перечисляли часть своих заработанных средств в специальный фонд. В среднем один военнопленный обходился городу в 49,1 коп. в день¹⁶.

В декабре 1915 г. полицмейстер Ставрополя направил в городскую управу уведомление о том, что положение пленных вызывает у него беспокойство. Проверка, проведенная начальником ставропольской полиции, показала, что у многих пленных не было нормальной одежды, так как форма, которую они должны были носить, пришла в полную негодность, поэтому некоторые пленные ходили в гражданской одежде, что являлось нарушением всех принятых норм. Он предлагал пленным выдать головные уборы австро-венгерской армии, чтобы отличать пленных от местного населения¹⁷. Под влиянием этого рапорта и заявлений ставропольских врачей власти предприняли серьезные усилия по улучшению снабжения пленных одеждой.

¹⁴ ГАСК. Ф. 314. Оп. 1. Д. 102. Л. 18.

¹⁵ Там же. Л. 13.

¹⁶ ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 3150. Л. 42.

¹⁷ ГАСК. Ф. 314. Оп. 1. Д. 102. Л. 58.

При составлении смет расходов на содержание военнопленных наблюдались значительные расхождения по уездам. Некоторые уезды (Александровский) стремились экономить средства, приобретая только самое необходимое. Это негативно сказывалось на содержании пленных¹⁸. Другие (Святокрестовский), наоборот, закладывали значительные суммы расходов на содержание пленных. Так, например, если в последнем квартале 1915 г. Александровский уезд на приобретение одежды и обуви выделял в среднем по 8 руб. на человека, то Святокрестовский на эти же цели ассигновал по 71 руб.¹⁹ Данные затраты были вполне обоснованными, так как зачастую одежда и обувь прибывавших в губернию пленных находились в отвратительном состоянии. Следовательно, местным властям приходилось выделять внушительные суммы на приобретение и починку обмундирования пленных. При их распределении уезды стремились получить тех, у кого одежда и обувь были в удовлетворительном состоянии.

В условиях нарастания экономического кризиса в России и на Ставрополье снабжать пленную одежду и обувью становилось все сложнее. Земства имели денежные средства, но в условиях дефицита за них трудно было приобрести необходимые для пленных вещи. Ставропольской земской управе осенью 1916 г. не удалось приобрести кожу для ремонта обуви пленных, теплые шапки и рукавицы²⁰. Большим успехом для земства стало списание Ставропольским интендантским складом в первых числах января 1917 г. 250 испорченных сапог, которые после починки можно было отдать пленным²¹.

О повседневной жизни военнопленных чехов и словаков, к сожалению, имеются только отрывочные сведения. На селе ритм и распорядок жизни военнопленных был полностью подчинен графику проведения сельскохозяйственных работ. В Ставрополе военнопленные также имели определенную свободу действий. Они могли находиться в городе до 19.00–20.00 часов, посещать большинство общественных мест, свободно общаться с местными жителями. Свобода передвижения по населенным пунктам зависела от выполнения ряда условий: 1) качественная работа; 2) информирование властей обо всех передвижениях по селу-городу; 3) строгое соблюдение расписания работ и нахождения в местах постоянной дислокации; 4) опрятный вид; 5) отдача чести российским офицерам.

Особое внимание российскими властями обращалось на создание военнопленным нормальных условий для исполнения религиозных обрядов. Католики, находившиеся в Ставрополе и окрестных селах, посещали городской костел, евреи — синагогу губернского центра. Представители других вероисповеданий обеспечивались местом для совершения религиозных обрядов. Губернская управа без всяких индивидуальных обращений с 1916 г. разрешила военнопленным на территории всей губернии праздновать Рождество и Новый год по европейскому стилю, заранее поставив в известность работодателей. Пленным

¹⁸ Согласно утвержденным нормам, 3 из 6 руб. заработной платы пленных шло в специальный фонд.

¹⁹ ГАСК. Ф. 67 Оп. 1. Д. 197. Л. 44, 48.

²⁰ ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 3150. Л. 123–125.

²¹ Там же. Л. 189.

разрешали не работать и на другие религиозные праздники, но без выплаты жалованья за эти дни, кроме случаев, оговоренных инструкциями²².

На Рождество пленным выдавались денежные авансы. Они стремились достойно отметить праздник, не останавливаясь перед существенными финансовыми затратами накрывали общий праздничный стол, за которым дарили друг другу подарки. Все это сопровождалось зачитыванием писем с родины. Чешские организации, находившиеся в России, местная чешская община пытались помочь пленным в организации праздников, включая распределение среди них подарков и денежных средств.

Практически все военнопленные тяжело переносили разрыв с семьей, родиной. Это выражалось в постоянных разговорах о членах семьи, родных местах, показе фотографий и т. д. Причем часто в роли слушателей выступали русские крестьяне. Большинство ставропольчан в целом с сочувствием относилось к судьбе пленным. Здесь во многом происходило проецирование судьбы военнопленных на своих родных и близких, оказавшихся на фронте и в плену. Военнопленные страдали от нерегулярности поступления писем из Австро-Венгрии²³. В Ставрополе и ряде других населенных пунктов пленные чехи и словаки могли общаться со своими соотечественниками, давно осевшими в Центральном Предкавказье. Это представляло взаимный интерес. Чехи и словаки Ставрополья интересовались жизнью в Австро-Венгрии накануне войны. Пленные рассчитывали на материальную, духовную помощь и возможность общения на родном языке. От пленных ставропольские чехи и словаки узнали о крупных неудачах российской армии в 1915 г. и о тяжелом положении монархии Габсбургов.

Серьезной проблемой для военнопленных стала организация досуга. В основном он сводился к игре в карты, бесконечным беседам о перспективах войны, своем прошлом и будущем, распитию спиртных напитков. Однако примеры пьянства среди пленных были редким явлением. Многие военнопленные жаловались на отсутствие на Ставрополье хорошего вина и пива, без которых они не представляли себе нормальный досуг²⁴. Местные новости и события также становились предметом оживленных бесед военнопленных. Большую популярность получили среди них спортивные игры, в том числе футбол. Ставропольские крестьяне впервые узнали об этой игре именно от военнопленных. Острой проблемой для военнопленных являлась нехватка книг и периодики на родном языке. Чешские организации России старались помочь военнопленным доставкой им собственной печатной продукции. Чехи и словаки, проживавшие в губернии, постоянно заботились о духовной жизни пленных, оказывая им всестороннюю помощь, в том числе приобретая для них необходимую литературу. У военнопленных славян была привилегия — возможность петь национальные песни. Очень быстро пленные освоили песни местного населения.

Серьезной проблемой для региональных и центральных властей стали взаимоотношения военнопленных с русскими женщинами. Пленных распределяли главным образом в семьях, мужчины из которых оказались на фронте;

²² ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 3171. Л. 30.

²³ Там же. Л. 29.

²⁴ Северокавказский край. 1915. № 120. С. 3.

многие женщины потеряли своих мужей на войне, став вдовами. С ними, а также с молодыми девушками у чешских и словацких военнопленных возникала взаимная симпатия, перераставшая в сексуальные контакты. Такого рода факты приводили к появлению от пленных незаконнорожденных детей. Причем количество подобных фактов на Ставрополье постоянно увеличивалось. В этих условиях в октябре 1915 г. МВД разрешило браки русских женщин с военнопленными²⁵. На Ставрополье было зафиксировано несколько десятков браков пленных с местными женщинами. После войны часть данных военнопленных осталась на Ставрополье. Большинство «невозвращенцев» являлось словаками и русинами.

В 1916 г. в некоторых хуторских хозяйствах возникла проблема содержания военнопленных. Пленные в целом предпочитали трудиться в крестьянских, а не в хуторских хозяйствах, так как на хуторах интенсивность труда была значительно выше. В этом плане примечательным является сообщение урядника с. Спицевское о побеге двух военнопленных из хутора Струкова. Урядник доносил, что в уезде побег с хуторов стали обычным делом. Пленные, как правило, бежали в ближайшие земские правления, где жаловались на плохое питание и отношение к ним. По поводу тяжести работы урядник был не согласен: на его взгляд, у пленных и у местных жителей был одинаковый объем работ. Однако жалобы на питание урядник относил к разряду вполне обоснованных. Эти претензии относились прежде всего к хуторянам (тавричанам)²⁶. От этой категории бежали не только пленные, но и русские наемные рабочие. Жадность тавричан вызывала насмешки соседних крестьян. Следует подчеркнуть, что тавричане составляли ничтожное меньшинство от общего количества ставропольских крестьян.

Земские управы стремились установить жесткий контроль над использованием труда военнопленных тавричанами. В случае нарушения правил содержания пленных они отбирались у тавричан, что вело к существенным проблемам в хуторском хозяйстве. Поэтому тавричане постепенно стали менять отношение к пленным в лучшую сторону. Так, летом 1916 г. урядник усматривал главную причину побегов военнопленных с хуторов в том, что там пленные жили под строгим надзором, от них требовали соблюдения субординации и дисциплины и они не имели практически никаких удовольствий и развлечений. В то время как в селе военнопленные жили относительно вольготно, имея время для досуга. «К довершению всего очень высоко ценится у пленных дамское общество, среди которого они в деревне пользуются вниманием подчас даже неумеренным», — отмечал урядник²⁷. На хуторе с дамским обществом были проблемы. Вся семья и пленные находились под надзором владельца хутора. Ограниченность сексуальных контактов вела к развитию среди военнопленных гомосексуализма, особенно на хуторах, но эта деликатная тема практически не находит отражения в официальных материалах.

²⁵ Северокавказский край. 1915. № 224. С. 3.

²⁶ Тавричанами на Ставрополье и в соседних регионах называли выходцев из Таврической губернии, не являвшихся членами местных крестьянских общин. Они в основном занимались животноводством и проживали на хуторах. Тавричане принадлежали к числу наиболее состоятельных крестьян.

²⁷ Пленные на работе // Северокавказский край. 1916. № 131. С. 3.

В целом примеры жесткого отношения к военнопленным на Ставрополье являлись исключением из общей практики. Незначительное количество побегов военнопленных от своих хозяев свидетельствует как раз об этом. Сбежавшие военнопленные сразу добирались до ближайшей земской управы и сдавались властям. В 1915 г. был зафиксирован только один случай побега за пределы губернии²⁸. Пленные чехи и словаки оказались в привилегированном положении, так как местная чешская община и чешские организации постоянно следили за положением своих собратьев.

В октябре-ноябре 1915 г. произошли существенные изменения в статусе военнопленных славян, в том числе чехов и словаков. Сначала, согласно приказу МВД, начали последовательно отделять славян, подданных Австро-Венгрии, от венгров, австрийских немцев, подданных Германии, и использовать их труд раздельно²⁹. Причем славяне должны были не только трудиться, но и содержаться отдельно в госпиталях, при перевозке и т. д. Цель данного мероприятия объяснялась следующим: «В видах ограждения находящихся у нас военнопленных славянских национальностей, дружественно относящихся к России, от враждебного и часто крайне оскорбительного отношения к ним пленных германских и австрийских немцев и мадьяр...»³⁰.

В конце декабря 1915 г. — начале 1916 г. губернские власти получили предписание, в котором отмечалось, что, учитывая дружеское отношение славяно-военнопленных к России и ходатайство Правления Союза чешско-словацких обществ, следует принять меры по улучшению положения пленных славян, прежде всего чехов и словаков. В частности, предлагалось разрешить славянам прогулки по воскресеньям в пределах населенных пунктов, а также свободное общение между разными группами пленных соотечественников³¹.

В начале 1916 г. были подведены первые итоги использования труда военнопленных на Ставрополье. В целом их трудом крестьяне были довольны. В то же время все села жаловались на катастрофическую нехватку пленных и требовали увеличения числа последних, так как использование труда местных наемных рабочих было неэффективно в связи с необходимостью платить им высокую заработную плату.

Одновременно с положительными откликами в 1916 г. появились и отрицательные отзывы по поводу труда военнопленных. Многие подданные Австро-Венгрии и Германии оказались непригодными к сельскохозяйственному труду, ибо у себя на родине в силу своей профессиональной деятельности они не имели никакого отношения к сельскому хозяйству. Это относилось к рабочим промышленных предприятий, служащим и т. д. К тому же многие военнопленные не смогли адаптироваться к рабочему ритму и специфике сельского хозяйства России. По сведениям жителей с. Спицевское, из 300 военнопленных только 10 трудились с той же интенсивностью, что и местные крестьяне³². Часто отмечались случаи симуляции

²⁸ Северокавказский край. 1915. № 189. С. 2.

²⁹ Там же. № 258. С. 3.

³⁰ ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 583. Л. 46.

³¹ Там же. Л. 49.

³² Северокавказский край. 1916. № 21. С. 3.

пленными различных заболеваний. В условиях отсутствия в большинстве сел врачей крестьянам было очень трудно доказать подобные случаи.

Большинство военнопленных чехов и словаков в губернии оказалось на сельскохозяйственных работах. Словаки довольно быстро приспособились к трудовой деятельности на Ставрополье, так как значительная их часть являлась крестьянами. С чехами возникли проблемы, так как среди них оказалось много представителей социальных групп, ранее не имевших никакого отношения к труду в аграрном секторе. Поэтому им требовалось время для адаптации. В то же время чехи оказались незаменимыми специалистами при использовании сложной сельскохозяйственной техники и при работе на промышленных предприятиях.

В конце 1916 г. в России было принято решение о возможности создания воинских соединений из военнопленных австро-венгерской армии. Румыния, Сербия и Италия направляют своих представителей на Кавказ. Но самую активную деятельность на Ставрополье развернули представители Чехословацкого национального совета. Весной 1916 г. чехи и словаки довольно инертно относились к призывам ЧСНС, но с осени число добровольцев, желающих вступить в чехословацкие воинские части, резко увеличилось, что было связано с нарастанием в России экономического и политического кризиса. Только по Александровскому уезду представитель ЧСНС в ноябре собрал 19 чехов и словаков, выразивших желание служить в Чехословацком корпусе³³. Пленных из Ставрополя отправляли в Борисполь, где активно формировался Чехословацкий корпус.

Две русские революции изменили положение чешских и словацких пленных. Продовольственный кризис, политическая анархия напрямую затрагивали их интересы. Большая часть военнопленных покинула губернию в течение 1917–1918 гг., в том числе незаконно. В 1918 г. в губернии произошли массовые побег пленных. Даже в Ставрополе, где их легче было контролировать, численность военнопленных резко сократилась. Часть из них покинула город вполне легально. О резком сокращении численности пленных в Ставрополе в течение первой половины 1918 г. свидетельствует следующая таблица³⁴:

Пленные из	Дата				
	28.01.	14.02.	28.03.	28.04.	29.05
Австро-Венгрии,	256	211	93	57	
в том числе:					
австро-немцы	22	21			
чехи	12	7			
словаки	5	4			
Всего, включая военнопленных из Германии и Османской империи	341	281	147	81	79

³³ ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 583. Л. 292.

³⁴ Там же. Л. 407, 421, 422, 455, 479.

На фоне этой анархии власти города и губернии пытались улучшить положение пленных³⁵. Городским службам пришлось проявить завидное упорство, чтобы приобрести хотя бы часть из намеченного имущества и продовольствия, предназначенного для пленных. Город постоянно нуждался в рабочих руках, по данным городских властей, только на рубке дров для нужд Ставрополя не хватало около 100 пленных. Однако все попытки добиться получения новых партий пленных в 1918 г. не увенчались успехом.

Падение дисциплины военнопленных и ослабление контроля над ними стали приводить к появлению среди пленных своеобразной элиты. По данным властей, некоторые пленные смогли разбогатеть, имея довольно крупные суммы денег. Они покупали себе дорогую одежду, обувь, ведя роскошный, по местным меркам, образ жизни³⁶. На родину они возвращались весьма состоятельными людьми. Среди них оказалось много чехов и словаков.

К 1919 г. губернию покинули почти все подданные бывших Германской и Австро-Венгерской империй. Чехи и словаки поступили в распоряжение Чехословацкого национального совета. В 1919 г. последние партии чехов и словаков через Ростов-на-Дону, Екатеринодар и Новороссийск, где долгое время находился крупный сборный пункт ЧСНС, покинули Северный Кавказ. В то же время незначительная часть военнопленных осталась на Ставрополье, обзаведясь здесь семьями и своим хозяйством (поляки, словаки, русины, венгры).

В 1918–1920 гг. территория Ставропольской губернии стала ареной кровопролитных боев между Добровольческой и Красной армиями. Оставшиеся на Ставрополье военнопленные старались не вмешиваться во внутрироссийскую междоусобицу, их больше интересовала возможность быстрее возвращения на родину. «Красные» и «белые» на Ставрополье не выработали специфической политики по отношению к пленным, по инерции используя с некоторыми коррективами законодательство Российской империи. Данный факт приводил и к определенным курьезам. Так, в г. Ставрополе в 1919 г. пленные Красной армии, работавшие в городском хозяйстве, были приравнены в своем статусе к военнопленным Четверного союза. Попытки проведения политической агитации среди военнопленных на Ставрополье в годы Гражданской войны не увенчались успехом для противоборствующих сторон. Пленные в губернии были в целом аполитичны.

Таким образом, на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны оказалось около 20 тыс. военнопленных, людей различных национальностей. Условия их труда и содержания в губернии выгодно отличались от условий пребывания пленных в Сибири, в Средней Азии и в промышленных регионах. На Ставрополье не существовало четкой границы в содержании военнопленных славян и представителей неславянских народов. В губернии отсутство-

³⁵ Там же. Л. 358.

³⁶ ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 583. Л. 299.

вал мощный административный аппарат, способный следить за исполнением установленных правительством правил в отношении пленных. Поэтому условия их содержания формировал локальный мир сельских обществ Ставропольской губернии, имевший собственные представления, сочетавший элементы быта традиционной крестьянской семьи и патернализм. Кроме того, многочисленные чешская и словацкая общины Ставрополя внимательно следили за положением соотечественников и оказывали им всестороннюю помощь.

*Г.В. Рокина
(Йошкар-Ола)*

АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В МАРИЙСКОМ КРАЕ

Потрясения Первой мировой войны привели к серьезным переменам в жизни десятков миллионов людей воюющих стран. Особенно резко менялся уклад жизни тех людей, которые в годы войны отрывались от своих родных мест или оказались захваченными врасплох нагрянувшей войной у своих очагов. Одни из них становились солдатами, гибли, получали увечья, оказывались в плену на чужой стороне. Другие, продолжая оставаться мирными жителями, становились жертвами военных действий или превращались в беженцев, заброшенных войной в далекие края.

Одной из неожиданностей этой войны стало огромное число пленных, оказавшихся на территории практически всех европейских государств, а также в России и остававшихся там в течение многих лет. Первая мировая война превзошла по своим масштабам все прошедшие войны. Использование новых видов вооружений и тактики ведения боя привели к тому, что в плен попали миллионы военнослужащих, к чему оказалась не готова практически ни одна из противоборствующих сторон.

Нужно отметить, что в целом условия содержания военнопленных в тот период уже были регламентированы требованиями Гаагской конвенции 1907 г., в которой предполагалось на долгие годы определить «цивилизованные правила» ведения войны. На Гаагской международной конференции 1907 г. были выработаны правила обращения с военнопленными, их обязанности, а также определялся статус военнопленного. В статьях указывалось, что с военнопленными надлежит обращаться с человеколюбием и все то, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, должно оставаться в их собственности. Пленных могли привлекать к работам сообразно с их чином и способностями, за исключением офицеров. Работы эти не должны были быть слишком обременительными и иметь какое-либо отношение к военным действиям. Солдатам и офицерам, попавшим в плен, согласно статьям конвенции, должна была предоставляться полная свобода отправления религиозных обрядов.

Стокгольмская конвенция, подписанная представителями Красного Креста России и Центральных держав в 1915 г., уточняла в духе Гаагской конвенции 1907 г. статус и права военнопленных, находившихся на территории России и ее противников, и накладывала определенные обязательства на правительства го-

сударств, на чьей территории оказались пленные. На практике требования этого документа в полном объеме выполнить было весьма трудно, так как обеспечение приемлемых условий существования для столь огромного количества новых жителей стало непосильным бременем для империи.

По последним данным, за годы Первой мировой войны в плену оказалось около 8 млн солдат и более 200 тыс. мирных граждан¹. К такому повороту событий оказался никто не готов. Российская империя, будучи одной из главных участниц войны, очутилась в числе стран, наиболее пострадавших от событий 1914–1918 гг. В России было сосредоточено более 2 млн военнопленных германской, австро-венгерской, турецкой, итальянской, болгарской и других армий стран — противниц Антанты².

В последние годы интерес к теме Первой мировой войны возрастает как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Одним из наиболее полных общих российских трудов академического характера остается четырехтомник «Мировые войны XX века»³, два тома которого посвящены теме первого мирового кризиса. Здесь рассмотрены причины и итоги войны, освещены боевые действия, политика и дипломатия противоборствующих стран, внутреннее положение государств, их экономика. В издании публикуются основные международные договоры, приводится также часть дипломатической переписки между руководителями европейских стран.

Специальных работ по проблеме военнопленных в российской исторической литературе сравнительно мало. Так, российский ученый Д. Люкшин в статье «Да за нашими бабами вьются... Военнопленные в крестьянской России»⁴ описывает жизнь и быт военнопленных стран Четверного союза на территории Казанской губернии, их численность, национальную принадлежность, условия их содержания. Данное исследование основано на материалах Государственного архива Республики Татарстан. За десять лет до публикации Д. Люкшина исследователь из Республики Марий Эл Г.И. Кириллов подробно останавливался на описании быта и повседневной жизни австро-венгерских и немецких военнопленных на территории Царевококшайска в 1916–1918 гг.⁵ Теме побегов австрийских и немецких пленных на родину через страны Скандинавии посвящена статья

¹ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 629.

² Новикова И.Н. Россия — страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 55.

³ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. Кн. 2: Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002.

⁴ Люкшин Д. «Да за нашими бабами вьются». Военнопленные в крестьянской России // Родина. 2002. № 10. С. 24–27.

⁵ Кириллов Г.И. Австро-германские военнопленные в уездном Царевококшайске (1915–1918 гг.) // Марийский археографический вестник. 1995. № 5. С. 30–44. Среди современных работ по проблеме австро-венгерских пленных в России необходимо также отметить статью молодого исследователя из Республики Марий Эл Кугулова А.А. Повседневная жизнь австро-венгерских и германских военнопленных в уездном Царевококшайске в годы Первой мировой войны // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія «Історія». Вип. 23. Ужгород, 2009. С. 17–23.

И.Н. Новиковой «Россия — страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену»⁶.

Особое место в исследовании проблемы пребывания пленных Первой мировой войны в России занимает работа ставропольского ученого И.В. Крючкова, в которой рассматриваются самые различные стороны жизни военнопленных Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии⁷.

Казанская губерния, в состав которой входил и Марийский край, стала одним из центров размещения беженцев, интернированных и военнопленных. Уездный Царевококшайск, столица Марийского края, был одним из городов Казанской губернии, где также содержались военнопленные. В данной статье на основе архивных материалов, сохранившихся в Государственном архиве Республики Марий Эл, предпринята попытка реконструкции исторических событий, связанных с пребыванием военнопленных в Марийском крае. Среди сохранившихся архивных документов преобладают сведения за 1916 г. Прежде всего это приказы по Управлению Царевококшайского уездного воинского начальника, в которых фиксировалось прибытие и убытие военнопленных, а также регулирование их жизни местными властями. Часть материалов относится к 1918 г. и отражает заключительный этап пребывания в уезде военнопленных.

Всего в Казанском военном округе, по данным Д. Люкшина, содержалось более 285 тыс. военнопленных⁸. Ни военная, ни гражданская администрация региона не были готовы к приему такого количества новых обитателей. Первые партии пленных в городах Центральной России размещали в неподготовленных помещениях: доходных домах, казармах новобранцев и дровяных сараях. В Казанской губернии за годы войны не было достроено до конца ни одного специального лагеря для их содержания. Такие лагеря, например, строились в Сибири, условия содержания в них были гораздо более тяжелыми, чем в центральных областях России. В Поволжье же офицеров размещали на квартирах без охраны, лишь под надзором полиции. Военнопленные жили по соседству с местным населением, которое, судя по отчетам, спокойно относилось к присутствию в губернии подданных враждебных держав.

На втором году войны пленных стали распределять по уездным городам и даже в деревнях. Размещение военнопленных на территории России было организовано по национальному принципу. В привилегированном положении оказались военнопленные Австро-Венгрии, так как многие из них были славянского происхождения. Пленных же немцев, австрийцев и венгров отправляли, как правило, подальше от центра — обычно за Урал: в Омский, Иркутский, Туркестанский и Приамурский военные округа. На территорию одной только Казанской губернии, как утверждает Д. Люкшин, прибыло более 20 тыс. военнопленных австро-

⁶ Новикова И.Н. Ук. соч. С. 55–58.

⁷ Крючков И.В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2006. 144 с.

⁸ Люкшин Д. Ук. соч. С. 24.

венгерской, германской и итальянской армий⁹. На берегах Волги обрели временное пристанище представители практически всех этнических групп, населявших империи Гогенцоллернов и Габсбургов: немцы, мадьяры, русины, поляки, чехи, евреи, словенцы, хорваты, боснийцы, словаки, румыны, болгары, сербы и т. п.

Как видно из документов, в «Царевококшайском лагере военнопленных» находились офицеры и солдаты, взятые в плен в основном в конце 1915 г. и в начале 1916 г. Термин «лагерь военнопленных» не означал в данном случае обнесенных забором барачных корпусов, а понимался условно. В Царевококшайске не нашлось помещений, пригодных для организации полноценного лагеря для военнопленных, поэтому пленные были размещены казарменно на частных квартирах. Офицеров поселили в двух домах: доме Корепова в Слободке и доме Чернова на Кирпичной улице¹⁰. Первый дом — деревянный, одноэтажный, имел 6 комнат, в которых жили 23 офицера, размещенные по национальностям. Второй дом — двухэтажный, на втором этаже жили 4 офицера. В настоящее время эти дома, как свидетельствует специалист по истории г. Йошкар-Олы (бывший Царевококшайск) С.В. Стариков, снесены¹¹. В составе пленных, оказавшихся в Царевококшайске, число офицеров в два-три раза превышало число солдат, так как в маленьком городе негде было применить солдатскую рабочую силу и крупные партии солдат сюда не направлялись. Подавляющее число пленных были военнослужащими австро-венгерской армии, германцев было менее десятка.

Царевококшайский лагерь был преимущественно офицерским. К концу 1915 г. в городе находилось 27 офицеров и 16 нижних чинов австрийской армии. Ожидалось прибытие в начале 1916 г. еще 67 офицеров¹². Постепенно количество военнопленных увеличивалось, данные на 1 февраля 1918 г. были следующими: 90 офицеров и 28 солдат¹³. В одной из бумаг начала 1918 г. перечисляются гражданские специальности военнопленных офицеров, которые к тому времени еще оставались в Царевококшайске, это были 77 человек. Среди них было 17 чиновников, 7 учителей, 7 адвокатов, 6 «прочих юристов», 4 студента. Трое названы профессорами — видимо, речь идет о преподавателях высших (или средних) учебных заведений. Были также три инженера, два техника, два нотариуса, по одному были представлены агрономы, электротехники, бухгалтеры, геологи, и один значился «типографом»¹⁴. Среди нижних чинов перечислены лишь профессии тех, кто использовался в плену по этим специальностям: трое сапожников, трое портных, два слесаря. Солдаты, как правило, были в большинстве крестьянами и рабочими.

⁹ Там же. С. 24.

¹⁰ Центральный государственный архив Республики Марий Эл (далее ЦГА РМЭ). Ф. 79. Д. 137. Л. 30.

¹¹ *Стариков С.В.* Панорама старого города: Царевококшайск на старинных открытиях и фотографиях. Йошкар-Ола, 2002. С. 152. В данном исследовании не приводятся данных, что во время военных действий 1914–1918 гг. в этих двух домах содержались военнопленные.

¹² ЦГА РМЭ. Ф. 79. Д. 137. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 35.

¹⁴ Там же. Л. 30.

Подавляющее большинство пленных были военнослужащими австро-венгерской армии. Германцев, как уже говорилось, было менее десятка: с февраля по ноябрь 1916 г. в городе находилось пять офицеров германской армии. Среди солдат в 1916 г. лишь один был немцем, в 1918 г. — двое¹⁵. Все остальные пленные были подданными Австро-Венгрии и, судя по фамилиям и именам, принадлежали к самым разным народам многонациональной монархии. В списках офицеров и солдат были как немецкие (Ганц, Мюллер, Фишер) и венгерские фамилии (Гергутти, Мольнар, Сабо), так и чешские, словацкие и украинские (Петрашек, Новак, Грушенецкий, Халупецкий, Панасюк, Кузляк).

К месту размещения пленные доставлялись по железной дороге либо по рекам, на пароходах. Оказавшимся на пересыльном пункте или на месте постоянного содержания разрешали отправлять телеграммы родственникам и знакомым, пленные могли связаться даже с однополчанами. Жизнь военнопленных четко регламентировалась, они получали все, что им было положено. Вместе с тем надзор за ними был достаточно строгим, любые нарушения режима строго пресекались.

Режим содержания и внутренний порядок определялись инструкцией, имевшейся в каждом помещении, где жили военнопленные. Структура охраны военнопленных в Царевококшайске была следующая. Полковник Недашковский являлся уездным воинским начальником. В его подчинении находились прапорщик Чернов с 15 ратниками¹⁶. Они осуществляли непосредственную охрану военнопленных. В его обязанности входило: 1) до 9.00 обходить все занимаемые военнопленными помещения с целью проверить их количество и порядок среди них; 2) в течение дня надзирать за порядком и следить за дежурными и дневальными; 3) давать наряды военнопленным и дежурным на поденную работу в управлении; 4) надзирать за состоянием настроений и здоровья военнопленных; 5) ежедневно обходить сторожевые посты по одному разу днем и ночью; 6) делать вечернюю переключку военнопленных; 7) взыскивать с военнопленных и конвойных за проступки. Исполнять обязанности Чернову помогали ежедневные дежурные по команде, которые осуществляли надзор за военнопленными. Дежурные по команде — это конвойные, непосредственно несущие караульную службу по охране военнопленных в свою смену. В помощь дежурным выделялись старшие по помещениям из числа военнопленных. Как правило, старшими по комнате назначались немцы и мадьяры как наиболее образованные военнопленные. В их обязанности входило следить за состоянием здоровья пленных и сообщать обо всех их просьбах дежурному по команде.

В делопроизводстве Недашковскому помогал коллежский секретарь Брыгушкин. Его обязанностями было составление деловых бумаг, ведение переписки с воинским начальством местной бригады и военного округа. Всего в Царевококшайском управлении состояло 18 человек, один из них был гражданским лицом. Они осуществляли охрану военнопленных офицеров и нижних чинов и контролировали, в меру своих сил и возможностей, их жизнь и быт.

¹⁵ Там же. Д. 138. Л. 24.

¹⁶ Ратник — в России до 1917 г. рядовой солдат государственного ополчения.

Режим и условия, установленные для военнопленных, были довольно мягкими и либеральными. Распорядок дня был следующий: в 6 утра подъем; в течение часа они одевались, умывались, убрали постель; с 7 до 8 часов прапорщик Чернов совместно с дежурным по команде проводили их утреннюю поверку и смотр, после чего они с 8 часов в течение часа завтракали. Часы с 9 до полудня были отведены для часовых прогулок пленных. На прогулки они выходили колоннами или несколькими партиями, под конвоем во главе с прапорщиком Черновым. Однако с увеличением количества военнопленных было выделено дополнительное время для прогулок после обеда. С послеобеденными прогулками военнопленных связан один любопытный курьез. Довольно часто их водили по Покровской и Вознесенской улицам Царевококшайска, которые огибали здание Полицейского управления до женского монастыря. Именно в эти часы после занятий, приблизительно с 16 по 19 часов, здесь гуляли гимназистки. Совершенно понятны и естественны та тяга и желание молодых австрийских офицеров гулять весной по этому маршруту. Поэтому педагогический совет Царевококшайской женской гимназии был вынужден попросить уездного воинского начальника не допускать прогулок военнопленных по этим улицам после 16 часов вечера¹⁷. Разумеется, просьба была удовлетворена. На прогулках военнопленных Недашковский требовал от конвоиров строго соблюдать правила и инструкции. По его мнению, прогулки нужны были для здоровья, а не для веселого времяпрепровождения. Он не разрешал пленным гулять по 2–3 раза в день, играть в футбол, как это практиковалось в Тетюшах, или свободно ходить без конвоя по городу, как это практиковалось в Актарске. Там это привело к тому, что военнопленные разгуливали с девицами и даже торговали порнографией. Но, несмотря на все принимаемые меры предосторожности, военнопленным в Царевококшайске удавалось каким-то способом общаться с обывателями города, что им строжайше запрещалось. Так, например, 8 марта 1916 г. дежурный по команде застал военнопленного кадета Александра Барто за разговором с военнообязанной женщиной-немкой. Естественно, что за такое нарушение Александр Барто по приказу Недашковского был арестован на 7 суток при Управлении, а охранявшего пленных офицеров арестовали на 10 суток за то, что он допустил женщину-немку в их помещение¹⁸.

Данные факты свидетельствуют о том, что, несмотря на строгие правила и инструкции, жизнь молодых офицеров, находившихся в плену, была ключом. Этому немало способствовала продажность охраны, которая пропускала девиц к офицерам. Царевококшайский уездный воинский начальник, сохранявший до поры до времени невозмутимость, был буквально взбешен такими случаями. Это видно по характеру его апрельского приказа, где он отменял все предыдущие указы и инструкции. Вместо них он приказал выводить на прогулки военнопленных всех вместе одной колонной в течение одного часа, с 9 до 10 часов утра, и после этого выходить кому-либо из помещений воспрещалось. Открывать же окна, выходящие на улицу, он и вовсе запретил с целью предотвратить любое общение

¹⁷ ЦГА РМЭ. Ф. 79. Д. 137. Л. 293.

¹⁸ Там же. Л. 68.

военнопленных с посторонними. Однако в конце апреля им были сделаны некоторые поблажки в режиме. Пленным было разрешено с 10 часов утра до полудня находиться во дворе дома, но под строгим надзором охраны¹⁹. С полудня до 14 часов дня военнопленные обедали в своих квартирах. После, до 16 вечера, они были предоставлены самим себе и занимались своими делами. Им разрешалось читать выписываемые ими газеты и книги, писать письма на родном языке и отсылать их домой. Причем стоит отметить, что военнопленные часто писали мелким, небрежным почерком, что делало просмотр их корреспонденции весьма затруднительным. Потому председатель Казанской военно-цензурной комиссии просил, чтобы до сведения военнопленных довели, что «всякая небрежность и неразборчивость писем влечет за собой неизбежную задержку отправки их по назначению», а это, безусловно, не в интересах самих военнопленных²⁰. С 16 до 18 часов вечера военнопленные занимались уборкой территории двора и помещений. После уборки они в течение полутора часов готовили пищу и ужинали. По окончании ужина, в 19.30, они строились на поверку, и им раздавали письма. Ровно в 21.00 был отбой.

В пункте, касавшемся пищевого, вещевого и денежного снабжения военнопленных, отмечалось, что «все офицеры состоят на обер-офицерском довольствии, получают ежемесячно 20 числа по 50 руб. жалованья»²¹. В 1916 г. это были приличные деньги. Для сравнения отметим, что начальник караула прапорщик Чернов получал содержание 60 руб., делопроизводитель Управления воинского начальника военный чиновник Брызгушкин — 58 руб., а сам воинский начальник — 175 руб.²²

В документах говорится, что пленные нижние чины «довольствуются ежедневно горячею пищею», которую получали с кухни Управления воинского начальника. Им полагались в рационе мясо, крупы, выдавались сахар, «чайное довольствие», мыло для стирки белья. «Каждый пленный нижний чин имеет две смены белья, исправные сапоги, шинель, фуражку и все требуемое одеяние, как офицеры, так и нижние чины пользуются еженедельной баней Управления»²³. Кроме того, военнопленные имели возможность получать через американский Красный Крест денежные переводы с родины, которые им выдавались в рублях.

Как свидетельствуют архивные документы, военнопленные большую часть времени проводили в закрытых помещениях. Психологически такое вынести трудно несмотря на то, что там имелось все необходимое для жизни: табуреты, скамейки, полки, вешалки, кровати для офицеров, нары для нижних чинов, тюфяки, постельные принадлежности, умывальники, полотенца. Все эти предметы обихода предоставлялись военнопленным Городской Управой. В случае если им чего-то было надо, они могли обратиться с жалобой или просьбой к дежурному по команде. По мере возможности все их просьбы удовлетворялись при условии, что они не противоречили основным правилам «Положения о военнопленных».

¹⁹ Там же. Л. 462.

²⁰ Там же. Д. 138. Л. 5.

²¹ Там же. Л. 68.

²² Там же. Д. 137. Л. 321.

²³ Там же. Л. 302.

Большая часть военнопленных, состоявшая из офицеров, проводила день в полнейшем безделье, поскольку их не использовали ни на каких работах. Им не разрешали искать работу в городе по своей специальности. Потому военнопленные при попустительстве охраны довольно часто в теплое время года уходили в так называемые самоволки. В конце концов Недашковский решил, что полицейские должны задерживать тех военнопленных, которые «праздно шатаются без конвоя» по городу²⁴. С ужесточением режима в самоволки стали отлучаться главным образом денщики офицеров. Только с 19 по 21 мая было поймано четверо денщиков, которые ходили по городу без конвоя²⁵. В основном денщиков посылали военнопленные офицеры по каким-либо своим делам. К примеру, их могли послать, как Народы Лаюша, в булочную Сергеева за хлебом²⁶. Однако в самоволки продолжали уходить и офицеры. Они могли тайком отлучиться к одному из лучших в Царевококшайске портному Менделю Вивату, чтобы заказать себе новый френч или партикулярное платье. Военнопленные настолько часто это делали, что портной был вынужден обратиться с заявлением к уездному начальнику Недашковскому. В заявлении он сообщал о том, что офицеры в любое время суток запросто являются к нему прямо на квартиру и настойчиво требуют сшить им платье²⁷. Частое обращение офицеров к портному объясняется тем, что 6 портных, работавших в мастерской, просто физически не справлялись с обшиванием более 100 военнопленных.

Несколько иными были условия жизни и быта нижних чинов из числа военнопленных. Их повседневная жизнь была наполнена всевозможными хлопотами и обязанностями. Все нижние чины делились на несколько категорий: денщики, портные, сапожники, огородники, прислуживающий персонал при медпункте и кашевар²⁸. Один денщик, как правило, полагался на четырех офицеров. Денщики помогали офицерам, в частности, в приготовлении пищи. Категория денщиков была наиболее многочисленная среди нижних чинов.

Второй по численности категорией являлись сапожники. Их в управлении было 10 человек. Все они ежедневно работали в сапожной мастерской, располагавшейся в доме Лебедева на Кирпичной улице²⁹. Также в управлении среди пленных было двое огородников. В их обязанности входила разбивка огородов и ежедневная работа на них летом. Зимой же они исполняли обязанности денщиков. Кроме этого, при управлении в октябре 1915 г. был организован медпункт для военнопленных. Его обслуживали 1 врач — Теодор Манн, 1 студент медик — Юзеф Катона и 2 нижних чина, исполнявших обязанности санитаров³⁰. В августе 1916 г. медпункт был упразднен в связи с тем, что Катона и Манн были отправлены на родину.

Все военнопленные нижних чинов были заняты какой-либо поденной работой в течение всего дня. Рабочий день у них был таким же по продолжительности, как

²⁴ ЦГА РМЭ. Ф. 79. Д. 137. Л. 378.

²⁵ Там же. Л. 521.

²⁶ Там же. Л. 522.

²⁷ Там же. Л. 703.

²⁸ Там же. Л. 501.

²⁹ Там же. Д. 138. Л. 30.

³⁰ Там же. Д. 137. Л. 240.

и у гражданских работников их профессий (сапожников, санитаров, портных и др.) в данной местности. Рабочая неделя составляла 6 дней, а воскресенье было днем отдыха. В этот день пленные занимались исключительно своими делами. Как правило, в воскресные дни они обязательно посещали церковную службу. Многие из них писали письма на родину. Кроме того, они могли играть в шахматы и карты. Во избежание эксцессов играть в карты на деньги было запрещено. Пленным разрешалось играть на музыкальных инструментах, поэтому они практически ежедневно по несколько часов музицировали на балалайках, скрипках и духовых инструментах, которые привезли с собой 66 военнопленных офицеров из Чистополя. Играли они исключительно берлинские марши и венские вальсы. Со временем «бренчание» военнопленных настолько надоело горожанам, что уездному исправнику пришлось пожаловаться уездному воинскому начальнику на это «безобразие». В связи с этим Недашковский ограничил военнопленным право заниматься музыкой. С апреля месяца они могли играть на инструментах только до полудня, после чего шуметь им категорически запрещалось. Помимо повседневных развлечений военнопленным было позволено праздновать Рождество Христово и дни тезоименитства императоров Вильгельма и Франца-Иосифа.

Содержание военнопленных нижних чинов осуществлялось Управлением воинского начальника за счет сумм, отпускаемых Окружным интендантством. В приказах по Управлению фиксировались приход и расход. Так, в приход были занесены полученные по талонам Казанского окружного интендантства: «Две тысячи руб. кормовых пересыльным нижним чинам»; «На покупку провианта 400 руб., приварочных и чайных 400, а всего 800 руб.»; «На покупку мыла военнопленным нижним чинам 20 руб.» и т. д. А в расходе числилось: «Уплаченные по счету торговца Михаила Чулкова за купленный у него кожаный товар для приготовления военнопленным нижним чинам сапог в мастерской при вверенном мне Управлении всего 224 руб. 47 коп.»; «уплаченные торговцу Юсупову за доставленный провиант в августе месяце для военнопленных нижних чинов 32 руб. 13 коп. и поставщику Кельбедину 91 руб., а всего 123 руб. 13 коп.»; «уплаченные торговцу Юсупову за мыло для военнопленных нижних чинов 15 руб. 75 коп.»; «выданные в сем ноябре вещи военнопленным нижним чинам... а именно: суконных рубах 1, шинелей 4, шаровар 11, нательных рубах 29, исподних брюк 29, мундиров защитного цвета один и шерстяных носков 34» и пр.³¹

Распределением плененных солдат занимались губернские и уездные земства, куда земледельцы и землевладельцы направляли заявки, на основании которых затем формировались рабочие команды. Немцы, работавшие в деревнях, питались в соответствии с нормами, определенными Стокгольмской конвенцией, и даже лучше, за счет работодателей. Их труд оплачивался из бюджета земства — в месяц, по данным Д. Люкшина, они получали 8 руб.³² Таким образом, в 1915 г. пленный, оказавшийся на полевых работах, имел возможность не только хорошо питаться, но и существенно улучшить свое мате-

³¹ ЦГА РМЭ. Ф. 79. Д. 137. Л. 18, 75, 156, 254.

³² Люкшин Д. Ук. соч. С. 25.

риальное положение. Другим серьезным источником денежных средств была материальная помощь своим военнопленным ряда частных фондов Германии и Австро-Венгрии. Так, из Германии через «Дойче банк» было переведено для военнопленных в России 14 млн 700 тыс. руб., из Австро-Венгрии — более 7 млн руб.³³ Кроме того, военнопленные офицеры получали жалование в зависимости от чина по 50–100 руб. в месяц.

В сравнении, скажем, с Сибирью Поволжье представлялось благодатным местом, в 1915–1916 гг. В Казанской губернии умерли всего шесть военнопленных: трое скончались от дизентерии и тифа, один солдат скончался от ран, прапорщик австро-венгерской армии Янош Асман утонул во время купания в Каме и еще один человек повесился в лесу в Царевококшайском уезде, причины самоубийства так и остались невыясненными³⁴. Попытки побега также были крайне редкими, что объясняется как удаленностью Поволжья от линии фронта, суровым наказанием для беглецов (их заключали в тюрьму), так и отсутствием мотивации для побега.

После Февральской революции 1917 г., а затем и октябрьского переворота жизнь и быт военнопленных в России стали испытывать воздействие потрясений и сдвигов, происходивших в стране. С одной стороны, имела место либерализация режима содержания пленных — они получили больше возможностей для самоорганизации и выражения своих интересов. С другой — вместе с нарастанием экономических трудностей ухудшалось их материальное положение, стали отмечаться факты срывов доставки пленным писем, посылок и переводов. Так, например, Г.И. Кириллов в своей статье утверждает, что в октябре 1917 г. военнопленный офицер Шандор Дьердьфи писал уездному почтовому начальству, что не получил денег, об отправке которых его уведомили из дома³⁵. Были пропажи нескольких посылок с вещами и продуктами. Военнопленные добивались облегчения условий своей жизни в плену. По ряду моментов власти шли им на встречу. Так, в конце декабря 1917 г. в приказе по Казанскому военному округу были обнародованы правила, устанавливающие особые льготы для военных поляков: более свободное содержание, большая свобода передвижения, объединений и др. Данные правила распространялись также на военнопленных чехов, словаков и украинцев. На основании этих льгот военнопленные всех национальностей вскоре начали через своих представителей добиваться большей свободы содержания. Наряду с общими заявлениями военнопленных поступали и заявления отдельных лиц с конкретными просьбами. Например, Г.И. Кириллов приводит заявление подпоручика Вильгельма Марковича, поданное в начале 1918 г., в котором говорилось следующее: «Я, нижеподписавшийся австро-венгерский военнопленный офицер, прошу уважаемое начальство мне срочно разрешить сочетаться с браком с здесь живущей австрийской незамужнею подданной именно Анной Хэйрих. Одновременно прошу мне позволить жить после заключения брака в частной квартире...»³⁶

³³ Новикова И.Н. Ук. соч. С. 55.

³⁴ Люкшин Д. Ук. соч. С. 25.

³⁵ Кириллов Г.И. Ук. соч. С. 37.

³⁶ Кириллов Г.И. Ук. соч. С. 40.

Последние пленные из Царевококшайска были отправлены в Казань осенью 1918 г. На этом завершилось пребывание австро-венгерских и германских военнопленных в Царевококшайске в годы Первой мировой войны.

Первая мировая война, если и не прямо, в виде военных действий, то в виде их последствий и результатов проникала в самые отдаленные углы России. Население Марийского края, входившего в состав Казанской губернии, также испытало воздействие развертывавшихся далеко на западе сражений. При всей суровости обстоятельств, с которыми пришлось столкнуться австро-германским военнопленным на марийской земле, отношение к ним и обращение с ними находилось на уровне требований европейской цивилизации начала XX в. Царевококшайск не был стратегически важным районом, как, например, Ставрополье, да и в маленьком уездном городе трудно было применить труд военнопленных. Большинство из них страдало лишь от безделья и скуки по своим родным и близким.

Исследования российских ученых по этой теме единичны, что связано, на наш взгляд, не только с недостаточной источниковой базой, но и с неоправданной непопулярностью самой темы в предшествующие годы. И хотя в последнее время появилось несколько трудов, посвященных данной проблеме Первой мировой войны, вне поля зрения авторов осталось много неизученных вопросов. Недостаточное освещение получили правовые и организационные проблемы пребывания военнопленных на территории России, их отношения с местным населением, неизвестными оказались и судьбы австро-венгерских и немецких пленников после окончания Первой мировой войны.

*Е.П. Серапионова
(Москва)*

ПОЛИТИКА ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ ВОЗВРАТИВШИХСЯ ИЗ РОССИИ ЛЕГИОНЕРОВ, ВОЕННОПЛЕННЫХ И РЕЭМИГРАНТОВ

Эрих Мария Ремарк в романе «Ночь в Лиссабоне» писал, что вечное следствие войны — отчуждение и равнодушие к судьбе одиночки. И подчас только вера в чудо позволяет людям в отчаянном положении выжить. Все же помогало не только это, но в гораздо большей степени сплоченность и объединение в борьбе за общие интересы.

Калейдоскоп событий 1917–1920 гг.: революция в России, национализация предприятий и земли, Брестский мирный договор, конец Первой мировой войны и, кроме того, урегулирование вооруженного конфликта Чехословацкого корпуса с большевиками, привел к тому, что в начале 1920-х гг. в молодую Чехословацкую Республику стали возвращаться большие массы чехов и словаков из России. В основном их можно разбить на три категории:

- 1) легионеры;
- 2) военнопленные австро-венгерской армии;
- 3) реэмигранты, лишившиеся имущества в России.

Практически все они не имели средств к существованию, нуждались в трудоустройстве и материальной помощи со стороны правительства и общественных организаций. Насущной проблемой являлся также жилищный вопрос, особенно в крупных городах, таких как Прага.

Настроения этих людей были нередко противоположными. Одни ненавидели революционные потрясения, советский строй, лишивший их трудом нажитого имущества, налаженного быта, домов и вынудивший к реэмиграции. Другие, приветствуя демократическую революцию, не принимали большевизм и большевиков, с которыми пришлось вступить в вооруженный конфликт, чтобы с оружием в руках «пробить» себе путь домой. Но были и увлеченные идеями мировой революции, восторженно приветствовавшие новые порядки в России и желавшие следовать за русскими товарищами в революционных преобразованиях¹. Министерство внутренних дел, желая предотвратить возможное

¹ В обращении легионеров-коммунистов XX транспорта чехословацких войск в Сибири, опубликованном в газете «Sociální demokrat» 20 августа 1920 г., говорилось: «...Мы хотим непосредственно работать ради установления действительно социалистического государства, а этого можно достигнуть, из-за сопротивления имущих классов, только

распространение подобных настроений, предложило даже разработать специальную инструкцию о мерах по предотвращению коммунистической агитации репатриантов из России².

Даже те из легионеров, кто не сочувствовал коммунистам и не разделял их убеждений, были отчасти «заражены» революционной обстановкой в России, рассчитывая вернуться не в просто национально независимое, но в социально справедливое чехословацкое государство³.

Положение возвращавшихся людей и образованного после войны чехословацкого государства, не успевшего восстановить прерванные вследствие войны и распада Австро-Венгрии экономические связи, было весьма сложным. Особо тяжелая обстановка сложилась в 1919–1920 гг., когда в ЧСР вернулось около 140 тыс. легионеров (из них, по разным данным, 70–80 тыс. из России)⁴. 1921–1923 гг. явились к тому же годами циклического экономического кризиса. Кроме всего прочего, на государство ложилась забота о военных инвалидах, вдовах, сиротах, а таких, по данным Министерства социального обеспечения, насчитывалось в ЧСР 727 400, в том числе 246 тыс. инвалидов, 142 тыс. вдов, 252 600 сирот и 86 800 престарелых⁵. В одной Словакии, население которой в 1920 г. составляло менее 3 млн, количество военных инвалидов достигало 61 680 человек⁶.

И все же следовало искать выход из создавшейся ситуации, проводить разумную социальную политику, так как напряжение в стране грозило перерасти в социальный взрыв⁷.

передачей государственной власти в руки рабочих... мы принимаем программу III Коммунистического Интернационала и присоединяемся к целеустремленному общему труду совместно со всеми сознательными рабочими ради светлой будущности человечества». См.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (ДМИСЧО). М., 1973. Т. 1. С. 368. Еще радикальнее звучало заявление от 10 октября 1920 г. иностранных рабочих Черемховских копей, отъезжавших на родину: «Мы, иностранные рабочие Черемховских копей, освобожденные доблестной Красной Армией от колчаковского ига, обогретые дыханием великой русской революции, уезжая после шестилетних страданий к себе на родину, даем свое честное пролетарское слово немедленно приняться за дело пролетарской революции. Мы примем все меры к победе у нас советской рабочей власти и надеемся, что в скором будущем Вторая Венгерская, Германская, Австрийская и Чехословацкая советские республики объединятся с великой матерью мирового пролетариата — Советской Рабочей Россией». Там же. С. 381.

² Подробнее см.: ДМИСЧО. Т. 1. С. 388–389.

³ *Michl J.* Legionáři a Československo. Praha, 2009. S. 25.

⁴ Národní archiv (NA). Fond (F). Předsednictvo Ministerské Rady (PMR) (1918–1945). Kart. 3042. В литературе называют и другие цифры — около 60 тыс. легионеров из России, см.: *Šedivý I.* Legionáři a mocenské poměry v počátcích ČSR // Moc, vliv a autorita v procesu vzniku a utváření meziválečné ČSR (1918–1921). Praha, 2008. S. 25.

⁵ *Deyl Z.* Z novějšího výzkumu státní činnosti v sociální oblasti 1918–1924 // Politický systém a státní politika v prvních letech existence Československé republiky (1918–1923). Praha, 1990. S. 128.

⁶ История Словакии. М., 2003. С. 297.

⁷ Представитель Российского Красного Креста в Чехословакии С.И. Гиллерсон писал 30 декабря 1920 г. народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину о том, что во многих округах ЧСР сохраняется чрезвычайное положение в связи со всеобщей стачкой.

В 1920 г. вышел закон о пострадавших в войне, согласно которому государственные выплаты увеличивались с 1,7 млн чехословацких крон (далее кр. ч.) в 1919 г. до 3, 66 млн кр. ч. в 1921 г.⁸

Отношение со стороны государства к перечисленным выше категориям возвращавшихся из России было различным. Больше всего внимания уделялось легионерам. Для них издавались специальные брошюры с разъяснениями обстановки в стране и советами, как действовать на первых порах для скорейшей адаптации после возвращения на родину⁹. С прибытием каждого транспорта легионерам надлежало зарегистрироваться, после чего они получали оплачиваемый отпуск, а затем определялись сроки демобилизации согласно году рождения.

Особое отношение к легионерам в межвоенный период казалось естественным, так как союзные Антанте легионы, созданные на Западе и в России, являлись детищем отца-основателя Чехословакии, ее первого президента профессора Т.Г. Масарика. Только сейчас чешские и словацкие историки стали обращать внимание на следующий парадокс — честно сражавшиеся за «большую» родину (Австро-Венгрию) чехи и словаки (которые, кстати, составляли подавляющее большинство) не получили никаких привилегий в новом государстве. Тогда как солдатам и офицерам, нарушившим присягу, перешедшим на сторону противника и вступившим в легионы, по возвращении на родину после образования ЧСР полагалась государственная поддержка.

Даже эвакуации в первую очередь подлежали легионеры, а лишь затем военнопленные, возвращение которых растянулось на несколько лет. В численном выражении соотношение было следующим: легионеров из России вернулось, как уже говорилось, более 70 тыс.¹⁰, а военнопленных чехов и словаков на ее территории оказалось около 250 тыс.¹¹ На эвакуацию чехословацких легионеров из Сибири Финансовое управление чехословацких легионов затратило 135 797 236 кр. ч.¹² К тому же солидную лепту в репатриацию чехословацкого войска из Сибири внесли союзники. В середине 1920-х гг. посол ЧСР в Великобритании Я. Масарик вел переговоры с британскими политиками о чехословацких долгах за эвакуацию и взаиморасчетах¹³.

Уже в 1919 г. при Министерстве национальной обороны возникла канцелярия чехословацких легионов (так называемый Kleg), взявшая на себя заботу о легионерах и семьях погибших. С января 1919 г. вдовы и сироты павших легионеров

См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Архив Коминтерна. Ф. 495. Оп. 71. Коммунистическая партия Чехословакии (1919–1937 гг.). Д. 3. Л. 4.

⁸ Deyl Z. Op. cit. S. 128.

⁹ См.: Novák R. Při prvním kroku do osvobození vlasti. Praha, 1919.

¹⁰ С декабря 1919 по сентябрь 1920 г. из Владивостока на 42 судах на родину были отправлены 72 644 человека; 4914 инвалидов, 3004 офицера, 53 455 солдат и унтер-офицеров, 1726 женщин и 717 детей. См.: Československá legie v Rusku 1914–1920. Katalog k výstavě. 2008. S. 108.

¹¹ ДМИСЧО. Т. 1. С. 20.

¹² NA. F. Ministerstvo Finansov (MF). Kart. 1230. Ruské legie. 1937. Sign. 100 300.

¹³ Ibid. Kart. 695. č.j. 143328 /1925.

стали получать пенсии (200 крон в месяц и 50 крон на ребенка). Таким образом, удалось спасти около 3 тыс. семей от голода, так как их кормильцы не вернулись домой. Кроме того, были выявлены нуждающиеся семьи тех, кто еще оставался в России. Им помимо уже получаемой от государства поддержки дополнительно выделялось по 30 крон на каждого члена семьи. Всего государственной помощью пользовались 30 тыс. семей легионеров, и только за август – октябрь 1919 г. им было выплачено 6,5 млн кр.ч.¹⁴

При канцелярии было создано управление по трудоустройству легионеров. Для «русских» легионеров зарезервировали 10 тыс. рабочих мест. С помощью депутатов-легионеров профессора П. Максы, Я. Шпачека и И. Марковича удалось провести 24 июля 1919 г. в Национальном собрании закон № 462 / 19 о том, что половина мест (низших категорий) на государственной службе и в органах самоуправления выделяется для легионеров. Одновременно был принят закон о том, что каждый год службы в легионах засчитывается за 3 года выслуги на государственной и общественной службе. Под государственной службой прежде всего подразумевались суды, лесное хозяйство, системы здравоохранения и школьного образования, ветеринария, технико-финансовые и транспортные учреждения и т. п.).

Депутаты от социал-демократической партии А. Славик, П. Макса и И. Маркович создали в парламенте особый комитет для законодательного урегулирования социальных и экономических проблем легионеров и их семей. Вскоре в Национальном собрании начались дебаты по этим вопросам. Позже первые законы в отношении легионеров несколько раз изменялись и дополнялись¹⁵. При Земельном комитете Национального собрания был создан легионерский подкомитет, призванный заниматься обращениями легионеров о предоставлении им земельных участков в рамках начавшейся земельной реформы. Два представителя канцелярии чехословацких легионов вошли в этот подкомитет¹⁶. Вскоре был принят закон о предоставлении преимуществ при выделении земель легионерам, их вдовам, легионерам-инвалидам и военным инвалидам, а также организованным ими кооперативам¹⁷. В 1920–1922 гг. около 2 тыс. легионеров получили участки земли в Чехии недалеко от крупных железнодорожных узлов, в Южной Словакии и в Подкарпатской Руси. Одновременно на обустройство им выдали в 1921–1924 гг. кредиты на сумму в 1 256 000 кр. ч.¹⁸

Но, чтобы никто другой не мог воспользоваться государственной поддержкой, 25 июля 1919 г. был принят закон о том, кого, собственно, следует считать легионером. В нем разъяснялось, что в качестве легионера будет рассматриваться военнослужащий, добровольно подавший заявление представителям Чехословацкого национального совета (ЧНС) либо соответствующих органов до 28 октября 1918 г. и на момент образования Чехословакии находившийся на

¹⁴ *Novák R.* Při prvním kroku do osvobození vlasti. Praha, 1919. S. 31.

¹⁵ *Šedivý I.* Legionářská republika? K systému legionářského zákonodárství a sociální péče v meziválečné ČSR // *Historie a vojenství.* 2002. Roč. 51. Č. 1. S. 161.

¹⁶ *Novák R.* Op. cit.

¹⁷ *Šedivý I.* Legionářská republika? K systému... S. 163.

¹⁸ *Ibid.* S. 172–173.

военной службе (либо тот, кто по независящим от него причинам не мог в тот момент выполнять службу). При этом сразу из числа подлежащих поддержке исключались не только чехи и словаки-красноармейцы, но и корниловцы, находившиеся в оппозиции к официальному движению. В 1930-х гг. велись подсчеты общего количества легионеров и тех, кто официально ими признавался, причем, по словам чешского историка И. Шедивого, цифры довольно сильно отличались. Так, по его данным, из России прибыли 60 109 легионеров, а официальное признание получили 55 969¹⁹.

Позднее в отношении легионеров принимались и другие законы, которые, например, предоставляли им определенные льготы и преференции при поступлении на учебу, получении кредитов на организацию собственных предприятий, мастерских, при наделении желающих земельными участками и создании ими земледельческих кооперативов. Целый ряд законов касался учителей-легионеров²⁰. Выделялась легионерам и материальная помощь. На средства, вырученные при ликвидации «невоенного» имущества легионеров (около 34 млн кр.ч.), был создан Социальный легионерский институт, оказывавший помощь безработным легионерам, легионерам-земледельцам, пострадавшим от неурожая, больным на лечение, на похороны, легионерам-инвалидам, при отправке детей легионеров в летние лагеря, в случае рождения ребенка в семьях неимущих и нуждавшихся легионеров. Существовал и Фонд поддержки легионеров при Министерстве национальной обороны, который содержал пансионаты, санаторий и дом инвалидов, а также дом для сирот-детей легионеров²¹.

Другое дело — как на практике шло выполнение этих законов. Если верить прессе того времени и материалам легионерских объединений, министерства часто отказывали в предоставлении мест для легионеров, ссылаясь на недостаточное образование и отсутствие опыта в данной области. Из таблицы, приведенной И. Шедивым, очевидно, что за 1919–1932 гг. Канцелярии чехословацких легионеров из 87 473 обращений за трудоустройством удалось удовлетворить лишь около половины: 36 545 человек были устроены на государственную службу, 1654 — в органы самоуправления и 5404 — на частные предприятия²². Министерство иностранных дел ЧСР в начале 1920-х гг. в связи с установлением торгово-экономических связей с РСФСР даже обращалось к подготовительному комитету Общелегионерской организации с просьбой составить список тех легионеров, которые не могут найти подходящей работы на родине и по той или иной причине хотят при первой же возможности вернуться в Россию²³.

¹⁹ Ibid. S. 161.

²⁰ Šedivý I. Legionářská republika? K systému... S. 163.

²¹ Ibid. S. 178.

²² Ibid. S. 171.

²³ В списке следовало точно указать специальность отдельных лиц с тем, чтобы в случае необходимости и спроса можно было бы предложить России соответствующую рабочую силу. С подобной просьбой министерство обратилось к высшим техническим учебным заведениям, высшему торговому училищу, медицинским факультетам и другим специальным высшим учебным заведениям. См.: ДМИСЧО. Т. 1. С. 407, 413, 414.

Имелись недочеты и в законодательстве. Например, легионерам, жившим до войны в Америке и возвратившимся туда, законодательно не была предусмотрена государственная помощь²⁴. Даже при такой социально детерминированной политике в отношении легионеров многих из них не устраивали масштабы помощи, легионерские организации критиковали правительство и требовали увеличения поддержки. Доходило даже до массовых демонстраций легионеров, беспорядков, в ходе которых выдвигались радикальные лозунги²⁵.

Для защиты своих интересов реэмигранты и легионеры создали ряд организаций и союзов: «Единство чехов и словаков из России, их родственников и друзей» («Jednota Čechů a Slováků z Ruska, jich příbuzných a přátel»), «Объединение чехов и словаков из России» («Sdružení Čechů a Slováků z Ruska»), а также «Чехословацкая община легионеров» («Československá obec legionářská») ²⁶, «Единство чехословацкой легионерской общины» («Jednota Československej obce legionárskej»), «Круг стародружинников» («Kruh starodružiníkův») и др.²⁷ Большое количество этих организаций, ставивших различные цели, но призванных защищать интересы легионеров и колонистов, свидетельствует об их политической и социальной неоднородности. Влияние русских легионеров в молодой Чехословацкой Республике было весьма сильным: они заняли ключевые посты в государственной администрации, армии, правительстве, политических партиях и дипломатии²⁸. Сибирским легионерам полагались 4 мандата в Палате депутатов. Одними из первых легионеров-депутатов стали в 1921 г. Й. Давид, Й. Пайтейл, В. Яша и М. Оришек²⁹.

Что касается военнопленных, то основная забота государства заключалась в предоставлении им возможности вернуться на родину, нахождении средств для их транспортировки домой. 7 февраля 1920 г. между советской и чехословацкой сторонами были подписаны условия мирного соглашения, а 16 февраля уполномоченный чехословацкого правительства в г. Иркутске д-р Благож сообщил В. Гирсе, что на переговорах с представителями советского правительства чехословацкая сторона сразу же выдвинула требование выдачи союзных военнопленных, однако большевики отклонили это требование с тем, чтобы об этом попросили Москву соответствующие центральные правительства³⁰. В апреле

²⁴ NA. F. PMR. Kart. 85. Sign. 82 /1 / 11 inv.č. 458; Sign. 82 / 2.

²⁵ Подробнее см. об этом: *Šedivý I. Legionáři a mocenské poměry v počátcích ČSR...* S. 17–21.

²⁶ Возникла при поддержке Града в начале 1921 г. и была политически нейтральной в отличие от предшествовавших ей и соперничавших между собой левого «Союза чехословацких легионеров» и правонационалистической «Дружины чехословацких легионеров». См.: *Šedivý I. Legionáři a mocenské poměry v počátcích ČSR...* S. 19–23.

²⁷ Их уставы, переписка с Чехословацким национальным советом находится в фонде «Národní rada česká (NRC)» в Национальном архиве (NA).

²⁸ *Michl J.* Op. cit. S. 27. Есть и другая точка зрения о том, что легионеры были представлены лишь 12% во властной элите межвоенной ЧСР и вместо руководящей роли в республике им была уготована роль опоры власти и вспомогательных чиновничьих сил. См.: *Šedivý I. Legionáři a mocenské poměry v počátcích ČSR...* S. 24.

²⁹ *Šedivý I. Legionářská republika? K systému...* S. 169.

³⁰ ДМИСЧО. Т. 1. С. 318.

1920 г. стороны договорились об обмене делегациями Красного Креста, призванными заниматься вопросами репатриации³¹, а в августе того же года согласовали текст соответствующего соглашения. Оно содержало обязательство сторон всеми имевшимися в их распоряжении транспортными средствами отправить на родину «всех находящихся в их власти военных и гражданских пленных»³². Во втором пункте соглашения специально оговаривалось, что «те из пленных, которые выразят пожелания остаться в стране пленения, не должны встречать в этом препятствий ни от одной из договаривающихся сторон»³³. Первоначально пунктом взаимного обмена пленными назначался г. Нарва на территории Эстонии. Стороны договорились и о предоставлении друг другу суммы в размере 1 млн кр. ч. на нужды военнопленных³⁴. Ввиду отсутствия на первых порах в ЧСР представителей Украины Российское общество Красного Креста брало на себя также заботу о возвращении уроженцев областей, входивших в то время в состав Украинской Республики³⁵.

Финансовую помощь при репатриации пленных в Чехословакию оказали также союзники, а непосредственно техническую сторону взял на себя Международный и Чехословацкий Красный Крест. Чехословацкую миссию Красного Креста возглавил Й. Скала³⁶. Он занимался определением количества пленных, выяснением мест их нахождения (значительные массы были сосредоточены в Сибири и Туркестане). Вскоре последовали и первые результаты этой деятельности. В постановлении Алтайского губкомтруда и губэвака от 17 сентября 1920 г. всем учреждениям, предприятиям, хозяйствам и частным лицам предписывалось в трехдневный срок освободить и произвести полный расчет с военнопленными мадьярами, югославянами, чехословаками и итальянцами для их отправки на родину. Там же содержалось предупреждение о том, что неисполнение постановления и задержка в освобождении пленных от работ будет преследоваться по закону³⁷. В марте 1921 г. референт II секции МИД Чехословакии Й. Благож сообщил о работе по репатриации: «В России

³¹ В ЧСР также находилось 8–10 тыс. русских военнопленных. Там же. С. 345, 354. Русская миссия Красного Креста во главе с С.И. Гиллерсоном прибыла в Прагу в июле 1920 г. с целью содействия реэмиграции русских пленных на родину. Там же. С. 358. Позже Э. Бенеш, недовольный его деятельностью в ЧСР, просил Й. Скалу посодействовать тому, чтобы Гиллерсон был отозван. «Репатриацию провели мы сами, а не он», — писал он. Там же. С. 392.

³² Там же. С. 362.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 368–369.

³⁵ Там же. С. 392–393. Позднее была достигнута договоренность об обмене репатриационно-торговыми миссиями отдельно для Москвы и Украины. Там же. С. 396, 402. А 30 апреля 1921 г. полномочный министр Гирса в телеграмме чехословацкой миссии Красного Креста в Москве сообщил о готовности МИД ЧСР установить торговые сношения с Грузией, назначении своим представителем для торговых сношений, а также охраны чехословацких граждан и репатриации военнопленных председателя Чехословацкого общества «Сватоша» в Тифлисе. Там же. С. 418.

³⁶ Там же. С. 339.

³⁷ Там же. С. 372.

работает репатриационная миссия майора Скалы, которая успешно производит репатриацию чехословацких граждан, поскольку, конечно, нынешние русские условия позволяют это делать. У миссии есть доверенные лица в Петрограде, Новороссийске, Киеве, Харькове, Омске, Томске. Миссия принимает меры в связи с многочисленными случаями ареста наших граждан, а также помогает лицам, обратившимся к ней за помощью. В последнее время миссии удалось освободить транспорт интеллигентов, задержанных в Петрограде при известии о коммунистической революции в Чехословакии. Транспорт благополучно прибыл 11 марта в Парбудице. В продолжении недели прибывает новый транспорт с нашими гражданами из Южной России — их привезет болгарский пароход “Кирилл” из Одессы в Варну. Из Владивостока во второй половине апреля придут в Триест дополнительно репатриированные наши граждане из Сибири, число которых равняется приблизительно 1700 чел. Наибольшие трудности возникают при репатриации с Украины, но и здесь достигнуто соглашение с Украинским Советом и будет произведен обмен репатриационными миссиями.

Как раз на этих днях благополучно прибыла из Киева семья г-на Червеного³⁸, хорошо известного у нас со времен пребывания г-на президента в Киеве в первые годы освободительного движения в России. Руководителем украинской миссии будет назначен г-н Левицкий, которому, однако, германское правительство отказало в выдаче визы для проезда через Германию. Нашему посольству в Берлине была высказана просьба ходатайствовать по этому вопросу перед германским правительством»³⁹.

14 апреля, выступая на заседании Комитета по иностранным делам Палаты депутатов Национального собрания, Э. Бенеш сообщил, что в связи с установлением торговых связей с Советской Россией и назначением главой советской торговой миссии П.Н. Мостовенко правительство ЧСР обратилось с просьбой об освобождении всех чехословацких граждан, находящихся в заключении в России, включая «наших венгерских интеллигентов, которые, несмотря на все наши протесты, задерживаются в Петрограде»⁴⁰.

³⁸ Отакар Червены (1850–1930) — чешский предприниматель, участник загранично-национально-освободительного движения (сопротивления). С 1878 г. жил в России, владел одним из наиболее крупных сахароваренных заводов на Украине, помогал культурным устремлениям чешских и словацких колонистов. После начала Первой мировой войны выступил против Австро-Венгрии и вместе с В. Вондраком обратился к российскому правительству с предложением создать чешское военное подразделение. Возглавил делегацию земляческих центров во время аудиенции у императора Николая II 17 сентября 1914 г., во время которой зачитал просьбу об оккупации чешских земель и Словакии русскими войсками. После победы линии Т.Г. Масарика в зарубежном сопротивлении согласился с ней, но отошел на второй план. В 1918 г. сотрудничал с Украинским национальным советом, позднее советским правительством был арестован и посажен в тюрьму. Летом 1921 г. по ходатайству чехословацкого правительства ему было разрешено выехать в ЧСР, где он стал работать экспертом в Министерстве торговли. — *Slovník prvního československého odboje 1914–18*. Praha, 1993. S. 22.

³⁹ ДМИСЧО. Т. 1. С. 406–407.

⁴⁰ Там же. С. 413.

В рамках «Нансеновской акции» Швеция, Великобритания, Голландия, Швейцария, Франция, Дания и Норвегия выделили (под 5%) кредиты в объеме 13 172 368,05 кр. ч. на репатриацию военнопленных из России. Из общего количества эвакуированных австро-венгерских пленных чехи и словаки составляли 21,16%⁴¹. К середине 1920-х гг. Чехословакии удалось в основном расплатиться с этими долгами. Отправляли военнопленных из России: 1) Балтийским морем (до конца 1921 г. этим путем были отправлены 86 092 пленных, причем расходы составили 413 700 фунтов стерлингов); 2) из Новороссийска в Триест (30 сентября 1921 г. отбыли 1698 человек, а всего четырьмя транспортами 6023 человека); 3) из Владивостока в Триест (в марте 1922 г. на судне «Альмера» из Владивостока в Триест прибыли 302 человека, военнопленные и колонисты, многие из них с женами и детьми, а 23 марта они уже были в Пардубице). В карантине им выдавали новую одежду и обувь.

В наиболее сложном положении оказались те чехи и словаки, которые до войны жили в России, потеряли все имущество, нередко достаточно солидное, и, опасаясь за жизнь свою и членов семьи, вынуждены были реэмигрировать. Им надо было как-то добраться на родину и начать практически с нуля. Возникшее в 1919 г. для защиты интересов его членов и установления торговых, экономических и культурных отношений с новой Россией Объединение чехов и словаков из России (*Sdružení Čechů a Slováků z Ruska*) сразу же подало прошение правительству о финансовой поддержке, аргументируя тем, что многие земляческие организации помогали чехословацкому национальному движению и созданию Чехословацкого корпуса в России. Министерство финансов согласилось оказывать помощь преимущественно тем, кто докажет, что сотрудничал с легионерами⁴². А 18 октября 1920 г. оно обратилось в Министерство социального обеспечения с просьбой ускорить репатриацию чехов и словаков с Украины. В это министерство поступали многочисленные просьбы и заявления о желании репатриироваться, в основном из Украины. В отчаянном письме из Запорожья, адресованном Э. Бенешу, сообщалось: «Голы, босы, голодны, хотим вернуться в Чехословакию». Через год (5 октября 1921 г.) Министерство социального обеспечения объясняло Объединению чехов и словаков из России сложности репатриации, ссылаясь на то, что часто у репатриантов нет даже необходимых документов. В 1920–1921 гг. репатриация гражданских лиц с Украины осуществлялась вместе с военнопленными Министерством национальной обороны, где до 1923 г. действовал специальный репатриационный отдел. В Харькове действовала чехословацкая репатриационная комиссия. Из России и Украины к 30 сентября 1922 г. были репатриированы 56 594 солдата, 37 694 бывших военнопленных и 29 070 гражданских лиц⁴³. За репатриацию неимущих платило и Министерство социального обеспечения. В Братиславе был создан Центральный комитет помощи «чехословакам» за границей. Его председателем стал советник министра В. Долейш⁴⁴. В 1922 г.

⁴¹ NA. F. MF. Kart. 688. Sign. 110.574. 1925.

⁴² *Šedivý I.* Sdružení Čechů a Slováků z Ruska a československá vláda 1919–1929 (podpora, subvence, dotace, odškodnění) // *Český časopis historický.* 1988. Roč. 36. Č. 2. S. 214.

⁴³ NA. F. MF. Kart. 869. 1931.

⁴⁴ NA. F. Ministerstvo sociální péče (MSP). Kart. 469. Sign. 8/e-5.

вице-консульство ЧСР существовало в Батуми, а в Пардубицах организовали карантин для прибывавших из России. Через Батуми возвращались и военнопленные. Планировалось закончить послевоенную репатриацию чехословацких граждан из Австрии, Германии, России, Украины до 31 декабря 1923 г. На самом деле репатриация официально закончилась 30 июня 1924 г.

До этого времени перевозка репатриантов по территории страны осуществлялась на 100% бесплатно за счет государственных железных дорог ЧСР. Позже Министерство железных дорог отказывалось брать на себя перевозку репатриантов, хотя даже в начале 1930-х гг. оставались желающие уехать из России. Эта новая волна реэмигрантов, стремившихся попасть в Чехословакию, была связана с началом коллективизации в СССР. В 1929–1930 гг. негативную позицию в отношении репатриации заняло Министерство финансов, опасавшееся, что возвратившиеся на родину в условиях начавшегося кризиса не найдут работу и пополнят армию безработных. Тогда Министерство социального обеспечения предложило вывезти чехословацких колонистов до конца 1932 г. за счет своих средств.

Реэмигранты-колонисты не попадали под действие ни уже упоминавшегося закона о возмещении убытков пострадавшим в войне, ни под закон от 31 декабря 1917 г. о военных беженцах. По этому вопросу разгорелась дискуссия между Министерством внутренних дел и Советом министров. МВД выступало против предоставления возмещения возвратившимся из России на основе закона о военных беженцах. Совет министров считал, что из России бежали не только от социального хаоса, но и от военных действий.

За помощью к правительству, президенту и парламенту не раз обращались как отдельные лица и группы, так и созданные легионерами и реэмигрантами организации. В фонде Министерства промышленности, торговли и предпринимательства сохранилось множество документов такого плана. В 1922 г. чешские предприниматели из России обращались с просьбой о финансовой помощи. Рабочий, вернувшийся из России, направил президенту письмо с просьбой о трудоустройстве (в резолюции на письме значится — предоставить место). С просьбой о помощи обращался в Министерство социального обеспечения писатель Р. Врба. Помощь в размере 500 кр. ч. была ему предоставлена. Есть и трогательное письмо группы реэмигрантов с объяснением, что они вовсе не все «буржуи», какими их считают социал-демократы, проголосовавшие в парламенте против закона о выплатах пострадавшим из России. В обращениях за помощью кратко описывались драматические судьбы пострадавших людей: вдовы Божены Таришовой; портного Йозефа Узлика, 60 лет, женатого, с 1912 г. проживавшего в России и вернувшегося на родину в 1922 г.; приказчика Вацлава Старого, жившего в Риге с 1885 г. и возвратившегося в 1919 г.; вдовы, муж которой был убит в Киеве большевиками, и матери 3 детей (5, 12 и 14 лет) Марии Воняtkовой, приехавшей на родину в 1920 г.; пивовара Адольфа Неумана, проживавшего в России с 1890 г. и вернувшегося с польской оккупированной территории в 1916 г.; торговца галантерейными товарами Йиндржиха Бартона, уехавшего в Россию в 1907 г. и вернувшегося в 1919 г.; инвалида, бывшего строителя Йозефа Халамы из Турчанского св. Мартина и многих, многих других. Их просьбы и требования

касались также возмещения убытков за движимое и недвижимое имущество: потерю домов, имущества, предприятий в России. Члены Объединения чехов и словаков из России добивались принятия соответствующих законов, проводили манифестации.

И помощь оказывалась. Из 66 млн кр.ч. общего бюджета Министерства социального обеспечения на 1920 г. 5 млн было потрачено на поддержку пострадавших в войне граждан. По линии Министерства социального обеспечения помощь в основном шла нетрудоспособным: старикам, вдовам, многодетным матерям, инвалидам. В архивных фондах министерства хранятся расписки, посланные через Объединение чехов и словаков из России, о получении помощи по безработице и старости.

В Министерстве внутренних дел по обращению Объединения чехов и словаков из России было проведено совещание по поводу помощи возвратившимся из России. В 1920 г. Объединению была выделена субсидия в размере 10 тыс. кр. ч., а в 1921–1922 гг. Министерство внешней торговли предоставило ему субсидии в 20 тыс. кр. ч. Одним из первых на нужды Объединения откликнулся Национальный чехословацкий совет (Národní Rada Česká / Československá), выделив ему 200 тыс. кр. ч. В те годы и министерствами, и членами Объединения еще рассматривалась возможность их возвращения в Россию. Особенно актуальным это стало в связи с установлением торговых отношений между двумя странами. В письме народному комиссару иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину заместитель председателя миссии чехословацкого Красного Креста в Москве Зноемский указывал: «Исключительное значение также придается нашим правительством тому обстоятельству, что именно наши граждане, которые жили в России, могут быть особо полезными при возобновлении торговых сношений, как знакомые с потребностями России и вообще с местными условиями»⁴⁵. Подчеркивалось, что процветание чехословацкой промышленности зависит не в последнюю очередь от возвращения старых рынков сбыта, в том числе российского.

Была удовлетворена просьба Союза словацких торговцев и промышленников, возвратившихся из России, о кредите в 3 млн кр.ч. под залог 10 млн царских и думских рублей. Гарантийные обязательства Союза подписали его председатель Ян Кузма, Густав Паулины, Самуэль Ивашко, Йозеф Штеффко, Душан Соколик и Ян Бакош. В Союз входили около 100 возвратившихся из России словацких торговцев и промышленников. Правда, повторное обращение в 1923 г. еще за одним кредитом в размере 7 млн кр.ч. было отклонено. Хозяйственная деятельность этого союза в Словакии «не заладилась», и кредит так никогда и не вернули. В 1927 г. его члены вынуждены были просить списать долг из-за невозможности его выплаты.

По просьбе Объединения чехов и словаков из России правительство организовало выкуп российских денег, который проходил в несколько этапов⁴⁶. Царские и думские рубли выкупались в 1920–1922 гг. по решению Совета министров Министерством финансов у Объединения чехов и словаков из России,

⁴⁵ ДМИСЧО. Т. 1. С. 419.

⁴⁶ *Šedivý I. Sdružení Čechů a Slováků z Ruska... S. 215–216.*

Министерством национальной обороны у легионеров и Красным Крестом у военнопленных и беженцев. Правда, курс выкупа устанавливался значительно ниже предлагавшегося Объединением чехов и словаков из России. Объединение чехов и словаков из России предлагало правительству выкупить русские деньги по курсу 1,5 кроны за царский рубль и 1,2 кроны за думский рубль. На практике Министерство национальной обороны производило выкуп, выдавая 70 галержей за рубль, а Красный Крест выкупал царские рубли за 95 галержей, а думские — за 85 галержей⁴⁷. Интересно, что, хотя реэмигрантов-колонистов было в разы меньше, чем легионеров, у них выкупили рублей на 10,8 млн кр.ч., тогда как у легионеров — всего на 9,1 млн кр. ч.⁴⁸ В 1922 г. выкуп российских денег закончился, и они хранились в Национальном банке Чехии и Моравии.

Следующая болезненная проблема касалась выплаты компенсации за понесенный ущерб в России. В 1921 г. Объединение чехов и словаков из России направило письмо президенту ЧСР Т.Г. Масарику о возмещении 25 % очевидных и 15 % доказанных потерь (дома, имущества, предприятий). Затем последовало обращение в парламент принять соответствующий закон. Реэмигранты требовали от правительства урегулировать этот вопрос с советской стороной. При официальных и неофициальных контактах чехословацких дипломатов с советскими представителями этот вопрос ставился, но не продвигался из-за жесткой позиции советского руководства. 6 июня 1920 г. министр иностранных дел Э. Бенеш сообщал председателю правительства о своей беседе в Лондоне с народным комиссаром внешней торговли РСФСР Л.Б. Красиным: «Собственность наших людей в России они (большевики. — Е.С.) не признают»⁴⁹. Все попытки ставить этот вопрос на международной арене или в двустороннем формате немедленно пресекались советским правительством, выдвинувшим встречные требования покрытия ущерба, нанесенного интервенцией и Гражданской войной. Вопрос осложнялся еще и тем, что вплоть до 1934 г. между ЧСР и СССР не существовало официальных дипломатических отношений. Тем не менее Объединение чехов и словаков из России постоянно напоминало правительству о необходимости ставить этот вопрос перед советским правительством на всех переговорах и при любых соглашениях, а также сделать требование по вознаграждению за понесенные убытки условием признания СССР. Первоначальные требования были снижены на 45 %, но тем не менее это ни к чему не привело⁵⁰.

Вопрос о компенсациях обсуждался долго, с начала 1920-х гг. министерства старались переложить друг на друга заботу о возвратившихся из России. Затем была создана межминистерская комиссия, а потом и постоянный комитет по оказанию помощи чехам и словакам из России. Вплоть до 1927 г. его возглавлял В. Гирса. В 1925 г. в комиссию входили представители МИДа, Министерства финансов, Министерства социального обеспечения, Высшего финансового контрольного управления. Комиссия рассматривала вопросы о целях оказания помощи, адресатах выплат и т. п. Внутри комиссии шла настоящая война мнеч-

⁴⁷ NA. F. PMR. Kart. 496. Sign. 1131; F. MF. Kart. 1382. Sign. č.j. 27326.

⁴⁸ Šedivý I. Legionářská republika? K systému... S. 176.

⁴⁹ ДМИСЧО. Т. 1. С. 348.

⁵⁰ NA. F. PMR. Kart. 497. Sign. 1131.

ний. Высказывались идеи предоставлять земледельцам в качестве компенсации землю или кредиты на покупку земли в Словакии. МИД ЧСР поддержал предложение компенсировать ущерб выдачей ссуды в 3 млн на приобретение земли в Словакии. Министерство финансов выступило категорически против, ссылаясь на финансовое положение республики. Его представители высказались за то, чтобы вопрос возмещения убытков чехам и словакам из России решался в рамках общей проблемы возмещения военных убытков. В 1923 г. Объединение чехов и словаков из России просило компенсацию в размере 80 млн кр.ч. Министерство внутренних дел высказалось против возмещения убытков вернувшимся из России, так как считало, что надо решать этот вопрос комплексно, т. е. о возмещении всем пострадавшим от войны. Министерство социального обеспечения и Министерство здравоохранения, наоборот, поддержали предложения МИДа о возмещении убытков чехам и словакам из России. Таковую же позицию занял и Чехословацкий национальный совет (NRČ). В поддержку требований чехов и словаков из России выступил и ряд депутатов Национального собрания: А. Гайн, К. Крамарж, А. Стршибрены, Ф. Удржал, А. Шпрамек и др. обратились с запросом в парламент. По этому вопросу А. Гайн и К. Крамарж обращались лично к министру финансов А. Новаку. В 1925 г. лидер национальных демократов К. Крамарж еще раз обратил внимание правительства на необходимость помощи Объединению чехов и словаков из России⁵¹.

Лишь 14 декабря 1927 г. последовало правительственное решение о выделении на поддержку чехов и словаков из России 50 млн крон с выплатой по 10 млн ежегодно (но с вычетом уже выплаченных до этого сумм). Хотя, как уже говорилось, Объединение чехов и словаков из России просило выделить 80 млн кр. ч., имея в виду, что общий размер понесенного чехами и словаками в России ущерба насчитывался Объединением в 30 млрд кр. ч.⁵² Но и этому правительственному решению предшествовала длительная работа межминистерской комиссии по составлению списков пострадавших и проверке данных о понесенном ущербе. Список из 3433 человек был тщательно изучен и проверен чехословацким представителем в Москве. 35 % данных об ущербе касалось потери недвижимости: имений, лесов, заводов, домов и т. п. Потерпевшим выплачивались разные суммы: от 2 до 70 тыс. кр. ч.

По решению межминистерской комиссии по оказанию помощи «чехословакам» (так в тексте. — *Е.С.*) из России компенсации должен был выплачивать Легиобанк из доходов, полученных при ликвидации имущества легионеров. Кроме того, по сведениям Министерства финансов, на счет Легиобанка поступила разница между закупочной и продажной ценой сырья и материалов, привезенных русскими легионерами на родину (всего 506 079 406,73 кр. ч.). При этом Финансовое управление чехословацких легий (легионов) затратило на репатриацию чехословацких легионеров из Сибири 135 797 236 кр. ч., тогда как общие расходы на репатриацию составили 856 349 298 кр. ч. К 31 декабря 1929 г. Банк чехословацких легионеров уже израсходовал сумму в 113 791 кр. ч. 95 гал. на поддержку

⁵¹ NA. F. Ministerstvo průmyslu, obchodu a živností (MPOŽ). Kart. 44. Sign. 11956 / 23.

⁵² NA. F. MF. Kart. 805. č.j. 25403.

возвратившихся из России чехов и словаков. Легиобанк осуществлял выплаты по списку, всего на сумму 21 млн 712 тыс. 719 кр. ч. 70 гал. В 1929 г. ему еще предстояло выплатить 3 млн 200 тыс. кр.ч., а в 1930 г. — 2 млн кр. ч. Существовал также особый фонд для выплат пособий и предоставления займов «чехословакам» из России. Финансовое управление русских «легий» (легионов), располагавшееся в Праге на Флоренци в доме № 5, в 1930 г. перевело оставшиеся 2 млн кр. ч. на счет Министерства социального обеспечения для поддержки чехов и словаков из России. Помощь реэмигрантам из России осуществлял также Земский банк.

В 1922 г. при Объединении чехов и словаков из России возник отдел бывших политзаключенных, в который входили 28 человек. Объединение брало на себя заботу о своих нетрудоспособных членах, больных и престарелых. Оно выступило с инициативой открыть памятные доски на домах Б. Чермака⁵³, Й. Клецанды⁵⁴ и Я. Волфа⁵⁵.

⁵³ Богумил Чермак (1870–1921) — предприниматель, участник чехословацкого заграничного движения, дипломат. С 1902 г. в России, в Санкт-Петербурге, получил российское гражданство, после начала войны встал во главе чешского земляческого движения в России и был избран главой Союза чехословацких обществ на Руси на I съезде земляческих объединений в марте 1915 г. В июле поддержал деятельность Т.Г. Масарика и стал членом Чешского заграничного комитета, поддерживал приоритет ЧСНС в движении Сопrotивления. В марте 1917 г. стал представителем ЧСНС в России, с мая 1917 г. — заместителем председателя Отделения ЧСНС на Руси. В мае 1918 г. совместно с П. Максой вел переговоры с советским правительством об условиях отъезда чехословацких войск из России. 21 мая 1918 г. они оба были арестованы как заложники и лишь под нажимом правительств Антанты в декабре 1918 г. освобождены. После возвращения на родину Чермак был назначен послом ЧСР в Румынии. См.: *Slovník prvního československého odboje 1914–18...* S. 21–22.

⁵⁴ Йиржи Клецанда (1890–1918) — участник заграничного Сопrotивления, журналист. Перед войной жил в России, организовывал земляческое движение. После начала войны вместе с Б. Чермаком выступил против Австро-Венгрии, установил связи с российским правительством, участвовал в аудиенции у императора Николая II в сентябре 1914 г. На I съезде земляческих объединений в марте 1915 г. избран секретарем Союза чехословацких обществ на Руси, затем поддержал Т.Г. Масарика, став в оппозицию к Й. Дюриху. С весны 1916 г. политический советник М.Р. Штефаника. В мае 1917 г. избран генеральным секретарем Отделения ЧСНС на Руси, став ближайшим сподвижником Масарика, вместе с ним вел переговоры о создании Чехословацкого корпуса в России. Объявлен уполномоченным Отделения при Российском Генеральном штабе, в октябре 1917 г. добился автономного положения Чехословацкого корпуса. Весной 1918 г. вел переговоры с советским правительством о переброске корпуса с Украины во Францию, предложив организовать 2-й Чехословацкий корпус в Омске. Там же он собирался создать центр Отделения по эвакуации, умер от тифа. *Ibid.* S. 64–65.

⁵⁵ Ян Волф (1883–1919) — предприниматель, участник чехословацкого заграничного движения. До войны жил в Киеве, участвовал в земляческом движении. С лета 1914 г. материально обеспечивал развитие чехословацкого движения Сопrotивления на Украине, в 1915–1916 гг. руководил финансовым комитетом Союза чехословацких обществ на Руси, в 1916–1917 гг. стал генеральным секретарем Союза, инициатором Киевского соглашения (Штефаник — Дюрих). После возникновения ЧСР стал чехословацким представителем на Украине, арестован большевиками как заложник и казнен. — *Slovník prvního československého odboje 1914–18...* S. 154.

Другими организациями, защищавшими интересы возвратившихся из России, стали: Объединение (Еднота) чехословаков из России, их родственников и друзей (Jednota Čechoslováků z Ruska, jich příbuzných a přátel), в 1925 г. слившееся с Объединением чехов и словаков из России, а в 1938 г. восстановившее свое независимое существование, Круг стародружинников (членов Чешской / чехословацкой дружины, созданной из числа колонистов еще в 1914 г.), с 1923 г. Земледельческое объединение чехов и словаков из России (Zemědělská jednota Čechů a Slováků z Ruska) и др.

В Словакии для репатриантов строились дома, Министерство социального обеспечения выделяло помощь неимущим и безработным из России. Существовали проекты взамен выплат за ущерб уменьшить налогообложение возвратившихся из России, а также решить вопрос в рамках земельной реформы выделением участков земли. Последним предложением воспользовались около 150 семей (т. е. примерно 500 человек), которым были выделены участки земли в Словакии и Чехии. Для строительства домов на выделенных участках земли требовалась 50%-ная предоплата. Предпочтение отдавалось земледельцам, лесникам, садовникам⁵⁶. Подавались предложения о предоставлении чехам и словакам из России займа на организацию ремесленных мастерских в Подкарпатской Руси⁵⁷, о выдаче концессии на открытие пивных, доход от которых шел бы пострадавшим в России. Еднота проводила лотереи в пользу голодающих чехов и словаков из России.

В заключение хотелось бы отметить, что не все, конечно, проходило гладко и социальная политика правительства ЧСР нередко вызывала критику, особенно в начале 1920-х гг. Но все-таки благодаря сплоченности чехов и словаков, вернувшихся из России и создавших для защиты своих интересов целый ряд объединений и союзов, чехословацкие власти были вынуждены искать пути решения сложных вопросов, пытались улучшить ситуацию и принимали соответствующие меры, чтобы дать возможность для существования различным категориям репатриантов из России. Поэтому опыт межвоенной Чехословакии по решению социальных проблем заслуживает дальнейшего тщательного изучения.

⁵⁶ NA. F. PMR. Kart. 496. Sign. 1131.

⁵⁷ Ibid.

*К.В. Шевченко
(Минск)*

ПОЛОЖЕНИЕ РУСИНОВ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1920-х гг. В ОСВЕЩЕНИИ РУСИНСКОЙ ПРЕССЫ

Трагический опыт массового преследования русинов Угорской Руси и Галиции австро-венгерскими властями в ходе Первой мировой войны вызвал рост анти-австрийских и антивенгерских настроений среди русинских политиков и общественных деятелей, которые связывали политическое будущее русинского народа с выходом из состава Австро-Венгрии. Неблагоприятный для Центральных держав ход Первой мировой войны создавал питательную почву для подобных настроений. Инициативу радикального решения русинского вопроса во время Первой мировой войны взяли на себя влиятельные политические организации американских русинов, которые, в отличие от своих соотечественников в Австро-Венгрии, имели возможности для активной политической деятельности.

Первоначально русинские политики и общественные деятели, среди которых доминировали традиционные русофильские настроения, в своих внешнеполитических планах ориентировались на Россию. «Весь Карпаторусский народ неуклонно желает освобождения Прикарпатской Руси от чужого владычества и... воссоединения Прикарпатской Руси, в ее этнографических границах, с ее старшей сестрой, великой, демократической Россией...»¹ — говорилось в меморандуме Русского конгресса в Америке, принятом 13 июля 1917 г. и отражавшем взгляды представителей многочисленной русинской диаспоры в США. Однако приход к власти большевиков и последующая Гражданская война в России, ход Первой мировой войны, а также международные успехи дипломатической акции Масарика и Бенеша в странах Антанты сделали невозможным присоединение русинских земель к России, выдвигнув в качестве альтернативы чехословацкий сценарий решения русинского вопроса, который был активно поддержан президентом США В. Вильсоном осенью 1918 г. Ориентация на Чехословакию окончательно возобладала среди русинских политиков в США после их личных контактов с Масариком, обещавшим предоставить русинским землям в рамках Чехословацкой Республики самую широкую автономию с учетом национального и культурно-языкового своеобразия русинов.

Перспективы вхождения земель, населенных карпатскими русинами, в состав будущего Чехословацкого государства после окончания Первой мировой войны, в целом позитивно оценивались русинской прессой в Северной Аме-

¹ Меморандум Русского конгресса в Америке. 13 июля 1917 года, Нью-Йорк // Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Č. 3. S. 530.

рике. Вопрос о том, какие именно русинские области бывшей Австро-Венгрии войдут в состав Чехословакии и каким будет статус данной территориальной единицы, решался на Парижской мирной конференции. Перед отъездом делегации американских русинов во главе с Г. Жатковичем в начале февраля 1919 г. на мирную конференцию в Париж «Американский Русский Вестник», печатный орган влиятельного среди североамериканских русинов «Соединения Греко-Католических Русских Братств», опубликовал основные положения программы русинской делегации, которую она была намерена отстаивать на конференции. В представлении главы русинской делегации Г. Жатковича и его единомышленников, «уния угро-русинов с чехословаками будет означать для угро-русинов отдельное угро-русское государство, обладающее верховенством в местных делах. Официальным языком в этом государстве будет русский язык, употребляемый в школах и судах. Территория угро-русского государства будет состоять из следующих жуп: Спиш, Шариш, Абау, Земплин, Унг, Берег, Угоча и Мараморш»². Как показали последующие события, подобные ожидания русинских политиков оказались явно завышенными как в территориальном отношении, так и в отношении правового статуса русинской территориальной единицы, став причиной их многочисленных разочарований и недовольства политикой Чехословакии.

Вхождение русинских земель к югу Карпат в состав Чехословацкой Республики в 1919 г. было поначалу с эйфорией воспринято русинской общественностью и прессой. Так, 19 августа 1919 г. русинские газеты с энтузиазмом сообщали о намеченном на 20 августа торжественном параде чехословацких войск в Ужгороде и о запланированном после этого введении в должность представителя чехословацких властей доктора И. Брейхи, «административного шефа-губернатора нашей Карпатской Руси»³. Это «будет историческим днем для целой Карпатской Руси и всего карпаторусского населения. Завтра... будем праздновать в Ужгороде и целой Карпатской Руси великое торжество свободы»⁴, — писала 19 августа 1919 г. ужгородская газета «Русская земля». Однако несоблюдение чехословацкими властями условий Сен-Жерменского мирного договора, предусматривавшего для Подкарпатской Руси в составе Чехословакии самую широкую автономию и наличие собственного сейма, очень быстро вызвало разочарование русинской общественности. Вторым серьезным основанием для недовольства со стороны значительной части русинских политиков, придерживавшихся русофильских взглядов и считавших карпатских русинов частью единого русского народа от Карпат до Камчатки, стала проукраинская политика чешских властей в культурно-языковой и образовательной области.

Новые надежды на соблюдение Прагой условий Сен-Жерменского договора и на предоставление автономии Подкарпатья появились у русинской общественности в связи с решением чехословацких властей назначить первым губернатором Подкарпатской Руси Г. Жатковича, убежденного сторонника автономии Подкарпатья и расширения его границ за счет присоединения соседних областей Северо-Восточной Словакии, населенных преимущественно русинами. Русинская

² Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1919. 06.02. № 5.

³ Русская земля. 1919. 19.08. Сверхочередной выпуск.

⁴ Там же.

общественность в США, уже успевшая разочароваться в чехословацкой политике в Подкарпатской Руси, восприняла новое назначение Жатковича с осторожным оптимизмом. «Губернатор Жаткович торжественно введен в должность 19 июня 1920 г. в Ужгороде, — информировал своих читателей «Американский Русский Вестник». — Народ русский с великой радостью... приветствовал своего губернатора. Мы радуемся от души, что наши братья хоть что-то получили из обещанного нам самоуправления»⁵.

Однако все усилия Жатковича в должности губернатора добиться предоставления автономии Подкарпатской Руси и осуществить ревизию границы со Словакией провалились. Разочарованный политикой Праги, открыто нарушавшей все данные ранее обещания русинским политикам, Жаткович, не проработав и года после своего назначения, был вынужден подать в отставку, что вызвало большой резонанс среди русинов Чехословакии и Северной Америки. Обстоятельства ухода Жатковича с поста губернатора и его последующее возвращение в США было критически воспринято русинской общественностью. «...Почему он сделал это и что будет теперь? — такими вопросами задавался «Американский Русский Вестник», комментируя решение Жатковича подать в отставку. На первый вопрос ответ дал сам губернатор 17 марта на чайном вечере, устроенном для русской интеллигенции. Тогда он сказал, что руки его связаны и он не может работать для своего народа так, как он бы хотел... Мы видим, что наша автономия существует лишь на бумаге... Что касается губернаторства, то эта должность как явный символ нашей все еще невидимой автономии ни на минуту не должна оставаться пустой, а губернатором Подкарпатской Руси может быть только урожденный русин... Правительство также обязано передать в ведение Подкарпатской Руси всю Ужанскую и Земплинскую жупы...»⁶

Вторым губернатором Подкарпатской Руси спустя два с небольшим года после ухода Жатковича был назначен А. Бескид, который, судя по всему, стал компромиссной и наиболее приемлемой фигурой в этой должности для руководства влиятельной аграрной партии Чехословакии и группы Града. В обмен на престижную должность губернатора Бескид согласился уйти из руководства основанной им оппозиционной Русской Народной партии в Словакии и в целом снизить критику чехословацких властей⁷.

«Данным назначением правительство лишь исполнило свою элементарную обязанность, поскольку незаполнение такой важной... представительской должности, как губернатор, в течение такого длительного времени было попросту скандалом, — комментировал назначение Бескида «Американский Русский Вестник». — Но нас радует, что на это место был назначен широкий традиционный русский человек. Надеемся, что его умение внесет порядок... в ожесточенную партийную жизнь в Подкарпатской Руси»⁸. Еще более оптимистично оценивала назначение Бескида русофильская «Русская земля», издававшаяся в Ужгороде. В статье под заголовком «Исполняется воля народа» «Русская земля» привет-

⁵ Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 1920. 25.06. № 25.

⁶ Там же. 1921. 08.04. № 15.

⁷ См.: Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition / Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. University of Toronto Press, 2005. P. 37.

⁸ Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 1923. 09.11. № 45.

ствовала на посту губернатора «всеми уважаемого и любимого, многолетнего деятеля на народной ниве Антона Григорьевича Бескида», назначенного «после долголетней борьбы, неудачного губернаторства д-ра Жатковича и почти трех-летнего владычества д-ра Эренфельда, под давлением воли народа...»⁹.

Со сменой руководства Подкарпатской Руси прежний полностью проукраинский курс Праги в области культурно-национальной политики подвергся определенной корректировке в пользу русофилов, поскольку и губернатор Бескид, и вице-губернатор Розсыпал были противниками украинской ориентации, что вызвало позитивные отклики русофильской прессы Подкарпатья. Тем не менее корректировка проукраинской политики Праги носила символический характер, поскольку такие принципиально важные сферы, как образование и школьная политика, по-прежнему остались под контролем украинофилов.

Большое внимание русинской прессы вызвало принятие нового административного закона в Чехословакии, вступившего в силу в 1928 г. В соответствии с законом вся территория Чехословакии делилась на четыре провинции: Чехию, Моравию-Силезию, Словакию и Землю Подкарпаторусскую. Вопреки стремлению подкарпатских русинов и русинов Словакии к воссоединению данный закон утвердил и легализовал существовавшую границу между Словакией и Подкарпатской Русью, которая до этого считалась временной. Закон, оставлявший в составе Словакии значительное по численности русинское меньшинство¹⁰, заметно разочаровал русинскую общественность, надеявшуюся на давно обещанное чехословацкими политиками территориальное объединение русинов. Более того, в ходе подготовки данного закона проявилось стремление части чехословацкого руководства административно отделить Ужгород от Подкарпатской Руси и передать его Словакии, что вызвало возмущение русинской общественности и политиков. «Новым законом хотят Ужгород и всю ужанскую жупу присоединить к Словакии, а столичным городом хотят сделать Мукачево, — писал по этому поводу «Американский Русский Вестник». — ...Все послы и сенаторы Карпатской Руси против этого покушения выступили единогласно...»¹¹ Одной из причин данного «покушения» русинская пресса называла стремление партии А. Глинки присоединить Ужгород и прилегающий к нему район к Словакии¹².

Объектом постоянной критики русинской прессы были куцые полномочия губернатора Подкарпатья и политика Праги, направленная на дальнейшее ограничение и без того скромных губернаторских прерогатив. В начале 1930-х гг.

⁹ Русская земля. 1923. 22.11. № 45.

¹⁰ По данным переписи населения в Чехословакии, проведенной в феврале 1921 г., число тех, кто указал «русскую» национальную принадлежность на территории Словакии, составило 85 628 человек. Вместе с тем число грекокатоликов в Словакии по этой же переписи составило 193 671 человек. Русинские политики и общественные деятели полагали, что данные официальной переписи занижают численность русинского населения и что именно количество грекокатоликов отражает истинную численность русинов в Словакии, считая конфессиональный фактор более точным индикатором этноязыковой принадлежности.

¹¹ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1927. 03.03. № 9.

¹² Ibidem.

особое возмущение русинской общественности вызвало ограничение прав губернатора в области назначения учителей в школы Подкарпатской Руси и передача этого права Министерству просвещения Чехословакии¹³. «...Губернатор при нынешнем положении... является чиновником, носящим титул без компетенции, — резюмировал в июне 1933 г. «Карпаторусский голос», оценивая деятельность умершего 16 июня 1933 г. второго губернатора Подкарпатской Руси А. Бескида. — Мы уже пережили время, когда после отставки Жатковича место губернатора не было заполнено в течение двух лет... Выборы в автономный сейм откладываются, права губернатора переданы частью министерствам, частью земскому президенту. А.Г. Бескиду, лишенному возможности осуществлять свои автономные права, ничего больше не оставалось, как протестовать перед правительством и подавать требования, в ответ на которые получались только обещания, что “автономия проведется”. А в то время ...школьный реферат антидемократическим способом продолжал украинизацию и денационализацию наших детей...»¹⁴

Недовольство русинов Подкарпатской Руси и Восточной Словакии территориальной раздробленностью русинских земель стало проявляться уже с осени 1919 г., когда во многих русинских населенных пунктах Восточной Словакии состоялись массовые выступления населения с требованием единства всех русинских областей. В октябре 1919 г. в г. Гуменне (жупа Земплин) состоялось народное собрание, участники которого выразили протест «против отделения земплинской и других западнорусских жуп от автономной Подкарпатской Руси» и потребовали «справедливого соединения всех округов с русским населением в единую автономную область»¹⁵.

Если русинская общественность Подкарпатской Руси в наибольшей степени была озабочена отсутствием обещанной автономии и проукраинской культурно-национальной политикой Праги в Подкарпатье, то русины Словакии выражали недовольство ассимиляционным курсом словацких властей, который, в частности, находил свое выражение в сфере образования и во время переписей населения. Многочисленные злоупотребления в ходе переписи населения обостряли отношения между словацкими властями и русинской общественностью, испытывавшей все большее разочарование от пребывания в составе чехословацкого государства.

«Словаки... — наши ближайшие по крови и духу славянские братья и соседи. С ними соединяет нас тяжкая, тысячелетняя неволя, в которой держали нас... мадьяры... Мы, руснаки, добровольно присоединились к чехословацкой республике, и мы надеялись, что соживем с нашими братьями-словаками в добром славянском согласии... К сожалению, так не случилось, — писала 3 ноября 1921 г. издававшаяся в г. Прешове газета «Русь». — Уже три года мы свободны, а в русских селах школы закрыты, русского урядника... не найдешь, нашу веру и язык мало уважают, в урядах его не признают. Наши братья-словаки дошли до того, что заявили: “Русского народа в Шарише, Земплине и Спише нет”. При недавней переписи в отношении к нам совершили страшную несправедливость.

¹³ См. Карпаторусский голос. 1932. 18.05. № 3.

¹⁴ Карпаторусский голос. 1933. 24.06. № 137.

¹⁵ Amerikansky Russky Vjestnik. Homestead, PA. 1919. 16.10. № 40.

Чисто русские села записали словацкими. Высокие словацкие урядники вели агитацию против русского народа. наших патриотов... словацкие газеты называли мадяронами... “Братья-словаки, что это значит?” — вопрошала прешовская «Русь». — Опомнитесь! Словаками мы никогда не будем, а вы напрасно лишь посеете раздор между двумя братскими славянскими народами»¹⁶. Примечательно, что перегибы словацких властей в ходе переписи в феврале 1921 г. признавали и пражские чиновники. «Перепись населения, на которую Русская Народная партия в Прешове жалуется больше всего, проводилась противозаконно, что вызвало возмущение даже среди ранее индифферентно настроенных русинов, — отмечал 12 января 1922 г. сотрудник канцелярии президента республики Я. Нечас. — Если бы словаки действовали более осторожно и... справедливо, то они могли бы достичь своей цели легче, чем применяя столь агрессивные методы»¹⁷.

Проявления открытой ассимиляционной политики со стороны словацких властей вызывали многочисленные протесты русинской интеллигенции. «Нет в республике ни одной такой народности, которая бы подвергалась таким экспериментам... Эксперименты языковые, политические, административные, религиозные, — это общее явление... Чем дальше продолжаются эти ненормальные явления, тем глубже тонут наши экономические, культурные и национальные интересы»¹⁸, — критически комментировала русинскую политику чехословацких властей в октябре 1925 г. «Народная газета», выражая взгляды руководства Русской Народной партии в Словакии. «Пока мы ссоримся, изобретаем разные компромиссы, сочиняем несуществующие “русские”, “русинские”, “материнские” и прочие языки, на наших русских территориях спокойно и систематически вводятся чешские и словацкие школы... и самым грубым образом нарушаются наши автономные права»¹⁹, — замечал один из русофильских публицистов. В 1930 г. «Народная газета» даже сделала вывод о том, что «отдаленная от Карпатской Руси Чехия менее опасна соседней Словакии, которая уничтожает нашу карпатскую культуру на оторванной Пряшевщине хуже мадяр... По словацкой теории, в Словакии нет русских, а есть только грекокатолические словаки, которые должны быть ословачены, какие бы методы ни применялись...»²⁰.

Крайне негативное отношение к русинской политике чехословацких властей демонстрировали и представители русинской диаспоры США. Русинская пресса в Северной Америке регулярно публиковала острые критические материалы о положении русинов в Словакии и в Подкарпатской Руси. «Дорогие братья и сестры! Вы... присоединили нас к Чехословакии, думая, что сделаете из нас свободный народ. Но наоборот, сейчас наш народ как на Подкарпатской, так и на Пряшевской Руси является народом подъяремным, — говорилось в «Письме из Пряшевской Руси», опубликованном в «Американском Русском Вестнике» 14 марта 1929 г. — Вы в далекой Америке не знаете вкус... нашего горького рабства... Чехословакия

¹⁶ Русь. (Пряшев). 1921. 03.11. № 2–3.

¹⁷ Archiv Ústavu T.G. Masaryka (AÚTGM), fond T.G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401. Poznámky k memorandu Ústředního Výboru Ruské Národní strany v Prešově.

¹⁸ Народная газета. 1925. № 21.

¹⁹ Там же. 1926. № 19.

²⁰ Народная газета. 1930. № 1.

принесла нам не свободу, но рабство. На русскую школу не получили мы ни цента, а президент Масарик дал на еврейскую гимназию в Мукачево 600 000 чешских крон...»²¹ Подобная политика чехословацких властей вызывала нарастающее раздражение со стороны русинской общественности, стимулируя стремление русинов к борьбе за свои национальные права и за территориальное объединение населенных русинами областей Восточной Словакии с Подкарпатской Русью.

В своей пропагандистской борьбе за образование на русском языке русинские публицисты часто апеллировали к опыту других славянских стран, ставя их политику по отношению к национальным меньшинствам в пример чехословацким властям. «В Пряшевской Руси двухсоттысячный русский народ не получил еще свои культурные права, хотя состоит он из коренного населения. Словаки должны примириться с существованием двухсот тысяч русских на Словакии, ибо это будет актом славянской братской справедливости, — писал 5 февраля 1933 г. один из русинских публицистов. — ...Для сорока тысяч живущих в Югославии словаков есть... словацкая гимназия. Почему бы не могло так быть и у нас? Какая радость настала бы среди русского народа в Чехословакии, если бы наш господин президент Масарик во имя славянской солидарности воззвал правительство для удовлетворения культурных требований русского народа на Словакии, как... Петро царь сербский выступил в деле словацкой гимназии в Югославии. Такое благородство было бы лучшим укреплением нашего государства»²².

Попытки словацких властей расширить применение словацкого языка в сфере образования восточнословацких русинов встречали энергичный и хорошо организованный отпор русинской интеллигенции. Так, бурю негодования среди русинской общественности вызвало распоряжение школьного инспектора бардеевского округа от 10 декабря 1934 г. о переходе с русского языка обучения на словацкий на занятиях богословием. «Протестуем», «Неслышанное распоряжение бардеевского школьного инспектора», «Буря негодования в русских селах»²³, — такими заголовками встретила решение словацкого чиновника русинская пресса. «Русская общественность единодушно протестует против распоряжения преусердного школьного инспектора. ...Во время самой большой мадьяризации в наших селах катехизис учили... всегда по-русски. Это наше право, на которое не смели посягнуть даже мадьярские уряды, теперь оспаривает школьный инспектор, — писала «Народная газета», комментируя решение словацких властей. — Возмущение охватило весь округ. В самом Свиднике 27 декабря состоялось многолюдное собрание, на котором сошлось только священника 23 человека и те вместе с народом решительно выступили против посягательства на наши прадедовские права и на нашу русскую религию»²⁴.

В целом русинская пресса в 1920-х гг. как в Восточной Словакии, так и в Подкарпатской Руси уделяла все большее внимание критике чехословацких властей, политика которых вызывала растущее разочарование среди русинской интеллигенции. В своем открытом письме президенту Масарику в 1928 г. представитель

²¹ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1929. 14.03. № 11.

²² Народная газета. 1933. № 4.

²³ Народная газета. 1935. № 1–2.

²⁴ Там же.

русофильской интеллигенции священник Э. Левканич писал: «...В моих ушах звучат исторические слова Ваши, господин Президент: “Я русский народ люблю и буду всегда вам на помощи”. Сначала все показывалось к наилучшему. Славянский общелюбимый вождь К. Крамарж с самой большой охотой начал реорганизацию нашего края. Но эта радость не долго продолжалась. ...Началась австрийская система: “Divide et impera”. Наш народ был разделен территориально на Пряшевскую и Подкарпатскую Русь. Как одна часть, так и другая не процветают, но гниют. Одну из них чехизируют, другую — словакизируют наши чехословацкие славянофилы. В Подкарпатской Руси — 18 тысяч чешских урядников... Школьный отдел — как будто уже нет ни одного соответствующего русского человека — чисто чешский. Корреспонденция ведется на чешском языке. В Пряшевской Руси, где 200 000 русского населения, нет ни одной русской гимназии... Кто будет защищать нашу славянскую республику, — задавал вопрос автор письма, — если так легкомысленно выбрасывают славянский русский элемент из штатотворного фронта?»²⁵ Письмо Левканича может служить иллюстрацией общего разочарования русинских общественных деятелей опытом своего нахождения в составе Чехословакии. Если консерваторы-русофилы были недовольны культурно-языковой политикой Праги, то местные коммунисты, бывшие самыми радикальными приверженцами украинской ориентации, помимо критики ассимиляционной политики чехословацких властей обвиняли Прагу в социально-экономической эксплуатации Подкарпатской Руси, заявляя, что «правительство ведет себя у нас, как в завоеванной колонии»²⁶.

Критический тон русинской прессы, недовольной политикой чехословацких властей, усилился в 1930-х гг. Наибольшей критике со стороны русофилов подвергалась проукраинская национальная политика Праги в Подкарпатской Руси и ассимиляционная политика словацких властей по отношению к русинам Пряшевщины. Пытаясь объяснить смысл политики Праги в русинском вопросе, общественные деятели Подкарпатья приходили к неутешительному выводу о том, что предпринимаемые чешскими властями меры объективно способствуют нарастанию культурно-языкового противостояния среди русинов и сознательно направлены на создание управляемого хаоса в Подкарпатской Руси. Подобная политика, по мнению некоторых русинских общественных деятелей, позволяла Праге успешно оттягивать предоставление краю обещанной автономии, нарушая условия Сен-Жерменского договора, и осуществлять меры, направленные на ассимиляцию местного русинского населения.

«Наша родная земля, Подкарпатская и Пряшевская Русь, является сейчас долиной плача... и ужасных страданий под жестоким и тираническим управлением чехов. Русский народ, который верил чехам... стал несчастным рабом на своей земле под невыносимым чешским игом...»²⁷ — такой нелюбезный и суровый приговор русинской политике официальной Праги вынес в марте 1934 г. «Американский Русский Вестник», хорошо информированный о реальном положении русинского национального меньшинства в составе Чехословакии.

²⁵ Народная газета. 1928. № 10.

²⁶ Карпатська правда. 1927. 10.07. № 28.

²⁷ Amerikansky Russky Vestnik. Homestead, PA. 1934. 08.03. № 10.

*С.М. Слоистов
(Москва)*

СЛОЖНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕХОВ, СЛОВАКОВ И ПОДКАРПАТСКИХ РУСИНОВ В МЕМОРИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

К настоящему моменту накоплен богатый опыт по увековечиванию памяти жертв различных социальных конфликтов. В нашей стране он связан с деятельностью по сохранению памяти о погибших в Великой Отечественной войне, а также в результате политических репрессий. Основные формы увековечивания памяти зафиксированы в российском законодательстве¹. В первую очередь к ним относятся меры по выявлению павших с целью обустройства мест захоронений, установки надгробий, памятников, стел, обелисков и других мемориальных сооружений. Важное место в мемориальной работе отводится подготовке научно-популярных публикаций, организации музеев и тематических выставок.

В последнее время российские политики и представители общественности все чаще высказывают мнение о необходимости объединения усилий в этой деятельности как на пространстве бывшего СССР, так и шире — со странами Центральной и Восточной Европы². Основы для такой работы между Россией и Словакией закреплены в преамбуле договора о дружественных отношениях и сотрудничестве, где, в частности, выражается желание «окончательно подвести черту под тоталитарным прошлым»³. В то же время для успешной реализации международного сотрудничества в сфере исторической памяти требуется решение ряда проблем, имеющих теоретико-методологический характер. К приме-

¹ Статья 2. Формы увековечения памяти погибших при защите Отечества / Об увековечении памяти погибших при защите Отечества [Текст]: Закон Российской Федерации от 14.01.1993 г. № 4292-1 (ред. от 18.07.2011 г. № 213-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. Вып. 7. Ст. 245.

² См.: Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении», разработанные Рабочей группой по исторической памяти Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (переданы Президенту РФ на заседании Совета 1 февраля 2011 г. в Екатеринбургe). URL: http://www.president-sovet.ru/structure/group_5/materials/the_program_of_historical_memory.php (дата обращения: 10.10.2012 г.).

³ Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Словацкой Республикой от 26 августа 1993 г. // Бюллетень международных договоров. Сб. 5 от 01.05.1996 г. Ст. 16.

ру, следует определить в правовой плоскости «порядок согласования вопросов об увековечивании на территории Российской Федерации памяти жертв политических репрессий из числа иностранных граждан»⁴. Решение этой и подобных практических задач невозможно без определения национальной принадлежности жертвы.

Отрадно, что данные проблемы активно поднимаются на государственном уровне. Наш многолетний опыт мемориальной деятельности в общественных и церковных структурах также подтверждает большое значение такой работы. В решении этих вопросов накоплен достаточно позитивный опыт. В том числе в процессе межцерковного взаимодействия. Существенный вклад в эту работу внес игумен Михаил (Дандар). Особенно во время своего пребывания в первой половине 2000-х гг. на посту представителя Митрополита Чешских земель и Словакии при Патриархе Московском и всея Руси. Под его председательством работала Комиссия по оказанию помощи в поиске архивных материалов, в деятельности которой мне удалось принять активное участие. В том числе Комиссия оказывала помощь в поиске материалов о чешских и словацких воинах, погибших на канонической территории Московского Патриархата, с целью восстановления и содержания в порядке их захоронений. Во многом именно практика работы в названной комиссии легла в основу нашей статьи. Начиная с постановки проблемы национальной идентификации погибших военных и жертв политических репрессий и заканчивая выработкой необходимых рекомендаций для ее успешного проведения в ходе мемориальной научно-практической работы.

Итак, определение национальной принадлежности выходцев из Чехословакии представляет собой обширное проблемное поле. В данной статье мы коснемся лишь вопроса соотнесения представлений о национальной принадлежности жертв войны и политических репрессий в прошлом и настоящем. Исходя из этого, вначале мы кратко охарактеризуем основные проблемы, возникающие в процессе научно-практической работы по увековечиванию памяти. Затем более подробно, иллюстрируя примерами, постараемся выявить наиболее проблемные варианты определения принадлежности выходцев из Чехословакии с акцентом на 1920–1940-е гг. Наше внимание будет обращено не столько на реконструкции наиболее полного ряда вариативности, сколько на описания лимитирующих его ситуаций. Рассматривая данные варианты и ситуации, мы постараемся предложить пригодные для мемориальной работы описания некоторых групп жертв социального конфликта.

Работа по увековечиванию памяти жертв войны и репрессий невозможна без государственной поддержки. Она ведется в особых условиях, когда объект исследования находится вне территории страны, заинтересованной в сохранении памяти о нем. В этих условиях первостепенной задачей является выявление

⁴ Рекомендации, подготовленные межведомственной рабочей группой по подготовке предложений, направленных на реализацию программы увековечения памяти жертв политических репрессий, организованной распоряжением Президента Российской Федерации от 27.12.2011 г. № 819-рп. С. 1. URL: http://www.president-sovet.ru/structure/group_5/materials/Рекомендации_МВРГ_по_реализации_программы,_согласованные_с_Правительством_РФ.pdf (дата обращения: 10.10.2012 г.).

национальной принадлежности жертвы. Тем самым определяется государство, которое в лице своих законных представителей имеет полное основание взять на себя ответственность по всему комплексу мемориальной работы. Появляются правовые основы через дипломатические службы или общественные организации представлять интересы конкретной жертвы и (или) определенной группы потерпевших в процессе архивного поиска, обустройства захоронения, проведения памятных мероприятий и т. д.

Анализ нормативно-правовой базы⁵, а также наши собственные наблюдения в процессе практической работы в данной области позволяют разделить критерии идентификации на две основные категории: национально-государственную и этнонациональную принадлежности как непосредственно самой жертвы, так и (или) институции, с которой она была связана (вооруженного формирования, партии, церкви и др.). Проблем не возникает в случае совпадения названных элементов, например, для военнослужащего словацкой армии, гражданина Словакии, считавшего себя словаком. На практике у значительного числа лиц эти признаки могут не совпадать. Исходя из принципов политики, формирующей историческую память, также особое значение приобретает характеристика институции, с которой ассоциируется пострадавший. По-разному могут трактоваться жертвы — военнослужащие вермахта и советской армии, активные коммунисты и беспартийные и т. д.

В общем, обозначенные проблемы можно решить, используя пригодные для описания идентичности схемы. Однако ввиду своей условности современные схемы часто не отвечают реальным вариациям идентичности в прошлом. Это объясняется ее динамичностью, когда предлагавшиеся индивиду варианты определялись нестабильными, быстро менявшимися факторами. Особенно остро такая ситуативность проявлялась в условиях социального либо военного конфликта.

Обратившись к справочным изданиям, составленным по данным переписи населения в 1926 г., можно заметить, что чехи и словаки фигурируют там вместе. В СССР проживало немногим более 27 тыс. чехов и словаков⁶. Данные о «племенном (этнографическом)» составе населения собирались на основе самоидентификации опрашиваемых, и только если отвечающий затруднялся ответить, то записывалась «народность матери»⁷. Иностранцы граждане подсчитывались отдельно, но без учета их «этнической принадлежности (народности)»⁸. Словарь народностей для разработки материалов переписи содержал следующие

⁵ См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Словацкой Республики о захоронениях павших военнослужащих и гражданских жертв войны от 13 февраля 1995 г.; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Чешской Республики о взаимном содержании военных захоронений от 15 апреля 1999 г. и др.

⁶ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. М., 1928. Вып. 4. Народность и родной язык населения СССР. С. XXV. Табл. 1.

⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 9: РСФСР. Отд. 1: Народность, родной язык, возраст, грамотность. С. 205.

⁸ Там же. С. 206.

наименования: *чехи, чехо-словаки и словаки*⁹. Отсутствие дифференциации двух народов при учете соответствовало давней традиции, заложенной еще Всероссийской переписью 1897 г. Правда, тогда в случае компактного проживания словаки учитывались отдельно от чехов (например, в поселениях Владикавказского округа)¹⁰.

Чехов и словаков с Чехословакией часто связывало лишь историческое происхождение. Эта связь была достаточно устойчивой. Ее можно проследить также у представителей других народов, исконно проживавших на землях, вошедших в состав новообразованного государства. Для подкарпатских русинов и их потомков восприятие данной государственности было вполне естественным. Ментальный выбор между Чехословакией и Венгрией определялся обостренным чувством принадлежности к общему славянскому миру. Как описывает в своей автобиографии И.Э. Грабарь: «Мой отец и мать — оба родом из Угорской Руси...»¹¹ Согласно логике повествования, для русинского по происхождению советского гражданина вполне естественно, что «область включена в состав Чехо-Словакии». Ведь «она до сих пор окружена с севера и востока русским и украинским населением Галиции и Буковины, с запада славянами — чехами, словаками, моравами — и только с юга граничит с территорией, населенной мадьярами»¹². Однако столь важное для самого Грабаря происхождение практически не было отражено в документах. Еще в период учебы в Петербурге в его учетные бумаги вкралась описка. «Почему и до сих пор, уже в новом паспорте, я значусь уроженцем Ленинграда»¹³, — с сожалением констатировал известный художник. Такого рода ошибки в различных документах вносили дополнительную путаницу. Однажды зафиксированные данные о происхождении не подлежали изменению. На исправление чиновничьих ошибок не повлияла и смена власти, так они переходили из старой России в новую, советскую реальность.

Заложенные в дореволюционное время основы восприятия чехов и словаков продолжали играть главенствующую роль в 1920–1930-х гг. При этом на локальном уровне важное место занимало непосредственное взаимодействие с представителями диаспоры. Естественным образом наименьшей ассимиляции подвергались компактно проживавшие в сельской местности переселенцы (родным языком там владели 84,2%, тогда как в городских населенных пунктах — 61,1%)¹⁴. Важной составляющей в структуре их идентичности была религиозная принадлежность. Она являлась характеристикой, отличавшей рассматриваемое меньшинство от остального населения. Даже в современных условиях, когда какие-либо постоянные контакты с институтами собственной церкви отсутствовали на протяжении многих десятилетий, подчеркивание своей католической

⁹ Там же. С. 212–213.

¹⁰ *Птицын А.Н.* Переселенцы из славянских земель Австро-Венгрии на Северном Кавказе в конце XIX — начале XX века // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2009. Вып. 5. С. 102.

¹¹ *Грабарь И.Э.* Моя жизнь. Автобиография. М.; Л., 1937. С. 15.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 52–53. Табл. VII.

веры при декларировании чешской национальности фиксируется среди жителей чешских поселений Юга России¹⁵.

Приверженность протестантизму или католицизму для чехов либо способствовала сохранению их этнонациональной принадлежности, либо вела к германизации. Если лимитированный единством конфессии брак заключался между чехом (чешкой) и представителем национальности, численность которой в данном районе была незначительной, то потомки данной семьи ассоциировали себя с чехами. Существенную роль также играло желание чешской стороны смешанного союза остаться вблизи территории, на которой находились чешские поселения¹⁶. В случае двойного меньшинства (конфессионального и этнонационального по отношению к православному населению и немцам соответственно) чехи становились объектом естественной германизации¹⁷. Данная, в наибольшей степени характеризовавшая дореволюционное время, картина продолжала также существовать в 1920-х гг. «Чехи-евангелики не брали в супруги православных украинцев или русских, — вспоминал уроженец Чешской Александровки¹⁸ Б. Андерш, — в то время как браки между ними и немцами-колонистами не были исключением»¹⁹.

Община Александровки особенно интересна, поскольку ее история иллюстрирует плавный переход от конфессиональной доминанты в идентичности к этнонациональной. Плавности данного процесса способствовала смена одной протестантской деноминации на другую, в советских условиях воспринимаемую как исключительно чешскую национальную форму религии. В 1923 г. реформатская евангелическая община присоединилась к Евангелической церкви чешских братьев²⁰. На присоединение влияли разные факторы. В первую очередь активные контакты с миссионерами из Чехии. Они являлись проводниками новых объединительных настроений, существовавших между разными протестантскими течениями в Чехословакии. Эти тенденции во многом были связаны с процессом укрепления молодого независимого государства. В то же время реальность советской жизни предопределила возникновение других причин для объединения протестантских деноминаций. Как принято считать, именно усилившиеся репрессии повлияли на присоединение менее многочисленных реформатов к лютеранам и сглаживанию обрядовых различий между ними²¹.

¹⁵ Данная особенность подмечена автором в беседах с пожилыми чехами сел Текос и Тешебс Краснодарского края РФ в 2005 г.

¹⁶ Пример такой смешанной семьи см.: *Шило С.С.* Чехи деревни Мефодиевка // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2009. Вып. 5. С. 119–121.

¹⁷ *Лиценбергер О.А.* Римско-католическая церковь в Крыму и чехи-католики // Чехи в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь, 2005. Кн. 4. С. 55. Текст парал. чеш., рус.

¹⁸ В настоящее время село Малая Александровка (укр. Мала Олександрівка) Котовского района Одесской области Украины.

¹⁹ *Andrš B.* Česká Alexandrovka: vzpomínky na život české vystěhovalecké komunity na Rusi. Praha, 2009. S. 80.

²⁰ *Ibid.* S. 73.

²¹ *Горелов А., Челлини К.* Кальвинизм // Католическая энциклопедия. М., 2005. Т. 2. С. 703.

На коллективную идентичность жителей чешских сел влияли различные санкционированные церковью обряды, свидетельства о которых продолжали существовать даже при прекращении церковной жизни из-за репрессий. В сельской местности значимым местом памяти оставалось кладбище. Надгробия таких деревенских некрополей содержат разные свидетельствующие о прошлом символы. Конкретные примеры позволяют выделить элементы, несущие как информацию об этнонациональной принадлежности покойных (надписи на чешском языке, чешские имена и фамилии²²), так и сведения об их конфессиональной принадлежности (например, рисунок чаши²³).

Репрессии, которые были мотивированы богоборческой позицией советского государства, занимают особое место в мемориальной работе. Реалии сегодняшнего дня заставляют часто искусственно дифференцировать пострадавших согласно их национальной принадлежности. Такой подход совсем не учитывает переход от конфессиональной к этнонациональной доминанте в структуре идентичности жертвы. Это может привести к искаженному представлению о прошлом, подмене главных мотивов преступления второстепенными. Соглашаясь с позицией, что доказать факт страдания мирян за веру часто не представляется возможным²⁴, можно с уверенностью сказать, что религиозная принадлежность в независимости от степени личной веры была важным критерием восприятия общности чехов и словаков в СССР. В этой связи вполне оптимальным могло бы стать расширение практики постановки коллективных монументов памяти жертв разных национальностей, но одной конфессии²⁵. При этом указание на национальную составляющую принадлежности жертвы может присутствовать в виде дублирования единой надписи на разных языках, характерном архитектурном исполнении памятника и т. д.

Во многом на социальном опыте реального взаимодействия с диаспорой основывались представления о ней симпатизирующих Советскому Союзу граждан Чехословакии. При этом часто номинация *чешский* имела характер сокращения. Это особенно наглядно раскрывалось при контактах словаков из Чехословакии с чешскими эмигрантами первой волны. При более детальном знакомстве с ними часть из них оказывалась словаками. Характерным примером может служить пожилая жительница одной из чешских деревень Черноморского побережья России. «Она забыла уже словацкий, но, когда я хаживал к ним и читал из словацких газет и книг, — писал для журнальной заметки П. Илемницкий, — часто ей на глаза наворачивались слезы»²⁶.

²² Собственные наблюдения автора на кладбищах сел Текос и Тешебс Краснодарского края РФ в 2005 г.

²³ *Andrš B.* Op. cit. S. XVII. Fot. Hřbitov v České Alexandrovce s náhrobky českých evangelíků.

²⁴ Книга Памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР / Авт.-сост.: Б. Чаплицкий, прелат, И. Осипова. М., 2000. С. XVI.

²⁵ О истории постановки в 2010 г. памятника «Католикам СССР — епископам, священникам, монашествующим и мирянам, всех обрядов и национальностей — жертвам политических репрессий» в Левашово. — См.: *Пожарский К., свящ.* Левашовская пустошь // *Rodacy* (Соотечественники). 2010. № 4. С. 27–28.

²⁶ *Jilemnický P.* Slováci v Rusku // *Spisy*. Bratislava, 1980. Zv. 8: Publicistika, 1. S. 266.

Конечно, жизнь диаспоры в СССР была неразрывно связана со всеми реалиями советского общества, которые влияли и на восприятия его членов. Для советского лексикона привычным было определение *чехословак*. Обозначенным признаком здесь могла быть не только государственная принадлежность, но также и партийная. Мемуары Б. Бажанова, несмотря на дискуссионность приводимых в них фактов, хорошо передают обстановку, правила и формы, присущие работе советского учреждения в 1920-х гг. Не менее значим для нас и социальный опыт мемуариста, знавшего действительность русско-украинского национального противостояния, четко фиксировавшего детали восприятия человека в этнонациональных категориях и пр. Достаточно пространно повествуя о судьбе репрессированного технического специалиста, Бажанов, называя его «чехословацким техником», в первую очередь за номинацией *чехословацкий* подразумевает партийную принадлежность²⁷. Об этом необходимо помнить при проведении научно-практической мемориальной работы. Особенно если требуется дифференцирование жертв как по национальной, так и по партийной принадлежности.

Ключевое место в судьбах выходцев из Чехословакии занимает Вторая мировая война. На оккупированной советской территории в составе вермахта, словацкой и венгерской армий оказались интересующие нас лица. Значительная часть из них продолжила свое пребывание на советской территории в качестве военнопленных, многим удалось принять участие в вооруженной антифашистской борьбе в составе партизанских отрядов либо созданных в СССР чехословацких вооруженных формирований.

В контактах с местными жителями в период оккупации словаки (военнослужащие словацкой армии) могли именовать себя как словаками, так и чехословаками. Объяснить это можно желанием присоединить себя к общности граждан стран антигитлеровской коалиции, а также прежним опытом тесной жизни в едином государстве. Случалось так, что при переезде из Словакии в Чехию словак Фера Б. из-за противоречивости межнациональных отношений «начинал бояться, стыдиться своего словацкого происхождения и стремился разговаривать только по-чешски»²⁸. На оккупированной территории, несмотря на словацкий мундир, языком коммуникации с немцами для него оставался чешский²⁹. Попав в фашистский лагерь за неудачную попытку перехода на советскую сторону, в общении с заключенными он называет себя сам чехословаком³⁰. В других условиях местное население, больше знакомое со словацкими военнослужащими, за последних могло принимать чехов и других славян из вермахта. Штепан В., военный служащий вермахта, считавший себя чехом уроженец Тешинской Силезии (мать из местного чешского населения, отец из Восточной Словакии), на оккупированных территориях Украины в контактах с населением мог восприниматься как словацкий военный служащий или даже как коренной житель другой части

²⁷ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 56–57.

²⁸ Červenák J. Odeskí partizáni. Spomienky po dvadsiatich rokoch. Banská Bystrica, 1964. S. 15.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. S. 29.

СССР, поступивший на службу к немцам³¹. Интерпретировать такое восприятие можно по-разному — как общением местного населения со словацкими солдатами, так и «словацким» (вероятно, восточнославянским) происхождением отца солдата. В целом местное население в подробностях национального состава оккупационных частей ориентировалось вполне свободно. На словаков-постояльцев возникал своеобразный конкурс, связанный с их активной помощью местным жителям³². Нередки были и нелегальные по отношению к командованию, но законные (заключенные в православных церквях или старостами) браки словацких военнослужащих и местных девушек³³.

Схожее восприятие было и у осведомленного в политических реалиях войны руководства партизан. «В этих местах стояли чешские и словацкие части»³⁴, — вспоминал детали одной из военных партизанских операций В.И. Козлов. В действительности самостоятельных национальных чешских подразделений не было на Восточном фронте. Эту оговорку можно объяснить простой ошибкой, связанной с наличием чехов в вермахте³⁵. Однако пристальное изучение воспоминаний и биографии Козлова не позволяет списать данное упоминание на небрежность мемуариста. Опытный партийный руководитель³⁶ генерал Козлов с начала военных действий становится уполномоченным ЦК КП(б) Белоруссии по организации партизанского движения в немецком тылу. Видный командир партизанского соединения, первый секретарь подпольного обкома партии³⁷. Не менее важно, что Козлов, принимая участие в третьем всеславянском митинге в Москве³⁸, был вовлечен в деятельность по формированию широкого всеславянского антифашистского Сопротивления. Рассказывая об имеющей стратегическое значение операции по взрыву моста через реку Птичь, генерал не единожды упоминает чехов и словаков в одном контексте, где-то по партийному именуя антифашистов чехословаками, где-то, скорее, сокращая, — просто чехами³⁹. Упоминание чехов в первую очередь было обусловлено их реальным активным участием в антифашистской борьбе вместе с партизанами. «И в дальнейшем чехи, словаки, румыны, поляки много помогали минскому соединению. <...> Так было с чехами и словаками, стоявшими в Слуцке, со словаками и румынами, несшими охранную службу в окрестностях Минска...»⁴⁰

Вооруженный конфликт влечет за собой резкую и порой неоднократную смену границ, режимов и критериев лояльности к ним. В мемориальной работе необходимо учитывать обусловленные войной и, шире, политикой новые формы

³¹ Emmert F. Češi ve wehrmachtu. Zamlčované osudy. Praha, 2005. S. 34, 42–44.

³² Červenák J. Op. cit. S. 18.

³³ Falt'an S. Slováci v partizánských bojoch v Sovietskom sväze. Bratislava, 1957. S. 125–126.

³⁴ Козлов В.И. Люди особого склада. М., 1952. С. 312.

³⁵ Falt'an S. Op. cit. S. 88.

³⁶ До Великой Отечественной войны В.И. Козлов работал вторым секретарем Минского обкома партии. См: Козлов В.И. Указ. соч. С. 3.

³⁷ Козлов Василий Иванович // Военная энциклопедия. М., 1999. Т. 4. С. 88.

³⁸ Козлов В.И. Указ. соч. С. 301.

³⁹ Там же. С. 311–316.

⁴⁰ Там же. С. 318.

идентификации, создающие вариативность в индивидуальной и коллективной идентичностях. Большое значение имеет и весь предыдущий социальный опыт участников конфликта. Отказ от каждой из этих двух позиций может привести к серьезным упрощениям. Данные исследований об эволюции учета военнопленных⁴¹ позволяют говорить о противоречивом развитии критериев учета, обусловленных практическими нуждами и резкой сменой ситуации. Документы по учету личного характера также свидетельствуют о противоречивом характере реальности, например, при выделении главного критерия для национальной идентификации военнопленного в триаде этническое происхождение (национальность) — гражданство — национальная принадлежность вооруженных формирований.

Выбор одного из вариантов национальной принадлежности самим индивидом часто носил ситуативный характер. При этом ситуативность выбора еще не означала только поверхностный, прагматический характер его мотивации. Венгерский писатель И. Эркенъ, описывая реалии 188-го лагеря⁴², показывает, как один и тот же происходивший с территории «Карпатской Украины» человек из прагматических соображений «в короткий период четыре раза менял отечество, объявляя себя евреем, румыном, венгром и чехословаком»⁴³. Однако превалирование в объяснении самоидентификации лишь прагматического мотива может привести к однобокой интерпретации. К примеру, активизация среди участников антифашистского движения в СССР общеславянской идентичности может интерпретироваться сугубо в плоскости прагматического выбора. При такой посылке ее появление трактуется как искусственное, связанное исключительно с насаждением старых, имперских и лишь слегка модернизированных советской администрацией конструктов. Данной позиции легко противопоставить рефлексию совсем недавнего, личного социального опыта военнопленного. Возвращаясь к приведенному примеру по 188-му лагерю, мы обратимся к неопубликованным памятным запискам славян, которые принимали участие в антифашистском движении военнопленных⁴⁴. В них наряду с типичной для таких материалов идеологической риторикой, восхваляющей советский строй, часто присутствует повествование о своем реальном опыте на фронте и в плену.

Чехи, словаки, поляки в сложившихся обстоятельствах более сильно ощущали свое славянское происхождение. Череда схожих событий непростой жизни солдата-славянина в чужом мундире объединяла их. Чувство славянской общности также усиливалось за счет контраста негативных представлений о восточных славянах и лучшей реальности. Переход на советскую сторону становился возможным после внутренней победы над страхом встречи с неизведанным, которое, по бытовавшим представлениям, сулило неминуемый расстрел, варвар-

⁴¹ См., например: *Всеволодов В.А.* «Арифметика» и «алгебра» учета военнопленных и интернированных в системе УПВИ НКВД-МВД СССР в период 1939–1956 // Трагедия войны — трагедия плена. М., 1999. С. 24–57.

⁴² Сам И. Эркенъ находился в лагере № 188 с сентября 1943 по январь (?) 1945 г. См: *Варга Е.-М.* Послесловие. Глазами историка // *Эркенъ И.* Народ лагерей. М., 2006. С. 218.

⁴³ *Örkény I.* *Lágerek népe.* Budapest, 1984. 89. old.

⁴⁴ РГВА. Ф. 4 / п. Оп. 27. Д. 12. Л. 1–14.

ские условия, унижение и т. д. «Попав в плен, жизненные силы тотчас покинули меня, пропала надежда выжить»⁴⁵. Пережитое словаком из Кошице Йозефом Ж. острое чувство было знакомо многим. Сработала неустанно твердившая пропаганда, что «каждого пленного убивают»⁴⁶. Однако еще на фронте, в занимавшейся ремонтом дорог советской воинской части, у него «появилась возможность узнать, какая разница между венгерской и Красной армией»⁴⁷. Особенно его поражало «насколько были сплочены гражданское население и Красная армия, офицеры и рядовые»⁴⁸.

Чувство солидарности, общей борьбы против фашизма оставалось и в лагере. Для чиновника из Брно Т. Карела-Яна работа за пределами лагеря предоставила возможность ближе познакомиться с русскими. «Здесь в совершенстве можно было узнать добродушие, трудолюбие и жертвенность, которые являются прямой характеристикой для русского народа»⁴⁹. Знакомство с обычными русскими, совместная работа с ними формировали представления о славянском единстве в среде славян-военнопленных. В плену также продолжало существовать памятное по реалиям фронта разделение на славян и немцев. Нередко случалось, что ключевые должности во внутренней лагерной администрации доставались немцам, которых, как правило, было большинство. Представителей меньшинства дискриминировали, отсылали на самые тяжелые работы за пределы лагеря. Возникало устойчивое ощущение: «Мы в плену у немцев, а не у русских»⁵⁰.

Подводя итоги, можно сказать, что вопрос соотношения представлений о национальной принадлежности жертвы в прошлом и современности стоит рассматривать в двух взаимосвязанных, но самостоятельных сферах. Первая — связана с политикой в области исторической памяти, реализуемой через разные формы научно-практической архивной, музейной, образовательной работы. Вторая — лежит непосредственно в области исторической науки и заключается в реконструкции и научном осмыслении прошлого.

Затронутые нами сюжеты показывают, насколько существовавшие условия влияли на восприятие чехов, словаков и русинов в СССР. В деятельности по увековечиванию памяти важно учитывать исторический контекст жизни общества как в стране их происхождения, так и в СССР. Когда, например, номинация *чехи* выступает как сокращенный вариант для чехов и словаков, за обозначением *чехословак* скрывается не только государственная, но и партийная принадлежность, записи в персональных документах не отражают представления людей о самих себе и т. д. Для уточнения таких деталей часто нельзя обойтись без обращения к дореволюционному прошлому. В первые десятилетия советской власти старые традиции имели существенное значение. Особенно они заметны в жизни чешских поселений в 1920-х гг. Их влияние присутствует и в 1930-х гг. По-своему

⁴⁵ Там же. Л. 12.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 13.

⁵⁰ *Örkény I.* Op. cit. 115. old.

они проявили себя в годы Второй мировой войны, когда идеи общеславянской взаимности обрели новую силу, заняли важное место в реальной жизни.

Решение существующих проблем в мемориальной работе должно опираться на изучение вариантов национальной идентификации индивида и определяющих ее исторических условий. Жизнь каждого из них дает уникальную мозаику идентификаций по разным основаниям. В сумме идентификации слагали уникальную картину идентичности конкретного человека. Взять за основу модель, построенную лишь на одной или нескольких схожих биографиях, и использовать ее в деятельности по увековечиванию памяти было бы непростительной ошибкой. Это неминуемо привело бы к исключению за ее рамки огромного числа жертв, судьбы которых не вписываются в выбранную схему. Данное затруднение вполне преодолимо посредством надлежащего выбора критерия для выделения группы пострадавших.

На наш взгляд, оптимальным будет сместить акценты при определении данного критерия с индивидуальной идентичности к лимитирующим ее условиям. В практической области мемориальной работы этого можно добиться, поскольку формы увековечения памяти всегда ограничены территориально (поселение, лагерь, место формирования части, гибели и т. д.) и тематически (верующие, военнослужащие, пленные и др.). Учитывая это, появляется возможность за основу определения группы пострадавших брать не один из вариантов идентичности, а доминантные факторы (условия), определявшие общность данной группы. Как правило, данные условия выражались в весьма конкретных социальных институтах, формах общественного взаимодействия и т. д. Естественно, что степень их влияния на каждого индивида была различной. Религиозная община на практикующего верующего и неверующего влияла по-разному. Однако, когда она лимитировала матримониальные связи, образование и пр., для обоих ее функционирование было не менее важно. Существенно различаются формы антифашистской деятельности в глубоком немецком тылу, на фронте, в плену. Разными рисками, мотивацией участников, результатами и пр. характеризуется борьба перешедших к партизанам и работающих в лагере пленных-антифашистов. Вместе с тем на тот момент общим определяющим фактором для них было всеславянское антифашистское движение.

Такой подход позволяет гармонизировать естественное противоречие между желанием учесть как можно больше уникальных человеческих судеб и необходимостью использования обобщенных критериев при определении групп пострадавших. Более того, его использование дает возможность избежать существующих искажений в мемориальной работе, когда определенные группы жертв игнорируются. Тем самым открывается перспектива формирования более полного представления о прошлом.

С.И. Михальченко
(Брянск)

СЛОВАКИЯ И ПОДКАРПАТСКАЯ РУСЬ 1920-х гг. В «ВОСПОМИНАНИЯХ» Е.В. СПЕКТОРСКОГО

Многие из русских эмигрантов первой волны, оказавшись в странах Европы в начале 1920-х гг., оставили в своих мемуарах важные свидетельства политики, экономики, культуры, а также бытовых особенностей жизни населения этих государств. Не стала исключением и только что образовавшаяся Чехословакия. Весьма ценными свидетельствами чехословацких реалий 1920-х гг. являются хранящиеся в архиве Института Восточной Европы Бременского университета «Воспоминания» выдающегося обществоведа Е.В. Спекторского (1875–1951). «Воспоминания» долгие годы считались утраченными при бегстве Спекторского из Любляны в конце апреля 1945 г. К счастью, эта информация оказалась ошибочной, рукопись сохранилась и сейчас находится в архиве Института Восточной Европы Университета Бремена (Германия)¹. Текст хронологически охватывает всю жизнь Спекторского до начала 1930-х гг., причем изложение обрывается на полуслове. В нем содержится множество подробностей как частной жизни Спекторского, так и событий эпохи, свидетелем которых он был. Мемуары, судя по замечаниям в тексте, создавались автором в годы Второй мировой войны, когда он жил в Любляне.

В дореволюционный период он прошел весь путь вузовского преподавателя — от магистранта до профессора, преподавал в Варшавском и Киевском Св. Владимира университетах². Эмигрировав в 1920 г., Спекторский не только продолжил за границей активную научную работу, но стал одним из организаторов исследовательской и учебной деятельности русской диаспоры: в 1924–1927 гг. был профессором и деканом Русского юридического факультета в Праге, участвовал в основании Русского научного института в Белграде, являлся в 1928–1930 гг. председателем его правления. Научная и организаторская активность Спекторского не прекращалась вплоть до его кончины в США, где он в 1947–1951 гг. был профессором Свято-Владимирской православной духовной академии в Нью-Йорке.

¹ Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv F. 01–30.230 (Вонач, Vladimir), е.х. II. См. подробнее: *Михальченко С.И.* Документы Е.В. Спекторского в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 64–68.

² Его биографические данные см.: *Поляков А., Тимошкина Е.* Спекторский Е.В. // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в.: Энцикл. биогр. слов. М., 1997. С. 592–593; *Ульяновский В., Короткий В., Скиба О.* Останній ректор Університету Святого Володимира Євген Васильович Спекторський. Київ, 2007.

Большую часть эмигрантского периода своей жизни он провел в Югославии (до 1929 г. — Королевство сербов, хорватов и словенцев [КСХС]), поэтому основное внимание в эмигрантском разделе мемуаров уделено этому государству³. Но и чехословацкие реалии не оставили его равнодушным.

Автор уже обращался к характеристике Спекторским пражского периода его эмигрантской жизни⁴. В настоящей статье основное внимание будет уделено Словакии и Подкарпатской Руси. Кроме понятного интереса ученого и путешественника Спекторского влекли в ЧСР и старые, еще дореволюционные, связи. В Братиславе жили его варшавский коллега филолог В.А. Погорелов, «женатый на мадьярке медик С.С. Груздев, человек крайне правых воззрений», а также еще один филолог-киевлянин Е.Ю. Перфецкий, который «примкнул к украинцам»⁵.

Словакию Е.В. Спекторский посещал, приезжая из КСХС и уже будучи преподавателем Русского юридического факультета в Праге в середине 1920-х гг.

Прежде всего Спекторского привлек вопрос о положении нечешских земель в рамках нового государства. Как юрист, немало времени уделивший изучению типов и форм государства⁶, Спекторский отмечал фиктивный характер вновь образованной федерации, называя политику Праги «внутренним империализмом»: «В мае 1918 года Масарик, возглавлявший чешский заграничный “одбой”, заключил в Питтсбурге со словацкими представителями соглашение, по которому отношения между Чехией и Словакией получали характер федеративной координации. Но вместо того была установлена унитарная субординация. В своих воспоминаниях Масарик оправдывался тем, что он был не более как частным лицом, когда подписывал соглашение со словаками. Это не помешало многим словакам, особенно клерикалам со священником Глинкой во главе, стать в оппозицию к Чехословакии. И в Америке стали распространяться открытки, изображавшие Глинку с Питтсбургским соглашением в руках. Подкарпатская Русь добровольно присоединилась к Чехословакии с тем, чтобы получить автономию с местным представительством. Это было подкреплено Сен-Жерменским договором. Обо

³ Подробнее об этом: *Михальченко С.И.* Славянская Европа 1920-х годов глазами русского эмигранта // Вестник Орловского государственного университета: Серия: Новые гуманитарные исследования. 2011. № 2. С. 25–28; *Он же.* Политика и повседневность Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев глазами русского эмигранта // Проблемы славяноведения. Брянск, 2012. Вып. 14. С. 175–182.

⁴ См.: *Михальченко С.И.* Чехословакия середины 1920-х годов (по неопубликованным «Воспоминаниям» Е.В. Спекторского) // На рубеже культур: русская эмиграция в межвоенной Чехословакии. М., 2012. С. 90–97; *Он же.* Русский Юридический факультет в Праге в 1920-е годы (по неопубликованным материалам) // Материалы Международного научного конгресса «История семьи — история народа», состоявшегося в рамках Перекрестного года «Россия и Испания — 2011» в г. Сантьяго-де-Компостела, 23–25 ноября 2011 г. М.; Рязань, 2012. С. 270–275.

⁵ *Спекторский Е.В.* Воспоминания // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv F. 01-30.230 (Bonač, Vladimir), е.х. II. Л. 696.

⁶ *Спекторский Е.В.* Самоопределение и нации // Народоуправство. 1917. № 8 (1 сентября). С. 2–4; *Он же.* Государство. Петроград, 1918; *Он же.* Кризис современного государства // Русские сборники / Под ред. Э. Гримма и К.Н. Соколова. София, 1921. Кн. 2. С. 40–56; *Он же.* Начала науки о государстве и обществе. Белград, 1927.

всем этом специально упоминается в третьем параграфе Конституции. Но автономия так и осталась на бумаге. И чехи занялись сначала украинизацией, а потом просто чехизацией этой области. Местное неудовольствие использовали мадьяры, напомнившие, что под конец войны они предлагали карпатороссам широкую автономию»⁷.

Важной частью политической системы ЧСР были многочисленные партии, существовавшие в молодом государстве. Автор мемуаров вновь обратил внимание на роль национального фактора в политике. Спекторский остроумно замечал, что «своеобразной особенностью политического строя Чехословакии было то, что, вопреки призыву Маркса к пролетариям всех стран, чтобы они объединились, не могли объединиться даже представители пролетариата одной этой страны». Расшифровывая этот тезис, он писал: «Существовали две партии социал-демократов, чешская и немецкая. Одна входила в правительство, другая была в оппозиции. Очевидно, национальное начало было сильнее экономического. Подобным же образом и интересы, казалось бы, вселенской католической церкви представляли четыре клерикальные партии: чешская, с монсеньором Шрамеком во главе, словацкая, возглавлявшаяся патером Андреем Глинкой, немецкая и мадьярская. Получавшие из Москвы руководство коммунисты на выборах в 1925 году оказались второй по численности парламентской партией»⁸.

В целом политическая жизнь Чехословакии оценивалась им критически. «Политическое засилье легионеров, соревнование партий, подрывная работа коммунистов и недовольство многолюдных меньшинств отравляли жизнь молодого государства», — подчеркивал ученый. «Симптомом того, что в нем не все было благополучно, была гибель двух его лучших сынов, — замечал Спекторский. — Доблестный воин и честный политик словак Штефаник был подстрелен на границе, когда летел из Парижа в Прагу, где его должна была ожидать триумфальная встреча. Официально это объяснялось тем, что, по ошибке, его аэроплан был принят за иностранный и почему-то — враждебный. Неофициально же многие видели в этом заранее обдуманное намерение. И сотрудник Крамаржа, разделивший с ним тюремное заключение, Рашин, который создал государственные финансы и поставил их на прочную основу, пал жертвой пули несовершеннолетнего убийцы, как говорили, нанятого теми, кому его деятельность не нравилась»⁹.

Политика не могла не отразиться на науке и образовании. В 1929 г. Спекторский посетил съезд славянских филологов, который проходил в нескольких городах Чехословакии. Когда участники съезда приехали в Братиславу, один из участников, чешский ученый профессор Пражак, по словам Спекторского, «опять прославлял Наполеона и гуманизм. Этот гуманизм проявился, между прочим, в том, что чешские профессора Братиславского университета не взяли себе в ассистенты ни одного словака; и при закладке одного университетского здания грамота была составлена на чешском языке, что вызвало бурный протест со стороны словаков»¹⁰.

⁷ Спекторский Е.В. Воспоминания... Л. 531–532.

⁸ Там же. Л. 546.

⁹ Там же. Л. 546–547.

¹⁰ Спекторский Е.В. Воспоминания... Л. 819.

В 1926 г. Спекторский посетил Прикарпатскую Русь. Это регион привлекал представителей русской диаспоры в Европе своей внешней похожестью на родные реалии¹¹. Как и многие другие русские эмигранты, Спекторский принял участие в праздновании дней русской культуры, регулярно проводившихся в Прикарпатье. «Празднование дня русской культуры состоялось в городском театре, — вспоминал Спекторский. — Председатель общества имени Духновича Каминский перечислил русских деятелей родом из Карпатороссии и кончил заявлением, что, если теперь каждый славянский народ объединяется и образует государство, то почему бы не объединиться и всему русскому народу. Чешский школьный референт Шимек произнес речь по-чешски. Начал говорить о славянстве, а кончил казенным “гуманизмом”. Затем выступил доктор Антал, говоривший по-мадярски. В его речи я понял только две вещи: Достоевский и Верещагин. Его выступление имело некоторый политический привкус. Дело в том, что у мадяр восемьсот лет существовал *dux Russorum*. Это звание носил габсбургский престолонаследник. Кошут прославлял *gentem fidelissimam* карпатороссов. И в 1918 году мадяры дали им министерство и автономию, т. е. больше того, несмотря на торжественное обещание, дали чехи. Мадьяр поддерживали евреи. После мадяра говорил я. К числу упомянутых Каминским ученых из Подкарпатской Руси я прибавил В.Э. Грабаря, который возвел меня в степень магистра. Затем охарактеризовал русскую культуру как национальную, общечеловеческую и молодую»¹². На этом пребывание Спекторского в Ужгороде не закончилось — на следующий день он нанес визиты местным деятелям. «Посетил Каминского. Он готовил к печати книгу, в которой впервые должны были быть помещены полностью меморандумы Бенеша о Карпатской Руси. Уверял, что словацкие крестьяне дураки, а карпатские — философы. Высказался за общерусский язык, но с сохранением местного произношения: *со́вет, ’язык. Служащий “школьной помощи” Н.П. Малицкий показал мне общежитие и типографию, устроенные Брешко-Брешковской. Вечером я читал лекцию о Пушкине...»*¹³ Затем, посетив Мукачево, Спекторский вернулся в Прагу.

Пребывание в Закарпатье навело ученого на ряд обобщений, которые он записал в мемуарах. По его мнению, «чехи там вели империалистическую политику». Так, «в Ужгороде устраивались демонстративные съезды чешских учителей и легионеров. От местных чиновников потребовали, чтобы они экзаменовали по чешскому языку. Из 26 человек выдержали только 3, ибо экзаменатор спрашивал подробности о каких-то средневековых чешских писателях. Особым циркуляром чиновникам было предписано присутствовать на праздновании юбилея Палацкого. Чехам явно хотелось вытеснить русский язык», — заключал он¹⁴. Но попытка чехов вытеснить русский язык, например, украинским не увенчалась успехом. «Польские горы» отделяют Карпатскую Русь от Галиции. И посему до прихода чехов население и не слыхало ничего об украинстве, — полагал

¹¹ См.: *Mikhalchenko S.I. Ruský spisovatel' Ivan Šmel'ov o Československu v roku 1937 // Východná dilemma strednej Európy. Bratislava, 2010. S. 189–193.*

¹² *Спекторский Е.В. Воспоминания... Л. 675–676.*

¹³ *Спекторский Е.В. Воспоминания... Л. 677.*

¹⁴ Там же. Л. 678–679.

Спекторский. — Местная интеллигенция, например о. Раковский, решительно осуждала попытку искусственно заменить русский язык какой-то “галимафией”. На страже русского языка было общество имени Духновича, несмотря на то, что в нем преобладали униатские священники... Миллионы, затраченные Прагой на украинизацию, отчасти были непроизводительно израсходованы, отчасти были просто разворованы чешскими окраинными чиновниками, среди которых оказались и взяточники». Наконец, заключал Спекторский, чтобы «порвать все исторические традиции, чехи перенесли административный центр Подкарпатской Руси в Мукачево, а часть “стольного града” Ужгорода, находящуюся за рекой, хотели даже передать Словакии»¹⁵.

Бытовые наблюдения Спекторского за прикарпатскими реалиями также были весьма любопытны. Ужгород на него произвел впечатление наполовину Житомира, наполовину Земуна (пригорода Белграда): «На базаре продавались полотенца, недурные керамические изделия. Крестьянские девушки были в гофрированных юбках и сапогах с чем-то вроде шпор. По городу непрерывно двигались эскадрон кавалерии, рота пехоты и батарея артиллерии. На мой вопрос, зачем они дефилируют, мне ответили: для поднятия престижа чешской власти в базарный день»¹⁶. Сельское же население жило в курных избах, по несколько неожиданному мнению мемуариста, «скорее из скупости, вследствие дороговизны труб, чем из невежества, ибо все они были связаны с Америкой. ...Не доверяя чешским сберегательным кассам, крестьяне прятали получавшиеся ими из Америки доллары под пол своих изб, где они иногда поедались крысами, иногда же пропадали вследствие частых пожаров». Спекторский отмечал, что у крестьян еще оставалось много языческих пережитков: Троицу называли «Русами», Рождество — «Карачун». При этом «православных священников предпочитали униатским, ибо их считали менее корыстолюбивыми»¹⁷.

Непосредственное знакомство Спекторского со Словакией ограничилось, по сути, только Братиславой и ближайшими ее окрестностями, которые он посещал по дороге из Белграда в Прагу. Братислава была первым городом западноевропейского типа, в который ученый попал в 1922 г. после полутора лет жизни на Балканах. Он вспоминал: «Это немецкий Прессбург, соединенный с Веной трамваем, и мадьярская Москва, Пошони, место венчания короной св. Стефана и столица до конца XVIII века»¹⁸. «До Братиславы я ехал на пароходе, — продолжал вспоминать Спекторский. — Вопреки названию Штраусова вальса “Auf dem schönen blauen Donau” [Дунай] оказался и некрасивым, и не голубым. Широкая, но к концу лета мелководная река уныло катила свои желтые волны среди плоских берегов, заросших вербами, между которыми виднелись цапли, стоявшие на одной ноге»¹⁹.

Таковы почти все зафиксированные впечатления Спекторского от восточных земель Чехословакии межвоенного периода. Они, несомненно, вносят новые краски в восприятие этих славянских земель русскими.

¹⁵ Спекторский Е.В. Воспоминания... Л. 679.

¹⁶ Там же. Л. 675.

¹⁷ Там же. Л. 679–680.

¹⁸ Там же. Л. 550.

¹⁹ Там же. Л. 548.

М. Даниш
(Братислава)

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ЙОЗЕФА БЕЛАЙЯ В МОСКВЕ В 1939–1940 гг.

Йозеф Белай оставил записки о первых месяцах работы словацкого дипломатического представительства в Москве. Автор статьи, посвященной внутренней жизни Посольства СР в Москве в 1939–1941 гг., Д. Шмигула привел о нем лишь несколько скупых замечаний, отметив в заключении работы, что следы его деятельности теряются¹. На дипломатическую миссию в Москву Д. Шмигула направился в качестве секретаря посольства вместе с Франьо Тисо, полномочным посланником, его личным водителем Й. Фодором и в сопровождении секретаря посольства Йозефа Белайя.

До Москвы они ехали самостоятельно на машинах через Берлин, где получили визы, а затем через Польшу и Прибалтику, где шофер Тисо Й. Фодор совершил аварию². Из-за плохих дорог они продолжали свой путь по территории Советского Союза поездом. Чрезвычайный посланник Франьо Тисо прибыл в Москву 11 декабря 1939 г.³ Вместе с Йозефом Белайом (в то время он еще употреблял свою фамилию в форме «Беллаи»)⁴ они разместились в комфортабельном отеле «Националь», который находился вблизи Кремля и старого здания Московского университета⁵.

В отчетах о деятельности посольства за 1940 г. мы находим следующие данные о персональном составе дипломатического представительства СР в Москве: посланником был Франьо Тисо, секретарями — Йозеф Белай (Беллаи) и Гейза

¹ Šmihula D. Vnútorný život na vyslanectve Slovenskej republiky v Moskve v rokoch 1939–41 // Historický časopis. 1998. Roč. 46. Č. 3. S. 496.

² На этом основании Тисо позже отослал водителя как ненадежного обратно в Словакию. Для обеспечения персоналом дипломатического представительства Тисо в начале 1940 г. вернулся в Братиславу.

³ Франьо Тисо (1891–1974) был двоюродным братом президента республики Йозефа Тисо и братом Штефана Тисо. Родился в г. Бытча, изучал теологию и право, работал в Тренчине и Брно преподавателем гимназии. В 1938–1939 гг. являлся генеральным директором Крестьянского банка в Братиславе.

⁴ Даниель Шмигула указывает в своей статье, что Йозеф Беллаи происходил из помещицкой семьи из Поважского региона и работал в Москве до июня 1940 г.

⁵ Супруга посланника Франьо Тисо Ида приехала в Москву годом позже, в декабре 1940 г. См.: Šmihula D. Vnútorný život na vyslanectve Slovenskej republiky v Moskve... S. 479.

Крно, заведующим архивом — Микулаш Гацек⁶, заведующим канцелярией посольства — Ян Муравски, в качестве административно-технических сотрудников работали Войтех Балтай и Алоиз Крижан, а также водитель Карол Бадик. В посольстве трудились и двое советских граждан: водитель В.Г. Шишкин и завхоз Ф.Л. Соколов⁷. Йозеф Белай работал в Москве до лета 1940 г. Затем обязанности секретаря посольства выполнял один Г. Крно, который оставался до июня 1941 г., когда Словакия после 22 июня 1941 г. разорвала дипломатические отношения с Советским Союзом, а представительство словацких интересов в СССР взял на себя шведский посланник. Еще в мае 1941 г. Франьо Тисо на посту посланника заменил Юлиан Шимко⁸. Это произошло уже в такой обстановке, когда почти каждый с беспокойством ожидал дальнейшего развития событий в советско-германских отношениях. 26 июня 1941 г. сотрудники словацкого посольства под контролем агентов НКВД были перевезены в Мичуринск. 5 июля их транспортировали в Ленинкан, а 12 июля им сообщили, что по договоренности с Турцией их обменяют на советских граждан. На турецкой пограничной станции Кизил-Чакчак представители советского и турецкого правительства составили протокол, в котором констатировался переход словацкой дипломатической миссии на турецкую территорию. 16 июля она была в Анкаре, а на следующий день — в Стамбуле. 23 июля сотрудники словацкого посольства прибыли в Загреб, где их принял словацкий посол Карол Мургаш. В этот же день они отправились в Вену. В конечном итоге дорога из Вены до Братиславы оказалась наиболее хлопотной, поскольку в Братиславе о них вспомнил только личный водитель посланника Шимко, который приехал за ними по собственной инициативе. В результате работники словацкого посольства в Москве вернулись в Братиславу в час ночи 24 июля 1941 г.⁹

Деятельность словацкого посольства в Москве в политической области определялась зависимостью СР от Германии, что ясно осознавали все сотрудники посольства. Словацкое посольство тесно сотрудничало с германским посольством и другими дипломатическими миссиями стран Оси, прежде всего с болгарским представительством. Понятно, что отношения с венгерским посольством были более сложными, но на личном уровне, в сущности, нормальными, что объяснялось, в частности, и хорошим знанием венгерского языка многими членами словацкой дипломатической миссии (по-венгерски говорил и Йозеф Белай). Словацкое посольство не стремилось проводить по отношению к СССР, так сказать, высокую политику, а сосредоточивалось главным образом на текущей работе, поддержании стандартных дипломатических контактов, информационной работе о событиях в СССР и о состоянии международной политики на уровне

⁶ Микулаш Гацек также оставил весьма подробные записки о своей работе в Москве. Они хранятся в Архиве литературы и искусства Матицы Словацкой (ALU MS) в Мартине.

⁷ Отчет о деятельности посольства за 1940 г. Slovenský Národný archív (SNA). Фонд Министерства иностранных дел Словацкого государства (далее — F. MZV SŠ). Kart. 198.

⁸ Hlava B. Julián Šimko — slovenský ambasádor v Moskve. Ťažký údel diplomata // Historická revue. 1997. Č. 5. Roč. VII. S. 21–22.

⁹ Личный фонд Микулаша Гацека. ALU MS v Martine. F. 115 O-12. Náš Moskovský vyslanec, Dr. Julián Šimko.

консультаций с теми членами дипломатического корпуса, с которыми находилось в контакте¹⁰.

С Йозефом Белайем я лично познакомился в 1997 г., собирая материалы о крупном словацком дендрологе Йозефе Мишаке. Его родственницей была Мария Альжбета Белайова, супруга Йозефа Белая. Так интерес к личности Йозефа Мишака дал мне возможность познакомиться с семьей крупного словацкого дипломата Йозефа Белая. Его жена, выпускница философского факультета Университета Коменского в Братиславе по специальности книговедение, с 1939 г. работала в дипломатическом представительстве в Ватикане, являясь личным помощником Карола Сидора. Мемуары Йозефа Белая я получил с условием, что смогу их опубликовать только после смерти обоих супругов, которые за несколько лет нашей дружбы стали для меня олицетворением семьи христианских интеллектуалов, которые остались верны идее словацкой самобытности несмотря на то, что после 1945 г. впали в немилость нового социально-политического режима. Они не озлобились и всю жизнь жили в духе христианской морали.

Йозеф Белай (5.8.1911–9.11.2005) в своих мемуарах, написанных в конце 70-х годов прошлого столетия, подчеркнул: «За последние 70 лет в моей жизни ничего особенного не произошло...» И эти слова раскрывают его важнейшее человеческое качество — скромность, которая исходила прежде всего из его невероятно содержательного естества интеллектуала. Такого человека не мог, образно говоря, испортить период относительно краткого карьерного взлета или сломать долгие годы усилий по «приведению в норму и нормализации» состояния его души в духе социалистических реалий.

Йозеф Белай относился к представителям того поколения словацкой интеллигенции, которое сформировалось в межвоенный период первой Чехословацкой Республики и отдало Словакии все ценное, что в нем было, по большей мере без какого-либо постороннего умысла. Интерес к познанию и интеллектуальному миру в нем закладывался и воспитывался в семье с раннего детства. Его отец Йозеф Беллай (изначально Столарик) был известным юристом и жупаном тренчанской столицы¹¹. По отцовым стопам направился и сын, Йозеф Белай. После окончания в 1934 г. юридического факультета Университета Коменского в Братиславе молодой юрист несколько лет работал в Краевой администрации в Братиславе и в Почтовой цензурной комиссии. С ноября 1938 г. его перевели в только что созданное словацкое Министерство внутренних дел, а вскоре после этого — в Министерство экономики. Затем, после создания первой Словацкой

¹⁰ Šmihula D. Op. cit. S. 486.

¹¹ Йозеф Беллай (1871–1950) родился в Турзовке, недалеко от Чадца, в семье кузнеца Яна Столарика. Он учился в средних учебных заведениях Жилины, Нитры и Эстергома. Юриспруденцию изучал в Университете Будапешта. С 1919 г. управляющий гонтианской, а с 1920 г. — и тренчанской области. В 1923–1929 гг. правительственный советник и заведующий городским нотариатом, с 1930 г. заведующий отделом культуры Краевой администрации в Братиславе. В 1924 г. он подарил библиотеку семье Чарадов из усадьбы во дворце вблизи Бановец над Бебравой, которую купил на собственные средства, университетской библиотеке в Братиславе (8 тыс. книг, включая 8 инкунабул). См.: *Belajová M.* Bibliotheca Josephi Bellai // Knižničný zborník. Martin, 1971. S. 225–226.

Республики, в марте 1939 г. он оказался уже в Министерстве иностранных дел, главным образом благодаря его способностям к языкам (он владел большинством мировых языков). С мая 1939 г. он на пять лет стал дипломатом и внес существенный вклад в организацию словацких дипломатических представительств в Советском Союзе, Югославии и Финляндии. В посольстве в Москве он работал секретарем при посланнике Ф. Тисо. Впоследствии в Белграде и Хельсинки он стал уже консульским представителем Словацкой Республики.

После войны он четыре года работал уполномоченным в представительстве по сельскому хозяйству, а в 1948 г. некоторое время был сотрудником Юридического института Словацкой АН, который основал его младший коллега по учебе проф. Й. Ребро. Здесь Й. Белай занимался прежде всего переводами. Политические чистки и репрессии нового режима добрались до семьи Йозефа Белай осенью 1952 г., когда на основании ордера о депортации он в 24 часа был выслан из Братиславы в Тисовец, где был вынужден работать чернорабочим на тисовской Вапенке — каменоломне. Так началась его многолетняя борьба не просто за выживание своей семьи, в которой ему неустанно помогали как жена Альжбета, так и друзья, но и за сохранение своей интеллектуальной сущности. Когда он в середине 1950-х гг. смог получить работу в качестве делопроизводителя в НИИ растениеводства в Пиештянах, то значительную часть своей деятельности посвятил переводам и основал традицию издания ведомственных бюллетеней, в которых публиковались профессиональные переводы статей с большинства европейских языков. Именно переводческая деятельность, благодаря которой он стал авторитетным профессионалом для большинства специализированных научных институтов (Фундаментальная экономическая библиотека, Словацкая медицинская библиотека, Братиславская информационная служба, различные издательства и редакции научных журналов Словацкой АН), легла в основу его работы после возвращения в Братиславу в середине 1960-х гг.

Многогранность личности доктора прав Йозефа Белайя проявилась и в его просветительской деятельности в области шахмат в Словакии, которым он с детства посвящал много времени. В 1939 г. он был, к примеру, членом подготовительного комитета Словацкого шахматного союза и его первым председателем. Из-под его пера вышел первый устав союза, и несколько лет он вел в нескольких словацких периодических изданиях шахматные рубрики.

Йозеф Белай относился к поколению словацких интеллектуалов XX столетия, которое воздвигло себе монумент своим неустанным трудом и страданиями.

Чрезмерно идеологизированный взгляд на период первой Словацкой Республики, равно как и на период социализма, только в иной цветовой гамме, загнал многих достойных и незабываемых словацких ученых и интеллектуалов «под замок». Когда же мы наконец научимся замечать в собственном обществе людей, которые действительно и объективно заслуживают нашего внимания и уважения?

Те, кто знал доктора Йозефа Белайя — обаятельного и остроумного интеллектуала, полиглота и великого поклонника бриджа; шахматиста, который отыграл на шахматной доске жизни сложную, но честную и порядочную игру, — понимают, что память о нем останется навсегда в их сердцах и его жизнь им будет примером на будущее.

Москва 1939–1940

В один из ноябрьских дней 1939 года мне позвонил шеф президиума Др. Клиновский и сообщил, что в течение трех дней мне следует отправиться в Москву с посланником Франьо Тисо для открытия там дипломатического представительства. Изначально планировалось послать вместо меня одного коллегу из Восточной Словакии, но он по некоторым причинам не смог или не захотел поехать. Мой будущий шеф Ф. Тисо со мной был знаком еще со времен моего обучения в тренчанской гимназии, где он занимал должность профессора немецкого языка. Среди новоиспеченных словацких дипломатов было много бывших профессоров-языковедов из средних учебных заведений, ввиду того что они владели хотя бы каким-то иностранным языком.

Так что ничего поделать с этим было нельзя. Мать на скорую руку заказала мне для московской зимы одно длинное парадное и одно короткое меховое пальто, я же купил русский словарь и грамматику и на третий день погрузил все это в «Шкоду Репид» вместе с несколькими пакетами самых необходимых официальных канцелярских принадлежностей, штампов, документов, бланков и отправился в путь по маршруту Прага—Берлин—Кёнигсберг (ныне Калининград)—Рига—Москва. Необходимость в таком круглом пути была вызвана, кроме всего прочего, еще и тем, что незадолго до описываемых событий Польша была опустошена гитлеровским блицкригом и по ней путешествовать не следовало.

Посланник ехал отдельно на служебном мерседесе с шофером Фодором.

Со странным чувством проехали мы через стобашенную Прагу — еще совсем недавно столицу нашего государства, а ныне заграничный протекторат! Я сделал небольшую остановку в словацком Генеральном консульстве в Праге (!!) и отправился дальше. За Дрезденом я впервые в жизни выехал на автостраду, но машин и там было мало. Во время войны абы кто не мог иметь машину, бензин был по талонам, также были и другие всевозможные формальности и ограничения.

В Берлине нам требовалось получить русскую визу и въездные документы, которых мы должны были ждать 3 недели. Из-за этого наше путешествие нежданно и досадно затянулось, ибо стояла пасмурная осенняя погода, короткие дни и к тому еще город был затемнен. Чтобы возможные вражеские самолеты не знали, где Берлин, уличные фонари ночью не светили, дорожных сигнальных ламп было еще мало и на них имелись козырьки, чтобы их сверху не было видно; автомобильные фары мы должны были также затемнить, чтобы оставалась только щелочка в качестве светового ориентира. На автомобиле мог ездить во время войны в затемненных местах только тот, кто в совершенстве знал дорогу. Сам я, разумеется, сразу по приезду в Берлин оставил машину в гараже отеля и вывел ее оттуда только в день отбытия.

Наше берлинское посольство располагалось в дипломатическом квартале, в Тиргартене. Нашим посланником здесь был Матуш Чернак, тоже бывший профессор, который нас учил немецкому языку в гимназии в Братиславе. Чернак уже в бытность профессором любил рассуждать о политике: к нашему удовольствию, он часто давал «политические уроки» («politische Stunden»), которые не имели ничего общего с предписанной учебной программой. Кроме него в представительстве из знакомых были еще секретарь посольства Богуш Писско и Яно

Белнай в качестве торгового атташе. Мы ходили их просить посодействовать нашим русским визам, кроме того, посланник Тисо лично посетил и советского посла в Берлине. И признание Словацкой республики, и налаживание дипломатических контактов с СССР Чернак осуществил при помощи советского посла в Берлине.

По сравнению с мирным периодом, который мы застали летом, в Берлине были заметны существенные перемены, но и так за 3 недели я все посмотрел как турист, мне даже удалось попасть в зоопарк и Ботанический сад. Музеи уже были из-за войны закрыты, и их коллекции перевезены в безопасные места. Я усиленно учился читать и писать по-русски, чтобы у меня была хоть какая-то база. В военных действиях после вторжения в Польшу был перерыв, продолжавшийся примерно до следующего блицкрига в Данию и Норвегию. Когда мы наконец получили визу, то отправились далее уже вместе, и, хотя у посланника была более быстрая машина, мы всегда договаривались о последующем месте встречи. Наиболее короткий путь вел через Варшаву, но через Польшу, недавно опустошенную войной, ехать не рекомендовалось, поэтому мы ехали через Щецин—Кёнигсберг—Гдыню—Данциг. В бывшем польском «коридоре» (из-за которого, собственно, и вспыхнула Вторая мировая война) мы видели следы недавней войны, проехали Гдыню и добрались до вольного города Данциг, где уже снова не было затемнения: город считался достаточно удаленным от Западного фронта и, кроме того, между Германией и СССР был заключен договор о дружбе. Так как в Данциге все отели были заняты, мы продолжили свой путь дальше и заночевали в городке Мариенбург, расположенном также на некогда свободных гданьских землях.

На следующий день нас ожидал этап Мариенбург—Рига через Литву. Независимые балтийские государства формально еще существовали, хотя немцы уже забрали у литовцев южную часть земель, а СССР угрозами вынудил прибалтийские государства заключить договор о «временном» размещении советских войск на их территории.

Посланник и Фодор от меня оторвались на их более быстром мерседесе, и я плелся в одиночестве темной ночью по широкой литовской равнине, по широкому, вероятно, еще имперских времен, шоссе, которое только в центральной части под слоем грязи сохраняло булыжную мостовую, а по краям превратилось в бездонное болото. Целый час лило как из ведра, и грязи было так много, что дворники с ней не справлялись, и я был вынужден несколько раз останавливаться, выходить из машины и протирать тряпкой лобовое стекло. Видимость, разумеется, была минимальной. Машин, правда, не было, но зато здесь попадались крестьянские телеги либо без освещения вообще, либо только слабо освещенные. Короче говоря, я несколько раз чуть не врезался в очередную телегу.

Когда я наконец добрался до латышской границы, то кого же я увидел сидящими у печки — конечно, пана Тису и Фодора! Тисо мне рассказал, что Фодор разбил машину и не хочет ехать дальше без света, пока не рассветет. Мы договорились, что я поеду вперед и остановлюсь в Риге в Отеле де Рома, адрес которого у нас имелся. На латышской территории был приличный асфальт, так что около полуночи по местному времени я уже был в Риге.

Тут мы задержались на три дня из-за ремонта служебной машины, так что я смог осмотреть город, наконец еще мирный город, незатронутый войной. Икупить здесь можно было все, что угодно, без карточек и дешево.

Здесь я впервые увидел советских солдат, на них еще были старые униформы, длинные серые шинели и островерхие шлемы на голове.

Первоначально мы думали, что поедем на машинах до Москвы, но из-за препон в дороге мы потеряли много времени и в Риге застали первый снег. Поэтому мы решили, что лучше погрузить машины и продолжить путешествие поездом, чем пускаться в зимнюю авантюру в незнакомом краю, в котором не имели ни малейшего представления об «автомобильном туризме», как бы мы это сейчас назвали. Фодор уже далее с нами не ехал, так как Тисо на него рассердился из-за аварии и после того, как мы обе машины переместили на одну грузовую платформу, он отослал Фодора обратно в Братиславу.

С юга в Ригу приезжали поезда с европейской, узкой шириной колеи, а на восток отходили составы с русской, более широкой колеей. Первый раз мы ехали «мягким классом» (первым классом) в огромном русском вагоне, в котором радио играло революционные шлягеры, и было в достатке «кипятка» для чая, но в вагоне-ресторане с едой было небогато. В сумерках у Бигосово мы пересекли границу, под воротами с приветственной надписью, и вот мы на советской земле, с ее заснеженными равнинами вплоть до старославной матушки Москвы.

На Белорусском вокзале нас ожидал шеф Протокола Барков, хотя мы никому не сообщали о нашем приезде; понятно, что пограничники из Бигосово известили о нас по собственной инициативе Наркоминдел. Без него нам бы тяжело пришлось, ибо, когда мы начали создавать словачкое представительство в Москве, мы были очень наивны! Но Барков нас отвез в отель Националь, где посланник имел зарезервированные апартаменты, а я получил большой номер со спальным альковом и удобствами. Посланник мог у себя принимать гостей, а в моем номере была временно оборудована канцелярия представительства.

До Москвы мы добрались после месячного плутания незадолго до Рождества 1939 г., в 20-градусные морозы, которые держались вплоть до марта. О русской зиме я еще упомяну отдельно. Мы распаковали наши служебные бумаги и печати, в Берлине мы купили пишущую машинку с азбукой и организовали первые встречи в дипломатическом Протоколе. Потом Тисо принял министр иностранных дел Молотов, а вручение верительных грамот в Кремле происходило прямо на Щедрый вечер, который там не был праздником¹². Вместо Калинина, который в то время был председателем Президиума Верховного Совета, Тисо принял его заместитель¹³.

¹² В то время в СССР была шестидневная неделя, каждый шестой день был выходным днем вне зависимости от того, какой день недели это был. В первое время нашей московской миссии мы в основном сталкивались с личными проблемами, а также с проблемами обустройства представительства.

¹³ Надо полагать, что первую ноту, которую Ф. Тисо вручил Наркоминделу (Народному комиссариату иностранных дел), он сформулировал еще в Словакии. Он подчеркнул в ней идею славянства, сотрудничества национальных будителей, а свою задачу видел в обозначении дружественных намерений. Текст был подготовлен на словацком языке и переведен на французский. См.: Šmihula D. Op. cit. S. 480.

Потом последовал обычный обмен визитками в дипломатическом корпусе и визиты Тисо к шефам миссий государств, с которыми у нас уже были дипломатические контакты.

Мы с нетерпением ожидали прибытия наших автомобилей из Риги, опасаясь, как бы, несмотря на залитый антифриз, в радиаторе не замерзла вода. На третьей неделе нашего пребывания нам доложили о прибытии одного советского гражданина по имени Шшикин, который ранее работал шофером в бывшем чехословацком представительстве в Москве и теперь претендовал на это место у нас. Но ни по-чешски, ни по-словацки, он не знал ни слова, так что я на нем проверял свои первые познания в русском языке. Мы, разумеется, его сразу взяли, так как нам было выгодно иметь постоянного сотрудника, знающего Москву и местную специфику. Он был нам очень полезен, и в конце концов мы подружились. А на следующий день мы получили известие о наших машинах. Должен сказать, что русские проявили о нас всестороннюю заботу, чтобы мы смогли легче справиться с трудностями в этой экзотической для нас стране. Машины на платформе были совершенно запыленные, но вода не замерзла, и нам удалось завести двигатели. Мы их доставили в гараж во дворе виллы на Малой Никитской улице, которую нам выделили для нужд нашего представительства, но мы там еще прежде не были, так что приехали туда впервые. В этом здании уже ранее было посольство Испанской республики после свержения монархии и до революции генерала Франко. С Франко СССР уже не имел дипломатических контактов.

Нас часто путали с Чехословацкой республикой, так как Словацкая республика еще была младенцем в мировой истории. Мы это принимали с доброжелательным великодушием, но когда однажды нам от Интуриста пришел счет за аренду нескольких автомобилей и за трансферт до вокзала в период до нашего прибытия в Москву, мы должны были протестовать его. После долгого и зрелого размышления мы догадались, что как раз в то время Москву покидали сотрудники бывшего чехословацкого посольства, поэтому мы были вынуждены так долго ждать в Берлине советской визы. Посланник Фирлингер еще некоторое время оставался в Москве, и по дипломатической традиции следовало сначала проводить предыдущее посольство, а потом принимать новое.

Когда мы переселялись на виллу на Никитской улице, то наняли еще одного советского гражданина в качестве дворника и уборщика снега, которого было чрезмерно много на дворе, перед домом и даже на крыше¹⁴.

Тисо отбыл в Братиславу, чтобы представить отчет и привезти еще персонал для работы представительства, а также вещи, необходимые для работы.

¹⁴ Словацкое представительство после прибытия в Москву начало вести переговоры о возможности получения здания для словацкого дипломатического представительства. Изначально мы хотели получить здание, оставшееся после чехословацкой миссии, но эта попытка закончилась неудачей. С советской стороны в переговорах принимал участие БЮРОБИН (организация, сдающая в аренду здания иностранным представительским учреждениям) 13.1.1940 была достигнута договоренность об аренде бывшего испанского представительства на Малой Никитской, 18, которое было закрыто после прихода к власти Франко в Испании. См.: Dohoda z 13.1. 1940. SNA F. MZV SŠ. Kart. 198. Территория виллы состояла из главного здания, сада, гаражей и беседки. См. подробнее: Šmihula D. Op. cit. S. 481.

Так что я хозяйничал целый месяц один в качестве временного поверенного в делах (*chargé d'affaires ad interim*) с моими двумя советскими сотрудниками. Заместителя германского посольства Шуленбурга вскоре наделили титулами посланника и чрезвычайного министра, чтобы у него не было необходимости сидеть на официальных мероприятиях ниже, чем его молокосос. Шуленбург тогда играл в Москве первую скрипку, он подготовил пакт Гитлера со Сталиным, позволивший немцам с самого начала воевать на одном фронте. О той на шумевшей тактике тогда много говорилось в дипломатических кулуарах. Как Советы вели переговоры с англо-французской делегацией, и потом как гром среди ясного неба эти делегаты прочитали в газетах о заключении пакта о ненападении с Гитлером. Посольства западных держав из-за этого покинули Москву и вплоть до обновления союзного договора с СССР имели здесь только временных поверенных в делах. Но граф Шуленбург позднее оказался замешанным в заговоре Штауффенберга и в 1944 г. был казнен.

Лучше всего в немецком посольстве я был знаком с секретарем посольства фон Вальтером, который мне много помогал на моем первом и очень тяжелом посту, где помимо служебных тягот я постоянно сталкивался с огромным количеством житейских проблем. Кроме немцев мы также контактировали с итальянцами, венграми, болгарами и некоторыми представителями нейтральных стран.

Мы прибыли в Москву спустя 22 года после ВОСР (Великой Октябрьской Социалистической Революции). С точки зрения истории это был очень краткий период. Советы только-только преодолели постреволюционные тяготы, и это было вскоре после великих чисток Тухачевского и других, вскоре после самых темных сталинских лет. В стране господствовали страх и дефицит. Об этом уже было достаточно написано, и незачем об этом распространяться.

Мне требовалось как можно быстрее выучить русский. Я представлял себе, что легко познакомлюсь с кем-то, кто будет рад учить меня за деньги русскому языку, но это оказалось ошибкой, каждый советский гражданин убежал от иностранца как ошпаренный. Поэтому я потребовал какого-нибудь учителя или учительницу русского языка. Мне выделили Надежду Владимировну, на всякий случай, пожилую учительницу из какой-то московской гимназии, которая начала меня обучать по методике, по которой учила русских детей в школе. Я эту методику скорректировал согласно своим потребностям: мы больше уделяли внимание разговорной речи. Надежда Владимировна мне о своей частной жизни ничего не говорила, но я знал ее номер телефона, чтобы можно было при необходимости о чем-то договориться. В трубке были слышны разные женские и мужские голоса, так что, вероятно, она жила в какой-то квартире для нескольких семей. Но зато мы в целом хорошо ладили, и нам обоим было грустно, когда спустя несколько месяцев мы расстались, так как я перестал нуждаться в ее услугах.

Зима 1939/40 была и для российских условий невероятно холодной. Часто мы думали о бедных солдатах на фронте, так как в то время как раз случилась краткая зимняя война между СССР и Финляндией. Дело в том, что Советы требовали от финнов, подобно как от трех прибалтийских государств, предоставления военных баз, а кроме того, уступки части финской территории «по стратегическим соображениям». В отличие от прибалтийских государств, финны отказались,

и поэтому Советы напали на финнов, которые после доблестного сопротивления в конце зимы капитулировали. Советы создали военные базы и забрали еще больше территории, чем первоначально требовали. Надо сказать, что все кончилось для финнов сравнительно хорошо, за что они могут быть благодарны помощи США и северных государств, действовавших в соответствии со скандинавской солидарностью. Впрочем, Советы это даже не называли войной, а лишь «операцией Ленинградского военного округа».

Нам нужно было как-то приспособиться к русской зиме. Хотя у меня было меховое пальто, на голову пришлось купить в ГУМе шапку (цигейку) и прогулки по улице планировать заранее. Воротник пальто нужно было поднять и поочередно одной рукой в рукавице закрывать нос, чтобы тот не замерз. Ресницы покрывались инеем, и не раз бывало, что к нужному месту человек приходил с примерзшими ресницами. Однажды я откуда-то возвращался в Националь и глянул на двухметровый градусник над входом в гостиницу. Одна пожилая женщина меня спросила: «Сколько градусов, товарищ?» Я ей ответил: «37, бабушка».

Было дело, из-за ошибки в планировании у меня как-то все же немного замерз нос и пальцы на ноге. Пошел я из гостиницы посмотреть, как продвигаются работы по ремонту нашего посольства. Все было в порядке, но в здании посольства еще не топили, и перед обратной дорогой я не мог достаточно согреться, вот такой казус и случился. Но человек ко всему привыкает. Я уже и на коньках катался, если только из-за слишком суровой зимы не был закрыт каток. Когда машины колесили по бугристым заснеженным улицам, они оставляли за собой ленточный след от выхлопных газов, и когда лошадь останавливалась на краю дороги, то оказывалась в облаке пара.

Тисо вернулся в Братиславу с моим уже назначенным преемником, секретарем посольства Кроном, пресс-атташе Гацеком и другими членами технического персонала, поваром и новым водителем (но зато Шишкина мы сохранили). Потом нам уже было веселей, мы совместно готовили для всех, организовывали много совместных программ. Мы посмотрели все достопримечательности, музеи, галереи, ПКО, планетарий, зоопарк, бывшие и нынешние храмы. Католический храм был только один, заведовал им аббат из французского посольства. Мы его посещали, и Тисо (поскольку не говорил по-французски) подготовил с ним беседу на латыни. Начал он словами «*Quat ad patrem omnium fideliorum in Moscovia, advenio ad te*», но дальше этого дело не пошло, т.к. аббат не говорил по-латыни. Пришлось мне быть их переводчиком. В конце концов, Тисо выучил французский у одной пожилой француженки, которая давно, еще до революции, приехала в Россию в качестве гувернантки, пережив здесь блеск и беду дворянского помещичьего общества. Сейчас она жила тем, что давала частные уроки.

Особое впечатление произвели на нас московские театры, прежде всего Большой, где мы видели классические русские оперы («Евгений Онегин», «Иван Султан») и балеты, например «Щелкунчик» и «Кавказский пленник». Последний был поставлен по одной из поэм А.С. Пушкина, это по сути была пантомима, где танцевали, если это вытекало из действия. В первом акте была показана деревня в горах Кавказа на рассвете, воспроизведенном удачной звукозаписью и декорациями. Вот открылось окошко в доме, дедушка с трубкой высунул голову. А вот

какая-то женщина выбежала с кувшином к колодезю за водой... Вдруг набежал отряд местного войска, и на площадь высадили связанного русского военнопленного. Вся деревня высыпала праздновать победу, началось народное гуляние с танцами. Пленника посадили в темницу, а дочь старосты ему носила еду. Она влюбилась в него, и они бежали. В других актах мы видим влюбленных в ярких петербургских дворцах, танцевальных залах, на катке... но, как принято у А.С. Пушкина, история добром не закончилась: в конце концов влюбленные расстались, *happy end* тогда еще не придумали.

Видели мы и нерусские оперы, отлично сыгранные, например «Кармен», площадь в Севилье, живущую своей жизнью, с пешеходами, играющими детьми, торговыми палатками и т. д.

Цирк в Москве находится в каменном здании, иначе бы под брезентом и артисты, и зрители замерзли. Гвоздем программы была женщина, которой выстреливали из пушки. Но были и обычные цирковые номера, жонглеры, фокусники, укротители зверей, самые выдающиеся российские цирковые артисты. В перерыве Шишкин бежал вниз заводить машину, хотя у него в охладителе был спирт и даже соль, чтобы вода не замерзала. Приехав после представления к нашим воротам, мы разговорились с милиционером, дежурившим перед посольством, на тему «сегодня очень холодно», а на следующий день прочитали в газете, что той ночью температура достигла рекордных -46°C !

В окрестности города мы выезжали, когда уже потеплело. Например, побывали в одном старом монастыре в Можайске, который потом заняли немцы, когда были близко от Москвы. Тисо приехал из Братиславы с заданием, помимо прочего, договориться о визите словацкой культурной делегации в Москву, в ответ на приезд советской культурной делегации в Словакию¹⁵. Главой словацкой делегации был министр образования Сивак, членами — врачи Шелига и Фило, славист Станислав и экономист Фундарек. Визит длился больше недели, и прием со стороны Советов был уж действительно богатый. В программу были включены посещения культурных учреждений, общественных строек и промышленных предприятий, столы были богатыми, и мы необычайно сблизились с принимавшими нас советскими коллегами. Говорилось о родственной близости словаков, панславянских традициях, а Сивак даже в одном из тостов пожелал доброго здоровья Сталину, что тогда было непривычно, поскольку Сталин не занимал еще никакой официальной государственной должности, а только партийный пост. Хозяева встречи были удивлены и немного дезориентированы. Но это была отдушина в тогдашнем всеобщем настрое в Словакии против немецкого всеислия. Вездесущие шпионы, несомненно, донесли об этом Риббентропу, и визит словацкой культурной делегации, бесспорно, негативно повлиял, вызвав отстранение Дюрчанского в Зальцбурге¹⁶.

¹⁵ Приглашение в Москву было ответом на прием советских гостей в январе 1940 г. во время торжественной инаугурации премьера В. Туки на пост ректора Братиславского университета. Словацкая академическая делегация в СССР принимала участие также в торжественном основании Московского государственного университета. См.: *Čierna-Lantayová D. Slovensko očami ruského vyslanca // Historická revue. 1998. Roč. IX. Č. 9. S. 22–23.*

¹⁶ С марта по май в рамках плана расширения российско-советского культурного сотрудничества посольство в Москве занималось поездкой словацкой делегации. Поезд с де-

Нашу делегацию я сопровождал в Ленинград, где нас тоже официально принимали и показывали разные достопримечательности: Эрмитаж, Исаакиевский собор, Царское Село. После древней Москвы Ленинград нам показался насквозь европейским городом, современным, с многочисленными мостами в дельте реки Невы. Вместе с делегацией на ее пути домой я доехал до Таллина и Риги (которые были еще пока столицами независимых государств), а в Риге отделился, чтобы выполнить одно важное поручение — купить на доллары рубли¹⁷.

Дело в том, что дипломатические представительства в Москве постоянно сталкивались с одной и той же проблемой: официальный курс рубля был настолько невыгодным, что словацкое государство потерпело бы полный крах, если бы оплачивало расходы на содержание посольства в Москве исходя из него. Поэтому рубли покупались в черную, и советское государство, похоже, само организовывало эти сделки, чтобы не выпустить из рук черный валютный рынок. Место покупки всегда менялось, это было то в Тегеране, то в Стамбуле или в Японии. В дипломатических кругах всегда было известно, куда нужно ехать: в этот раз это было в Прибалтике. В Риге я встретился с господином Вашekom, который для этого же приехал туда из Москвы. Он был торговым представителем Бати в Москве уже долгие годы (сейчас, естественно, как гражданин протектората) и был нашим другом. В таких делах Вашек был старым лисом и имел свои контакты, но выяснилось, что в этот раз лучше было ехать в Каунас. Поэтому мы перебрались в столицу Литвы. Там Вашек поменял все доллары так, что 1 рубль нам обошелся в 1 словацкую крону; принес полный чемодан купюр, завернутых в старые еврейские газеты, и с ними мы отправились обратно в Москву.

Между тем война на западе продолжала бушевать. Немцы придумывали все новые фронты, по непонятным причинам оккупировали Данию и Норвегию (может, чтобы эти государства не оккупировали англичане!?). Секретарь посольства господин фон Вальтер в частном разговоре долго качал головой по этому

легатами прибыл на Белорусский вокзал 29 апреля 1940 г., где их встречал Ф. Тисо и весь персонал миссии, а также советские официальные лица, например заместитель министра образования СССР Габиллов. Министра Сивака и посла Тисо 5 мая 1940 г. принял новый министр образования В.П. Потемкин, а 10 мая 1940 г. в Кремле — председатель Совета народных комиссаров и одновременно народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов. См.: Šmihula D. Op. cit. S. 487.

¹⁷ Посла Тисо и секретаря Белая с первого дня поразили курсы советского Госбанка, по которым обменивались доллары. Они узнали, что местные представительства находили себе рубли не в Москве, а в прибалтийских странах, где им их обменивали гораздо выгоднее, а потом привозили противозаконно с дипломатическим грузом. Именно это предложил делать словацкому посольству и Тисо. См.: Письмо посла от 16.12.1939 г. // SNA (Bratislava) F. MZV SŠ. Kart. 198. Дело в том, что если в СССР государственные банки предлагали за один доллар около 5,6 рубля, за границей и на черном рынке действовал курс примерно один к тридцати, чем рубль приближался к словацкой кроне. Словацкое посольство ездило менять рубли в Прибалтику или Ленинград (Петроград). После вхождения Прибалтики в СССР и его полной «советизации» эти возможности пропали. К счастью, в конце 1940 г. советские банки начали дипломатическим представителям обменивать доллар за 12 руб.

См.: Финансовый отчет посольства от 19.05.1941 г. // SNA. F. MZV SŠ. Kart. 198.

поводу, а дипломатам Оси вся эта военная авантюра вообще не очень-то нравилась. Ведь гораздо лучше быть дипломатом в мирное время и иметь возможность контактировать с представителями миссий всех стран.

Весной в Москве мы заметили некоторую предвоенную подготовку к затемнению города против возможных воздушных налетов, будто там чувствовали, что война не обойдет и СССР. Делали козырьки на дорожную сигнализацию и уличное освещение.

Сталина мы видели всего несколько раз. На одном общем заседании обеих палат парламента в Большом зале Кремлевского дворца. Мы, «осевые», и некоторые нейтральные сидели на одном балконе, а остальные «недружественные» с некоторыми нейтральными на другом. Когда Сталин вышел на председательское место, все зааплодировали. По внешнеполитической тематике основным докладчиком был Молотов, который активно ругал «главного поджигателя войны Черчилля (ох, как быстро все в политике меняется: полтора года назад этот военный подстрекатель был его лучшим другом). Второй раз мы видели Сталина на дипломатической трибуне Мавзолея Ленина во время первомайской демонстрации. Тогда на 1 мая еще проводился военный парад с пушками и танками, ну а потом, конечно, толпы людей ликовали на Красной площади.

Одной из наших задач была охрана словацкого национального меньшинства на бывшей польской территории, которое Советы забрали при четвертом разделе Польши. Здесь издавна жили несколько тысяч словаков, численность которых во время польской кампании еще увеличилась за счет беженцев с запада Польши, которые бежали от фронта на восток и очутились под властью русских. Эти словаки писали нам полные отчаяния письма о том, что хотят вернуться в Словакию. Посол Тисо решил отправиться в город Ровно, который был центром нашего наименьшинства. Правда, для въезда на оккупированные территории необходимо было специальное разрешение, которого мы должны были долго ждать и добиваться. В сопровождение Тисо дали двух тайных агентов, с которыми он в конце концов подружился, когда в Киеве должен был делать пересадку на другой поезд, на который бы опоздал (из-за часовой разницы во времени с Москвой), если бы они его вовремя не предупредили.

В Ровно Тисо поселился у одного торговца, который был лидером наших словаков, но из-за постоянного присутствия на переговорах тайных агентов они не могли доверительно поговорить. Только под столом ему хозяин сунул золотые часы, чтобы он их при первой же возможности передал родственникам в Словакии. Даже ночью агенты дежурили у дверей Тисо. Но и в такой ситуации удалось договориться в советских учреждениях о возвращении большой группы словаков на родину, но тогда я уже не работал в посольстве в Москве.

Приближалось время моего отъезда из Москвы, поскольку еще раньше было решено, что я останусь тут только до лета, пока мои преемники не освоятся. Сначала я думал отправиться домой через Норвегию или Турцию, но это мне не удалось. Не хотели мне дать и отпуск, поскольку я должен был в Центре заступить на новую должность. Машину я продал господину Вашко за 500 долларов, т.к. дома хотел купить новую. Моя «малолитражка» отслужила мне добрую службу, всегда привлекала всеобщее внимание, когда я парковал ее где-то в городе.

Я собрал свои чемоданы, один ящик «сувениров» оформил как часть багажа. Ехал я с господином Балтайом, сотрудником посольства, который возвращался в Словакию в отпуск. Это было летом 1940 г., во время успешного нападения немцев на Францию. Мы «глотали» сообщения в газетах и по радио о том, как постепенно рушились фронты западных держав. Германия находилась в зените своей славы. Уже оставался единственный враг — Англия и появился новый союзник — Италия.

Мы ехали по хорошо знакомому маршруту Москва—Бигосово—Рига и ночью обратили внимание на то, что мы много раз стояли на открытых путях, а мимо нас проезжали длинные грузовые поезда, на которых было полно военных, пушек и танков. Когда начало светать и мы стали приближаться к латышской границе, в полях мы видели скопления военных машин и шеренги военных самолетов. Но ничего особенного мы тогда не подумали. В первый крупный латышский город Даугава мы серьезно опоздали. Пока поезд стоял на станции, я прогуливался перед ним. Ко мне подошел управляющий станционного ресторана и спросил, почему мы так задерживаемся? Мол, зимой это случается часто, но для лета это необычно. Ни о чем не подозревая, я рассказал ему о моих ночных наблюдениях. У него затряслась борода и, не говоря ни слова, пошатываясь, он заторопился назад в здание станции. Тогда-то я понял, что тут готовится...

В Риге мы на этот раз не задерживались, только сделали пересадку. Без сложностей мы проскочили и Литву. Только на территории Германии мы прочитали в газете, что Советский Союз «удовлетворил просьбу народов и правительств трех прибалтийских государств о приеме в большую семью Союза Советских Социалистических Республик!». В то время людей уже ничто не могло удивить.

В Берлине я задержался пару дней, ожидая багаж из Москвы. Германия возносилась в упоении от победы над Францией. На первый взгляд война здесь не чувствовалась, кроме затемнения города. Еще нигде не было последствий бомбовых ударов, только все больше продуктов и потребительских товаров продавалось по талонам. Но у нас талонов было достаточно, и на черном рынке все можно было достать, особенно за словацкие кроны, которые тогда были такой же «твердой» валютой, как и швейцарский франк.

В Братиславе меня уже с нетерпением ждал Радуз Радлинский, шеф дипломатического протокола, т.к. я шел к нему работать помощником. В Протоколе я проработал полтора года, но это уже другая глава моих воспоминаний.

Когда Гитлер в июне 1941 г. напал на Советский Союз, на следующий же день после пересечения границы в первой половине дня секретарь советского посольства в Братиславе Афанасьев попросил принять его в нашем МИДе, где я в тот момент работал секретарем Дипломатического протокола. Как можно было предполагать, никто из руководства министерства, включая министра, ни директора департаментов, ни руководитель Дипломатического протокола Радлинский не хотели его принять, поскольку не знали в спешке, что ему сказать. Все исчезли, поэтому не оставалось ничего иного, как принять его мне. Никто меня не инструктировал, что я должен ему сказать относительно официальной позиции Словацкой Республики в новой ситуации. Господин Афанасьев мне сообщил, что неизвестные разгромили машину посольства, которая была запаркована перед их зданием. Это сделали экстремистские отряды «эфесаков» (члены полувойенной

организации FS — немецкой партии Кармазина, подобной нацистской партии в Германии), которые хотя и не отважились проникнуть в здание посольства, зато подожгли послу хотя бы машину. Поскольку ничего умнее мне в голову не пришло, я сказал Афанасьеву, что позицию словацкого правительства мы направим послу дополнительно, и предупредил его, чтобы без надобности не выходили из здания посольства. Позже персонал советского посольства вывезли в Стамбул, где обменяли их на членов нашего посольства в Москве.

Перевод со словацкого яз. А. Рандина

Часть II

Й. Бистрицкий
(Братислава)

ПРОБЛЕМАТИКА ОСВОБОЖДЕНИЯ СЛОВАКИИ В 1944–1945 гг. В СЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕ 1989 г.

Если посмотреть на словацкую историографию после политических и общественных изменений в 1989 г., то необходимо констатировать, что в Словакии за это время был опубликован ряд научных и научно-популярных работ, посвященных проблематике военных событий в Словакии периода Второй мировой войны, но не была опубликована ни одна монография, которая бы освещала и изучала почти восьмимесячную боевую деятельность войск по освобождению Словакии, ее историю, результаты, военно-стратегическое и военно-политическое значение¹.

Проблематику самой крупной боевой деятельности в словацкой военной истории обошла стороной даже значительная часть более широких монографий и сборников по военной истории Словакии данного периода. Чуть большее внимание было оказано только первой операции, связанной с освобождением Словакии, а именно Восточно-карпатской операции, точнее ее части — операции Карпатско-дуклинской², и то лишь в связи со Словацким национальным восстанием и попытками части историков, публицистов и политиков поставить под сомнение ее результаты и значение. Самое большое военное событие на территории Словакии в ее истории отчетливо не было обозначено даже в содержании обобщающего труда «Военная история Словакии (1939–1945 гг.)», т. 5. Из общего объема 262 страниц проблематике «Боевые операции на территории Словакии» было посвящено лишь 16 страниц, т. е. 6,1 % текста³. В книге «Словакия. Военная хроника»⁴, опублико-

¹ Главные причины указанного состояния объективно охарактеризовала историк Валентина Владимировна Марьина в исследовании «Красная армия в Словакии. 1944–1945 гг.» // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. СПб., 2011. С. 484, 485.

² *Vojensko-politické aspekty Karpatsko-duklianskej operácie. Zborník štúdií z vedeckej konferencie k 50. výročiu bojov o Duklu.* Bratislava, 1996; *Štefanský V. Záverečná fáza 2. svetovej vojny a oslobodenie Slovenska. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie v Bratislave 25–26 apríla 1995.* Bratislava, 1996; *Štefanský M., Purdek I. Slovensko vo vojnách a konfliktoch v 20. storočí. Zborník referátov z vedeckej konferencie v Bratislave 15–16 októbra 2002.* Bratislava, 2003; *Čaplovič M., Stanová M. Karpatsko-duklianska operácia — plány, realita, výsledky. Zborník príspevkov z vedeckej konferencie vo Svidníku 3 septembra — 1 októbra 2004.* Bratislava, 2005; *Bystrický J. a kol. Od priesmyku Predeal po Kurovské sedlo. Boje vo Východných Karpatoch v roku 1944.* Bratislava, 2011.

³ *Cséfalvay F. a kol. Vojenské dejiny Slovenska (1939–1945).* Zv. V. Bratislava, 2008.

⁴ *Segeš V. a kol. Slovensko. Vojenská kronika.* Bratislava, 2007.

ванной в 2007 г. и вторым, дополненным изданием на английском языке⁵ в 2009 г. читатель, кроме сжатой информации (примерно 1/3 страницы) об участии Первого Чехословацкого армейского корпуса в освобождении Словакии, не узнает ничего. Та же самая ситуация и с книгой «Словацкая республика 1939–1945»⁶, в которую автор включил главу под названием «Переход фронта», но о деятельности войск, которые воевали с сентября 1944 г. до мая 1945 г. на территории Словакии, там нет ни слова, точнее, лишь констатация: «Страдание страны продолжалось и после окончания повстанческих боев. Многие деревни и города подверглись бомбардировке Советскими войсками; 20 декабря 1944 г., к примеру, бомбили Прешов. Но самой большой трагедией были кровавые бомбардировки Нитры 26 марта 1945 г., во время которых погибло 350 человек, в основном гражданское население»⁷.

Это состояние историографии ни в коем случае нельзя считать удовлетворительным, имея также в виду, что в словацком общественном сознании современная рефлексия на 1944–1945 гг. «часто противоречива или, по крайней мере, сомнительна...»⁸. Одним из факторов, который после 1989 г. привел к такому состоянию, были усиленные попытки части историков, публицистов и политиков влиять на формирование общественного мнения в отношении истории Словакии во время Второй мировой войны посредством принципиально иных интерпретаций, отличающихся от интерпретаций предшествовавших послевоенных десятилетий. В этом активно участвовали историки из рядов послевоенной словацкой эмиграции, националистически ориентированные⁹, которые «верхом достижений в словацкой истории считают словацкое государство-сателлит времен войны и его высших представителей»¹⁰, а также их последователи в Словакии, негативно оценивающие Словацкое национальное восстание и действия советских войск на территории Словакии в 1944–1945 гг.¹¹ Из этого круга историков проблематикой освобождения Словакии в исследуемом нами периоде занимались несколько «молодых» историков, которые пытались переосмыслить историю, опираясь не на науку, а скорее на идеологически мотивированную позицию, акцентируя внимание на правонарушениях и преступлениях, которые совершали отдельные солдаты советских войск (кражи, изнасилование женщин),

⁵ *Segeš V. et al. Slovakia. Military Chronicle. Bratislava, 2009.*

⁶ *Lacko M. Slovenská republika 1939–1945. Bratislava, 2008.*

⁷ *Ibid. S. 183.* В связи с указанной бомбардировкой советскими войсками нужно отметить, что в цитируемой работе автор умалчивает о бомбардировках целей на территории Словакии авиацией США (о них напоминает лишь одна фотография), хотя их разрушительные последствия, в частности для гражданского населения, были намного выше.

⁸ *Kamenec I. Spoločnosť – politika – historiografia. Pokrivené (?) zrkadlo dejín slovenskej spoločnosti v dvadsiatom storočí. Bratislava, 2009. S. 75.*

⁹ В эту группу входили Франтишек Внук и Милан Станислав Дюрица. Самые противоречивые отклики получили книги: *Vnuk F. Dedičstvo otcov. Eseje na historické témy. 2. vyd. Bratislava, 1991; Vnuk F. Neuveriteľné sprisahanie. 2. vyd. Trenčín, 1993; Ďurica M.S. Dejiny Slovenska a Slovákov. 2. doplnené vyd., Bratislava, 1995.*

¹⁰ *Kamenec I. Spoločnosť – politika – historiografia... S. 193.*

¹¹ См.: *Dies ater – nešťastný deň 29. august 1944 / Eds. Bielik P., Mulík P. 2. upravené vyd. Bratislava, 1994; Slovenská republika (1939–1945) / Ed. J. M. Bobák, 2000; Lacko M. Slovenské národné povstanie 1944. Bratislava, 2008.*

и на депортацию гражданских лиц в Советский Союз¹². Их влияние негативно отразилось в том числе и на юридических нормах, одобренных Национальным советом Словацкой Республики, а конкретно выразилось в принятии закона № 219/2006 об антикоммунистическом освободительном движении. В пункте 2, второй статьи вышеупомянутого закона говорится: «Антикоммунистическое освободительное движение — это протест граждан против коммунистического режима, проявленный или проявляющийся организовано или индивидуально в период времени от 6 октября 1944 г. и до 17 ноября 1989 г. ...»¹³. По мнению инициатора этого закона, начало антикоммунистическому освободительному движению было положено «во время вступления Советской армии на нашу территорию 6 октября 1944 г.». Оставив в стороне идеологическую связь установления выбранной даты для признания начала участия в антикоммунистическом движении, в данном случае поразительно другое — незнание самой истории боев, которые привели к вступлению Красной армии на территорию Словакии (либо намеренное искажение истории) со стороны историков, которые сотрудничали с инициаторами закона. На самом деле Красная армия вступила на территорию Северо-Восточной Словакии 20 сентября 1944 г., а уже на следующий день была освобождена первая словацкая деревня — Калинов. 6 октября 1944 г. — другая историческая дата. В этот день на территорию своей родины вступили бойцы Первого Чехословацкого армейского корпуса, который возник на территории Советского Союза.

«Переоценкой» освобождения Словакии Красной армией начал в 2005 г. усердно заниматься историк Мартин Лацко, который в интервью Информационному агентству Словацкой Республики описал реакцию военнослужащих Красной армии после вступления на территорию Словакии: «Когда пришли те советские сюда, так у них был шок от цивилизации, так как 20 лет им “вешали лапшу на уши”, что тут люди голодают, ходят в обносках... и сразу, когда они пришли в Европу, или Центральную Европу, или Центрально-Восточную, не говорю уже о Германии, Австрии, которые были еще на более высоком жизненном уровне, чем мы, то для них это было крушением их представлений о том, как здесь живут»¹⁴.

В несколько раз опубликованной статье «Освобождение или захват? (К вопросу о терминологии Второй мировой войны в Словакии)»¹⁵ Мартин Лацко задавал вопросы: «Возможно ли применять понятие “освобождение” и 60 лет после войны, а также в случае прихода Красной армии в Словакию действительно ли

¹² В связи с этой проблемой были опубликованы разные сведения о количестве увезенных граждан Словакии. Самыми точными считаются данные Министерства справедливости СР, согласно которым в СССР были увезены 6972 человека, 611 из которых умерли в лагерях. URL: <http://www.szcpv.org/sno06/zoznam.html>; <http://www.upn.gov.sk/obdobie-1945-1989/zoznam-osob-odvlečených-do-gulagov>

¹³ Zbierka zákonov. Č. 77 / 2006. S. 1278.

¹⁴ URL: <http://www.orangeportal.sk/dnes/news/opinion.dwp?level1=&level2=&article=2627580&filter=all>

¹⁵ Slovák v Amerike. jún 2005. S. 8, 14; Kultúra. Č. 11 z 1.6.2005. S. 5; Svedectvo. Roč. 14. Č. 6. S. 9; Naše Slovensko — Our Slovakia welcomes You. September 09, 2005.

речь шла об освобождении?» При постановке этих и других вопросов он ссылался на пример балтийских стран, где, по его мнению, «в этом вопросе все ясно: ни о каком освобождении не было и речи, это было началом новой несвободы». На следующие вопросы, которые задал в цитируемой работе, а именно: «Выгнали ли СССР немцев бескорыстно? Так освобождали территорию Чехословацкой Республики?», он предлагает читателям свой ответ: «В случае если бы советские войска победили нацистские и вернулись бы на предвоенные границы, а главное, не вмешивались бы во внутривосточное развитие, мы могли бы с чистой совестью назвать советских солдат освободителями. Но этого не произошло, по крайней мере, в случае с Центральной и Восточной Европой. С другой стороны, Советский Союз нельзя считать оккупантом. Поэтому считаю исторически самым верным, корректным и объективным употребить для этого события термин — “захват”. И аналогично для названия акта, когда на нашей территории фактически закончилась война, мне лично самым правильным представляется термин “перемещение фронта”».

Согласно цитируемому историку, приход Красной армии на территорию Словакии в сентябре 1944 г. и бои, которые потом на нашей территории вели ее войска до 3 мая 1945 г. вместе с частями Первого Чехословацкого армейского корпуса и войсками румынской армии, не были освобождением, а «захватом и перемещением фронта». В этом контексте отношение цитируемого автора к вступлению Красной армии на территорию Словакии проясняет и его оценка появления советских партизан в Словакии перед Словацким национальным восстанием: «...Появление вооруженных боевых групп большевистских партизан было нарушением политического суверенитета Словацкой Республики, фактически началом советской интервенции в страну. Поэтому мы можем назвать началом прямого действия советского режима на нашей территории не приход солдат с фронта и частей НКВД, но упомянутые события». В связи с вооруженным противостоянием вставших против немецких оккупантов он констатировал: «...С точки зрения принципа сохранения национальной независимости мы должны были выступить против советских большевистских десантников, которые угрожали не только словацкой государственности, но и самому восстанию»¹⁶.

Аналогичны и его последующие утверждения, которые напрашиваются на вопрос, являются ли эти умозаключения научно доказанными или всего лишь идеологически окрашенными пропагандистскими фразами: «Продвижение Красной армии, безусловно, не было освободительной миссией: Сталин не посылал свои войска с намерением обеспечить угнетенному народу свободу, демократию, национальную независимость. Сталин не хотел никакого освобождения, для него главным было расширение влияния Москвы, с помощью коммунистических партий, а главное расширение своей империи. Это ясно следует из того факта, что СССР не только оставил себе все территории, которые приобрел, основываясь на злодейском пакте с Гитлером в 1939–1940 гг., ... но и позже их расширил. Примером является Чехословацкая Республика, от ко-

¹⁶ *Lacko M. Slovenské národné povstanie 1944. Bratislava, 2008. S. 78, 197.*

торой он отделил Закарпатскую Русь. Попросту говоря, там, куда ступала нога советского солдата, установление коммунистической власти было вопросом времени».

В том, что Советский Союз, так же как и остальные великие державы антифашистской коалиции, кроме совместных целей, а именно: поразить нацистскую Германию и ее союзников и освободить оккупированные страны, — преследовал и свои собственные геополитические цели, — никто не сомневается.

Объективная оценка политических и военных целей Советского Союза на данном историческом отрезке времени все же требует существенно больше, чем идеологически обусловленный пропагандистский подход. В его основе должен быть научный анализ важных документов того времени. А они свидетельствуют о том, что самой важной геополитической задачей Советского Союза после окончания войны была не советизация Европы, а создание «зоны безопасности (некой буферной зоны) из дружеских приграничных государств»¹⁷. В интересах решения задач, связанных с окончательным поражением фашизма, достижением согласия с союзниками в вопросах мирного урегулирования и обеспечения стратегической безопасности страны в будущем¹⁸, на тот момент советское руководство считало прагматичным «забыть» об идеологии. Поворот в советской политике в отношении дальнейшего развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы, которые после войны входили в сферу советского влияния, заключавшийся в отступлении от концепции «национального пути» к социализму и переходе к широкому внедрению советской модели, наступил после распада антифашистской коалиции и начала холодной войны¹⁹. Не может быть, чтобы поборники тезиса «...Куда вступила нога советского солдата, вопросом времени было установление коммунистической власти» не знали, что войска Красной армии на заключительном этапе Второй мировой войны

¹⁷ *Ржешевский О.* Антигитлеровская коалиция: как зарождалась холодная война. URL: <http://www.perspektivy.info>.

¹⁸ В сообщении В.М. Молотову по вопросам будущего мира и послевоенного устройства Европы И.М. Майский 10.01.1944 г. писал, что конкретной целью Советского Союза при установлении мира и создании послевоенного устройства должна стать гарантия мира и спокойствия для СССР на длительное время, лет на 30–50. URL: http://www.hrono.info/dokum/194_dok/index.php.

В вышеуказанном сообщении также говорилось: «СССР заинтересован в том, чтобы государственный строй названных стран после войны базировался на принципах широкой демократии в духе идей народного фронта. Есть основания полагать, что в таких странах, как Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия, Франция, Чехословакия, эти принципы найдут себе достаточно полное осуществление без какого-либо давления со стороны. Иначе обстоит дело с такими странами, как Германия, Италия, Япония, Венгрия, Румыния, Финляндия, Болгария, Польша, Югославия, Греция, Албания: здесь, возможно, для создания настоящих демократических режимов придется пустить в ход различные меры влияния извне, т. е. в первую очередь со стороны СССР, США и Англии».

¹⁹ Изменения в советской внешней политике в отношении этих стран после начала холодной войны отражают, к примеру, опубликованные материалы в сборнике документов «Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2-х частях. Документы. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 1999.

воевали на территории 12 стран Европы и Азии²⁰. Но не во всех этих странах после войны или позднее власть завоевали коммунисты. И конкретно, в случае Чехословакии, нельзя игнорировать тот факт, что Ставка Верховного главнокомандования Красной армии отдала 27 июня 1945 г. приказ командующему Центральной группы войск²¹ вывести войска с территории Чехословакии. Их вывод закончился в середине ноября 1945 г. В это время территорию Чехословакии покинули и американские войска, которые размещались в западной Чехии. Но борьба за дальнейшее развитие восстановленного чехословацкого государства в условиях меняющейся международной обстановки и без присутствия Красной армии на его территории продолжалась до февраля 1948 г. С точки зрения исторических фактов спорным является и утверждение, что СССР «отделил» от ЧСР Подкарпатскую Русь, присоединив ее к Украине, забывая об инициативе президента Э. Бенеша и эмигрантского чехословацкого правительства в Лондоне, направленной на присоединение Закарпатской Украины к СССР.

Вопросы, подобные вышеприведенным, задал и историк Бранислав Кинчок в статье «Красная армия и освобождение Словакии»²², опубликованной по случаю 63-й годовщины освобождения Братиславы: «С какой миссией входила Советская армия на территорию Словакии? Этой миссией было поражение нацистской Германии или Красная армия выполняла задачу вооруженного кулака сталинского режима, для которого было важно овладеть Европой?» В цитируемой статье, так же как и в работе «Действия Красной армии в Дольном Погрони зимой 1944–1945 года»²³, автор уклонился от ответа, ограничившись фразой: «Очень сложные вопросы, ответ на которые еще не найден». Несмотря на это, он в связи с боевой деятельностью Красной армии на территории Словакии и ее историческим значением упорно уклоняется от использования понятия «освобождение», объясняя это тем, что: «Даже если термин “освобождение” общепринятый, на наш взгляд, надо учитывать, что в определенных случаях он является спорным. Для многих жителей приход Красной армии означал долгожданное освобождение, но для других — он являлся сменой одного недемократического режима на другой, может быть еще худший. Поэтому использование термина “освобождение” в большинстве случаев заменим понятиями “перемещение фронта” или “деятельность Красной армии”».

²⁰ После освобождения территорий СССР Красная армия воевала против войск фашистской Германии и ее союзников на территории Румынии, Польши, Болгарии, Югославии, Чехословакии, Венгрии, Норвегии, Финляндии, Дании, Китая и Кореи. Кроме того, ее части во время войны вместе с британскими воинскими подразделениями были размещены на территории Ирана.

²¹ Центральная группа войск возникла из войск 1-го Украинского фронта 10 июня 1945 г.

²² *Kinčok B. Červená armáda a oslobodenie Slovenska*. In: Euro – Domino. URL: <http://www.euro-domino.sk/pamat-naroda/clanok/190/Cerven-armada-a-oslobodenie-...>

²³ *Kinčok B. Pôsobenie Červenej armády na Dolnom Pohroní v zime 1944–1945 // (zost.): Perzekúcie na Slovensku v rokoch 1938–1945. Slovenská republika očami mladých historikov VII / Zost. P. Sokolovič. Bratislava, 2008. S. 169–192.*

Утверждение, что вышеприведенные вопросы еще только ждут ответов, означает как минимум, что эта проблематика для словацких историков до сих пор как будто бы не изучена и неизвестна. Скорее, все же речь идет о некомпетентности или умышленном игнорировании существующих сведений словацкой и иностранной историографии по этой проблематике. Точно так же звучит и утверждение: «Невозможно точно установить факт, знали ли точно советские солдаты (особенно из армии Малиновского), куда они пришли: в порабощенную, а потом союзную либо во вражескую страну, власти которой в 1941 году объявили Советскому Союзу войну, и войска которой с июня 1941 г. до конца 1943 г. воевали на советской территории в рядах оккупационной армии»²⁴.

Для ответа на вопрос, с какой миссией вступила Красная армия на территорию Словакии или же Чехословакии, а также знали ли бойцы Красной Армии, на территорию какой страны они приходят, нужно обратиться к обязательствам, которые взял на себя Советский Союз, подписав договоры с чехословацким правительством в изгнании в Лондоне²⁵. Вступлению Красной армии на территорию Чехословакии прямо посвящено соглашение об отношениях между советским главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии, заключенный 8 мая 1944 г.²⁶ Основываясь на этом соглашении, 18 мая 1944 г. заместитель народного комиссара внутренних дел СССР комиссар государственной безопасности второй степени И.А. Серов отдал приказ начальникам войск Народного комиссариата внутренних дел об охране фронтового тыла и задачах, связанных со вступлением войск Красной армии на территорию стран Восточной Европы. Согласно этому приказу, солдатам должны были быть разъяснены принципы поведения после перехода границ Чехословакии в соответствии с соглашением от 8 мая 1944 г. От офицерского состава требовалось понимание задач в новых условиях в зависимости от характера страны, на территорию которой вступали, тщательное изучение соглашения, заключенного 8 мая 1944 г., и интенсивная работа с солдатами с целью их ознакомления с географическими и политико-экономическими особенностями Чехословакии и т. д.²⁷ После вступления частей Красной армии

²⁴ *Kamenec I. Spoločnosť – politika – historiografia... S. 75.*

²⁵ Договор между СССР и Чехословацкой Республикой, заключенный 18 июля 1941 г., обязывающий стороны обеспечивать друг другу «помощь и поддержку любого вида» в войне против нацистской Германии; Договор о сотрудничестве, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Чехословацкой Республикой и Советским Союзом, заключенный 12 декабря 1943 г.; Договор об отношениях между чехословацкой администрацией и советским главнокомандующим после вступления советских войск на чехословацкую территорию, заключенный 8 мая 1944 г.

²⁶ Документы и материалы к истории советско-чехословацких отношений (ДМИСЧО). М., 1983. Т. 4. Кн. 2. С. 78–79.

²⁷ В приказе, в частности, говорилось: «Своевременно разъяснить личному составу линию поведения после перехода наших государственных границ, руководствуясь разъяснением Советского Правительства в отношении Румынии, опубликованным соглашением СССР с Чехословакией и указаниями военных Советов и политических управлений фронтов. С последними усилить связь и деловой контакт. От офицерского состава добиваться четкого уяснения и понимания складывающейся обстановки и своих

на территорию Словакии Ставка Верховного главнокомандования 31 октября 1944 г. издала директиву командирам 1-го и 4-го Украинского фронтов, которая предписывала:

«1. Разъяснить всему личному составу войск, что Чехословакия является нашим союзником и отношения со стороны войск Красной Армии к населению освобожденных районов Чехословакии и к повстанческим чехословацким частям должны быть дружественными.

Запретить войскам самовольную конфискацию автомашин, лошадей, скота, магазинов и разного имущества.

При размещении войск в населенных пунктах учитывать интересы местного населения.

Все необходимое для нужд наших войск получать только через местные органы гражданской администрации чехословаков или через командование чехословацких повстанческих частей.

Нарушающих приказ привлекать к суровой ответственности»²⁸.

Подобный приказ войскам фронта отдал командующий 2-го Украинского фронта Р.Я. Малиновский в связи со вступлением войск на территорию Словакии из Венгрии²⁹. Однако вопреки этим распоряжениям во время нахождения частей Красной армии в Словакии были случаи нарушения принципов, установленных в вышеуказанных документах³⁰. В связи с этим Братислав Кинчок написал: «Некоторые солдаты Красной армии, часто и целые группы, во многих местах Словакии вели себя не как освободители, а как захватчики. Часто бы-

задач в новых условиях, в зависимости от характера страны, на территории которой вступим.

С офицерским составом войск 1-го и 2-го Украинского фронтов тщательно изучить «Соглашение об отношениях между Советским Главнокомандующим и Чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии». См.: Правда. 1944. 10.05.

«Со всем личным составом усилить работу по ознакомлению и с географическими политико-экономическими особенностями страны на своем направлении, ее населения и проч.» Подробнее в: Органы государственной безопасности СССР в ВОВ. Сб. документов. Т. 5. Кн. 1. 1-го января — 30 июня 1944 года. М., 2007. С. 427–431.

²⁸ ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 225.

²⁹ Там же. С. 258.

³⁰ На это отреагировал и И.В. Сталин во время разговора с президентом Э. Бенешом в Москве 24 марта 1945 г., когда после напоминания о том, что в Красной армии приблизительно 12 млн человек, сказал: «Эти 12 миллионов людей — разные люди. Не нужно думать, что все они ангелы. Красная армия вошла на территорию Чехословакии, и сейчас чехословаки с ней лучше знакомы, знакомы и с ее недостатками. Красная армия идет вперед, побеждает, но у нее еще много недостатков... за ней боевой путь от Сталинграда до подступов к Берлину. Бойцы Красной армии прошли этот путь не как туристы, прошли его под обстрелами и победили немцев. Они думают, что они — победители... Чем менее образованны люди, тем больше они это думают. Считают себя героями и думают, что могут себе позволить больше, чем позволительно. Думают, что это им простят, так как они герои... эти бойцы совершают преступления, насилуют женщин... не хочу, чтобы чехословаки слишком восторгались Красной армией, чтобы потом не пришло разочарование...» См.: Národní archiv ČR F. 100 / 24. Kart. 172. č.j. 1534.

вали криминальные случаи. Солдаты насильственным способом захватывали частную собственность граждан (часы, украшения, велосипеды), иногда не гнушались изнасилований женщин, девушек, зачастую и старушек. На масштаб и интенсивность такого рода действий влияло употребление алкогольных напитков. Солдаты Красной армии были известны своей тягой к алкоголю. Даже при малейшем намеке на противодействие, не задумываясь, использовали оружие, что потом приводило к трагедиям. Тяжелым грузом для местных жителей были обязанности, возложенные на них Красной армией... Многие области Словакии после передвижения советско-германского фронта оказались в экономическом расстройстве. Виною тому в первую очередь нацистские мародерства во время оккупации... Но подобными действиями и Красная армия внесла свою лепту в это расстройство. Почти 300 000 ее солдат находились на территории Словакии чуть не до конца 1945 года...»³¹. Без сомнения, отдельные лица или группы солдат Красной армии допускали на территории Словакии преступления и другие деяния, заслуживающие осуждения. Так же как заслуживают осуждения депортации гражданского населения в Советский Союз, осуществленные по распоряжению НКВД для «очистки» тыла воюющей Красной армии. Однако безосновательно обобщать эти действия с поведением всей Красной армии, находящейся на территории Словакии. С объективной, научной точки зрения нельзя оценивать весь процесс освобождения только лишь с этой стороны, не беря во внимание вооруженную борьбу с целью поразить нацистскую Германию и ее союзников, которая, кроме прочего, была решающей предпосылкой восстановления Чехословацкой Республики, а в случае Словакии — еще и возврата территорий, оккупированных Венгрией в 1938 и 1939 гг., а также Петржелки и Девина, оторванных от Словакии нацистской Германией. О необъективности оценки Красной армии на основе преступлений и правонарушений отдельных лиц и групп солдат кроме воспоминаний очевидцев³² свидетельствуют также многие архивные документы, среди которых и вышедшие из-под пера разведывательных органов армии бывшей Словацкой Республики, воевавшей бок о бок с армией вермахта. Так, в реферативном обзоре разведывательного отделения Министерства обороны, датированном 18 января 1945 г., например, читаем: «Надежный и авторитетный свидетель, депутат окрестности Гнуште приводит следующий факт: перед Рождественскими праздниками, примерно 23 декабря, советские войска заняли деревню Черенчаны. Потом немецкие вооруженные силы вытеснили их из этой деревни, и выяснилось, что советские солдаты ворвались в деревню и в алкогольном опьянении насиловали женщин... С другой стороны, в деревню Черне Поле в той же области, по рассказам очевидцев, пришли советские солдаты в трезвом виде и с местными жителями вели себя очень прилично. Приготовили себе

³¹ *Kinčok B.* Červená armáda a oslobodenie Slovenska. URL: <http://www.euro-domino.sk/pamat-naroda/clanok/190/Cerven-armada-a-oslobodenie-...>

³² «Этот источник, естественно, более, чем другие, является субъективным, так как выражает мнение конкретного лица, основанное на личном опыте пережитого, поэтому оно, конечно, может быть и не раз бывало ошибочным. В такого рода документах найдем действительно много противоречивых оценок, которые не подлежат обобщению». См.: *Катенес I.* Op. cit. S. 94.

картошку и даже ее не подмаслили, а крестьянам сказали, чтобы сало оставили себе»³³. В отчете офицера разведки словацкой армии из департамента в городе Нитра, написанном 10 января 1945 г., сообщалось следующее: «... Моральный дух русских солдат очень хорош. Зимнее вооружение, так же как и провиант, на высоком уровне. Отношения между солдатами и офицерами дружеские, со стороны подчиненных не доходит до спекуляций. Согласно отчетам из Гронских Косигов, Подлужиан, Жемберовец и Тлмачов, русские солдаты после захвата этих деревень разоружили локальную структуру безопасности, так же как и жандармов и налоговые органы. Никого из них не арестовали и не увезли. По отношению к жителям вышеуказанных деревень не совершали никаких правонарушений. Главный надзиратель финансов не слышал о том, чтобы русские солдаты отбирали у людей продовольствие или одежду. В захваченных местах ведут себя очень уверенно, как солдаты Красной армии, приходят как освободители от немецкого гнета...»³⁴.

Не соответствует историческим фактам и утверждение, что Красная армия «на территории Словакии находилась в количестве 300 000 чел. почти до конца 1945 г.», что способствовало «экономическому расстройству» многих областей Словакии. При внимательном изучении сведений о количественном составе Красной армии в Словакии цитируемый автор совершенно точно не пришел бы к такому заключению. Для доказательства достаточно привести тот факт, что с перемещением фронта в Моравию и Чехию в Словакии остались только логистические и охранные части. В середине августа 1945 г. они находились в Братиславе, Трнаве, Сенице, Середе, Пезинке, Новых Замках, Комарно и Кошице. Кроме того, в Пештянах, Нитре, Трнаве и Тренчанских Бискупичах находились части румынской армии³⁵. Согласно информации Министерства иностранных дел, посланной чехословацкому послу в Москве Й. Гораку, в середине октября 1945 г. на территории Чехословацкой Республики находилось приблизительно 400 тыс. солдат Красной армии, из них 300 тыс. в Чехии, в Моравии 50 тыс., а в Словакии также 50 тыс.³⁶ В середине декабря 1945 г. на территории Чехословакии было всего 9412 солдат Красной армии, из них в Словакии 4055, из которых 1200 строили мосты в Комарно, а 1608 в Братиславе³⁷.

Приведенные замечания к опубликованным работам словацкой историографии после 1989 г. подтверждают, что проблематике освобождения Словакии не

³³ Vojenský historický archív (VHA) Bratislava.F. 55-22-6. Situačná správa, spravod. odd. MNO – 18.1.1945.

³⁴ VHA Bratislava. F. 55–22–4. Č. 225 Dôv. / odd. sprav. 1945. Situačné hlásenie exponovaného spravodajského orgánu z Nitry na MNO 2. odd. – 10.1.1945.

³⁵ VHA Bratislava. F. VO-4. Šk. 50. Inv. č. 254.

³⁶ ČSR a SSSR 1945–1948. Dokumenty k mezivládním jednáním. Doplněk. Brno, 1996. Dokument č. 65 z 25.10.1945.

³⁷ Согласно отчетам о дислокации частей Красной армии на территории ЧСР после 10 декабря 1945 г., количество солдат и офицеров Красной армии в отдельных гарнизонах в Словакии было следующим: в Кошице – 5, Лученце – 3, Новом Месте над Вагом – 297, Пештянах – 273, Клячанах – 3, Новых Замках – 385, Комарне – 1200, Братиславе – 1608, Середе – 200, Шенквице – 3, Трнаве – 68. – VÚA – VHA Praha. F. MNO, č.j. 237 / Taj. Hl. št., styč. odd. 1945.

уделялось должного внимания, эти публикации не опирались на серьезное изучение опубликованных документов из словацких и зарубежных архивов³⁸, особенно Российской Федерации, что в большинстве случаев создало пространство для деформированного толкования исторических событий, связанных с освобождением Словакии. Отсутствие документов и материалов из российских архивов обычно объяснялось утверждением об их недоступности. Однако на самом деле проблема заключается не в труднодоступности архивных документов РФ, а в финансовых проблемах, связанных с работой в этих архивах, а также все чаще встречающемся в профессиональных кругах историков незнании русского языка. В отдельных случаях мы можем встретиться и с преднамеренным игнорированием архивных документов советского (российского) происхождения.

Попытки «переоценки» освобождения Словакии в 1944–1945 гг. и замена понятия «освобождение» на другие, такие как, например, «захват» или «перемещение фронта», у настоящих профессионалов не имели положительного отклика. Поэтому можно констатировать, что понятие «освобождение» в современной профессиональной и непрофессиональной среде является «корректным и исторически правомерным»³⁹. Это не означает, что попытки цитируемых и иных историков и публицистов изменить восприятие действий Красной армии на территории Словакии в 1944–1945 гг. не нашли определенного отклика у части общественности, особенно у молодого поколения, о чем свидетельствуют дискуссии на эту тему в Интернете. Их мнение о действиях Красной армии на территории Словакии в 1944–1945 гг. тоже учитывается и представляется официальными высшими государственными органами⁴⁰ в отдельных случаях как позиция представителей местных органов власти⁴¹.

³⁸ Например: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Док. и материалы 1944–1945 гг. Т. 16 (5–4). М., 1999; Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы ВОВ: Документы и материалы 1944–1945 гг. М., 2001. Т. 23 (12–4); Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. Т. 5. Кн. 2. 1 июля – 31 декабря 1944 года. М., 2007; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1945 гг. Т. 1 1944–1948 гг. М., 1999; Русский архив: ВОВ. Партизанское движение в годы ВОВ: Документы и материалы. М., 1999. Т. 20 (9); *Кульков Е.Н., Мягков М.Я., Ржешевский О.А.* Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2004.

³⁹ *Kamenec I.* Politici sú najhoršími žiakmi histórie. URL: <http://www.sme.sk/c/4834388/kamenec-politici-su-najhorsimi-ziakmi-historie.html>.

⁴⁰ Например, при переименовании улиц, предложении переместить памятники и т. д.

⁴¹ Как пример можно привести материал, опубликованный на официальной интернет-страничке города Кошице: «Большой террор со времен войны не закончился днем немецкого (венгерского) поражения. Жители Словакии сначала перенесли “национальную чистку”, которая приобрела специфический характер в этой области после прихода Красной армии, “вооруженного кулака” коммунистического режима. Политические комиссары и отдельные службы этой армии — СМЕРШ и НКВД (то же самое, что в имперской Германии СД и GESTAPO) — приняли живое участие в чистке. Особенно из Словакии и Венгрии, которые послали свои войска на фронт против СССР, сотни тысяч человек были увезены, на этот раз в Советский ГУЛАГ... Аресты проходили стихийно, “просто так” на улице могли задержать любого. Так, с легкостью люди, которых преследовали во время войны, были армией-“освободителем” — посланы в советские концентрационные лагеря». URL: http://www.kosice.sk/clanok.asp?file=history_z_hist_20_stor-2.htm.

В.В. Марьина
(Москва)

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ В СССР НАКАНУНЕ, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Целостную концепцию идеи славянской взаимности, т. е. близости, братства, единства, взаимодействия, взаимопомощи славянских народов, сформулировали, как считается ныне, в 20–30-х гг. XIX в. великие словаки — Ян Коллар и Павел Шафарик. В России в различные периоды ее истории славянский вопрос играл неодинаковую роль: иногда он находился в центре общественной и политической жизни, иногда — на ее периферии, а иногда — вообще вне поля общественного интереса. Все дело, по моему мнению, было в том, «насколько востребованными со стороны носителей властных функций оказывались эти, в общем-то, корневые идеи, насколько вписывались они в политические концепции власть предрежащих. Но использование идеи славянской взаимности в политических целях оказывалось возможным именно потому, что этот феномен существовал и, видимо, существует объективно на уровне подсознания славянских народов»¹, хотя многие примеры их государственно-политической истории, особенно в XX в., казалось бы, опровергают указанное утверждение. Но эта история творилась далеко не народами, а их властным истеблишментом. На уровне исторического сознания славянские народы, как представляется, остаются близки друг к другу.

В 20–30-х гг. XX в. идея славянской взаимности считалась в СССР реакционной, крамольной. Тогда в почете были идеи классовой борьбы, мировой революции, пролетарского интернационализма. В их рамки славянская идея не укладывалась, поэтому и подлежала остракизму. Советское политическое руководство устроило гонения и на ее носителей. Многие слависты эмигрировали, некоторые подверглись репрессиям². «К середине 1930-х гг. славяноведение как наука в СССР фактически перестало существовать»³.

¹ *Марьина В.В.* Славянская идея в годы Второй мировой войны (К вопросу о политической функции) // Славянский вопрос: веки истории. М., 1997. С. 169.

² См.: *Аксенова Е.П.* Очерки по истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000; *Робинсон М.А.* Судьба академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 30-х годов). М., 2004.

³ *Досталь М.Ю.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Славянский альманах. 2002. М., 2003. С. 253.

Приметы некоторого изменения в отношении советских властей к славянской идее обозначились, хотя и не сразу, после прихода в Германии к власти Гитлера с его расовой теорией и представлением о славянах как о «недочеловеках», подлежащих уничтожению, а в лучшем случае — превращению в рабов, обслуживающих арийскую немецкую нацию. Над Европой нависла угроза нацистской агрессии, а перед восточной ее частью, и особенно перед славянскими странами, снова возник призрак германской политики «Дранг нах Остен». В целом международная ситуация благоприятствовала оживлению славянской идеи. Тогда-то снова забрезжила надежда на ее востребованность советскими верхами, наметился поворот в господствующей идеологии от жесткой классовой доктрины пролетарского интернационализма к советскому патриотизму, в рамках которого нашлось место и для славянской проблематики. 12 июля 1938 г. академик Н.С. Державин направил председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову обширную докладную записку о положении славяноведения в стране. Он писал: «Я глубоко убежден в том, что в момент наступления на славянские страны фашизма подчеркнутое усиление и укрепление у нас славянских изучений представляло бы собою одну из актуальных форм борьбы с ним»⁴.

Примерно тогда же, по словам украинского писателя и драматурга А.Е. Корнейчука, он был поражен тем, «как Сталин очень объективно и реалистически и в принципе положительно» воспринял его попытку разговора на славянскую тему⁵. Видимо, уловив настроение вождя, на этот вопрос обратили внимание и в партийных верхах. Внимательно изучена, в частности, была записка на имя председателя СНК СССР В.М. Молотова (копия А.А. Жданову) «О некоторых вопросах нашей внешней политики», написанная неким В.П. Золотовым⁶. Дата на документе отсутствует, но, скорее всего, он был подготовлен в первой половине 1939 г. Одним из пороков внешней политики СССР автор называл «нежелание или неумение использовать в наших интересах симпатии и многовековую привязанность славянского населения Балканского полуострова и средней Европы к славянам Советского Союза». «О славянском вопросе» — так назывался отдельный и весьма значительный раздел документа. «Большое заброшенное нами поле по выращиванию и добыванию себе союзников открывает наше обращение к славянам Европы. До сих пор в этой области нами ровно ничего не сделано. Это вполне понятно и объяснимо нашим недавним чрезвычайно пренебрежительным и наплевательским отношением к прошлому России и русскому народу» (подчеркнуто здесь и далее синим карандашом в документе. — В.М.), — считал Золотов. Он отмечал, что общее историческое прошлое, общность языков и письменности открывают «необозримые просторы для культурного и политического влияния на зарубежное славянство». В конце записки автор писал: «Начав с установления прочных культурных связей со славянами Европы,

⁴ Цит. по: *Кукешев Н.* Славянская идея во внешней политике СССР. URL: <http://www.hrono.ru/projekty/slavyane/kike0310.php>.

⁵ Речь идет о беседе Корнейчука с чехословацким посланником З. Фирлингером осенью 1943 г. См.: *Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 2.* Praha, 1948. S. 185.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 77. Оп. 1. Д. 895. Л. 1–14.

Советский Союз не только вступит твердой ногой на Балканский полуостров, но, в конечном счете, станет прибежищем, защитником, вождем и болгар, и сербов, и хорватов, и поляков, и чехов, и черногорцев, и македонских славян, и славян Буковины, и Северной Италии как нацменьшинств, тяготеющих к своему сильному брату». Есть основания полагать, что мысли, высказанные автором записки, были замечены. Стала осознаться политическая значимость славянской идеи. Началась ее реабилитация.

После неоднократных обращений к партийному руководству академиков Н.С. Державина, Б.Д. Грекова и членов-корреспондентов А.Д. Удальцова и В.И. Пичеты появилось решение об организации сектора славяноведения в Институте истории АН СССР (заведующий В.И. Пичета) и создании кафедры истории южных и западных славян в МГУ. В задачи сектора входило изучение славянства и его роли в мировой истории. Одним из его первых сотрудников стал чешский ученый, историк и культуролог Зденек (Романович) Неедлы, эмигрировавший из оккупированной Чехии в 1939 г. Он же стоял и у истоков кафедры южных и западных славян МГУ. К работе сектора ввиду нехватки подготовленных кадров привлекались сначала преимущественно политэмигранты-коммунисты из славянских стран. Все они стояли, естественно, на платформе марксистской идеологии⁷.

Однако обстановка, сложившаяся в СССР после заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г., не способствовала развитию деятельности по восстановлению славяноведения и пропаганде идей славянского единства. Их реанимации мешал, как это ни парадоксально, и неблагоприятный фон практико-политических взаимоотношений славянских государств и народов. Одновременно действовали как бы две противоположные тенденции: с одной стороны, стремление (пока в умах) к объединению усилий в борьбе с конкретным врагом — нацистской Германией, с другой — участвовавшие межславянские конфликты как на межгосударственном, так и на внутригосударственном уровнях. Участие советской страны наряду с Германией в разделе Польши, восточные области которой (Западная Украина и Западная Белоруссия) влились в соответствующие советские республики, стало крупнейшим и важнейшим конфликтом между славянскими государствами. Другими, менее крупными, но не менее болезненными являлись захват Польшей после Мюнхена Тешинской области Чехословакии, а также оккупация Болгарией совместно с Германией и Италией так называемой Вардарской Македонии. Что касается внутринациональных конфликтов, то они обуславливались многонациональным характером таких государств, как Польша, Чехословакия, Югославия. В первой из них господствующей польской нации противостояли 8 млн украинцев и 3 млн белорусов. В ЧСР высокого накала достигло противостояние чехов, словаков и карпато-украинцев (русинов), что облегчило Гитлеру расчленение страны. В образовавшейся после ее распада Словацкой Республике обозначилась напряженность между словаками, теперь уже господствующей нацией, и русинами, украинцами. В Югославии (Хорватия — она с помощью Гитлера в 1939 г. тоже стала квазисамостоятель-

⁷ *Досталь М.Ю.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР... С. 254–258.

ным государством, — Словения, Македония, Босния и Герцеговина и пр.) резко усилились антисербские настроения, осложнявшиеся еще конфессиональным противостоянием (православные — католики — мусульмане). Таким образом, славянский мир в ту пору вовсе не отличался спокойствием и добрососедством; «славянский котел» кипел, переполненный страстями и взаимными претензиями. Гитлер воспользовался межславянскими раздорами для проведения собственной политики и решения собственных задач, приложив, естественно, руку к разжиганию межнациональных страстей⁸.

Новый этап в развитии идеи славянского единства и славяноведения в СССР обозначился с началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 29 июля 1941 г. академик Н.С. Державин совместно с профессором Е.З. Волковым обратились в Государственный комитет обороны с докладной запиской, в которой предлагалось создать Международное бюро в помощь борьбы славянских народов за освобождение от фашистского ига. «Мы полагаем, — говорилось в записке, — что сейчас настал прекрасный момент, когда самим ходом исторических событий Советский Союз поставлен во главе славянских народов, когда Советский Союз может открыто перед всем миром протянуть руку помощи своим младшим братьям-славянам, объединить их вокруг себя и создать таким образом из всех славянских народов под своим руководством в Центральной Европе и на Балканах естественный и мощный оплот против фашизма и возможных в будущем его преемников»⁹. А через день, 31 июля 1941 г., на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова и заместителя начальника Совинформбюро С.А. Лозовского поступило письмо от некоего Я. Хавинсона, в котором предлагался конкретный план развертывания славянского движения, а именно: начать с 1 августа кампанию «Славяне едины в борьбе с немецким фашизмом», провести в Москве массовый митинг на эту тему, принять воззвание ко всем славянским народам. Эти соображения были рассмотрены в ЦК ВКП(б), который предложил председателю Союза писателей СССР А. Фадееву готовить Всеславянский митинг. 7 августа, согласовав с Лозовским, он направил А.С. Щербакову «список писателей и деятелей славянских стран, намеченных в качестве ораторов на славянском радиомитинге». От СССР в него были включены Алексей Толстой, Александр Корнейчук, Янка Купала, Ванда Василевская. Митинг, который открыл А. Толстой, проходил в студии Радиокomiteта два дня, 10 и 11 августа. В воззвании ко всем угнетенным славянским народам говорилось: «У нас одна задача и одна цель — разгром гитлеровских армий и уничтожение гитлеризма. У нас одно и всеобъемлющее стремление, — чтобы славянские, как и все другие народы, мирно и свободно развивались в рамках своей государственности. Мы решительно и твердо отвергаем саму идею панславизма, как насквозь реакционного течения, глубоко враждебного высоким задачам равенства и национального развития всех государств, которую в своих империалистических целях использовал русский царизм». В резолюции митинга были сформулированы цели славянского движения, его ближайшие задачи,

⁸ *Марьина В.В.* Славянская идея в годы Второй мировой войны (К вопросу о политической функции). С. 172–173.

⁹ Цит. по: *Кикешев Н.* Славянская идея во внешней политике СССР. URL: <http://www.hrono.ru/projekty/slavylene/kike0310.php>

а также принципы славянского содружества: «Мы объединяемся, как равные среди равных. Среди нас не должно быть больших и меньших... Мы не посягаем ни на какое равенство, ни на какую руководящую роль для иных народов»¹⁰.

Материалы митинга были изданы отдельной брошюрой. Всеми доступными средствами они переправлялись в славянские страны и публиковались на соответствующих языках в подпольной или партизанской печати. Например, весь августовский номер нелегальной газеты «Руде право» был посвящен первому Всеславянскому митингу. Передовую написал Юлиус Фучик. «Объединение славянских народов, о котором идет речь теперь, в момент наивысшей опасности, — писал Фучик, — основано... на единственной основе, на которой может быть осуществлено: *на основе общих жизненных интересов всех славянских народов, желающих и могущих жить в свободе и мире, на созидательной основе лишь братского сотрудничества со всеми другими народами Европы, как равный с равным*». Фучик призывал усилить борьбу против оккупантов и перейти от пассивного сопротивления им к активному отпору. Было опубликовано выступление З. Нееды на митинге, подробно рассказано о его ходе и принятом им воззвании¹¹.

А вот как оценивал первый Всеславянский митинг в партизанской печати Эдвард Кардель: «...Августовский всеславянский съезд в Москве — историческое событие чрезвычайного значения. Оно означает не только новый импульс в усилении борьбы славянских народов против старых врагов славянства — немецко-итальянских милитаристов, но и переоценку роли, которую до сих пор играла идея славянского единства»¹².

Одновременно к пропаганде идеи славянской взаимности присоединилась АН СССР. 23 сентября 1941 г. состоялась научная сессия Отделения истории и философии АН СССР, посвященная истории борьбы славянских народов против германской агрессии и вопросам общности их культур. Были определены цели научной пропаганды: разоблачение фашистских фальсификаций истории человечества и фашистских лозунгов, проповедуемых в «Mein Kampf» («немцы — раса, а славяне — это только масса рабов»). З. Нееды выступил на сессии с докладом «Общность исторического развития славянских народов». Таким образом, пишет М.Ю. Досталь, «история славян признавалась важным и наиболее показательным объектом антифашистской пропаганды»¹³.

Осень-зима 1941–1942 гг. были чрезвычайно трудными в жизни страны: гитлеровские войска стояли на пороге Москвы. Из столицы на восток были эвакуированы важные учреждения, дипломатические представительства, уехали и многие из тех, кто значился среди инициаторов развития славянского движения в СССР. Но антифашистская пропаганда не прекращалась. В октябре 1941 г. был создан Всеславянский комитет (ВК) СССР. А.С. Щербаков, осведомленный об организаторских способностях генерал-лейтенанта инженерных

¹⁰ Там же.

¹¹ Rudé právo. 1939–1945. Praha, 1971. S. 293–213.

¹² Цит. по: Кикешев Н.И. Славянское движение в СССР. 1941–1948 годы. М., 2008: Дис. ... к.и.н. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kik00.php.

¹³ Досталь М.Ю. Сектор славяноведения Института истории АН СССР... С. 260–261.

войск А.С. Гундорова, в то время начальника Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева, предложил ему возглавить эту организацию. Но развернуть деятельность осенью-зимой 1941–1942 гг. комитет не смог: обстановка была чрезвычайной, да и Гундоров как начальник военной академии оказался в эвакуации во Фрунзе.

Весной 1942 г. положение на советско-германском фронте несколько улучшилось, угрозы падения Москвы больше не существовало, и в столицу стали постепенно возвращаться некоторые эвакуированные учреждения и люди. Вернулся и А.С. Гундоров, который был переведен на должность начальника инженерной службы Московского округа ПВО. И теперь уже общественные дела стали его главным занятием. 4–5 апреля 1942 г. в Москве состоялся второй Всеславянский радиомитинг, о котором стало широко известно в мире. Участники митинга призывали к дальнейшему единению славянских народов, считая, что они «поработались вследствие разобщенности, побеждали при объединении!»¹⁴. Материалы митинга разными путями рассылались во многие страны мира, в том числе и в славянские. Ему, например, был посвящен особый выпуск нелегальной «Руде право», который начинался призывом «Наступило время решающих боев. Славяне, беритесь за оружие!». Подчеркивалось, что в воззвании митинга есть и специальное обращение к чехам: «Чехи, помните, что ваша страна является важнейшим арсеналом Гитлера! Саботируйте производство пушек, танков, боеприпасов, организуйте забастовки, взрывайте военные склады, уничтожайте военные транспорты!». Призыв к словакам звучал так: «Словацкие солдаты, насильно принужденные к борьбе против Советского Союза, не воюйте против своих славянских братьев, отказывайтесь воевать против Красной Армии и ее союзников. Создавайте боевые отряды, переходите на сторону Красной армии!». Газета напечатала некоторые из выступлений участников митинга: А.С. Гундорова, Зденека Неядлы, начальника чехословацкой военной миссии в СССР Гелиодора Пики, Марека Чулена, Ванды Василевской, а также «Обращение ко всем славянским народам»¹⁵.

В адрес митинга поступило около 200 приветствий от организаций и отдельных лиц, в том числе от У. Черчилля, Ф.Д. Рузвельта, Всеславянского конгресса США, прогрессивных организаций славянской эмиграции в США, Канаде, Латинской Америке, Австралии, Новой Зеландии. На митинге было принято решение об издании журнала «Славяне» на всех славянских языках. 21 апреля 1942 г. А.С. Щербаков обратился с письмом по этому вопросу к И.В. Сталину. В нем содержалась просьба поддержать постановление митинга и утвердить редколлегию журнала в следующем составе: академик Н.С. Державин, проф. Зденек Неядлы (чех), Божидар Масларич (серб), Ванда Василевская (полька), Горбунов — ответственный секретарь редакции (секретарь ЦК КП(б) Белоруссии по пропаганде). Прилагалась программа журнала, основной целью которого являлось «сплочение славянских народов для борьбы против гитлеровской Германии и ее вассалов». Резолюция на письме гласила: «“За”. И. Сталин». Оформлено задним

¹⁴ *Руколь Б.М.* Идея общности славян в материалах Всеславянского комитета в Москве // Славянский вопрос: веки истории. С. 204.

¹⁵ Rudé právo. 1939–1945. S. 302–312.

числом как решение Политбюро от 2 апреля 1942 г.¹⁶ Всеславянский комитет, одной из активнейших секций которого была чехословацкая во главе с З. Неедлы, разработал тематику статей для журнала, включавшую три круга вопросов: «Вековая борьба славянских народов с германской агрессией», «Связи славянских народов между собой», «Славянские деятели (борцы за объединение славянских народов)»¹⁷. Большое внимание, как писала Б.М. Руколь, Всеславянский комитет уделял словацкому народу. Ученые обращались к его истории и культуре, показывали связи словаков с другими славянскими народами. С обращениями к словацкому народу выступили академики П.Л. Капица и Н.С. Державин. О месте словаков среди славян говорилось в радиопередаче З. Неедлы «Словакия — колыбель славянской мысли». В специальной радиопередаче «Коллар и Шафарик» рассматривался их вклад в дело объединения славянских народов. Передачи о деятельности словаков в Пражском университете и словацких мотивах в чешской живописи напоминали о традиционных связях чехов и словаков. Освещались также темы «Словацкая матица», «Словаки и русские во время национального возрождения словаков». С беседами о русско-словацких связях выступал по радио неоднократно З. Неедлы: «Словаки и русские», «Россия и словацкое возрождение», «Ян Коллар и русская народная война 1812 года», «Словаки и Ясная Поляна». Для журнала «Славяне» З. Неедлы написал статьи «Идеолог и певец взаимности (К 150-летию со дня рождения великого словацкого поэта Я. Коллара)» и «Традиционная любовь словаков к русским». О Колларе говорил в выступлении по радио и написал статью также писатель Александр Фадеев¹⁸.

Члены ВК поддерживали связи со Славянской комиссией АН СССР (1942–1946 гг.), возглавляемой Н.С. Державиным, сектором славяноведения Института истории АН СССР, славянской кафедрой МГУ. Н.С. Державин уже тогда ратовал за восстановление в стране Института славяноведения и даже за создание в Москве Международной всеславянской академии славяноведения. К работе в ней, как он считал, следует привлечь помимо советских славяноведов — историков, лингвистов, литературоведов и этнографов — «специалистов-славяноведов из южных и западных славян, а также из неславянских дружеских к нам стран Запада и США на равных правах с советскими учеными»¹⁹. Но тогда эти мысли не получили развития.

9 мая 1943 г. состоялся третий Всеславянский радиомитинг, который был посвящен обмену опытом борьбы славянских народов. На этот раз он проводился в Колонном зале Дома союзов. На митинге присутствовало около 2 тыс. человек, в том числе 100 чехов и словаков. В обращении к славянским народам содержался призыв к усилению их борьбы против оккупантов. Обращаясь к гражданам

¹⁶ Архив Александра Н. Яковлева. Большая цензура. Разд. 4. Мир, война и мир (сентябрь 1939 г. — март 1953 г.). Док. № 380. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues/parts/62166/pages/1>.

¹⁷ Обзор материалов, опубликованных в журнале, см.: *Руколь Б.М.* Указ соч. С. 205–210.

¹⁸ Там же. С. 208.

¹⁹ *Досталь М.Ю.* Международные научные связи советских славистов в 40-е годы XX века // *Славянский альманах* 2003. М., 2004. С. 245.

расчлененной Чехословакии, участники митинга призывали: «Создавайте партизанские отряды, уничтожайте немецко-фашистских захватчиков и их подлую агентуру. Всеми мерами уклоняйтесь от мобилизации в гитлеровскую армию. Словаки, насильно мобилизованные немцами в армию, переходите на сторону Красной Армии... К оружию, братья закарпатские украинцы! Вам есть где развернуться в ваших лесах. Истребляйте ненавистных оккупантов». Информацию о митинге поместила и нелегальная «Руде право». Решение славянского вопроса чешские коммунисты-подпольщики связывали с установлением социализма под руководством «славянской России»²⁰. Последним массовым мероприятием Всеславянского комитета стал митинг славянских воинов (23 февраля 1944 г.), на котором среди прочих выступали командир чехословацкой бригады в СССР Л. Свобода, подпоручик словак И. Петро, сержант карпато-украинец И. Туряница, который вскоре сыграл важную роль в развитии движения за присоединение Подкарпатской Руси (Закарпатья) к СССР (УССР)²¹.

Пропагандистская деятельность ВК, несомненно, способствовала объединению усилий славянских народов в борьбе с фашизмом. Однако вряд ли ее стоит преувеличивать. На развитие движения Сопротивления в них оказывало влияние множество факторов как внешнего, так и внутреннего порядка: международное положение и ситуация внутри отдельных стран, события на фронтах Второй мировой войны, и прежде всего на советско-германском фронте, особенности оккупационной политики, организаторские способности руководителей (действительных или провозглашавших себя таковыми) антифашистского движения, традиции и менталитет отдельных народов и т. д.²² Вряд ли можно согласиться и с утверждением о единстве славянского мира как в период войны, так и после нее. В общественной жизни славянских стран продолжали действовать тенденции их противостояния, а также разного вида — политического, экономического, культурного, идеологического, военного — сотрудничества с поработителями, изучение которого началось в последние десятилетия.

На завершающем этапе войны идея славянской взаимности переходит из пропагандистско-мобилизационной в практико-политическую плоскость, что было связано с разработкой доктринальных основ советской внешней политики и планов послевоенного мирного урегулирования. Идея межгосударственного славянского союза, думается, возникла еще в первые годы войны. Мысль о «жизненном, положительном значении» пакта «о взаимопомощи между славянскими народами как на время войны с Германией и ее союзниками, так и на послевоенный период», в частности, была высказана в инструкциях руководства НКВД СССР советскому послу при союзных правительствах в Лондоне А.Е. Богомолу для разговора с Э. Бенешем 31 июля 1942 г.²³ Более подробно об этой идее

²⁰ Rudé právo. 1939–1945. S. 405–406, 516–517.

²¹ См.: *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М., 2003.

²² См.: *Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945.* М., 1995.

²³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 13.

говорилось в пространной записке «Польско-чехословацкая конфедерация»²⁴, составленной Центральноевропейским отделом НКВД (подписана Н. Новиковым) в октябре 1942 г. и представленной В.М. Молотову. «Укрепление отношений между славянскими странами на почве совместного сопротивления гитлеризму, — говорилось в записке, — в своем естественном развитии могло бы вылиться в пакт о взаимопомощи не только на период нынешней войны против Германии, но и на длительный послевоенный период. Такой пакт сыграл бы огромную роль для ограждения национальной независимости славянских народов Средней Европы». Подчеркивалось положительное значение создания «прочной и деятельной системы взаимопомощи между этими народами для устойчивости всей организации послевоенной Европы»²⁵. В 1942–1943 гг. между Москвой и Лондоном активно обсуждался вопрос о поездке Э. Бенеша в СССР для заключения советско-чехословацкого договора, чему сначала решительно противились англичане. Бенеш был убежденным сторонником идеи славянского единения для борьбы с германской агрессией²⁶, что следует, в частности, из его статьи в журнале «Славяне»²⁷. Вопрос о позиции советского руководства в славянском вопросе подробно обсуждался им с А.Е. Корнейчуком, тогда заместителем наркома иностранных дел, во время остановки на английской военной базе Хабанья на пути в Москву для подписания договора. По всей видимости, он был полностью удовлетворен данными ему разъяснениями²⁸.

12 декабря 1943 г. в Москве между Советским Союзом и Чехословакией был подписан Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. В Протоколе к нему значилось, что если к договору пожелает присоединиться какая-либо третья страна, подвергшаяся германской агрессии (имелась в виду Польша), то ей будет дана такая возможность и договор, таким образом, превратится в трипартийный²⁹. Бенеш, поддерживавший в начале войны планы создания чехословацко-польской конфедерации при условии согласия с этим Советского Союза, а затем — советско-чехословацко-польского союзного договора, был доволен этим³⁰.

Во время своего пребывания в Москве Бенеш посетил Всеславянский комитет и высоко оценил его работу. В речи, которая затем передавалась по радио, он

²⁴ Более подробно о позиции советского руководства в вопросе создания после войны такой конфедерации см.: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 101–148.

²⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 276. Л. 42–43.

²⁶ *Beneš E.* Naše slovanská politika. Londýn, 1943; *Beneš E.* Uvahy o slovanství. Hlavní problémy slovanské politiky. Londýn, 1944.

²⁷ *Бенеш Э.* Революционное содружество свободных славянских народов // *Славяне*. 1942. № 6. С. 11–18; № 7. С. 5–13.

²⁸ *Марьина В.В.* Визит Эдварда Бенеша в Москву: славянский вопрос (декабрь 1943 г.) // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах*. М., 2012. С. 106–118.

²⁹ *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений*. М., 1981. Т. 4. Кн. 1. С. 394–396.

³⁰ *Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы*. М., 1960. С. 140.

подчеркнул большое значение советско-чехословацкого договора для всех славянских народов: «Наш договор — это одно из важнейших событий, которое будет иметь влияние на наше положение и положение славян после войны. Мой путь в Москву представляется мне символическим. Такой же путь в будущее совершат и все славянские народы. Мой путь сюда — это манифестация славянской солидарности». При этом Бенеш подчеркнул, что славянская политика должна быть демократической, народной. Символический путь славянства, заложенный договором, по мнению Бенеша, это «единственный правильный путь»³¹. Советский Союз чехословацкий президент видел во главе славянского движения и сообщал в Лондон 18 декабря: «Он возглавит славян и добьется для себя и для них совершенно нового положения в мире... Договор понимается, как начало новой, очень важной политической фазы для славян»³². Во время встреч Бенеша со Сталиным затрагивалась и славянская тема, о чем он упомянул на чрезвычайном заседании чехословацкого правительства в Лондоне 11 января 1944 г. Позицию Сталина по этому вопросу Бенеш обобщил так: «Необходимость *dohody* (это слово переводится на русский и как договор, и как соглашение. Вероятно, Бенеш имел в виду и то и другое. — *В.М.*) между славянскими народами. Он (Сталин. — *В.М.*) сказал: Я никакой не панславист, я — ленинец, и им останусь. Но не будет спокойствия и мира, если я не проведу необходимые мероприятия против Германии и за сотрудничество славянских народов; мы должны окончательно сломить немецкий империализм, а его нельзя сломить иначе, чем это записано в нашем договоре. Если договоримся мы и чехословаки, то к соглашению с нами должны прийти и поляки, и все остальные славянские народы»³³.

Советское руководство считало договор первым политическим шагом в реализации идеи славянской взаимности как одной из составляющих внешнеполитической концепции Москвы. Поэтому обращалось особое внимание на пропаганду заложенных в договоре принципов. Среди направлений работы Советского информбюро важнейшими стали «всемерное разъяснение славянским народам, что сохранение их свободы и независимости от немецкой агрессии возможно лишь при постоянном и неразрывном содружестве с народами Советского Союза, призыв славян к вооруженной борьбе против немцев, разъяснение советско-чехословацкого договора для судеб славянских народов»³⁴.

В это время стала более четко прорисовываться идея единения (его формы находились в стадии осмысления) славянских государств как ядра будущего просоветского блока в Восточной Европе. Однако в своих высказываниях и официальных заявлениях на этот счет советские лидеры были весьма осторожны. Москва опасалась негативной реакции со стороны западных союзников. Внимательно ознакомились советские руководители и с проектом программы нового чехословацкого правительства, подготовленным Загранбюро КПЧ. Критике подвергся

³¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6646. Оп. 2. Д. 19. Л. 23–24об.

³² Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Praha, 1999. Díl 2. S. 173.

³³ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních... S. 204.

³⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 25. Д. 215. Л. 145–169.

раздел о внешней политике: «Весь раздел лишен чувства меры в вопросе об отношении к Советскому Союзу и единству славянских народов». «Весь раздел требует исправления с тем, — говорилось в замечаниях, — чтобы при сохранении ориентации Чехословакии на Советский Союз и на укрепление единства славянских народов подчеркнуть также укрепление дружественных отношений Чехословакии с Англией, США, Францией и др. объединенными нациями и устранить скользкие формулировки о славянской внешней политике, средневропейском и восточноевропейском объединении славянских народов и т. п.». Эти замечания были учтены, исчезла формулировка о *союзных* с СССР славянских странах, но при этом подчеркивалась неуклонная линия ЧСР на союз с СССР и практическое взаимодействие с ним во всех сферах жизни. Определялось и конкретное направление славянской политики обновленного государства. Ставилась задача наладить «прочные союзнические связи с новой демократической Польшей», самые дружественные взаимоотношения с Югославией и Болгарией³⁵.

Гитлеровская пропаганда в это время широко вещала о том, что после роспуска Коминтерна Москва свой лозунг «пролетарского интернационализма» заменит панславизмом. Этого опасались и многие на Западе, предполагая возможность складывания в ближайшем будущем некоего блока славянских государств под эгидой Советского Союза. О том, что опасения такого рода существовали, свидетельствует, в частности, беседа Бенеша с ведущими деятелями Всеславянского комитета 28 марта 1945 г. в Москве, которую он посетил при переезде на освобожденную территорию Чехословакии. Обсуждались проблемы славянского движения и его дальнейшего развития. Бенеш подчеркивал, что Москва должна быть руководящим центром этого движения³⁶. Однако в это время не в ее интересах было нагнетать напряженность в отношениях между союзниками по антигитлеровской коалиции и провоцировать рост их подозрительности относительно намерений Советского Союза создать славянский блок под своим влиянием. Предпочтительней оказалась мысль строить взаимоотношения СССР со славянскими странами, а также между ними на двусторонней основе. Таким образом, возникал как бы скелет возможного в будущем межславянского государственного образования. В конце войны были заключены аналогичные советско-чехословацкому договоры СССР с Югославией (11 апреля 1945 г.) и Польшей (21 апреля 1945 г.). С Болгарией такой договор был заключен 18 марта 1948 г., т. е. после подписания с ней мирного договора (10 июля 1947 г.). Аналогичные договоры связали меж собой и другие славянские страны: Польшу и Чехословакию (10 марта 1947 г.), Чехословакию и Болгарию (23 апреля 1948 г.), Болгарию и Польшу (29 мая 1948 г.).

Отошел пока в тень активно, хотя и негласно, обсуждавшийся югославскими и болгарскими коммунистами при участии советского руководства в 1944 г. вопрос о создании южнославянской федерации³⁷. Между руководителями Бол-

³⁵ Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 2. 1941–1945 гг. С. 314–315; Cestou Května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Praha, 1975. S. 32–33.

³⁶ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 52–57.

³⁷ О проектах создания южнославянской федерации см. подробнее: Губианский Л.Я. Балканский узел // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 86–109.

грии и Югославии существовали разногласия относительно ее формы. Сталин, который в принципе не возражал против самой идеи, высказался за ее постепенное, поэтапное осуществление³⁸. Вопрос о федеративном объединении обоих государств не был снят с повестки дня, но отложен на будущее.

О том, как видел Сталин осуществление на практике идеи славянской взаимности в послевоенное время, дает представление его высказывание во время обеда, устроенного в честь президента Э. Бенеша 28 марта 1945 г. Один из предложенных Сталиным тостов был «за новых славянофилов», к которым он причислял и себя. «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе друг с другом против нашего общего врага — немцев. Вся история жизни славян учит, что этот союз необходим для защиты славянства... Заключив союз, славянские народы могут оказывать друг другу хозяйственную и военную помощь. Мы можем это делать теперь с успехом. Поэтому я пью за союз славянских народов»³⁹. Что скрывалось за термином «союз» Сталин не уточнил. Был ли это союз на двусторонней основе между СССР и другими славянскими странами, а также между ними или какая-либо форма федеративного объединения, не ясно. Скорее всего, как свидетельствуют факты, пока первое, т. е. заключение союзных двусторонних договоров.

Вопрос о федерации публично пока не поднимался, хотя на уровне двусторонних переговоров Г. Димитрова и И. Б. Тито, связанных с подготовкой бессрочного болгаро-югославского договора, обсуждался. Усиливалась и напряженность в советско-югославских взаимоотношениях. В этой обстановке Сталин во время встречи с Димитровым 8 августа 1947 г. в Москве советовал ему не торопиться с подписанием договора. «Слишком торопитесь, слишком нервничаете, — записал Димитров его слова в дневнике. — Все это вы можете сделать бесшумно...»⁴⁰ В письме на имя Димитрова Сталин заявил, что советское правительство «не может брать на себя ответственность за договоры большой важности в области внешней политики, которые заключаются без консультации с советским правительством». «В связи с сообщением нашего большого друга (имелся в виду Сталин. — В.М.), — сообщал Димитров в шифровке Тито, — следует признать, что мы увлеклись в вопросе о договоре. С целью поправить допущенные нами ошибки необходимо, по моему мнению, аннулировать этот акт, а когда наступит благоприятное время, после соответствующих консультаций с советскими

³⁸ Георги Димитров. Дневник (9 март 1933 г. — 6 февруари 1949 г.). София, 1997. С. 474.

³⁹ Заметки сделаны наркомом танковой промышленности В.А. Малышевым. См.: Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 128; примерно то же самое содержит и другая запись, сделанная секретарем В.М. Молотова Б.Ф. Подцеробом. См.: Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45. Оп. 1. Д. 393. Л. 57–59. Документ опубликован в кн.: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 2. 1941–1945 гг. С. 411–412.

⁴⁰ Георги Димитров. Дневник... С. 555.

друзьями договор подписать и опубликовать»⁴¹. Но как следовало из шифровки, полученной Димитровым 14 сентября 1947 г., советское руководство считало, что после вступления в силу мирных договоров (16 сентября) правительства Болгарии и Югославии могут приступить к осуществлению договора о дружбе и взаимопомощи⁴². В это же время началось обсуждение вопроса о подписании болгаро-чехословацкого договора. Предложения чехословацкой стороны на этот счет следовало проконсультить «с советскими друзьями». Проект договора был направлен В.М. Молотову, и тот согласился с ним. Учитывая, что это происходило уже после создания Коминформа и заявления А.А. Жданова о разделении мира на два лагеря, в проекте предусматривалась взаимопомощь против всякой агрессии, а не только против агрессии Германии⁴³. 27 ноября был подписан болгаро-югославский договор.

Димитрова не оставляла мысль о федерации, которую он и высказал на пресс-конференции в Бухаресте, куда прибыл в связи с подписанием болгаро-румынского договора. 24 января 1948 г. он получил шифровку, подписанную Сталиным (Дружковым), в которой тот оценивал высказывания Димитрова «как вредные, наносящие вред странам новой демократии, облегчающие борьбу англо-американцев против этих стран». Набирал силу конфликт Сталин — Тито. 10 февраля 1948 г. болгарская (Г. Димитров, В. Коларов и Т. Костов) и югославская (Э. Кардель, М. Джилас, В. Бакарнич) делегации были приняты в Кремле Сталиным. Ход беседы стенографировал Т. Костов, и эта запись с пометкой «строго секретно» включена в дневник Димитрова. Сталин отчитал его за сделанные высказывания: «Вы хотели сказать новое слово. Поляки и чехи смеются над вашей федерацией. Спросите их, хотят ли они ее? ...Если хотите объединиться, зачем поднимать такой шум вокруг этого?»⁴⁴. Согласно воспоминаниям Джиласа, Сталин советовал как можно скорее начать создание южнославянской федерации в составе: Болгария, Югославия, Албания. Кардель заметил, что работа «над созданием югославско-албанской федерации уже идет, но Сталин возразил: «Нет, сначала федерация между Болгарией и Югославией, а затем обеих — с Албанией и добавил: — Мы думаем, что следует создать федерацию Румынии с Венгрией и Польши с Чехословакией»⁴⁵. Однако в сложившейся обстановке Тито отказался от мысли о федерации, считая, что Болгария может сыграть в ней роль «троянского коня». Разрыв СССР и стран советского блока с Югославией снял вопрос о создании южнославянской федерации и вообще о создании межгосударственных объединений славянских стран в форме ли федерации или конфедерации.

⁴¹ Там же. С. 556.

⁴² Там же. С. 564.

⁴³ Там же. С. 572, 580–581.

⁴⁴ Там же. С. 596–600.

⁴⁵ *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 124, 126, 131. Документы о встрече 10 февраля 1948 г. опубликованы Л.Я. Гибианским и В.К. Волковым в журнале «Исторический архив». 1997. № 4; см. также: *Гибианский Л.Я.* К истории советско-югославского конфликта: секретная советско-болгарско-югославская встреча в Москве 10 февраля 1948 г. // Советское славяноведение. 1991. № 3.

Идея славянской взаимности в первые послевоенные годы продолжала жить и на идеологическом уровне. В 1944 г. Щербаков считал необходимым подумать «о новом славянском движении в послевоенный период и все эти вопросы практики, теории и истории перенести на обсуждение Славянского съезда»⁴⁶. Движение мыслилось как «антифашистское и демократическое», направленное против «реакционных клик славянских стран». В них были созданы национальные славянские комитеты, поддерживавшие тесные связи с Всеславянским комитетом в Москве. 16 июня 1945 г. А.С. Гундоров направил секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову письмо с предложением созвать Всеславянский конгресс, чтобы «подвести итоги совместной борьбы против гитлеровской Германии и обсудить проблемы славянского движения»⁴⁷. На заседании подготовительного комитета конгресса в Белграде 17–19 июня 1946 г. были намечены три основных вопроса для обсуждения: славянские народы в борьбе за мир и демократию (докладчик член исполкома ЦК КПЮ М. Джилас), вклад славянских народов в мировую культуру (академик Б.Д. Греков), организационные вопросы (А.С. Гундоров).

Конгресс открылся в Белграде 8 декабря 1946 г. Его участников приветствовал Тито, который сказал: «Нам, славянам есть действительно чем гордиться. Мы гордимся тем, что именно славяне стали носителями лучших и более счастливых общественных отношений, лучшего общественного строя. Мы гордимся великим Советским Союзом, мы гордимся и тем, что именно славяне стали строителями, укрепляющими и созидующими истинно народную демократию... мы собрались здесь, чтобы твердо заявить, что славяне никогда больше не будут служить чужим интересам». Джилас заявил, что главную роль в борьбе против фашистских захватчиков сыграли славянские народы, что разгром гитлеровской Германии и ее союзников — это, по сути дела, заслуга Советского Союза. Выступая как югослав и от имени всех присутствующих, он сказал: «Мы не можем добиться успеха в борьбе за мир и демократию, не опираясь на Советский Союз. Это сотрудничество не угрожает ни одному народу!» С такими же пылкими речами выступили Станислав Трояновский (Польша), Вылко Червенков (Болгария), Густав Гусак (Чехословакия). А.С. Гундоров говорил о необходимости создания Общеславянского комитета для «осуществления связи и информации между национальными славянскими комитетами». Он заявил, что комитет должен располагаться в Белграде, поскольку Югославия объединяет 5 из 12 славянских народов. Всеславянский комитет в Москве был преобразован в Славянский комитет СССР.

Общеславянский комитет (ОК) возглавил генерал-майор югославской армии Божидар Масларич. От СССР в него вошли А.А. Вознесенский (вице-председатель, ректор ЛГУ), А.С. Гундоров, А.Е. Корнейчук, народная артистка СССР Л.П. Александровская, сотрудник Отдела пропаганды ЦК ВКП(б) Л.С. Баранов. Одной из задач ОК была признана «разработка теоретических проблем нового славянского движения». Развертывание деятельности комитета

⁴⁶ *Досталь М.Ю.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. первый общеславянский съезд славистов // Славянский вопрос: вехи истории. С. 183.

⁴⁷ *Кикешев Н.И.* Славянское движение в СССР. 1941–1948 годы. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kik00.php

началось в неблагоприятной обстановке, характеризующейся нарастанием международной напряженности и углублением партийно-государственного кризиса в отношениях СССР и Югославии. Решения Белградского конгресса и планы ОК выполнены не были. Не состоялись ни второй Славянский конгресс в Праге, посвященный 100-летию первого славянского съезда в Праге, ни съезд ученых-славистов, проведение которого намечалось в Москве в 1948 г. с негласной целью оказать идеологическое влияние на развитие славяноведения как науки в славянских и других странах⁴⁸.

В последующие годы связи СК СССР с зарубежными славянскими комитетами развивались только на двусторонней основе, но и они к концу 1950-х постепенно ослабли. В 1958 г. был закрыт журнал «Славяне», а в 1962 г. прекратил существование и Славянский комитет СССР. Идеи славянской взаимности с большим или меньшим успехом разрабатывались российскими учеными-славистами комплексного Института славяноведения АН СССР (образован в 1947 г.), а также славянских кафедр исторических факультетов, созданных во многих советских университетах и существующих до сих пор.

Славянский мир ныне расколот, но славянская идея продолжает жить. Институт славяноведения АН РФ издает «Славянский альманах» и журнал «Славяноведение», на страницах которых могут печататься и зарубежные ученые. Существуют славянский фонд РФ, Государственная академия славянских культур. В России и других странах ежегодно отмечается День славянской письменности и культуры. «Именно оживление культуры и научных связей, — считает К.В. Никифоров, — создает сегодня предпосылки для общего улучшения отношений между славянскими народами... Без развития отношений со славянским миром Россия просто не сможет существовать. Это не только сфера обеспечения ее национальных интересов. Принадлежность к славянству — часть нашего самосознания»⁴⁹.

⁴⁸ *Досталь М.Ю.* Запись беседы А.А. Жданова с организаторами конгресса ученых-славистов. Март 1948 г. // Исторический архив. М., 2001. № 5. С. 3–13; *Она же.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. первый общеславянский съезд славистов. С. 182–203.

⁴⁹ *Никифоров К.В.* Куда же Россия без славян // Родина. 2006. № 4.

О.В. Павленко
(Москва)

1945 г. В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ: ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ КРАСНОЙ АРМИИ¹

Проблема освобождения стран Центральной Европы Красной армией имеет как научное, так и гуманитарное измерение. Присутствие советских воинских контингентов обусловило складывание здесь особого геополитического пространства — «буферной зоны» между СССР и Западной Европой, в которой местные политические традиции сочетались с советским военно-политическим присутствием.

В советской исторической науке уже со второй половины 1950-х гг. стала формироваться установка — СССР не только освободил страны Восточной Европы, но и защитил их государственную целостность от «империалистических происков» США и Великобритании. В контексте официального советского дискурса реконструировался образ «солдата-освободителя», защитника мирного населения, беззаветно преданного делу Победы, сохранившего культурные ценности на освобожденных территориях, восстановившего мирную жизнь в Европе¹. Этот образ «солдата-героя и освободителя» находится в резком противоречии с другим стереотипным представлением о советском солдате, сформировавшимся

¹ Представленная статья публикуется в измененном и сокращенном варианте. Первая публикация:

Павленко О.В., Безбородов А.Б. Erinnerungen an Oesterreich. Oral-History Interviews mit ehemaligen sowjetischen Besatzungssoldaten // Die Rote Armee in Oesterreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955 / Hrg. von S. Karner, B. Stelzl-Marx. Graz–Wien, 2005;

Павленко О.В., Безбородов А.Б. Красная Армия в Австрии (по материалам интервью ветеранов Красной Армии) // Российско-австрийский альманах: к 50-летию заключения Государственного договора с Австрией / Под ред. С. Карнера, В. Минаева, А.М. Чубарьяна. М.—Ставрополь—Грац—Вена, 2006. С. 13–42.

См: *Желанов В.Н.* Взаимодействие сил австрийского движения сопротивления с войсками Красной армии в боях за освобождение Австрии (апрель, 1945 г.) // Вторая мировая война. Материалы научной конференции. М., 1966. Кн. 3. С. 117–121.; *Малахов М.М.* Освобождение Венгрии и Восточной Австрии. М., 1965; *Малахов М.М.* От Балатона до Вены. М., 1959; Освобождение городов. М., 1985; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947. Т. 3.; *Ворошилов С.И.* В борьбе против гитлеровских оккупантов // Новая и новейшая история. 1965. № 1; Освободительная миссия советских вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. М., 1985; *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945 гг.). М., 1973.

в западных исследованиях. «Солдата-оккупанта», совершавшего мародерства и насилие над мирными жителями².

В истории Второй мировой войны подобных противоречивых подходов множество. Парадоксально, но чем дальше становится историческая дистанция, тем больше возникает острых споров вокруг трактовок тех или иных событий и явлений. По-разному в странах Центральной Европы воспринимают исторический факт освобождения от нацизма. Драматичный опыт 1956 и 1968 гг., сведения о репрессиях в период советизации, современные идеологемы в значительной степени влияют на историческую память о войне. После разрушения Восточного блока в каждой из стран — Чехии, Венгрии, Румынии, Польше, Словакии и Австрии был заново воссоздан нарратив Второй мировой войны от вхождения / включения / завоевания в Третий рейх до освобождения их Красной армией. Благодарная память сохраняется в Словакии и Австрии, где с заботой и вниманием относятся к памятникам в честь советских солдат и их могилам.

После распада СССР образовался ценностный вакуум в сознании постсоветского общества. В России остро ощущается необходимость формирования новой коллективной идентичности, которая смогла бы объединить разорванные связи между поколениями, стать скрепляющим символом прошлого и настоящего. Среди объединяющих исторических смыслов именно память о Победе в Великой войне и жертвенность подвига советских людей стали ключевым кодом идентичности современной России.

Но в героическом дискурсе Победы нередко растворяется сама военная реальность с ее повседневностью, особыми моральными и нравственными установками, возможными только в условиях военного времени. Психологическая природа противостояния как формы выражения мыслей и поступков вытекает из самой природы войны. Только на войне психологическая конструкция «мы — они» существует в чистом виде обоюдного неприятия. «Они» воспринимаются не просто как другие, но как сообщество, безусловно, враждебное, ничего общего не имеющее с тем, что объединяется с понятием «мы».

История в воспоминаниях современников — это судьба времени, и, подобно человеческой судьбе, она всегда субъективна, вариативна и изменчива. Это история человеческих эмоций, надежд, разочарований и чаяний. Без уяснения психологического фактора военного противостояния невозможен системный анализ феномена «освобождения — оккупации» и связанного с ним поведения победителей по отношению к населению на освобожденных территориях. Ведь на территорию стран Центральной Европы вступила Красная армия, прошедшая сквозь ужасы разорения своих городов и деревень. Ее солдаты уже несколько лет выживали на грани возможного в кровопролитных боях, теряя родных и товарищей. Они вступали на территорию других государств, так или иначе втянутых в военные действия против СССР, — Австрии, Венгрии, Румынии и Словакии.

² *Bischof G.* Austria in the First Cold War, 1945–1955. The Leverage of the Weak. Macmillan Press, 1999. P. 32–35; *Les K. Adler and Thomas G. Paterson.* Red Fascism: The Merger of Nazi Germany and Soviet Russia in the American Image of Totalitarianism, 1930–1950-s // American Historical Review. 1970. 75 / 4. P. 1046–64; *Stearman William Lloyd.* The Soviet Union and the Occupation of Austria: An Analysis of Soviet Policy in Austria, 1945–1955. Bonn, 1962.

Психология военного противостояния во многом формировалась через личный и коллективный опыт общества, опаленного огнем войны, — его перспективных и текущих жизненных ориентиров, требований и притязаний в разных социальных группах армейской среды.

Вторая мировая война, по сути, определила главное противоречие всей последующей эволюции советской политической системы. Она заложила заряд разрушительной силы под несущие конструкции сталинской модели управления обществом. В годы войны стихийно сложились различные формы армейского братства, не соответствовавшие жестко регламентированным партийно-классовым нормам. Сознание победителей, которым была проникнута армейская среда от солдат до генералов, не вписывалось в вертикальную иерархию «коммунистического централизма». Наконец, советские солдаты, впервые оказавшись за границей, испытали сильный культурный, цивилизационный шок от резкого контраста советской повседневности, сведенной к минимальным потребностям, со стилем и образом жизни стран Центральной Европы.

Цель данной статьи — охарактеризовать социально-демографический состав респондентов — бывших солдат и офицеров 2-го и 3-го Украинских фронтов, а также попытаться реконструировать на основе их воспоминаний военную повседневность 1945 г. Для сравнения были привлечены также материалы интервью той категории населения, которая получила название «узники третьего Рейха», — людей, угнанных нацистами с территории СССР на принудительные работы. В этой связи особенно важны сюжеты, содержащие информацию о том, как советские люди пережили столкновение с иным культурно-историческим пространством, — еще чуждым, но уже не враждебным. Кем они ощущали себя — освободителями или оккупантами? Как происходил переход от военной реальности к поствоенной, еще не мирной жизни? Наконец, как советские комбатанты воспринимали австрийцев, словаков, венгров?

Основой данного исследования является коллекция интервью, собранных в рамках российско-австрийского проекта «Красная Армия в Австрии в 1945–1955 гг.» (руководитель — проф. Стефан Карнер). Группой исследователей из Историко-архивного института РГГУ было создано 57 интервью с бывшими военнослужащими Красной армии и угнанными в Третий рейх работниками принудительного труда. Все интервью были записаны на электронных носителях, а также расшифрованы и сохранены в текстовых версиях. Они собраны в коллекции военных интервью Историко-архивного института РГГУ. Это — ценный источник, позволяющий реконструировать «живую историю» войны. Рамки статьи не позволяют осветить все материалы, поэтому основное внимание будет уделено 1945 г., историческому рубежу между войной и миром.

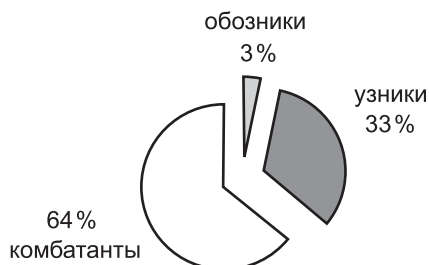
База данных интервьюируемых

В ходе интервьюирования респондентам было предложено заполнить анкеты, в которых были зафиксированы даты рождения, сведения о семье респондента, его довоенном и послевоенном опыте, образовании и профессиональной деятельности, вероисповедании, национальности.

Из представленных интервью 70% — «мужские», 30% — «женские». «Мужские» интервью обладают рядом особенностей. В них гораздо чаще мир воспринимается как объемная политическая карта. Повествование, как правило, абстрактно, сюжеты подбираются для выражения основной идеи рассказа, которая четко прослеживается на всем протяжении интервью. В «женских» интервью выделяются другие качества. Они очень детальны, изобилуют мелкими подробностями. Текст построен на основе ассоциативно-предметных связей. В таких интервью часто встречаются описания деталей быта, внутреннего убранства домов, в красках воссоздаются отношения между людьми, их эмоции и чувства.

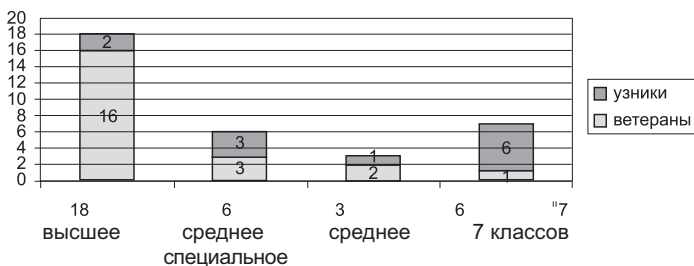
Условно всех интервьюируемых можно разделить на три основные группы: «комбатанты» — солдаты и офицеры Красной армии, находившиеся в регулярных воинских подразделениях, «обозники» — к этой категории были отнесены люди, находившиеся в воинских частях, но не участвовавшие в боевых действиях (жены офицеров, работники связи, сотрудники медсанчасти), «узники» — советские люди, угнанные в Третий рейх на принудительные работы.

Как уже отмечалось выше, анкеты респондентов позволяют выявить некоторые тенденции, которые не отражаются в интервью, но влияют на его содержание. К примеру, образовательный уровень респондента, прямо определяющий специфику его речевого сознания, т. е. набор слов, лексических оборотов, лингвистических конструкций, принятый в социальной среде респондента.

Из следующей диаграммы становится ясно, что уровень образования у ветеранов Красной армии гораздо выше, чем у бывших принудительных работников.

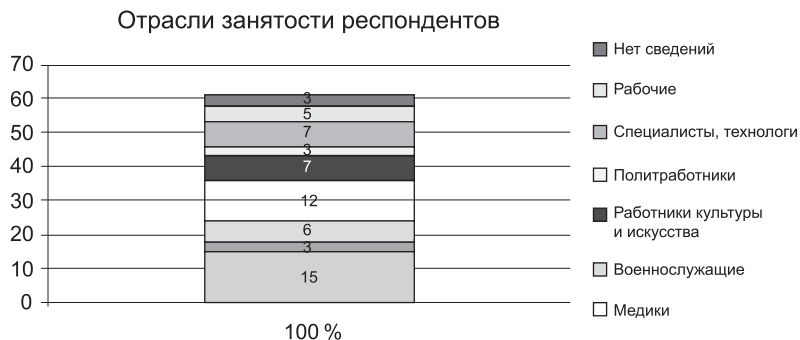
Образовательный уровень и социальный состав респондентов

Только два принудительных работника смогли получить впоследствии в СССР высшее образование, в то время как в среде ветеранов высшее образование

составляет почти 73% от общего числа интервьюируемых. Среди респондентов с неполным средним образованием доля узников Третьего рейха, наоборот, значительно выше. Она составляет 83% от общего числа респондентов с образованием 7 классов и представлена долей в 45% среди узников. За исключением узников трудовых лагерей, угнанных из сельской местности, где высшее образование только у одного представителя категории из 9, четкой закономерности такой зависимости не прослеживается. Это в значительной степени обусловлено тем, что участие во Второй мировой войне в рядах Красной армии оторвало ветеранов от их сельских корней, тем самым сделало для них более доступным получение высшего образования и развитие социальной мобильности внутри советского общества.

Из диаграммы можно судить, что самой большой (15 человек, или 28% от общего числа информантов) является категория научных работников. Весомая доля у категории «военнослужащие» — 12 человек, а также 13% представляют категорию специалистов-технологов, по 6 человек (11%) — работники культуры и медицинской сферы, 5 человек (9%) — рабочие, 3 человека (5%) — школьные учителя, о занятости трех информантов, к сожалению, сведения отсутствуют.

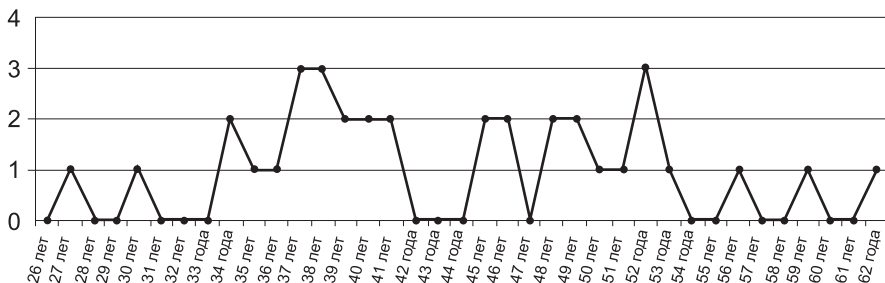
Изучив данные о трудовом опыте информантов, в частности о количестве проработанных ими лет, можно составить следующий график, ось X которого — количество лет трудового стажа, а ось Y — количество респондентов, имеющих такой трудовой стаж.

Как мы видим из графика, трудовой стаж респондентов проекта колеблется от 26 до 62 лет, при этом стаж большинства респондентов (88% от общего числа анкет ВК) находится в промежутке от 33 до 52 лет. Это свидетельствует о том, что информанты, которые приняли участие в проекте, в большинстве своем представляют активный социальный слой общества. Большинство интервьюируемых долго работали и не уходили на пенсию. Несмотря на возраст, они продолжают себя ощущать востребованными в обществе и занимают активную социальную позицию.

Рассказ респондента с высоким образовательным уровнем имеет, как правило, много ассоциативных взаимосвязей, четкую логику повествования. Наоборот, в воспоминаниях людей с невысоким уровнем образования (с неполным средним, средним специальным образованием) прослеживается некоторая «предметность» мышления, т. е. рассказы таких респондентов посвящены чаще всего конкретным случаям и происшествиям. Сюжеты в их рассказах отрывочны,

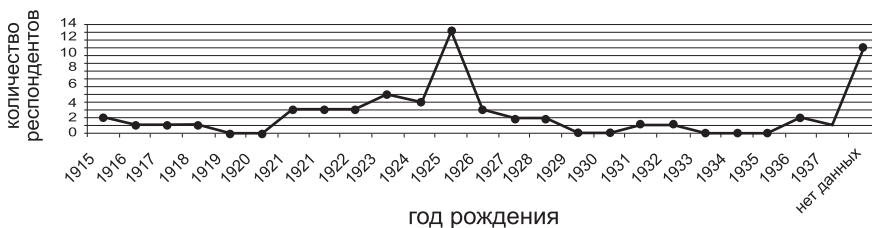
воспоминания не структурированы, стройность повествования теряется. Но они очень интересны, потому что пронизаны мифологическими образами, яркими, красочными описаниями и высказываниями. В них преобладают такие обороты, как «говорят, что...», «рассказывали, что...», что подчеркивает отсутствие личного мнения респондента по отношению к сюжету повествования.

Трудовой стаж респондентов

Следует учитывать также, что высшее образование до войны могли получить только респонденты 1919 г. рождения и старше (среди участников проекта это только 9% — 5 человек из 57). Фактор возраста является одним из определяющих профиль воспоминаний. Следующий график показывает количество респондентов (по шкале Y), рожденных в 1915–1937 гг. (по шкале X). Мы можем отметить две вершины на графике, это 13 респондентов, рожденных в 1925 г., и 11 респондентов, данные о дате рождения которых утеряны. На этом графике также видно, что большинство респондентов (64%) рождены в 1921–1928 гг., т. е. в 1945 г. они были молодыми людьми в возрасте от 17 до 24 лет.

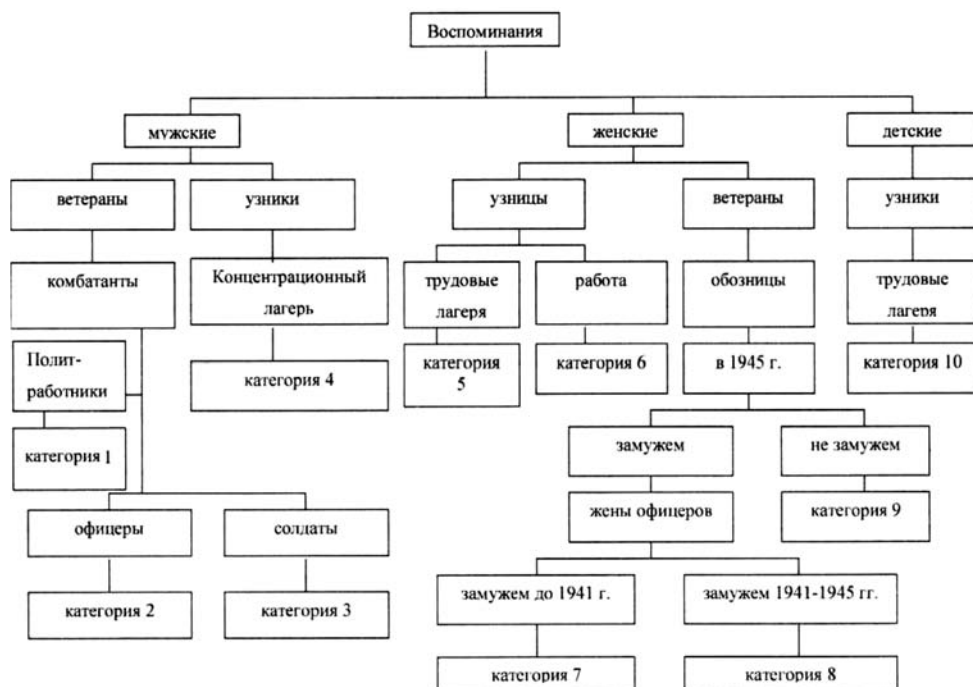
Анализ года рождения 55 респондентов

Все собранные интервью можно разделить на несколько категорий, внутри каждой из них запечатлен опыт определенной социальной среды, соответственно и каждая имеет свой ракурс восприятия реальности прошлого и ее более поздней реконструкции в памяти.

Для удобства классификации в каждой конечной ячейке цепочки представлен номер отдельной категории, которую составляют группы интервьюируемых. Таким образом, было выделено 10 отдельных категорий респондентов, каждая из которых имеет свои особые способы воспроизведения прошлого и его интерпретации.

Разделение категории женщин-ветеранов по признаку замужества объясняется тем, что в тексте интервью женщин, вышедших замуж во время войны и в первые месяцы после нее, вся военная действительность, весь быт воспринимаются в контексте личных отношений с супругом или женихом. Многие поступки в этих воспоминаниях мотивируются именно этими личными отношениями, высок процент воспоминаний о супруге, о фрагментах его военной биографии.

В интервью 7-й категории женщины, как правило, имеют устойчивую самостоятельную систему ценностей. На первый план выдвигается личный опыт, воспоминания имеют выраженный персонифицированный характер. А в интервью 9-й категории как нигде высоко восприятие мужчин-военнослужащих в контексте сублимации семейных отношений, когда мужчина воспринимается либо как брат, либо как отец.

Воспоминания узниц, находившихся на территории трудовых лагерей и работавших в сельском хозяйстве, также имеют свои отличительные черты. В этих интервью подробно описан быт в последние месяцы войны, чаще присутствуют сведения о настроениях в семьях, где они трудились, трактуется их отношение к национал-социалистическому режиму, Гитлеру, войне. В таких интервью подробно описываются хозяин и хозяйка дома, личные взаимоотношения, сложившиеся у работницы с ними. В интервью прослеживается различное отношение к освобождению и войне в целом. Если респонденты 5-й категории воспринимают приход войск неотрывно от улучшения бытовых условий (особенно появление американских консервов после долгого периода недоедания), то респонденты

6-й группы видят в приходе войск союзников и картину разрушения мирного быта, и в их воспоминаниях отражена эта боль.

В детских воспоминаниях (категория 10) «чужой мир» также не воспринимается как однозначно чуждый, напротив, дети узников сами идентифицируют себя в этот период как категорию населения внутри австрийского мира, что свидетельствует об их адаптации к австрийской действительности. Выделяется также еще один фактор для структурирования исторической памяти. Современной психологией выявлена одна из особенностей долговременной памяти — забывание или потеря способности к воспроизведению ранее полученной информации. Человеческая память непостоянна, последующая информация, накладываясь, изменяет картину воспоминаний. Между конкретными стимулами и конкретными реакциями образуются ассоциативные связи, которые сохраняются в памяти так долго, пока другая конкурирующая информация не будет вытеснять или дополнять их.

Важно было также выявить среди респондентов тех, кто знаком друг с другом, чьи воспоминания складывались под влиянием встреч ветеранов, совместных обсуждений и установок. Нередко случалось, что информация, содержащаяся в рассказе респондента, на самом деле не являлась его непосредственным опытом. Естественно, воспоминания респондента по своей природе не отражают его первичный опыт, но формируются под влиянием последующего наложения различных слоев другой информации. Складываются определенная цепочка действий в прошлом и настоящем: *происшествие — запоминание — забывание — искажение информации, хранящейся в памяти, — воспроизведение информации*. Это не относится к тем случаям, когда респондент замалчивает какую-либо информацию либо специально сообщает интервьюеру ложную.

Концепты «своего» и «чужого» в воспоминаниях солдат и офицеров Красной армии

Опорными конструкциями памяти человека, которая фиксируется языковым сознанием, являются концепты. Слова-концепты хранят в «свернутом виде» целые пласты ассоциативных иерархических взаимосвязей об объекте. Иными словами, концепты являются своеобразными смысловыми фиксаторами скрытых пластов памяти и выступают посредниками между поверхностными и глубинными формами сознания. Слово-концепт не обозначает отдельный предмет повествования, но является словом-индикатором, выступающим в роли своеобразного культурного кода. Это слово отражает зафиксированный в сознании человека сгусток информации.

Текстологический анализ интервью и учет эмоциональных характеристик речи респондента позволяет исследователю выявить эти опорные точки в реконструкции прошлого в сознании респондента. Метод частотного анализа фиксирует составляющие основного **концепта «свой»**. В интервью количество употреблений, входящих для советских людей в понятие «своего мира», — «я» (5132), «коммунистический» (29), «советский» (182), «большевистский» (4), «красный» (174), «славянский», «славяне» (7), «наши, русские» (58). **Концепт «чужой»** формируется из логической цепи восприятия «враг» (41), «противник» (23), «гитлеровский» (7), «фашистский» (43), «Гитлер» (98).

Частое употребление «я» в военных воспоминаниях свидетельствует как об ответственности респондента за свои слова, о важности для него выражения собственного мнения, так и о черте героизации воспоминаний, придания важности собственной фигуре в повествовании. Такое употребление более свойственно мужским воспоминаниям, авторы которых — люди с определенным социальным положением, обладающие стабильной идентичностью ветерана. Женским и детским воспоминаниям, как и интервью информантов невысокого социального статуса, более свойственно употребление «мы» в таком же значении, как употребление «я» для первой категории респондентов.

Проблема вины и сопричастности с гитлеровским режимом стран, которые освобождались Красной армией, — одна из наиболее сложных при анализе интервью. Во всех воинских подразделениях политработники обязаны были проводить беседы о правилах поведения военных с мирным населением. К примеру, 4 апреля 1945 г. в суточном приказе Военного Совета войскам 3-го Украинского фронта особо подчеркивалось: «Освобождая Австрию, Красная Армия воюет с немецкими оккупантами, а не с населением Австрии... не обижайте мирное австрийское население. Уважайте его бытовой уклад, семью, личную собственность... Пусть весь мир видит не только всеограшающую мощь Красной Армии, но и высокую дисциплинированность и культуру ее воинов. Пусть ваше поведение вызывает повсюду уважение к Красной Армии — освободительнице и к нашей могучей Отчизне»³. Подобные приказы и беседы политработников проводились во всех военных подразделениях после пересечения границы СССР.

Психологическая установка «свой — чужой» в кризисные моменты войны в армейской среде обострялась до предела, проходя путь от высокомерно-пренебрежительного отношения к оккупированной территории и ее населению до полного неприятия культуры, носителем которой является деперсонифицированный образ «врага». Но специфика восприятия стран Центральной Европы советскими людьми, пожалуй, заключалась в том, что в исторической памяти, несмотря на традиционные черты сознания «завоевателя» и «победителя», сохранились и другие формы восприятия «другого мира», имеющие референтные смыслы.

Приведем несколько примеров. После пересечения границы среди солдат бытовало негативное отношение к территории врага. Недаром считалось, что «вступаем в логово зверя». Рядовой кавалерии Н.В. Коваленко вспоминает: «В это время, когда мы переходили границу, еще, когда переходили границу, говорили: “Ну, тут мы будем делать все, что нам хочется!”»

Интервьюер: И так было?

— Нет, пресекали сразу: ни в коем случае нельзя. Ну, трофеи там собирали, там где-то что-то⁴. Далее Н.В. Коваленко вспоминает, как солдатам объясняли различие между мародерством и торговлей: «Не насильно приходили, кой-когда брали так: “А вот это на тебе”, — там, сколько пфеннингов отдели ему: “Это я у тебя купил”. Так нас и учили, что, мол, не берите так. “Дай ему, — говорит, — хоть рубль, а потом забирай. А так, — говорит, — это мародерство же! Если я у него

³ Министерство иностранных дел СССР. СССР — Австрия 1938–1979. Документы и материалы. М., 1980. С. 16–17.

⁴ Интервью с Н.В. Коваленко. Л. 11.

забрал и ничего не дал (...)». Когда мы вступили, мы же, я же говорю, что мы, когда границу переехали: “Тут мы будем делать, что хочешь!” Все наше, наше начальство: “Да тут! Да будем!” А потом приказ не трогать никого и пресекли все. Если кто он за рамки вылезает, то наказывали там, наказывали за это, чтобы не насильовали, ничего не делали так. Покупай, пожалуйста, купи там яички или что тебе, дай им копейку, чтобы было вроде официально куплено, не отнято»⁵.

Фактически во всех интервью сохраняется резкое контрастное восприятие военных операций в Венгрии, с одной стороны, и Австрии, с другой стороны. Если бои за Венгрию сохранились в памяти комбатантов как кровавые, жестокие, полные драматизма и жертвенности, то освобождение Австрии делится на два периода. Первый период — путь к Вене и ее освобождение, который сохраняет черты батальных мемуаров, с характерным для этого жанра экзистенциальным контекстом. После освобождения Вены меняется стилистика воспоминаний, в которых появляются сюжеты о быте, природе Австрии и погоде. Эти воспоминания передают ощущение весны, молодости и будущей победы. Даже военные столкновения с разрозненными частями вермахта приобретают черты «военных баек», легкой «прогулки победителей».

В различных категориях интервью военнослужащих (солдатских и офицерских) предстают разные грани военного быта. Если в период войны действовало негласное правило военного братства, то в послевоенной действительности внутреннее устройство Красной армии начинает меняться. Усиливается разделение солдат и офицеров. В ряде солдатских воспоминаний чувствуется некоторая обида, что вместо прежнего армейского братства пришла строгая военная субординация, отдельные офицерские столовые и т. д.

Практически во всех интервью мирные жители не ассоциируются в сознании советских людей (как военных, так и гражданских) с немцами, нацистами, гитлеровцами. Страны Центральной Европы сохраняются в их памяти как бы на грани своего и чужого миров. Многие черты чужого быта и повседневности, особенно в Австрии, вызвали одобрение и сильно запечатлелись в памяти респондентов.

Все они вспоминали чистоту улиц, красивые ухоженные дома, опрятность и продуманность интерьеров, дружелюбие, контактность, сдержанность и воспитанность населения, стиль и качество одежды, особенно детской. К негативным чертам, вызывающим раздражение, можно отнести меркантильность. Местные жители пытались ревностно оберегать свою собственность, что в условиях военного времени, постоянного недоедания было естественным. Единственное исключение составляет собирательный образ жесткого венгра — лицемерного, злобного, коварного помещика — кулака, яркого националиста. Видимо, столь живучий дискриминационный эффект проявился в воспоминаниях под влиянием ожесточенного сопротивления в боях за венгерские города и Балатон, которое оказывали не только немецко-венгерские подразделения, но и местное население.

Но весь возможный негатив при восприятии военного времени переносится в повествованиях на собирательный образ бесчеловечного фашиста — «изгоя» и «изверга», который действует на территории Центральной Европы вне на-

⁵ Там же. Л. 12.

циональных социумов. Только Германия того времени напрямую ассоциируется с нацизмом: «Австрия — это Австрия, а Германия — это, говорят, Германия, фашисты, нацисты, гитлеровцы, это вот там, а здесь австрийцы, которые были поработаны в 38 году Гитлером»⁶. Еще одно мнение: «До Гитлера они жили по-своему, пришел Гитлер — заставил жить, как он считает нужным»⁷.

Основной мотив воспоминаний о причастности местных жителей к Третьему рейху — во всем виноват Гитлер: «И у нее погиб муж во Франции, на фронт — Гитлер его мобилизовал, и он у нее погиб, она осталась без жениха»⁸. А.К. Масюкова, бывшая работница на австрийской ферме, вспоминает: «А в Австрии, может быть, уже конец войны чувствовался, и они (австрийское мирное население), ну, выказывали что ли этот, как его называют, как Гитлера-то называют, как его, слово-то такое, — не юродивый, а пропадают слова. Ну, в общем, этот бесноватый фюрер их довел, довел до ручки. Они быстро, как американцы вошли, они быстро ожили»⁹.

Для советских людей неприятие национал-социалистического режима напрямую было связано с подчеркнутой лояльностью к советскому присутствию в 1945 г. Я.И. Дубовиков вспоминает о настроениях в Словакии: «Они очень осуждали Гитлера, они презирали его, они стояли на нашей стороне. Лояльность была полная. Я ничего не могу сказать о людях, которые относились бы к нам плохо»¹⁰.

Еще одна тема, которая объединяет воспоминания комбатантов, — это любовь. Весна 1945 г. настолько сильно врезалась в сознание бывших солдат и офицеров, что ощущение весны, победы, завершения войны слились в опьяняющую жажду жизни. Все наши респонденты были молодыми ребятами, поэтому столь часто встречаются в их воспоминаниях истории любви. Характерно, что изложение собственных переживаний идет, как правило, в духе романтической традиции советских фильмов. Это чистые, светлые чувства, которым, к сожалению респондентов, не суждено было проявить себя в полной мере, и не столько из-за ограничений, наложенных службой и долгом, сколько из-за жесткого самоконтроля, характерного для человека, сформировавшегося в системе тоталитарного государства и впитавшего в себя постулаты этой системы.

Романтизация отношений четко прослеживается в воспоминаниях офицеров. Нежные чувства переносятся на материальные объекты памяти — начиная от дома, двора, квартала — мелких черт города и заканчивая образом страны целиком. В интервью В.И. Данилочкина образ девушки связан с образом города, в котором стояла его часть: «Айзенштадт для меня памятен еще тем, что в этом городе я встретил первую в своей жизни настоящую любовь. До этого я был на фронте, я совершенно не знал женщин, а тут я встретил красивую девушку Грехен и, увидев ее, и познакомившись с ней, я потом все время вспоминал серенаду Шуберта, помните: «В рощу тайною тропую ты приди, друг мой». Мы встречались

⁶ Интервью с И.А. Реформатским. Л. 9.

⁷ Интервью с А.П. Кононенко. Л. 349.

⁸ Интервью с В.В. Перламутровой. Л. 154.

⁹ Интервью с А.К. Масюковой. Л. 380.

¹⁰ Интервью с Я.И. Дубовиковым. Л. 360.

в парке замка Эстергази — это было красивое романтическое время; мы любили друг друга, и память об этом осталась для меня на всю жизнь»¹¹.

Респонденты, в данном случае обладавшие относительной свободой передвижения как офицеры Красной армии, признают, что имели романтические связи, и, несмотря на временной промежуток более чем в 55 лет, в их памяти четко зафиксировались имя, фамилия, возраст, внешность, черты характера этих девушек. Персональная любовная история, как правило, излагается в романтическом духе, как одно из драгоценных воспоминаний молодости.

В различных категориях интервью можно также проследить черты болезненных воспоминаний, к которым, в частности, относятся сюжеты насилия и мародерства по отношению к местному населению и незащищенной категории советских женщин — только что освобожденным узницам Третьего рейха. Признавая факты изнасилований, респонденты упоминают эти события косвенно. Сюжеты, в которых затрагивается эта тема, объединяет общая мотивация — военное время, армейские реалии: «Хотя, конечно, как и в любой армии, в любой войне, такие случаи бывают. Бывают изнасилования, конечно, бывают, вот, но: вот так это, обобщать. И вот у нас, например, вот я, вот сколько там? Но у нас этого не было, вот. Хотя, наверно, такие случаи, конечно, были. Если вот взять прокуратуру, посмотреть — наверно, тоже дела есть»¹². «Ну, иногда бывали отношения, хорошие. Вот сказать, чтобы у нас в дивизии изнасилования — по-моему, один раз был кто-то такой, девушку изнасиловал, его судили судом чести, как говорится, все прочее, как говорится, так...»¹³.

Действительно, категория «насилия» все еще слабо разработана в методологии военных исследований. Мы судим обо всех фактах с гуманистических позиций мирного времени. Но армии всех стран и во все времена совершали акты насилия на чужих территориях, несмотря на жесткие запреты и карательные меры со стороны командования. Объяснений мотивации насилия во время войн — множество. Судя по интервью наших комбатантов, руководящим мотивом была месть за злодеяния, совершенные нацистами. Но уже к началу лета 1945 г. ситуацию удалось взять под контроль. В первые месяцы значительно большей проблемой было дезертирство и «членовредительство».

При исследовании интервью коллекции выявляется несколько видов сложившихся, практически клишированных образов, сквозь приму которых воспринимается мирное население. Один из таких образов — вежливый старичок-интеллигент (врач или музыкант). Они производили на советских людей сильное впечатление. Так, супруга офицера, В.В. Перламутрова вспоминает: «Приходит ко мне хозяин, господин Шенк, такой маленький, худенький был, очень деликатный и всегда приходил ко мне с улицы. “Госпожа, у меня к вам большая просьба”, — а мы жили в трехкомнатной квартире, и в одной из комнат последних, большой самой, было два рояля и шкаф, колоссальный шкаф, полный нотами, ну, я там не лазила, но там были одни ноты. И в центре стоял большой стол, который мы по юности своей потом использовали для пинг-понга. Дураки ж были. Все к нам ходили играть

¹¹ Интервью В.И. Данилочкина. Л. 111.

¹² Интервью И.А. Исаева. Л. 141.

¹³ Интервью Б.С. Маркуса. Л. 163.

в пинг-понг. И все, и больше в этой комнате, в ней, наверное, метров тридцать было. “Разрешите нам, пожалуйста, если вы, вообще, — и так прям, с этими, прибавками, — если вас это не смутит, раз в неделю, только раз в неделю, музицировать у вас, вот, в той комнате у вас музицировать. Будем приходить несколько, значит, старичков, и чтоб вы — не будете возражать? Вас не будет это раздражать?” И вот я сидела в соседней комнате и присутствовала всегда на концертах — они играли, час ровно, как они просили час, так они час музицировали и уходили»¹⁴. Другой случай: «Меня направили к профессору Арсту, — а по-немецки “арст” — это врач, а это, оказывается, фамилия такая была, а я не поняла сначала, — к профессору Арсту. Мы приехали во внеурочное время. Но очевидно, от того что это было письмо, ну, это самое, потом же опять военный — мы же, завоеватели, — и она сказала: “Будьте добры, посидите, пожалуйста”, ну мы посидели минут там пять или даже меньше — выходит очаровательнейший старик, для меня он тогда был старик, ему, наверное, было больше пятидесяти — пятидесяти пяти лет. И это самое, он говорит: “Такие симпатичные у вас ребята”, — это он мужу говорит: “Такие славные, а эти генералы, такие приятные, но меня замучили, — говорит, — зовут на все приемы. Я, — говорит, — с удовольствием хожу, весело, но только. Но почему они меня заставляют спирт пить — я не привык! (Смеется.) Зачем обязательно спирт пить? Я не привык так пить!”»¹⁵.

В воспоминаниях много сведений о быте домов, где квартировали комбатанты, которые удивляли их продуманностью, чистотой и красотой интерьеров. Такие воспоминания мы находим в подробных женских интервью. Например, В.В. Перламутрова до сих пор помнит: «Вот я там еще гарнитур увидела, я их не видела никогда. Может, они и были у нас у кого-то в Москве, но я не видела их, там я увидела настоящий гарнитур — мы спали в спальне, где был гарнитур. Вот. И они, очевидно, убирали, боясь, что я запущу, не буду убираться, я так думаю, а у них было гордостью это»¹⁶. В интервью ветерана А.К. Масюкова есть такой эпизод: «Тогда мы только узнали, что такое есть холодильник. Потому что такой белый какой-то шкаф, там откроешь — иногда что-то найдешь. Ну, они отключены были, конечно, потому что отключали электроэнергию. Ну, там иногда найдешь кусочек сыра. Вот такой. Вот сожрешь»¹⁷.

Все эти драгоценные устные свидетельства позволяют погрузиться в атмосферу забытой или искаженной официальной историографией военной и поствоенной действительности. Множество эпизодов, деталей, эмоций — это следствие многогранности восприятия военной повседневности каждым респондентом — участником проекта. В этой статье отражена только частица той реальности, которую удалось реконструировать на основе уникального источника человеческой памяти. Это еще раз убеждает, что каждый человек уникален по своей сути, а его память — сложный мир образов, реконструкция которых позволяет глубже понимать прошлое и настоящее нашего общества.

¹⁴ Интервью с В.В. Перламутровой. Л. 157.

¹⁵ Интервью с Е.П. Евтихиевой. Л. 120.

¹⁶ Интервью с В.В. Перламутровой. Л. 160.

¹⁷ Интервью с А.К. Масюковым. Л. 169.

*С. Мичев
(Банска-Бистрица)*

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ПОЛИТИКЕ СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА — ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОРГАНА СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ

В течение 1943 г. в Словакии заметно изменилась политическая ситуация. Положение на фронтах однозначно свидетельствовало о преимуществе антигитлеровской коалиции. При этом ключевое значение имел крутой поворот событий на Восточном фронте. Так, в начале года вермахт был разгромлен под Сталинградом. Еще большее значение с военной точки зрения имел исход битвы на Курской дуге — наибольшего танкового сражения во всемирной истории войн. Проиграв этот бой, нацистам уже не удалось вернуть свои позиции, поэтому вместо дальнейшего наступления на востоке они стали постоянно отступать. Однако германская армия вместе со своими союзниками была еще достаточно сильна для того, чтобы оказывать сопротивление в течение последующих двух лет. При этом она также претерпела существенные потери в Северной Африке и, после десантирования западных союзников, в Италии¹.

Ситуация изменилась и среди словацких солдат, отправленных на Восточный фронт. Далеко не все из них сочувствовали политическому курсу Словацкого государства, а тем более нацистским методам ведения войны на востоке. В этот период налаживался контакт с местным населением, а через него — с движением Сопротивления. Случаи перехода на сторону партизан, как и сдача в плен советским солдатам, были зафиксированы уже и ранее. В 1943 г. они заметно участились. Наиболее известным стал переход капитана Яна Налепки и его товарищей по оружию в партизанские части генерала А. Сабурова. Однако было много и других подобных переходов.

30 октября 1943 г. в Мелитополе 2091 солдат, 38 унтер-офицеров, 4 ротмистра и 42 офицера попали в советский плен. Вне зависимости от того, было ли это классическое пленение или сознательный переход на советскую сторону, словаки, находившиеся в лагере для военнопленных в Усмани, выразили согласие сражаться против нацизма в рядах чехословацкой бригады в СССР. 13 декабря 1943 г. пришло решение об их зачислении в чехословацкие части. Они стали основой Второй чехословацкой авиадесантной бригады. В это время нацисты

¹ Десант был высажен на Сицилии как раз во время Курской битвы; в течение короткого периода времени союзникам удалось освободить остров. Это была их первая значительная военная операция на европейском континенте после 1940 г.

уже не считали словацкие войска надежным союзником, поэтому отзывали их с Восточного фронта.

Значительная часть словацких граждан с самого начала были не согласны с недемократической однопартийной системой, антисемитской политикой, как и с возраставшей зависимостью Словакии от нацистской Германии. Образовались три главные оппозиционные течения: коммунистическое, социально-демократическое и гражданско-демократическое. Лучше всего было организовано коммунистическое освободительное движение, печатными органами которого были нелегальные издания «Голос Народа» («Hlas ľudu») и «Штурм» («Útok»). Из остальных национально-освободительных групп самыми активными были «Флора», «Правосудие», «Демец», «Охрана народа», группы Д. Эртла, М. Юраша, а также В. Шробара, Й. Леттриха и Й. Урсини. Их печатным органом был «Голос нации» («Hlas národa») и «Обращение» («Výzva»). До возникновения подпольного Словацкого национального совета в 1943 г. различные течения освободительного движения преследовали разные цели. В программе коммунистов первоначально значилось создание советской Словакии с возможным присоединением к СССР. Позже они отошли от этого замысла. В конце концов, так же как и остальные, коммунисты пришли к идее обновления ЧСР, уяснив, что только так они смогут получить поддержку Чехословацкого правительства в изгнании и иностранных союзников. Лидеры всех трех течений в движении Сопротивления Словакии были едины в том, что государственно-правовое положение Словакии в новой республике не должно быть таким, как до войны.

Коммунистическое освободительное движение представляло собой значительный сегмент антифашистского движения, который в 1939–1943 гг. проявлял наибольшую организационную активность. Постепенно были созданы пять центральных руководящих органов конспиративной Коммунистической партии Словакии (КПС), региональные руководящие органы в пяти областях (Братиславской, Жилинской, Тренчанской, Прешовской, Банско-Бистрицкой), а также нелегальное руководство на районном, региональном и местном уровнях. Кроме организационной деятельности коммунисты подпольно занимались политической агитацией и пропагандой среди масс, преимущественно с помощью печати. Часто это являлось причиной обнаружения звена или полной ликвидации конспиративной сети. За коммунистическим освободительным движением, считавшимся наиболее опасным в идеологическом отношении, была установлена со стороны репрессивных органов самая серьезная слежка.

Помимо коммунистов наиболее организованными были социал-демократы. В указанный период их деятельностью руководил Центральный исполнительный комитет социально-демократической партии в Братиславе. В рамках антифашистского движения в Словакии заметное положение занимали и некоммунистические группы — «Охрана народа», «Флора», «Правосудие» и «Виктория». Они организовывали для словацких патриотов переход границы, помогали гражданам, преследовавшимся режимом, включая политических заключенных. Вместе с разведгруппами «Демец» и «Гела», а также с отдельными лицами из дипломатических, военных и коммерческих структур они обеспечивали связь между отечественным и зарубежным движением Сопротивления.

В результате событий, развернувшихся на мировой арене в 1943–1944 гг., к освободительному движению присоединилась также церковная оппозиция. Многие высокопоставленные священнослужители, преимущественно из евангелической, но также из греко-католической, православной и даже римско-католической церкви являлись непосредственными участниками антифашистской борьбы.

Партизанское движение возникло в Словакии в 1942 г. В горные партизанские лагеря собирались антифашисты, дезертиры из словацкой армии, преследовавшиеся режимом по расовому признаку, граждане СССР, совершившие побег из нацистских лагерей для военнопленных, и беженцы из Протектората Чехии и Моравии. Постепенно из этих людей сформировались партизанские части, которые действовали в горах Восточной Словакии, в области Турца, Липтова, Горной-Нитры и Банской-Штявницы до начала Словацкого национального восстания.

За рубежом были сформированы два центра антифашистского движения. Центр коммунистов расположился в Москве, где также находилась и Чехословацкая военная миссия, сыгравшая важную роль в обновлении Чехословацкой Республики. Официально она начала работать после заключения чехословацко-советского соглашения 18 июля 1941 г., согласно которому Советский Союз признал независимость ЧСР в границах до Мюнхенского договора. Эдвард Бенеш руководил чехословацким правительством в изгнании, находившимся в Лондоне. Все свои политические решения он тщательно корректировал с ведущими политиками Великобритании и США, при этом понимая, что необходимо также прислушиваться и к мнению руководства Советского Союза. В 1943 г. все яснее становилось то, что территорию Чехословакии освободит именно Красная армия. Это обусловило необходимость заключения Чехословацко-советского договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, который и был подписан 12 декабря 1943 г. В частности, в нем оговаривались формы советской материальной помощи национально-освободительной борьбе на территории Чехии и Словакии. Подписав союзнический договор с СССР, чехословацкое правительство в изгнании надеялось, что тем самым его сильный союзник обеспечит Чехословакии необходимую военную помощь и послевоенные гарантии².

² См.: *Fremal K.* Kapitoly z dejin protifašistického odboja na Slovensku v rokoch 1938–1945. Banská Bystrica, 2000; *Jablonský J.* Z ilegality do povstania. Bratislava, 1969; idem. Samizdat o odboji. 2. Bratislava, 2006; *Prečan V.* SNP. Nemci a Slovensko 1944. Dokumenty. Bratislava, 1971; *Zudová-Lešková Z.* Československý demokratický odboj na Slovensku od leta 1941 do decembra roku 1943. Odbojové skupiny Flóra a Justícia // Historie a vojenství. 1995. Č. 4. S. 51–77; idem. Obrana národa na Slovensku (Česi v československom demokratickom odboji na Slovensku v rokoch 1939–1945) // Historie a vojenství. 1993. Č. 6. S. 77–131; *Gebhart J., Šimovček J.* Partizáni v Československu v rokoch 1941–1945. Bratislava, 1984; *Mičev S. a kol.* Slovenské národné povstanie 1944. Banská Bystrica, 2009; *Baka I.* Slovenská republika a nacistická agresia proti Poľsku. Bratislava, 2006; *Nížňanský E.* Slovenská účasť vo vojne proti Poľsku 1939. Občan Slovenska v zajatí propagandy vtedajších vládných predstaviteľov. Úvahy a dokumenty // Studia historica Nitriensia. VI. 1997. S. 169–216; *Bystrický J.* Ťaženie slovenskej armády na východnom fronte v r. 1941 // Vojenská história. 1998. Č. 2. S. 39–61; idem. Rýchla divízia na východnom fronte v roku 1942 // Vojenská história. 2001. Č. 1. S. 40–65;

На фоне этих исторических событий подготовка вооруженного выступления против фашизма на территории Словакии нуждалась в едином подпольном политическом органе. Им стал Словацкий национальный совет (СНС). В декабре 1943 г. представители гражданских демократических сегментов внутреннего антифашистского движения в основном являлись членами аграрной партии. Они вместе с членами Пятого нелегального центрального руководящего органа КПС и создали СНС. Документ о его создании и первый программный документ, Рождественский договор, были подписаны в Братиславе. Целью СНС стала борьба против нацизма и его прислужников и последующий захват власти в Словакии. Вместе с этим совет выступал за обновление ЧСР и требовал равноправного положения Словакии. На региональном уровне начали создаваться тайные национальные комитеты. СНС с уважением относился к чехословацкому правительству в изгнании³. После подписания Рождественского договора были четко определены цели также и в социальной области. В разделе, где перечислялись будущие принципы государственного строительства, в п. 5 отмечалось следующее: «Идею демократии необходимо воплотить и углубить в экономической и социальной сфере так, чтобы распределение национального дохода среди населения было равномерным и чтобы жизнь каждого гражданина была по-человечески достойна»⁴.

Когда 29 августа 1944 г. воинские части нацистской Германии с согласия правительства начали оккупировать территорию Словакии, это стало сигналом ко всенародному вооруженному выступлению всех антифашистских сил. Подполковник генерального штаба Ян Гольян с помощью секретного пароля «Начать выселение!» отдал приказ о вооруженном восстании. Политическим, экономическим, военным и партизанским центром Словацкого национального восстания (СНВ) стала Банска-Бистрица. СНС принял политическое управление на освобожденной территории, тем самым став высшим правительственным, законодательным и исполнительным органом. Из подполья вышли революционные национальные комитеты, которые исполняли функции органов государственной власти. Независимое словацкое радио в течение двух месяцев информировало о ситуации на партизанской территории и фронтах Второй мировой войны. Оно также противостояло фашистской пропаганде. Начало СНВ принесло на освобожденные территории существенные политические, экономические и социальные перемены.

Восстание началось в не совсем удачный момент, когда нацисты уже начали оккупацию Словакии. В центре СНВ отсутствовали готовившие его ведущие политические деятели. Поэтому главную роль играли военные, включая офицеров, которые находились в Банской-Бистрице и были готовы к восстанию.

Mičianik P. Slovenská armáda v ťažení proti Sovietskemu zväzu (1941–1944). I–II. Banská Bystrica, 2007–2008.

³ См.: *Fremal K.* Kapitoly z dejín protifašistického odboja na Slovensku v rokoch 1938–1945. Banská Bystrica, 2000; *Jablonický J.* Z ilegality do povstania. Bratislava, 1969; idem. Samizdat o odboji. Štúdie a články. Bratislava, 2004; *Mičev S. a kol.* Slovenské národné povstanie 1944. Banská Bystrica, 2009; *Prečan V.* SNP. Nemci a Slovensko 1944. Dokumenty. Bratislava, 1971.

⁴ *Prečan V.* Slovenské národné povstanie. Dokumenty. Bratislava, 1965. S. 126.

Первоначально было необходимо создать главный политический орган, который бы взял в свои руки власть на освобожденной территории. 1 сентября 1944 г. СНС собрался на свое первое заседание в Банской-Бистрице. Его итогом стала договоренность о том, что работа будет вестись на паритетных началах. Поэтому были избраны два председателя — Вавро Шробар от гражданского блока и Карол Шмидке от коммунистической партии⁵. Тогда же СНС принял постановление, в котором особое место было уделено социальным аспектам. Так, в документе отмечалось: «Наряду с политическим освобождением нашей целью является установление лучшей и более счастливой жизни для слабых в социальном отношении слоев населения, в частности для словацкого рабочего и крестьянина. В интересах повышения уровня жизни народа мы выступаем за справедливое распределение национальной прибыли, за новое распределение собственности и земельных владений в пользу малых фермеров. Работник будет иметь зарплату, соответствующую повышенному уровню, и долю от результата своей работы»⁶.

За два месяца деятельности по освобождению Словакии СНС смог создать свою организационную структуру и заработать политическое доверие в стране и за рубежом. Таким образом, с представителями этого политического органа нужно было считаться при политическом разделе власти после окончания войны. До окончания восстания в СНС входило 50 действующих членов. Совет провел 15 плановых и внеочередных собраний, а также принял 40 постановлений⁷, многие из которых касались социальных вопросов. Хочется отметить, что социальные вопросы наряду с новостями и оценками военной ситуации являлись наиболее обсуждаемыми пунктами дискуссий в СНС. В инструкциях совета о создании и деятельности местных и районных народных комитетов⁸ была четко декларирована одна из важнейших задач, а именно заготовка продовольствия. Естественно, что регулярное обеспечение провиантом в необходимом объеме как гражданского населения, так и армии было предпосылкой широкой поддержки восстания и его успешного исхода. СНС также постоянно осуществлял мониторинг ситуации в Словакии и определял те сферы жизни, которые в обычных условиях не являются предметом политического регулирования. В СНВ также активно включилась жандармерия, которая не только обеспечивала порядок в тылу, но также участвовала во фронтовых сражениях. Вследствие этого было принято постановление, согласно которому полицейские начиная с 1 сентября получали такие же земельные льготы, как и чехословацкие военнослужащие⁹. Подобное уравнение в правах, несомненно, являлось свидетельством стремления к справедливости. Под влиянием военных действий многие крестьяне были вынуждены добровольно или принудительно оставить свои земельные участки, нуждавшиеся в обработке. Данную проблему решало постановление о кратковременной аренде земли земледельцами-беженцами, принятое на четвертом

⁵ *Rakoš E., Rudohradský Š.* Slovenské národné orgány 1943–1968. Bratislava, 1973. S. 30–36.

⁶ *Ibidem.* S. 391.

⁷ *Prečan V.* SNP. Nemci a Slovensko 1944. Dokumenty... S. 57.

⁸ *Rakoš E., Rudohradský Š.* Slovenské národné orgány 1943–1968...S. 462.

⁹ Archív Múzea SNP Banská Bystrica (далее — AMSNP). F. VI. Č.k. 1, № 148 / 62.

заседании СНС¹⁰. Ранее подобным образом совет решил проблему немецких и конфискованных немцами предприятий и заведений, куда были назначены новые управляющие¹¹. Также поступали предложения о выплате пособий семьям военных, перешедших на сторону СССР. Кроме этого, обсуждался вопрос о зарплатах чиновников, прибывших на территорию восстания с оккупированных территорий. Рассматривались предложения по поддержке военных инвалидов, решению проблемы эвакуированных и безработных. Социальные проблемы создавали большие хлопоты. Однако их было необходимо решать ежедневно. Безотлагательные задачи в других областях, военное положение и недостаток времени не позволили осуществить намеченное в полной мере.

СНС стремился предотвратить спекуляцию недвижимостью. Совет подробно обсуждал этот вопрос на своем пятом заседании. В итоговом документе собрания, в частности, отмечалось: «Сегодня мы опасаемся того, что недвижимое имущество будет украдено или приобретено спекулятивным образом. Также нужно опасаться, что владельцы недвижимости, главным образом немецкой и венгерской национальности, продадут свое имущество и, пока есть время, вывезут с территории Словакии большой капитал и другие ценности в качестве платы за недвижимость»¹². Принятое постановление должно было предотвратить подобные спекулятивные сделки. При этом возникало опасение, что вывоз капитала коснется прежде всего незаконно приобретенного имущества. Особенно волновала политиков армия. Поэтому было заново рассмотрено Постановление о военных, находившихся на действующей службе в армии, и некоторых лицах, приравненных к ним по статусу. Согласно этому постановлению, солдатам полагалась ежедневная надбавка в размере трех словацких крон, а унтер-офицерам — пяти крон. В тылу надбавка составляла 1,5 кроны для солдат и 2,5 для унтер-офицеров. Постановление вступало в силу с 1 сентября 1944 г.¹³

22 сентября 1944 г. на заседании СНС было рассмотрено Постановление о сохранении трудовых отношений работников частных предприятий и приравненных к ним по статусу, которые в связи с чрезвычайным военным положением оставили свое рабочее место¹⁴. Согласно данному постановлению, в течение 15 дней с момента устранения препятствия для их рабочей деятельности за ними должны были сохраняться рабочие места. Речь шла об охране прав служащих в случае, когда увольнение не считалось действительным вследствие невиновности работника в своем отсутствии на работе. Постановление четко определяло условия выхода на работу и однозначно защищало права служащих, участвовавших в восстании, а следовательно, не имевших возможности исполнять свои рабочие обязанности. При этом у служащих сохранялись льготы медицинского страхования, а также учитывался рабочий стаж для инвалидного и пенсионного страхования. Постановление должно было вступить в силу 1 сентября 1944 г. В связи с недостаточной проработкой рассмотрение этого пункта было отложено до тех пор, пока

¹⁰ *Rakoš E., Rudohradský Š.* Slovenské národné orgány 1943–1968...S. 479.

¹¹ AMSNP. F. VI. K. 1. № 37 / 63.

¹² *Ibidem.*

¹³ AMSNP. F. VI. K. 1. № 37 / 63. Č. neg. 2766 / 63.

¹⁴ *Ibidem.*

его полностью не подготовят. Как можно видеть на данном примере, постановления СНС, принятые во время восстания, во многих случаях носили ретроактивный характер (т. е. обратного действия). С точки зрения обычных юридических норм это, естественно, недопустимо. Однако военные события не позволяли действовать по-другому. Даже сам СНС не был избранным органом. Он появился революционным методом, при этом возложив на себя всю правительственную, законодательную и исполнительную власть. Законодательная власть осуществлялась в виде принимаемых постановлений, а правительственная и исполнительная — через отдельные уполномоченные органы. Ретроактивность отдельных постановлений была просто необходима, поскольку они касались возникавших проблем, которые нельзя было решить иначе, чем с применением обратной силы закона. О важности, придаваемой СНС решению экономических и социальных вопросов, свидетельствует тот факт, что, согласно его уставу, одним из его четырех выборных комитетов являлся экономико-социальный¹⁵.

На упомянутом выше заседании, состоявшемся 22 сентября, было также рассмотрено Постановление о социальном семейном пособии на питание для профессиональных военных, гражданских лиц, призванных на военную службу, а также мобилизованных военных в запасе и отставке¹⁶. Это пособие выдавалось и пленным военным, однако не распространялось на гражданских сотрудниц военного ведомства. Постановление вступало в силу 1 сентября 1944 г. 3 октября 1944 г. было принято Постановление о фронтовых пособиях для членов жандармерии и инкассаторов¹⁷. На следующем заседании 6 октября 1944 г. СНС принял Постановление о пособии для работников Государственных шахт и металлургических заводов. В объяснительной записке к предложенному постановлению, в частности, уточнялось: «Пособия для работников Государственных шахт и металлургических предприятий установлены согласно §§ 32 и 35 правительственного постановления № 242 / 1942 Sl. z. и были рассчитаны согласно экономическим данным от конца 1941 г. Пособия сами по себе небольшие из-за роста цен существенно обесценились»¹⁸. Пенсионные пособия для государственных служащих выросли при этом в три раза, однако данное повышение не касалось лиц, подпадавших под указанное постановление. Постановление устанавливало финансовую помощь для отдельных категорий, которая должна была выплачиваться 1 раз в квартал. Это новшество вступало в силу 1 сентября 1944 г. и действовало до 30 августа 1945 г. Также были приняты ранее отложенные постановления, а именно уже упоминавшиеся Постановление о сохранении трудовых отношений работников частных предприятий и лиц, приравненных к ним по статусу, которые в связи с чрезвычайным военным положением оставили свое рабочее место, и Постановление о социальном семейном пособии на питание для профессиональных военных и гражданских лиц, призванных на военную службу, а также мобилизованных военных в запасе и отставке. Поскольку эти документы уже рассматривались на предыдущих заседаниях, они после краткого обсуждения были приняты.

¹⁵ *Rakoš E., Rudohradský Š.* Slovenské národné orgány 1943–1968... S. 615.

¹⁶ AMSNP. F. VI. K. 1. № 37 / 63. Č. neg. 2766 / 63. Sign. A / 2 7 / 16–18.

¹⁷ AMSNP. F. VI. K. 1. № 37 / 63. Č. neg. 2766 / 63. Sign. A / 2 / 10 / 15.

¹⁸ A MSNP, f. VI., č.kr.1, přír.č. 37/63, č.neg.2767/63, sign.A/2 11/6–7.

Безотлагательные пункты, касающиеся социальных проблем, рассматривались на 14-м заседании СНС, которое проходило 20 октября 1944 г. «Главный штаб партизанских отрядов обратился к президиуму СНС с требованием выдать всем местным и региональным национальным комитетам циркуляр с целью ограничения и приостановления самовольного изъятия продуктов и кормов отрядами партизан», — читаем в отчете этого заседания. Так как подобные случаи имели место, СНС принял Постановление о снабжении партизанских отрядов. Согласно данному документу, партизанские отряды на освобожденной территории содержались за счет армии. Также партизанские отряды могли покупать продукты и корма за наличные — и то лишь в случае, если это не угрожало снабжению местных жителей. В период временного недостаточного финансирования того или иного партизанского соединения при покупке товара у населения было необходимо предоставить соответствующий документ с названием партизанского отряда и читаемой подписью. Эти предосторожности должны были ограничить самоуправство некоторых партизанских частей.

Впоследствии СНС пересмотрел Резолюцию конференции заводских комитетов, которая прошла в Подберезовой 15 октября 1944 г. В конце резолюции, кроме прочего, отмечалось: «Жизненный уровень рабочих и после нашего политического освобождения не поднялся выше, да и в ближайшем будущем не сможет стать таким высоким, как это было бы необходимо». Депутаты СНС также сообщали о благотворительных акциях. Из отчета этого заседания можно узнать: «Пан Ладислав Кубач показывает список пожертвований Центрального социального комитета, которые были собраны для раненых партизан, солдат и эвакуированных. Наши партизаны и солдаты отдают жизнь и здоровье. Эвакуированные потеряли все, что имели. Просим присутствующих дать, кто что может, чтобы облегчить партизанам, солдатам и эвакуированным их борьбу и лишения»¹⁹.

Последнее заседание СНС состоялось 23 октября 1944 г. и прежде всего рассматривало очень серьезную военную ситуацию. Оборонительные бои на отдельных отрезках фронта во многих районах Центральной Словакии длились почти два месяца. Восстание затронуло 30 районов общей площадью почти 20 тыс. кв. км и населением приблизительно 1 млн 700 тыс. жителей. Таким образом, оно имело значительный размах. Восставшие контролировали территорию, на которой установили собственную политическую власть. Территория восстания функционировала как независимый административный и экономический организм. Она являлась также местом сосредоточения, маневрирования, а также обеспечения вооруженных сил восставших. И хотя германские части не превосходили повстанцев по численности, техническое превосходство и военный опыт были на их стороне. Поэтому еще больше ценится результат военных усилий восставших. Особенно высоко значение тыла восстания. Контроль в течение двух месяцев на такой значительной территории является более чем примечательным итогом военного противоборства — даже в сравнении с мировым опытом. Решающее превосходство наземных и воздушных сил (в том числе 48–50 тыс. военных, т. е. приблизительно пять дивизий) и техники, которые немецкому оккупационному

¹⁹ AMSNP. F. VI. K. 1. № 37 / 63. Č. neg. 2766 / 63. Sign. A / 2 14 / 1–12.

режиму удалось в середине октября 1944 г. сосредоточить на главных направлениях, привело к военному поражению восставших, вынудив их к отступлению и переходу к партизанским методам борьбы. В течение последней октябрьской недели руководство повстанцев, учитывая соотношение сил, а также технический и материальный перевес врага, приняло решение об отходе в горы. Борьба не прекратилась и после захвата Банской-Бистрицы. Командование восставших не капитулировало, продолжив теперь уже партизанскую войну, которая продолжалась до прихода фронтовых частей освободителей²⁰.

Подводя итог, можно констатировать, что Словацкий национальный совет, оказавшись в ситуации, которая требовала решительного и быстрого принятия решений, все-таки сумел уделить достаточное внимание взаимосвязанным, особенно в период войны, социальным и экономическим вопросам. Нехватка времени не позволила осуществить все задачи в том виде, в каком они были поставлены в программах политических партий — Коммунистической и Демократической (последняя сформировалась непосредственно во время СНВ).

²⁰ *Bosák P.* Z bojových operácií na fronte SNP. Bratislava, 1979; *Dôstojníci a štáby povstaleckej armády: Organizačná štruktúra 1. československej armády na Slovensku.* Banská Bystrica, 1994; *Ličko M.* K otázke spojeneckej pomoci v Slovenskom národnom povstaní // *Zborník úvah a osobných spomienok o Slovenskom národnom povstaní.* Toronto, 1976; *Majewski S.* Karpatsko-duklianska operácia Červenej armády a Slovenské národné povstanie // *Acta historica Neosoliensia*, tomus 3. Banská Bystrica, 2000. S. 140–147; *Mičev S.* a kol. Slovenské národné povstanie 1944. Banská Bystrica, 2009; *Nosko J.* Vojaci v Slovenskom národnom povstaní. Bratislava, 1945; *Prečan V.* SNP. Dokumenty. Bratislava, 1965; *Štefanský V.* Armáda v Slovenskom národnom povstaní. Bratislava, 1984.

Я.Ю. Кресан
(Москва)

ТЕМА ПАМЯТИ В СЛОВАЦКОЙ И ЧЕШСКОЙ ВОЕННОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Теоретическое понятие «тема» в литературоведении и искусствоведении может быть сведено как минимум к двум значениям, а именно: *структурному* и *субстанциональному*¹.

В первом своем значении тема является «компонентом структуры», «аспектом формы», «опорным» приемом. Данной точки зрения придерживался В.М. Жирмунский. Он связывал понятие «тема» с поэтическим языком, т. е. с семантикой художественной речи. В «Задачах поэтики» исследователь писал: «...В поэтическом произведении его “тема” не существует отвлеченно, независимо от средств языкового выражения, а осуществляется в слове и подчиняется тем же законам художественного построения, как и поэтическое слово»². Применительно к лирике он отмечает, что «целое направление может определяться словесными темами»³. Например, для сентименталистов ключевыми словами являются «грустный», «печаль», «сумерки», «гробовая урна». С нашей точки зрения, в военной прозе такой лексической единицей становится «память».

В субстанциональном значении тема — это то, что хотел сказать автор читателю, элемент действительности, осмысленный писателем. Согласно Б.В. Томашевскому, «тема — это то, о чем говорится»⁴.

Заявленную нами тему — тему памяти — мы рассмотрим с разных точек зрения. Согласно первому подходу, мы, связывая ее с семантикой художественной речи, выделим значения лексемы «память». В Словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова их три⁵:

1. Способность сохранять и воспроизводить в сознании *прежние впечатления, опыт*, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыт (здесь имеется в виду моторная память (память-привычка), эмоциональная память (память чувств), образная память).
2. То же, что *воспоминание*.

¹ Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2004. С. 49–60.

² Жирмунский В. Задачи поэтики // Жирмунский В. Вопросы теории литературы. Статьи 1916–1926. Л., 1928. С. 37–38.

³ Жирмунский В. Задачи поэтики // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 28.

⁴ Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1999. С. 176.

⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 488.

3. То, что связано с умершим человеком.

В прозе о войне лексема «память» реализует свое основное значение — *воспоминание*. Причем нередко мысленное возвращение в прошлое сопровождается ретроспективной композицией. К примеру, в новелле Яна Отченашека «Ромео, Джульетта и тьма» (1958) в центре повествования — воспоминания восемнадцатилетнего Павла, пытавшегося спасти от фашистской агрессии свою возлюбленную Эстер. В романе Ладислава Мнячко «Смерть зовется Энгельхен» (1959) партизан Володя, лежа на больничной койке, не может забыть пережитую им любовь и сожженную фашистами деревеньку Плоштина и ее жителей. В романе Яна Йоганидеса «Слоны в Маутхаузене» (1985) действие происходит в наши дни. Главные герои, бывшие узники концлагеря Маутхаузен голландец ван Маасе и старик Голеништ, встречаются после многих лет разлуки. Повествование романа включает их диалог, в котором они «переносятся в далекое прошлое, навсегда повлиявшее на их судьбы»⁶. Герои вспоминают «жизнь» в концентрационном лагере Маутхаузен.

Увиденный героями в реальности человек или предмет, услышанный звук, воспринятый обонянием запах, запомнившийся цвет становятся своеобразными нервными раздражителями, которые поворачивают мысль вспять. Павел по-прежнему слышит *голос* погибшей Эстер, он словно внутри него. Партизан Володя, поговорив в больнице с Мартой, вновь видит «тени» Плоштинны. Для Голеништа встреча с коллегой по несчастью «раскрыла память»⁷. Герой даже замечает про себя, что «если бы не ван Маасе» (S. 30), он бы никогда не начал думать о Маутхаузене.

Воспоминания — это накопленный в сознании опыт, воплощенный в различных образах. *Образная память* — это память представлений, предметов, она подразделяется на слуховую, зрительную, осязательную и т.д.⁸. Память героев аккумулирует яркие пятна. Например, Павел помнит «белую пачку сигарет», которая свела его путь с путем Эстер. Володя не может забыть горящие языки пламени. Голеништ, переносясь в прошлое, видит одну и ту же картину — «бесчисленные, бледные, морозом еще больше высушенные и склеившиеся, подобные дровам мертвые тела» (S. 30). Визуально цвет фигового дерева напоминает ему цвет пепла из печи крематория. Ван Маасе кажутся странными и одновременно знакомыми удары по клавиатуре печатной машинки. Он подмечает и странное выражение лица машинистки, которая не сопротивляется, если он ускоряет темп речи и продолжает работать, как автомат. Герой видит в нем «невероятную жестокость» (S. 41). При этом автор замечает: «В этот момент в его голове блеснула мысль — как в Маутхаузене. Как в Маутхаузене. Маутхаузен, который уже не существует» (Ibidem).

Прошлое даже *тактильно* ощущается героями. Например, однажды старик Голеништ видит в магазине кусок свежзамороженного мяса и вновь представляет, как выкладывает мертвые тела из вагона. Герой отмечает: «Я чувствовал Маутхаузен пальцами» (S. 55).

⁶ Словацкая литература. XX век. М., 2003. С. 410.

⁷ Цит. по: *Johanides J. Slony v Mauthausene*. Bratislava, 1985. S. 28.

⁸ *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 2000. С. 235.

Образная память непосредственно связана с *памятью эмоциональной*, или *аффективной*⁹. Это память на чувства. Например, ван Маасе помимо воспоминаний воссоздает соответствующую атмосферу — он приносит с собой ощущение грусти и тишины. Свою нелюбовь ходить на кладбище герой объясняет следующим образом: «над могилами близких и друзей я чувствую то, что храню в себе» (S. 56).

Воспоминания носят болезненный характер. Автор о Павле: «Воспоминания. Больно думать, больно дышать, больно существовать»¹⁰. Володя боится их, он хочет убежать от мыслей, которые «вызывают в нем жгучее чувство вины»¹¹. Голеништ замечает: «Знаешь, Винстон, иногда мне кажется, что о Маутхаузене нельзя и говорить. Об этом нельзя и думать» (S. 57). Герои живут с *психологической травмой*. Таким образом, мысли о прошлом, вызванные личностными переживаниями и чувством вины, сопровождаются *рефлексией* и ведут к различным последствиям. В новелле «Ромео, Джульетта и тьма» автор отмечает, что Павел почти готов на самоубийство. В романе «Смерть зовется Энгельхен» Володя думает о пистолете, который находится у него под рукой. Марта, его возлюбленная, все же совершает самоубийство, так как не может справиться с комплексом вины. Ведь она, будучи еврейкой, не пошла дорогой Освенцима. Попутно отметим, что мотив самоубийства, появляющийся в прозе о войне, не случаен. Подобное асоциальное поведение вызвано тем, что бывшие герои, вернувшись в мирную жизнь, не могут найти в ней свое место. Они становятся своеобразными «чужаками».

Болезненность воспоминаний порождает у воспринимающего (автора, героя) соответствующие *ассоциации*. И у Володи, и у Голеништа мысли о прошлом — это своеобразная *рана*. Кроме того, память — это еще и *камень*, и *каменоломня*, и *кладбище*. В романе «Слоны в Маутхаузене» автор подчеркивает это использованием различных *метафор* и *сравнений*. Например, отмечается, что в голову Голеништа, «как осколок от гранаты, врос камень» (S. 28). Наслоившиеся воспоминания — своеобразная «внутренняя каменоломня» (Ibidem). Если память «раскрывается», она обнажает «обширный слой первых и самых нижних, провалившихся вглубь, давно забытых и запечатанных гробниц», «древнее кладбище» (S. 29).

Очевидно, что обсуждаемая нами тема непосредственно связана с темой смерти. Лексема «память» реализует в текстах третье значение, а именно «то, что связано с умершим». К примеру, как в романе «Слоны в Маутхаузене» посредством эпитафии. Писатель посвящает книгу родственникам по линии материи и отца, пострадавшим от фашизма, в частности Карлу Страняи, который «пережил Маутхаузен» (S. 9). В этой связи интересно в том числе упомянуть произведение Юлиуса Фучика «Репортаж с петлей на шее» (1945). Автор адресует свою книгу погибшим товарищам и тем живым, кто беззаветно участвовал в борьбе против фашизма. Он пишет: «Да, я не хочу, чтобы были забыты товарищи, честно и мужественно сражаясь на воле или в тюрьме»¹². Репортаж — это «памятник»

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по: *Otčenášek J.* Romeo, Julia a tma. Praha, 1982. S. 17.

¹¹ Цит. по: *Mňáčko L.* Smrt' sa volá Engelchen. Bratislava, 1959. S. 25.

¹² Цит. по: *Фучик Ю.* Избранное. Кн. 1. Пер. с чеш. М., 1983. С. 389.

(по-чешски *pomníček*). Один из героев замечает, что своим пером Фучик «ставит памятник» (*staví pomníček*). Таким образом, тема памяти раскрывается на более глобальном (субстанциональном, онтологическом) уровне.

Забывать нельзя — нужно помнить.

Аналогично в романе «Слоны в Маутхаузене» Маутхаузен предстает не только как мрачный памятник истории, который посещают туристы, в том числе неонацисты, чтобы посмотреть на «кучу детских тубелек и пучки женских волос, на газовые камеры, печи, бараки и все остальное» (S. 57). Это еще и свидетельство того, какими могут быть люди — обычными «ходячими», «бьющими механизмами», т. е. фашистами, или же теми, кто с улыбкой и жертвенностью принимал смерть. Здесь тема памяти расширяется до понятий исторической памяти, исторического и культурного опыта, рассказывающего о вариантах отношений человека к другому человеку¹³.

Ю.М. Лотман в одном из своих выступлений в Тартуском университете размышлял о понятии «культурный человек» и пришел к выводу, что «надо вырабатывать душу»¹⁴. Он замечает, что «искусство — это по сути своей Книга Памяти и Совести»¹⁵. Проза о войне — это одновременно и воспоминание, и память, и назидательный урок.

В заключение отметим, что тематические аспекты содержания художественных и документальных текстов позволяют сохранить и передать самые разные *виды памяти*, в том числе память о великой, страшной войне, которую пережили народы Европы в 1941–1945 гг.

¹³ Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и картина мира. СПб., 2003. С. 53.

¹⁴ Лотман Ю.М. Вступление. Чему учатся люди? // Лотман Ю.М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М., 2009. С. 17.

¹⁵ Там же.

*Н.В. Шведова
(Москва)*

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПОЭЗИИ МИРОСЛАВА ВАЛЕКА 1960-х гг.

Мирослав Валек (1927–1991) — крупнейший словацкий поэт второй половины XX в., соединивший в своем творчестве глубочайшие философские искания, пронзительную эротичность, а также блестящее владение стихом и образным словом. По особенностям поэтики он был наследником самых ярких поэтических школ в словацкой поэзии XX в.: символизма, импрессионизма, поэтизма и, конечно же, надреализма. По мировосприятию, прежде всего в 1960-х гг., он был близок к экзистенциалистскому видению человека в шаге от смерти, охваченного страхом и одиночеством, ищущего спасения в любви.

Вторую мировую войну Валек пережил подростком, и эти впечатления формировали его психику, закладывались в подсознание на долгие годы. Напрямую с войной как источником сюжетов и образов у него связаны три произведения: триптих «Судьбы» («Osudy») из сборника «Прикосновения» (1959); «Родина — это руки, на которых ты можешь плакать» («Domov sú ruky, na ktorých smieš plakať»), вошедшее в сборник «Притяжение» (1961); и «Рассказ с осой» («Poviedka s osou») сборника «Беспокойство» (1963).

«Судьбы», цикл из трех «микропоэм», рассказывают о трех безымянных людях, чей жизненный путь окончился преждевременной смертью. Наиболее конкретны здесь временные указания: первые две истории относятся к 1943, третья — к 1944 г., со своеобразным эпилогом из более позднего периода. Все остальное — отрывочные детали, больше связанные с настроением, с внутренним миром «персонажей»; во втором случае поэт передает не переживания «смертника», а мысли некоего врача. Момент смерти намечен рядом внешних обстоятельств, о нем не говорится прямо. Лишь в «эпилоге», когда ребенку рассказывают на ночь сказку, а затем пугают, чтобы он не капризничал и спал, появляется слово «умерла» по отношению «к старой злой женщине» — той, о которой шла речь в предыдущем фрагменте.

Первая часть по теме связана, очевидно, с расстрелом какого-то неугодного фашистам человека. То, что известно, которую сам казнимый должен высыпать в свою яму, названа «кальцием», напоминает о «гуманности» фашистских методов умерщвления. Сама смерть обозначена косвенно: «Он еще выпрямился, / небеса почернели, и сторбилась земля». Впрочем, действие происходит ночью, когда небо и без того темное, и Валек добавляет: «Собака, с лунной в зубах, ушла

от плотины»¹. Тем самым события приобретают оттенок убийственной будничности — и вместе с тем нарушения естественных законов бытия.

Во вторую историю Валека включает маленький прозаический отрывок, что характерно и для более поздних его произведений. Здесь речь идет о человеке, страдающем туберкулезом или другой болезнью легких. Врач измучен долгими переходами во тьме (возможно, речь идет о партизанах), дверь в кабинет пришлось выламывать, обстановка ему незнакома.

Он его даже не осмотрел,
сказал лишь, что это заразно,
что это требует отдыха,
времени
и потом —
немного извести (С. 52).

Очевидна перекличка с первой историей в слове «известь», метонимически означаящем полное уничтожение тела после смерти, а также в мотиве неумолимого времени («затяжная ночь» и просто «время»). Невольно вспоминается первая часть романа-трилогии Владимира Минача «Долгое время ожидания» (1958), где речь идет о том же периоде жизни словацкого общества, перед Словацким национальным восстанием.

С Восстанием связана третья история Валека, но передана она с помощью образа старой женщины, матери бойцов Сопротивления. Вновь детали будничного характера, подчеркнутые четырехкратным повтором слова «привычка» («zvuk»). Женщина мыла лестницу, «когда за ней пришли». Она привыкла страдать, привыкла бояться расставаний. «Все четверо погибли в Восстании», — столь же буднично добавляет Валека. Ее история словно возвращается к начальной точке, не получив продолжения, но оно мелькнет в эпилоге. Все прошедшее стало чем-то вроде страшной сказки, которой пугают детей, чтобы они спали. «Страшилкой» становится перина «той старой злой женщины, что умерла. / Умерла? / Споткнулась, упала с лестницы» (С. 53). Остается неясным, был ли это в самом деле несчастный случай или ребенку заведомо не говорят правду. В любом случае женщина преждевременно умирает — от страшного известия или просто от страха. В военных событиях Валека интересуют человеческие судьбы, конкретнее — смерть человека от разных причин, необязательно от ранения в бою.

Поэма «Родина — это руки...» обращена непосредственно к воспоминаниям лирического героя о годах войны, школьным и домашним впечатлениям. С «Судьбами» ее роднят и прозаические вставки, и мотив разговора с ребенком, связанный с памятью о трагических событиях. Поэма начинается с воспоминания об учителе истории по прозвищу Иван Грозный, который повесился. От сдобренного горькой иронией рассказа о самоубийстве поэт переходит к призыву сочувствовать ушедшим из жизни. Каждый день, повязывая галстук, лирический герой вспоминает учителя, погибшего в петле, и другие события школьных лет.

¹ Цит. по: *Válek M. Básne*. Bratislava, 1981. S. 52. Далее страницы указаны в скобках. Перевод автора статьи.

Учитель утверждал, что «историю создает сила личности, а события лишь приспособляются к воле гения» (С. 79). Валек дважды приводит это высказывание, чтобы в финале его опровергнуть. Говорил учитель и о соотношении исторических дат, так что, по его версии, вопрос о суверенитете нации возник в 1938 г. вполне закономерно. Далее цитаты из латинской хроники и Библии (на латыни, как и должно быть у католиков) остро и горестно проецируются на реалии Второй мировой войны.

Тему «запретной любви» Валек обогащает в этом произведении воспоминанием о любви к тринадцатилетней девочке с «чешским именем» Гелена Данькова. Юношеская любовь и игра в футбол заслоняли для лирического героя грозные события военного времени. Когда он обнаружил, что Гелены нет в классе, он подумал,

что это была неизбежность судьбы или воля богов,
просто что-то
вроде внезапного падения яблока на острие ножа,
но суть дела была в чем-то другом (С. 80).

«Внезапное падение яблока на острие ножа» — одна из запоминающихся метафор Валека, созданная по принципу сюрреалистического «ошеломляющего образа». Боль неожиданной утраты, насилие над беззащитной юностью, по сути над ребенком, слились в этой метафоре (яблоко с его ассоциативным шлейфом вообще значимо в поэзии Валека). Вначале Гелена несет «свое чешское имя в Прагу», в соответствии с высылкой чешского населения из Словакии, а затем погибает. В скупых строках Валек затрагивает такие важнейшие проблемы, как уничтожение евреев и столкновение библейских истин и реального положения вещей в клерикальной Словакии времен войны.

...Это красивое чешское имя было совсем ни к чему.
Вскоре многим не понравились ее оливковая кожа
и синеватый блеск волос,
напоминающий ствол пистолета.
За готическими окнами епископской гимназии
мы как раз разбирали тайну вечной правды:
«Memento, homo, quia pulvis es
et in pulverem reverteris...»
Так, значит, она превратилась в прах (С. 81).

Далее в соответствии с изречением учителя истории о «силе личности» Валек намекает на попытки людей «с каплей чужой крови в метрике» изменить «ход мировых событий в местном масштабе» и вспоминает в связи с этим «немного сентиментальное» стихотворение, в котором ночные бабочки бьются в оконные стекла «как дождь и камни», т. е. образно показывает несостоятельность таких попыток. Затем поэт с помощью персонификации вещей, окружающих человека в доме и около него, прежде всего — издаваемых ими звуков, воссоздает атмосферу страха, напряженного тревожного ожидания, которое взрывается словами: «Мама! Мама! / Сапоги на лестнице» (С. 82). Образ матери непосредственно связан с образным

мотивом рук, которые постоянно заняты домашней работой и в то же время пусты, так как исчез близкий человек. Мать рассматривает свои руки:

Это и был тот самый суверенитет нации:
руки, руки.
Руки, зовущие на помощь,
черные стволы сожженного леса,
над которым и светлая желна не проплывет,
только ветер-простачок там поднимает
черепицу пепла (С. 82).

«Суверенитет нации» под эгидой фашистской Германии обернулся насилием, страданиями и жертвами. Собственно, об этом писали и поэты времен Второй мировой — надреалисты², Павол Горов, Эмиль Болеслав Лукач и живой классик Янко Есенский.

Вслед за этим, как и в «Судьбах», лирический герой обращается к ребенку, призывая его не плакать и не помнить о трагических событиях прошлого, которые не повторятся, но не пить из «старого колодца», в котором «Кровь Освенцима. / Кровь Кремнички. / Кровь Лидиц» (С. 83). Вновь возникают образы тех, кто намеревался изменить «ход мировых событий в местном масштабе» и теперь хочет домой (domov). Оттолкнувшись от этого слова, также означающего «родина», «родной дом», Валек делает вывод:

Родина — это холодная вода в запотевшем кувшине.
Родина — это руки, лежащие на столе
в воскресной тишине, после работы,
пустые и ожидающие,
решающие,
единственные, которые создают историю.

Родина — это руки, на которых ты можешь плакать.
Они скроют твоё лицо, влажное от пота и от слез.
Они могут приласкать, спасти и согреть.
Но могут и приложить пальцы к горлу и сжать (С. 84).

В этих строфах Валек вновь заставляет звучать основные образы поэмы: вода как настоящее содержимое колодца (не кровь), руки в покое и руки как символ нации, «лицо в ладонях» девочки Гелены, слезы и плач, удушье в петле. Учитель истории заблуждался и сам вынес себе приговор. Вода (в том числе дождь и похожие на него слезы) — один из наиболее значимых символов поэзии Валека, связанный с женским началом, текучестью, изменчивостью, в конечном счете — с зодиакальным знаком Рака, под которым родился поэт, а этот знак соотносится как раз с понятием родного дома. Мотив смерти, самоубийства или заслуженной кары от «родных» рук, закольцовывает поэму. Война и здесь мыслится как при-

² К словацким надреалистам (сюрреалистам) в поэзии относились Рудольф Фабри, Владимир Райсел, Штефан Жари и ряд других авторов. П. Горов был к ним близок, но к движению непосредственно не примыкал. Э.Б. Лукач — поэт более старшего поколения.

носящая смерть — смерть учителя, любимой девочки и многих других, наполнивших своей кровью «старый колодец».

«Рассказ с осой» из сборника «Беспокойство» — одно из самых сложных произведений Валека, в котором внешние события вроде бы и не так важны. Это модель критической ситуации, когда человек припоминает значимые моменты своей жизни и подводит ее итог. Валека также использует здесь прозаические вставки с усиленным эпическим началом, по сравнению с более лирическими стихотворными пассажами. О войне упоминается всего лишь раз — в реплике центрального персонажа поручика Вальтера Криста. «Мои дорогие, — сказал он, подняв бокал, — поскольку война — это поэзия жизни и все мы, по сути, — служители музыки, я прочту вам милое стихотворение» (С. 123). Стихотворение написано неким студентом (очевидно, арестованным) о женщине свободных нравов, связь с которой имел и Крист. Сюрреалистическая отрывочность текста не позволяет вычленить явный сюжет, ясно лишь, что речь идет о соперничестве в любви, ревности и доносах; в результате персонаж за десять минут должен дать ответ на некий вопрос, но перед его глазами проходит вся его жизнь, прошедшая без серьезных целей и результатов. В центре его воспоминаний — женщина по прозвищу Оса, с осиной талией, острым язычком и «кольцами» из «фальшивого золота». В конце концов в его мыслях на первый план выходит осознание смерти как феномена и как скорой развязки его истории.

Да, смерть.

Произносимая на одном дыхании, как пословицы. [...]

Смерть, сама на себя похожая,

смерть неизбежная

и смерть излишняя,

как пловец под водой и его прекрасный профиль! (С. 129.)

В последних строфах поэмы у Валека в верлибре появляются рифмы, что вообще для него характерно: так написано, в частности, его знаменитое стихотворение «Просто так» («*Len tak*») («Любовь в гусиной коже»). Рифмы как способ семантического маркирования текста встречались и в композиции «Судьбы». Финал «Рассказа с осой» уже предвосхищает почти тотальный пессимизм Валека во второй части «Беспокойства» и в сборнике «Любовь в гусиной коже» (1965).

Но небо повсюду пусто, как глаза безумца.

Он сел.

Свесил ноги в черную пустоту,

конец нити завязал,

на конце света!

Огоньки лета

вдали исчезают (С. 130).

Так история банальных взаимоотношений заканчивается раздумьями о смысле жизни и неизбежности смерти, сопровождающимися страхом и тоской. То, что события (якобы) происходят во время Второй мировой войны, обостряет

ситуацию. Война в поэтическом мире Валека постоянно соотносится со смертью. Это состояние интересует поэта все больше.

В поэме «Дробь на обратной стороне»³ («Bubnovanie na opačnú stranu»), завершающей сборник «Беспокойство», война видится уже в планетарном и вневременном масштабе, как бедствие, изобретенное человеком на свою погибель. То, что в поэме есть противопоставление мира социализма и мира капитализма, олицетворенного в образе Америки-стриптизерши, ничуть не умаляет глубины размышлений Валека и блистательности его поэтического мастерства. Барабанная дробь (bubnovanie) на «обратной стороне мира», т. е. претензии Соединенных Штатов на мировое господство, — лишь современное и частное проявление военного психоза, похожего на вожделие, сексуальное возбуждение. Стриптиз понимается и как разоблачение, и как разжигание похоти. Половое влечение и влечение к убийству для поэта — важнейшие человеческие инстинкты, дающие рождение и смерть, начало и конец существования. Любовь и смерть для словацких надреалистов (сюрреалистов), расцвет творчества которых совпал со временем Второй мировой войны (1939–1945), были основополагающими понятиями. Литературовед М. Гамада писал: «Любовь и смерть — смыслообразующая сила, семантический жест вершинных произведений нашего надреализма, которые мы называли лирическими поэмами, — “Станции смерть” Жари, “Нереального города” Райсела и “Я это кто-то другой” Фабри. Во всех трех мы находим симбиоз Эроса (инстинкта любви) и Танатоса (инстинкта смерти)»⁴. Однако эстетическое возвеличивание смерти, характерное для сюрреализма в целом, у словацких надреалистов перерастает в протест против насилия и тотального уничтожения в катастрофе мировой войны. Валека, наследник надреалистов, также видел ситуацию обобщенно и военного (а также любого другого) насилия не принимал, хотя «инстинкт смерти», склонность к садизму (и в любви тоже) ощущал как одно из базовых побуждений человека. В «Дроби на обратной стороне» Валека с присущей ему горькой иронией говорит:

Я обожаю солдат,
запах их ремней и прокисшего хлеба,
я люблю вас,
генералы от кавалерии
и начальники военных оркестров [...]
Розовые ноздри ваших лошадей возбуждают женщин,
а ваши барабаны, их лаконичное громохание —
как будто проснулась горилла и бежит темным лесом! [...]
Барабаны прошли сквозь столетия,
барабан предвещал будущее [...] (С. 152–153).

³ Сокращенный перевод заглавия поэмы многократно использовался автором статьи в кандидатской диссертации (1987) и других работах, поскольку символ барабана и связанная с ним звукопись при анализе вполне проясняют значение слова «дробь».

⁴ Hamada M. Nadrealizmus — Avantgarda 38 // Nadrealizmus. Avantgarda 38. Bratislava, 2006. S. 608. Речь идет о ведущих поэтах словацкого надреализма — Р. Фабри, В. Райселе и Ш. Жари.

Далее вся история человечества воспринимается под аккомпанемент военных барабанов, чего поэт мастерски достигает с помощью аллитерации (концентрация звуков «b», «bi»). Это, разумеется, можно передать в русском переводе, но сейчас мы сосредоточимся на смысле оригинала. Результаты военной истерии плачевны.

Бэби барабанов, тебя я качаю в колыбели,
сирота, я положу тебя, как замерзшего птенца, на альбом
дряхлого генерала на пенсии,
пузыри барабанов,
позор,
барабан вылетел в трубу! (С. 153.)

Повторяя свои слова о «любви» к военным, Валека отождествляет полководцев прошлого с цирковыми артистами.

...О маршал Ней,
Сципион Африканский,
Чингисхан,
изобретатели безнаказанной смерти,
глотатели огня,
жонглеры,
бросающие свои ножи в историю (С. 153–154).

Цирк, кафешантан, пир во время чумы — как в фильме Б. Фосса «Кабаре». «Канкан» обезумевшего мира в предвоенные и военные годы рисовали в стихах и те словацкие поэты, которые не были напрямую связаны с надреализмом: Л. Новомеский, Э.Б. Лукач. «Стриптиз» современной Америки у Валека продолжает этот ряд. Рекламные призывы XX в. становятся абсурдно-чудовищными, напоминая об экспериментах фашистской Германии.

Усовершенствованная смерть в каждую семью!
Гигиеническая смерть для будущих мам и грудных детей!
Смерть,
обложенная кафелем, белая, конечная форма текущего времени (С. 154).

«Живот Америки», обнажившийся во время стиптиза, — это барабан,
скрипят ремни,
стальные пули, вкрученные в глину, возвращаются к стволам,
подводные лодки сдвигаются подо льдом,
седлают коней кавалерийские полки от сотворения мира,
молния на дне моря поднимает тяжесть вод,
шипит змея, как бутылка сифона,
окисляются металлы (С. 158).

Кульминация современного апокалипсиса — в явлении барабанов:
Их ритм — это то, что нас усыпляет,
и за затылком у нас бьют барабаны, как часы, когда мы спим:
Смерть, смерть, смерть. [...]

О барабан, в тебе мы защиты, как котят,
и такие же глупые.
Твою кожу, барабан, однажды взрезать,
прожечь ее, вылететь
и за пятками чувствовать удар молнии (С. 158).

Здесь уже невозможно говорить о политическом противостоянии, о «классовой позиции» автора. Беспечность человечества и смерть, которую несет с собой цивилизация, — явления глобальные. Коммунист Валеk всегда оставался в стихах Поэтом, остро чувствующим боль и несовершенства мира и пытавшимся если не исправить положение, то хотя бы сказать о нем бьющими по нервам образными строками.

Смерть становится основным предметом размышлений в одном из лучших (и самых мрачных) произведений Валека — поэме «Удрученность» («Skľúčenost») из сборника «Любовь в гусиной коже». В этой книге, как сформулировал Я. Замбор, «образ радикальной дегуманизации парадоксально поднимает на щит гуманистическую направленность поэзии»⁵. Нерасторжимость любви и смерти также выливается в парадокс — излюбленный прием Валека: «Я подчеркиваю / бесконечность пола, / так же как и бесполость смерти» (С. 199). Насилие и убийство ощущаются как некий прапринцип бытия:

Ведь возможно, что происходит лишь то, что уже мыслилось,
недосказанное повторяется, забытое возвращается [...]
Иногда мне кажется, что Земля — это голова,
отделенная от огромного туловища и брошенная
в то, что так огрубленно называется вселенной.

То есть мечи на горле,
насилия, кровь
и все эти умышленные убийства —
лишь подражание
этому исходному жесту? (С. 201)⁶.

Война предрешена и находится в одном ряду с предательством, любовными клятвами и их несостоятельностью. В конце концов лирическому герою парадоксально остается только любовь, иначе вообще не выжить. В афористичных строках финала поэмы (как, впрочем, и ранее) появляются рифмы, характерный почерк Валека, безусловно владевшего и верлибром, и силлаботоническим стихом (как и надреалисты Р. Фабри, В. Райсел). Мы выделили их курсивом:

Чистой водой любви будем *живы*..
Будь всегда со мной
и больше, чем себя, люби меня.

⁵ Zambor J. Miroslav Válek // Zambor J. Interpretácia a poetika. O poézii slovenských básnikov 20. storočia. Bratislava, 2005. S. 162.

⁶ В оригинале — «prařodvodného», т. е. «праисходного», космологического.

Так, значит, жить. Стоять *на ногах*,
походить на море,
не учитывать *отливов*.

Я знаю: *страх*.
Нетерпеливы,
до тысячи *считают*.

Ты уже чувствуешь в себе чужие *очертанья*.
Убегай — (С. 207).

От самого себя не убежишь. Лирический герой «Любви в гусиной коже» мечется в замкнутом кругу, любовь и жестокость сплетаются в нерасторжимую пару, бездуховный секс властно затягивает, отсекая искренность и неповторимость чувств, которая, однако, неотъемлема от любви («Просто так»).

Духовный опыт Второй мировой войны, как и конфликты второй половины XX в., заставляют Валека осмысливать саму природу насилия — «движущей силы» истории и уничтожителя ее протагониста — человека. Война несет с собой смерть, неизбежную и в мирное время, и противостоять этому может только любовь, дающая новое рождение (в том числе и самим любящим), причем любовь одухотворенная. В политике еще есть возможность остановить военную истерию: «Мы кладем руку на кожу барабанов, / чтобы она заросла травой» («Дробь на обратной стороне». С. 161).

Продолжая гуманистическую линию словацкой поэзии, идущую от «Кровавых сонетов» Павла Орсага-Гвездослава и подхваченную поэтами рубежа 1930–1940-х гг., Мирослав Валека выносит войне приговор: сеющая смерть, она сама должна исчезнуть в мире, и без того исполненном насилием.

М. Завацка
(Братислава)

СЛУХИ, СПЛЕТНИ, ПАНИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ: НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ХОЛОДНОЙ ВОЙН

Целью статьи является анализ некоторых аспектов воздействия на средства массовой информации, в первую очередь печатные, в которых отражались военные события XX столетия. Рассматриваются происходившие в результате этого изменения в методах, с помощью которых общество не только знакомилось с той или иной информацией, но и комментировало и интерпретировало ее.

Отношения между СМИ и оборонным ведомством — источник конфронтации в любой политической системе. Независимая печать или же средства коммуникации, которые в своем большинстве стремятся сделать информацию как можно более открытой на законных основаниях, сталкиваются со стремлением государства засекречивать от противника те или иные виды информации, причем также совершенно legitimately.

В идеале государство не должно злоупотреблять своими возможностями в деле засекречивания, а граждане со своей стороны призваны учитывать необходимость сохранения обороноспособности государства, исходя из лояльного к нему отношения¹.

По-иному складываются отношения между структурами, обеспечивающими оборону государства, СМИ и общественностью в тех странах, где средства массовой информации превращаются в инструмент, зависимый от государственной политики, в пропагандистскую машину для формирования общественного мнения.

Определенную гипертрофированность развития печатных СМИ и государственной медийной политики можно наблюдать уже в период Первой мировой войны. Стремление к уничтожению противника в сочетании с устоявшимися стратегиями и развитием военной техники и оружия массового поражения (пулеметы, иприт и пр.) привело к столь массовой гибели боеспособных мужчин, что для пополнения их рядов уже недостаточно было традиционных методов военного набора. Необходимость мобилизации все более широких слоев населения в сочетании с ростом всеобщей грамотности вела к тому, что простые граждане стали превращаться в объект ежедневной государственной пропаганды в фор-

¹ Проблема сопоставительного анализа событий в демократических странах рассмотрена, например: *Oakes G. The Imaging War, Civil Defense and American Cold War Culture.* Oxford, 1994.

ме плакатов, листовок, спонсировавшихся правительством газет и пр. Граждан приучали воспринимать ежедневную информацию с поля боя. Многие следили за информацией и по другим причинам, вызванным личным участием в событиях и заинтересованностью, — они искали сообщения о положении на фронте, переговорах о перемирии, которые самым непосредственным образом могли оказать влияние на судьбы членов их собственных семей, ожидавших отправки на фронт, воевавших либо же оказавшихся в плену. Следовательно, актуальное военно-политическое положение превращалось в объект всеобщего интереса и предмет повседневного общения соседей, разговоров в трактирах и т. п.

Отвечавшее за средства печатной информации военное агентство с присущей ему высокой степенью эмоциональности превращалось в неплохого распространителя соответствовавших пропагандистских сообщений: призывов к «единству», лояльности и послушанию... Но вместе с тем оно выступало и как источник управления агрессивными настроениями в обществе в отношении врага. Это происходило либо путем переадресовки сообщений на «внешнего противника», либо же через выявление «врагов» в собственных рядах, что в дальнейшем давало основания для введения жесткой цензуры и появления заметной самоцензуры, — чтобы «мы не приносили пользу врагу».

В СМИ объединялись два основных фактора манипуляции массовым сознанием: замалчивание и нарочитая гласность информации, независимо от степени ее правдивости. Целью являлось влияние на общественное мнение. Замалчиванием той или иной информации общественности демонстрировалось ее «отсутствие» или, по крайней мере, «официальная» недоступность. Видимо, весьма точным (почти зеркальным) отражением этой ситуации в литературе является арестованный за распространение слухов о начале войны бравоый солдат Швейк, которого вели в полицейское управление мимо развешенных плакатов, как раз официально извещавших о ее объявлении². С точки зрения пропагандистов, метод засекречивания или игнорирования имеет колоссальное преимущество, поскольку отпадает необходимость в каких-либо формулировках либо приспособлении к меняющейся ситуации.

Военное положение оказывало влияние на содержание и формы пропаганды оппозиционных сил. С одной стороны, в годы войны ослабли либеральные механизмы и оппозиция оказалась под давлением, не допускалась к СМИ и, собственно, находилась в стороне от текущей жизни: требовалось утверждение единства государства, народа, населения. С другой стороны, любая военная неудача давала оппозиции в руки сильнейшее пропагандистское оружие, поскольку речь шла о жизни людей. Ограниченность функционирования оппозиционного медийного пространства отражалась в воспроизводившихся «альтернативным» агентством печати формах: лаконичности и фрагментации аргументов, стиле листовок и лозунгов, что в техническом отношении упрощало уход от цензуры.

Более того, если официальная пропаганда велась на волне сильных эмоций в позитивном, хотя и априорно, духе патриотизма, «защиты родины», «сохранения культурных ценностей», «спасения семей», то она одновременно попадала

² *Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války. Praha, 1954. S. 77.*

в зону риска, поскольку могла легко привести к излишнему пафосу, который тут же становился объектом пародий и анекдотов. Сами по себе они уже не нуждались в особом носителе, распространяясь в устной форме не как основанная на слухах целенаправленная политическая пропаганда ангажированных политических активистов, а как «любопытные факты»³. Тот же, кто решил участвовать в их распространении, т. е. пересказе, получал шанс стать на мгновение центром внимания своего окружения. Он достигал высшей ступени социального единения не только среди участников Сопротивления, но и в более нейтральных группах, идентифицировавших себя с «доверявшими друг другу, а следовательно, говорившими между собой о таких вещах». Не в последнюю очередь информация о подобного рода фактах являлась также шансом получить небольшую дозу адреналина от занятий «недозволенным». Дело в том, что способность населения воспринимать военное противостояние (и собственно говоря, не только это) как нечто возвышенное и жертвенное в психологическом плане функционирует лишь до установленного предела; как только она выходит за некие рамки, напряжение разряжается в виде пародий на священное, которые затем благополучно распространяются сами по себе. Нельзя не отметить, что этот принцип пародирования походит на превращение в «карнавал» серьезных ритуалов.

Например, пародированием официальных сообщений в Братиславе систематически занималось любительское издание, получившее название «Сообщения ККП» (Коммунистической канцелярии печати) («Správy KTK»). Оно выпускалось группой активистов нелегальной Коммунистической партии и в виде размноженных на ротаторе листовок комментировало фронтовые события в период с октября 1941 по январь 1943 г. Режим, против которого они были направлены, являлся в тот момент сателлитом третьего рейха, который как раз достиг пика своих территориальных захватов. Тексты составлялись с учетом положения на фронтах, а их содержание диктовалось в первую очередь стремлением нейтрализовать влияние официальных «победоносных» сообщений об успехах нацистов. Поскольку получение альтернативной информации о возможных частичных успехах Красной армии и других ее союзников являлось крайне проблематичным (прослушивание зарубежных радиостанций каралось законом, а радиоприемники подлежали конфискации), внимание редакторов «Сообщений ККП» концентрировалось на текстах, подвергавших сомнению истинность информации, приводимой их политическими оппонентами из числа официозных журналистов. Внимательно прочитывая и сопоставляя официальные версии сообщений в различных периодических изданиях или к различным датам, они выискивали просчеты в информационной политике правящего режима и разоблачали его пропагандистские кампании. Указывалось на ошибки агентства печати, подчеркивалась его несостоятельность, а самих читателей призывали заняться индивидуальными поисками и выявлением подобного рода противоречий.

Красноречивым примером действенности данного метода, когда сомнению подвергалась достоверность информации агентства печати правящего режима, стало разоблачение, появившееся в сентябре 1941 г. Согласно официальной ин-

³ Kapferer J.-N. Fáma – nejstarší médium světa. Praha, 1992. S. 47–51.

формации, немцы уже дважды переправлялись через Днестр, но при этом ни разу не сообщалось о каком-либо отступлении⁴. Сопоставлялись параллельно публиковавшиеся сообщения из официальной словацкой прессы: у русских, с одной стороны, изначально в распоряжении имелось «только 7000 самолетов», а с другой стороны, немцы хвастались, что «сбили 7500 советских самолетов»⁵. Точно так же и редакторы нелегального периодического издания «Голос народа» («Hlas ľudu») использовали мотивы некой поисковой игры, призывая своих читателей обращать внимание и сравнивать, какие именно официальные газеты более всего преувеличивали потери союзников. Когда редакторы проправительственной газеты «Словацкая политика» («Slovenská politika») «потопили» корабли общим водоизмещением в полмиллиона брутто-регистражных тонн, т. е. больше, чем указывалось в газете «Гардист» («Gardista»), редакция газеты «Голос народа» иронически присвоила главному редактору «Словацкой политики» звание первого в истории адмирала, верховного главнокомандующего словацким военным флотом, и добавила, что он уже якобы готовит свою флотилию на реке Ваг для нападения на Америку⁶.

На противоречиях в официальных версиях агентства печати заостряли свое внимание и авторы множества листовок. Например, после нападения на СССР словацкие официальные СМИ изображали Украину как перманентно страдающую от голода, но при этом одновременно заявляли, что местное население восторженно приветствовало словацких солдат (воевавших на стороне нацистов) белым хлебом⁷. В 1942 г. самодельная листовка обращала внимание на то, что в сообщениях официальных СМИ вдруг «появился» маршал Тимошенко, который, по предыдущей информации тех же источников, уже более года как был «полностью уничтожен» вместе со всей своей Красной армией⁸.

Зачастую антигосударственный характер могла приобрести географическая карта, отражавшая развитие ситуации на фронте, хотя иногда она официально была вывешена на доске объявлений. В городе Левоча это случилось в сентябре 1943 г., когда на ней появились новые указательные стрелки. Их автор пародировал способ ставшего в то время уже привычным извещения о победоносном шествии нацистской армии. Он отметил занятые города («Киев капут, Смоленск капут...»), но указательные стрелки, обозначающие продвижение нацистских армий, уже были направлены в противоположную сторону, «домой», т. е. на запад и, следовательно, прославляемым «захватчиком» представляла уже сама Красная армия⁹.

В обществе, в котором режиму не удалось в достаточной степени внедрить «победоносные» настроения, стремительно распространялись анекдоты,

⁴ Slovenský národný archív (далее — SNA). Bratislava. Fond (далее — F.) Ilegálna KSS. Krab. Č. 13. Zložka 328.

⁵ Ibid. Krab. Č. 4. Zl. 107. Вы поняли?

⁶ Ibid. Krab. Č. 23. Zl. 539. Hlas ľudu. 1943. Apríl. Č. 2. Roč. 1.

⁷ Ibid. Krab. Č. 10. Zl. 289.

⁸ Ibid. Krab. Č. 9. Zl. 253.

⁹ Ibid. Krab. Č. 21. Zl. 503 / 49 hlásenie miestnej žand. stanice (объявление местного полицейского участка). Levoča. 7.2.1941.

отражавшие слабость армии находившегося в состоянии войны Словацкого государства. Велись разговоры о «грандиозном» предложении президента Йозефа Тисо предоставить в помощь третьему рейху «все наши три самолета», пародировались сообщения «об ожесточенных боях нашей моторизованной части за заднее колесо мотоцикла»¹⁰. Появлялись и примеры, когда неофициальные интерпретации фронтовых реалий выходили за рамки «основанного на слухах» контекста и звучали сами по себе достаточно громогласно. Чаще всего это происходило, когда под воздействием алкоголя ослаблялась самоцензура, хотя это и не становилось правилом. Для откровенного выражения своих взглядов достаточно было убеждения, что мнение такого рода разделяется большинством присутствовавших и что ты не станешь изгоем в коллективе, — таким образом, личное суждение можно истолковывать в качестве мнения общественного¹¹. Подобную ситуацию иллюстрирует воспоминание участника трудового отряда словацкой армии, занимавшегося рытьем окопов близ Братиславы (де-факто на принудительных работах). Во время одного из регулярных посещений политически неблагонадежными элементами обязательной политической лекции лектор восторженно информировал их о якобы дальнейшем продвижении немцев. Присутствовавший при этом гражданский бригадир прокомментировал данное утверждение лаконично, но громко: «продвигаются, но задом наперед»¹².

Граждане, которые сами должны были стать объектом государственной пропаганды, постепенно приобретали опыт кодировки и раскодировки информации в духе политкорректности, научились видеть информацию о поражениях там, где речь велась о «плавном переходе на подготовленные позиции», дешифровать отступление в таких фразах, как «стратегическое выравнивание и сокращение фронтовой линии» и т. п. Известно, что фронт в течение двух лет постепенно «сокращался»: от своей первоначальной протяженности по линии Ленинград—Кавказ вплоть до городского округа Берлина. Расширению общественной практики чтения между строк как еще одного вида всеобщей грамотности помогало и то, что многие граждане самостоятельно осваивали активную практику индифферентных коммуникаций: одни — в письмах семьям из мест принудительного труда в рейхе, другие — в письмах семьям с фронта или же в письменных сообщениях из дома для супругов, которые находились в заключении, в армии либо в тылу, но с осознанием того, что письмо может стать объектом, пусть даже случайной, бдительности полицейского цензора, а при неосторожном выражении и инструментом ненужных проблем для всей семьи.

В годы холодной войны государство располагало уже широкой сетью политических активистов в сфере информационной политики и приобретенным

¹⁰ Kalina J. L. Tisíc a jeden vtip. Bratislava, 1969. S. 187–195.

¹¹ В определении термина «общественное мнение» в данном историческом контексте склоняюсь к его интерпретации Элизабет Ноэль-Нойман: «это мнение, которое человек высказывает публично, вслух, в присутствии других людей, не боясь оказаться в изоляции». См.: *Зубкова Е.* Послевоенное советское общество. Политика и повседневность. 1914–1953. М., 2000. С.4.

¹² Pracovné jednotky a útvary slovenskej armády 1939–1945, VI. robotný prápor / Ed. V. Kniežo-Schonbrunn Banská Bystrica-Bratislava, 1996. S. 175.

в годы войны опытом. В государственной цензуре это проявилось, например, в тщательно составленной картотеке¹³ засекреченных фактов. В ней наряду с мобилизационными хозяйственными и военными планами, сведениями о размещении гарнизонов в числе первых оказались и открытки с фотоизображением более чем трех ориентировочных пунктов, невольно фиксировавших стратегически важные, но общеизвестные объекты — железнодорожные станции, мосты и пр.

Однако в концептуальном плане несовершенство методов засекречивания могло после каждого «провала» нанести общественному мнению ущерб, сопоставимый с воздействием вражеской пропаганды¹⁴. Так, огромный *faux pas* (неверный шаг) допустили цензоры, когда на подготовленных для участников Спартакиады в Праге картах исчезли такие «стратегические объекты», как мосты и железнодорожные станции. Карты, на которых главные улицы упирались в реку, получая свое продолжение уже на противоположном берегу, выглядели странно и вызвали не только нежелательные вопросы, но и взрывы веселья. Дезориентированные гости, обращавшиеся с расспросами к проходившим мимо горожанам, повергали в недоумение широкие круги населения. В конце концов организаторы вынуждены были восстановить для дезориентированных участников вымаранные «мосты и станции» на специально составленном дополнительном плане города.

Похожая конфузная ситуация, вызывавшая негативную реакцию даже у аполитически настроенных слоев населения, возникла после директивного переименования всех армейских спортивных команд по типу «Дукла + название территориального местоположения гарнизона» в интересах централизации и более активной пропаганды армейского спорта, а также одновременного запрета публиковать без согласования места расположения частей с целью сохранить в секрете от противника концентрацию войск. В небольшом городке обнаруживалось достаточное количество солдат для проведения полноценного футбольного матча, соревнования баскетболистов или других спортсменов, а это означало, что есть из кого их выбирать и, следовательно, выдавало присутствие многочисленного гарнизона. В итоге цензоры через несколько недель не пропустили информацию о результатах, в общем-то, публично доступных футбольных матчей с участием игроков некоей «Дуклы». В конце концов было принято решение обозначать армейские клубы, дислоцированные в небольших, но стратегически важных местностях с высокой концентрацией военнослужащих (например, в пограничной зоне), по названию ближайшего районного центра¹⁵.

¹³ Archiv Ministerstva vnitra České republiky (далее AMV ČR). F. 318–22. Zložka 183. Ministerstvo vnitra — Státní tiskový dozor (MV STD) Praha, 8 sept. 1957. Směrnice k nové kartotéce utajovaných skutečností. F. 318–22, 182b Všeobecné pokyny VP 001–015.

¹⁴ AMV ČR. F. 318–13–3. Komise pro otázky ochrany utajovaných skutečností, zpráva, 1960. AMV ČR. F. 318–15–4, 008 / 60.

¹⁵ AMV ČR. F. 318–13–3, Komise pro otázky ochrany utajovaných skutečností, zpráva, 1960. Подобного рода проблема со спортсменами — сотрудниками Министерства внутренних дел (клуб «Красная звезда») — была решена путем выборочного засекречивания четырех «спортивных центров» в местах, где располагались самые крупные и известные тюрьмы — Валдице, Миров, Леопольдов, Илава. AMV ČR. F. 318–15–4, 008 / 60.

Жесткая цензура вызывала у населения повышенный интерес ко всякого рода неофициальным сообщениям, передаваемых такими конкурентными СМИ, как «Голос Америки» или «Радио Ватикан», о чем уже существует достаточное количество литературы (этому вопросу мы не будем уделять внимания). Помимо этого, она еще и заставляла людей верить слухам и прочитывать «знамения». Такого рода атмосферу можно прекрасно проиллюстрировать на примере невинной публикации в воскресном приложении газеты «Народная демократия» («*Lidová demokracie*») в октябре 1956 г. в рубрике для домохозяек. В этом материале давались практические советы о том, какие основные запасы должны быть всегда в обычном домашнем хозяйстве. Для публики, интерпретировавшей содержание статьи, важными оказались два фактора: то, что «Народная демократия» формально позиционировалась как «не совсем коммунистическая» газета (ее издавала католическая Чехословацкая народная партия, контролировавшаяся режимом и входившая в Национальный фронт), а также одновременный рост напряженности на внешнеполитической арене (осень 1956 г., Суэц, Будапешт). Подобного рода корреляция разнородных сообщений, которые являлись формально «официальными» и «невинными», вылилась в моментально распространившийся слух о том, что героическая редакция указанием на необходимость делать продовольственные запасы мужественно предупреждает своих читателей о надвигающейся войне. Данный конкретный пример демонстрирует, как поиски скрытого смысла превратились в спусковой механизм покупательской лавины¹⁶.

На той же неделе некоторым жителям показалось подозрительным ординарное указание на необходимость делать прививки от тифа, паратифа и столбняка. В цитате из отслеженного цензурой письма мать от имени местного директора школы обращается к своему сыну-врачу с просьбой: «Это выглядит подозрительно, поскольку происходит совершенно секретно. Прошу тебя посоветовать, следует ли делать эту прививку или она не нужна. Все это выглядит, как если бы всем учителям и детям надлежало куда-то исчезнуть, — столь стремительно и тайно все происходит»¹⁷.

Разумеется, для исследователя в силу своей динамичности более интересной является активная пропаганда, в которой сохранение обороноспособности также занимало исключительную позицию. Это явление блестяще продемонстрировал Оруэлл в своем произведении «1984», где приводится цитата из так называемой «Книги» Гольдштейна: «Все правители во все времена пытались привить своим подданным ложное восприятие мира, но не могли позволить себе внушить [такую] иллюзию, которая была бы направлена на ослабление боеспособности»¹⁸. Более того, как заметил еще в 1930-х гг. военный историк Лидделл-Харт, диктатурам весьма шло на пользу открытое объявление войны другому государству, поскольку его можно было использовать в качестве средства для отвлечения

¹⁶ AMV ČR. F. H 669. Díl II. k událostem v Maďarsku a Polsku. Správa z 1.11.1956. o novinách Nedělní Lidová demokracie, rubrika «Rady hospodyňkám». Газета «*Lidová demokracie*» являлась официальным печатным органом Чехословацкой народной партии.

¹⁷ AMV ČR. F. H 669. Díl II. k událostem v Maďarsku a Polsku.

¹⁸ *Orwell G.* 1984. Praha, 1991. S. 130.

внимания собственных граждан от внутренних жизненных коллизий и обратить массовое недовольство на внешние объекты¹⁹.

Чехословацкая коммунистическая диктатура (как советский сателлит) была специфической в том плане, что решение об «объявлении войны» она не могла принимать самостоятельно, а целиком зависела от Москвы, которой не хотелось открытого военного конфликта. Внутренняя пропаганда по этой причине предпочитала медийную войну с сугубо фиктивным врагом; этого было достаточно для нагнетания страха и нарастания чувства угрозы. Инстинкт самосохранения является одним из самых сильных. Если нужно подчинить общество принципу стадности и заставить его поступать вопреки своим естественным интересам, то именно такой способ можно считать идеальным. Пропагандисты поддерживали боевой дух мобилизуемых масс сообщениями о грозившем нападении Запада на нашу территорию и о внутреннем противнике. Параллельная «пропаганда действием» заключалась в «разоблачении» шпионов, агентов и заговоров, которые СМИ затем разрабатывали во всех формах мобилизационной публицистики (репортажи, карикатуры, детективы и пр.).

Однако если переступить определенную черту в человеческой психике, то вместо коллективной ненависти и мобилизации против врага можно запустить механизм, который приведет либо к апатии и деморализации (сознанию, что «и так все погибнем», поэтому напрасно что-либо предпринимать), либо же к предпочтению панических или оборонительных реакций, нацеленных исключительно на личное спасение и спасение своей семьи. Например, Ф.Ш., офицер чехословацкой армии из Велкого Шариша, район Прешов, публично выразил свои жизненные приоритеты перед местным населением следующим образом: «...У нас проходит мобилизация, но воевать никто не будет, а я, как бывший офицер, буду знать после призыва в армию, к кому присоединиться или же куда сбежать»²⁰.

Некоторые из зафиксированных взглядов, или, скорее, позиций, точно улавливают противоречивость и даже паническое состояние «антигосударственных» рассуждений любителей политики, которых трудно было заподозрить в умышленном проведении какой-то враждебной идеологической линии. Например, допрашиваемый полицейским агентом господин С.Е., согласно доносу, говорил, что «он не верит, что американцы уйдут из Берлина. Если бы они так поступили, то потеряли бы уважение всей Европы. В случае ухода американцев из Берлина пали бы и Западная Германия, и Франция», но при этом он «далее подчеркнул, что американцы уже в 1918 г. предали немцев, как и после Второй мировой войны, и что они продолжают предавать их по сей день». Он якобы слышал по западному радио, что в результате советских атомных испытаний радиоактивность в Швеции и Норвегии повысилась до опасного уровня. Все это он сопровождал следующим комментарием: грядущая война будет ужасной. Свои же представления о будущих событиях он завершил апокалипсическим сценарием, в котором ничтоже сумняшеся назвал взаимоисключающие линии развития

¹⁹ Liddell-Hart B.H. Why don't we learn from History. London, 6 / д (1944?). S. 19– 20.

²⁰ Archív Ministerstva vnútra Slovenskej republiky (далее — AMV SR). F. B 10–7. I.j. 88. Správa KSMV v Prešove. 30.10.1956.

(отказ от спасения населения, его использование на фронте, его депортация как неблагонадежного): «пожилых людей уже не жаль, мы и так погибнем, если не на фронте, то от нас еще до этого избавятся. В случае войны коммунисты отправят нас на фронт, впрочем, этого коммунисты не сделают, опасаясь, как бы мы не перешли на другую сторону, в лучшем случае нас отправят в лагеря или же в Сибирь, но не исключено, что нас полностью уничтожат для пущей уверенности коммунистов»²¹.

Донесения агентов из провинций подтверждали, что взвинченный СМИ страх перед ядерной угрозой приводил не к спонтанной поддержке петиций за мир, линии партии или власти, а к росту интереса «несознательных масс» к разного рода спиритуалистическим сеансам, где предсказывалось будущее и рождались новые слухи, а также к адаптации некоторых древних магических обрядов по изгнанию дьявола. Множилось число интересовавшихся талисманами, оберегами, любопытных слушателей отыскивали распространители гарантированных рецептов предотвращения атомного облучения путем рассыпания вокруг себя соли... В конце концов и редакция братиславского городского ежедневника «Вечерник» («Večerník») в ноябре 1956 г. посчитала ценной публикацию пародии на пани, которая тащит 10 кг соли, а на вопросы окружавших доверительно сообщает: «Если будет война и сбросят атомную бомбу, достаточно насыпать вокруг себя много соли — тогда с вами ничего не случится». Органы цензуры, напротив, посчитали более целесообразным не печатать этот фельетон, «чтобы еще больше не взвинчивать покупательскую лихорадку»²².

И разумеется, массовая заготовка впрок продуктов ставила под угрозу срыва бесперебойность снабжения. Речь шла о весьма нежелательных последствиях непродуманной пропаганды, поэтому в провинции сотрудников полицейского и партийного аппаратов настойчиво призывали подвергать анализу эффект влияния на граждан конкретных пропагандистских сообщений и безотлагательно докладывать о нем в вышестоящие органы. Помимо прочего, обращалось внимание на то, что нельзя, несмотря на повсеместно требуемую бдительность и осторожность, переусердствовать в пропаганде среди населения.

Иногда ставились абсолютно взаимоисключающие задачи. Так, от местных властей требовали поощрять население проявлять повышенную бдительность и осторожность ввиду возможного появления «парашютистов империалистических разведок», которые могут быть заброшены на территорию Словакии, и одновременно они должны были не допускать «создания нервной обстановки»²³. Независимо от конкретных периодов усиления международной напряженности

²¹ AMV SR. F. B10. I.j. 75. KSMV Prešov. Verejná mienka obyvateľov k listu ÚV KSČ o západoberlínskej otázke 1958–1959. Správa z 18.12.1958.

²² SNA. F. ÚV KSS. David. DZ č. 6 / 1956. Zásah vo Večerníku z 5.11.1956. О неизменности человеческой природы свидетельствует тот факт, что весной 2003 г. в ходе войны в Ираке телевидение «Маркиза» передавало клип из деревеньки под Татрами, где распространялись слухи, что против ядовитого газа помогает горчица, которой следует натереть крышу. В местном магазинчике уже успели вывесить табличку с надписью: «Горчицы нет».

²³ AMV SR. F. B10–7. I.j. 88. Ohlas k udalostiam v Maďarsku. 1956. KSMV Prešov. Presne nedatované.

или по крайней мере возникновения в обществе подобного рода впечатлений распространявшиеся сообщения о возможности Третьей мировой войны, как правило, вместо «повышенного трудового энтузиазма», о котором с восторгом писали газеты, заканчивались «повышенным спросом на приобретение предметов широкого потребления, таких как мука, сахар и пр.»²⁴ Помимо того что розничная торговля теряла функциональность, возрастала активность на черном рынке, это раскручивало спираль воровства уже в кооперативах, на фабриках и складах. В 1960 г. автор ситуационного сообщения из Западной Словакии подтверждал распространение слухов о грядущей денежной реформе и о приближавшемся начале войны: «Это было видно на железных дорогах, когда люди мешками везли муку и другое продовольствие, открыто рассуждая о том, что будет война и что они делают запасы. Так, например, 26 июля 1960 г. на станции Мьява два пассажира вносили в вагон семь мешков муки. Другие 10–12 пассажиров везли в мешках по 30–40 кг муки. На расспросы они отвечали, что делают запасы на случай войны»²⁵.

Хотя некоторые редакторы пытались вести борьбу с паникой, высмеивая ее распространителей, но все же более «правильным политически» считалось замалчивание. Поэтому во время учений стран — участниц Варшавского договора в прессу так и не просочился анекдот, в котором деревенские сплетницы распространяли слухи о том, что местной «ведьме» якобы «приснились русские войска, уже маршировавшие в нашем направлении». Это моментально привело к реальной скупке в местном магазине всех продуктов²⁶. В тех случаях, когда не только слухи, но и реальные действия, скажем, пополнение пограничных частей военнослужащими запаса, которое не удалось полностью сохранить в секрете, подтверждали реальную мобилизацию (например, в период венгерского восстания осенью 1956 г.), соответствующим структурам вменялось в обязанность представлять их «учениями военнослужащих запаса». «В случае появления каких-либо подозрений следует объяснять, что нет никакой мобилизации, а идет обычный набор некоторых военнослужащих запаса на переподготовку. Просим вас проинформировать К[раевой] К[омитет] К[оммунистической] П[артии] С[ловакии] об общей реакции»²⁷. Не публиковались и пламенные обязательства ударников, которые брались выполнить работу за себя и своих товарищей, призванных на подобные «военные учения», на сей раз «в связи с событиями в ГДР». Вместо публичных выступлений активистам рекомендовалось лучше «вести агитацию индивидуально»²⁸, т. е. без излишней публичности.

Однако пропагандисты режима при подобной двойственной стратегии сталкивались с проблемной группой и в рядах своих сторонников: их реакция на мо-

²⁴ Ibid. J.j. 132. (34). KSMV Prešov. 31.10.1956.

²⁵ AMV SR. F. A 2 / 1. I.j. 187. Správa o opatreniach na úseku dopravy z 18.11.1960.

²⁶ AMV ČR. F. 318–114–3. Denné zprávy. DZ. Bratislava, 1961.

²⁷ AMV SR. F. B10–7. I.j. 88. Ohlas k udalostiam v Maďarsku. 1956. KSMV Prešov. Presne nedatované; AMV SR. F. B 10–7. I.j. 88. Ohlas obyvateľstva k udalostiam v Maďarsku. Presne nedatované.

²⁸ AMV ČR. F. 318–48–2. Denné hlášení. DH. Č. 50. 1961. Zásah v závodnom časopise Káblóvák. Č. 36.

биллизационные призывы соответствовала курсу актуальной риторики властей, однако им не удавалось проводить различия между ставшим уже обычным мобилизационным призывом и действительно реально востребованным. Если до этого своей чрезмерной ангажированностью, неконтролируемой инициативностью, так сказать, «стихийностью»²⁹ они, возможно, и внесли какой-то вклад в захват власти коммунистами, то затем они же, как это ни парадоксально, стали ставить под угрозу стабильность этой власти. Поэтому возникала необходимость их быстрой и последовательной нейтрализации как «неприспособившихся». Подобная ситуация полностью соответствовала уже ставшей расхожей сентенции из пьесы Георга Бюхнера³⁰ о смерти Данте, когда революция сравнивалась с Сатурном, пожиравшим своих собственных детей. Запоздалая нейтрализация слишком активной пропагандистской деятельности не получивших соответствующих установок активистов становилась причиной нежелательного роста напряженности и обострения конфликтов в обществе. Более того, их излишнее рвение во время публичных выступлений способствовало утечке информации, которая по той или иной причине должна была оставаться закрытой. Тут приходилось вмешиваться цензору, сдерживая, например, тех, кто убеждал недовольных возможным продлением сроков действительной военной службы. Активисты объясняли, что служба «является сегодня сложным учебным процессом», который позволяет получить вторую профессию. «Шахтеры, литейщики, токари, деревенские парни или даже закончившие обучение юристы» во время ее прохождения должны стать «радистами, авиамеханиками, командирами танков или обслуживающим персоналом ракет, которые недавно сбили У2». Цензор снимал последнюю фразу, обосновывая это тем, что до сих пор не получено официальное сообщение, что у чехословацкой армии могут быть «такие ракеты»³¹.

Профессиональные пропагандисты, напротив, благодаря приобретенному со временем опыту начинали более искусно нагнетать чувство опасности. Они пытались, причем не без успеха, противостоять росту нежелательных тревожных сообщений и слухов, публикуя, к примеру, посредством Агентства печати сообщения об успехах внешней политики на мирных переговорах. Но и здесь им следовало проявлять осторожность, поскольку, скажем, хрущевский новый курс внешней политики с лозунгами о мирном сосуществовании двух систем и разрядке международной напряженности приводил к снижению общественного интереса к происходившим в мире событиям и концентрации внимания на внутренних проблемах, т. е. инициировал еще одно нежелательное для режима явление.

Перевод со словацкого языка Э.Г. Задорожнюк

²⁹ Seiler V. Živelnosť a uvedomelosť. Kategórie filozofie dejín. Bratislava, 1969.

³⁰ Büchner G. Dantons Tod. 1835. Act I.

³¹ AMV ČR. F. 318–48–2. DH. 1961. 52. 12.10.1961. Smena. Č. 240.

Часть III

*Г.П. Мурашко
(Москва)*

КАК И ГДЕ РЕШАЛАСЬ СУДЬБА ВЕНГЕРСКОГО МЕНЬШИНСТВА В СЛОВАКИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ)¹

Мюнхенский кризис и Вторая мировая война породили в чешском и словацком обществе устойчивый синдром боязни национальных меньшинств. Его появление, закрепленное в исторической памяти этих народов, было вызвано тем, что немецкое и венгерское население, проживающее на территории довоенной Чехословацкой Республики, использовалось государствами фашистского блока в качестве инструмента экспансии и ликвидации территориальной целостности страны. Прямым следствием чего и стало стремление сложившегося в ходе антифашистской борьбы Национального фронта чехов и словаков ликвидировать проблему национальных меньшинств и возродить послевоенное государство как государство двух этнически родственных народов — чехов и словаков. Этот принцип был закреплен в Кошицкой программе правительства Национального фронта. Проект данной программы, разработанный коммунистической эмиграцией в Москве, как свидетельствуют документы российских архивов, проходил экспертизу в ЦК ВКП(б), а также в Министерстве иностранных дел СССР. С ним знакомились Г. Димитров, В.М. Молотов, В.А. Зорин. Наиболее обстоятельными были замечания Зорина, подготовленные в марте 1945 г. В них отмечалось, что в предложенном проекте программы практически отсутствуют обязательства правительства по обеспечению прав национальных меньшинств. При этом Зорин подчеркивал, что речь идет прежде всего об украинцах и русинах. Что же касается других меньшинств, в частности венгров и немцев, то суть замечаний Зорина сводилась лишь к тому, что для лиц венгерской и немецкой национальности нельзя автоматически утверждать чехословацкое гражданство. «Очевидно требуется персональный подход в каждом отдельном случае»².

Однако реальная политика в области национальных отношений оказалась весьма далекой от программных установок, разработанных весной 1945 г. Идея необходимости ликвидации в Словакии венгерского меньшинства превалировала в национальной политике ЧСР весьма длительное время. Материалы российских архивов, особенно записи бесед чехословацких политиков с советскими

¹ В сокращенном виде текст опубликован в: Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб., 2011. С. 540–553.

² Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. М., 2000. Т. 1. С. 176.

руководителями и дипломатами, показывают сколь настойчиво чехословацкое правительство, буквально с момента, когда встал вопрос о заключении соглашения перемирия с Венгрией, добивалось от советской стороны фиксации своего права на выселение с территории ЧСР всех венгров, а также фиксации обязательства венгерского правительства принять этих переселенцев. Посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер 9 января 1945 г. в беседе с В.А. Зориным убеждал последнего, что «обстановка в Чехословакии может сложиться так, что венгры сами будут вынуждены перебираться в Венгрию и могут оказаться в тяжелом положении»³. Чехословацкая сторона считала необходимым внести в соглашение о перемирии специальный пункт о том, что «венгры, имевшие ранее чехословацкое гражданство и будучи лишенными его, будут признаны Венгрией венгерскими гражданами и впущены на ее территорию. Венгрия будет нести заботы об этих лицах с момента перехода ими венгерской границы и заботиться об их устройстве»⁴.

Однако советская сторона, учитывая позиции своих западных союзников, особенно Великобритании, официальные круги которой на завершающем этапе войны весьма сдержанно относились к идее массовых переселений, не считала возможным поддерживать такие инициативы чехословацкого правительства. Советские дипломаты (на это следует обратить особое внимание) настоятельно рекомендовали чехословацкой стороне отложить рассмотрение вопроса о переселении венгров до заключения мирного договора⁵.

Реальная обстановка в самой Чехословакии ко времени завершения Красной армией ее освобождения оказалась более сложной, чем представлялось в момент заключения перемирия с Венгрией. В апреле 1945 г. В.А. Зорин, назначенный послом в Чехословакию, срочно сообщал в Москву, что по сведениям, полученным от министра внутренних дел коммуниста В. Носека, Словацкий национальный совет, являвшийся фактически высшим органом власти в Словакии, предполагает в ближайшее время провести операцию по выселению венгров с территории Словакии. «Причем словаки намерены выселить всех венгров, что Носек считает неправильным»⁶, — подчеркивал Зорин. Он подробно информировал Москву о расхождениях в этом вопросе СНС и министра центрального правительства В. Носека. Последний, по словам советского дипломата, исходил из того, что в первую очередь следовало выселять лишь тех венгров, которые прибыли в Словакию после ее оккупации Венгрией в 1938 г. Таких венгров, по мнению Носека, насчитывалось около 3–4 тыс. «Остальных венгров, — считал он, — нельзя сейчас выселять, не проделав предварительной работы, в частности надо объявить трудовую повинность для всех немцев и венгров, находящихся в Словакии, затем создать концлагеря, куда направить тех венгров, которые были не лояльны по отношению к Чехословацкой Республике, а затем уже из них отобрать тех,

³ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М., 1997. Т. 1. С. 134.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 07. Оп. 10. П. 15. Д. 195. Л. 1-а.

⁵ Там же.

⁶ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 199.

кого надо выселить за пределы Чехословакии»⁷. Носек считает неправильным проводить сейчас общее выселение венгров — таков был вывод Зорина.

Однако со стороны президента страны Э. Бенеша позиция СНС находила значительно большую поддержку, чем со стороны министра внутренних дел правительства. Э. Бенеш уже с первых месяцев 1945 г. в своих выступлениях ставил вопрос о необходимости выселения из страны не только немцев, но и 550 тыс. венгров. Такая позиция главы государства была отнюдь не случайной. Он располагал информацией, с одной стороны, о наличии сильных антивенгерских настроений в словацком обществе, а с другой — об определенном недоверии к нему, Бенешу, ряда ведущих словацких политиков. Для укрепления своего влияния в их среде он и шел им на уступки по вопросу о судьбах венгерского меньшинства, опираясь на пока еще неофициальное согласие советского руководства. Об этом, в частности, свидетельствует письмо А. Керра В.М. Молотову от 11 апреля 1945 г., в котором Керр пишет: «Когда президент Бенеш был в Москве, я узнал от него, что советское правительство согласилось с его предложениями о выселении примерно двух третей германского и венгерского меньшинства из Чехословакии...»⁸

Выступления Э. Бенеша, и особенно принятие декрета о наказании военных преступников от 19 мая 1945 г., стимулировали активность местных словацких властей. Свидетельством тому является весьма любопытный документ, поступивший в ЦК ВКП(б) на имя Г. Димитрова от начальника VII Управления ПУРККА генерала Бурцева. Последний сообщал 19 июня 1945 г.: «В настоящее время в связи с заявлением Бенеша от 12 мая с.г. о том, что все немцы и венгры будут выселены с территории Чехословакии, местные административные органы принимают меры для практического выполнения этого указания»⁹. К этому времени Словацкий национальный совет, обсудив вопрос о выселении венгров, принял решение провести эту акцию «возможно быстрее и сделать это до того, как другие союзники начнут заниматься этим вопросом. Словацкий национальный совет подготавливает выселение в течение трех месяцев до 400 тыс. венгров из южных районов Словакии»¹⁰.

Генерал Бурцев, информируя ПУРККА о ситуации в Словакии, сообщал: «Прием венгров в партию (имеется в виду компартия Словакии. — Г.М.) приостановлен. Новым членам партбилеты не выдаются. О старых членах ЦК решает в индивидуальном порядке... Происходит активизация шовинистических элементов. В Левице комендант чехословацкого гарнизона капитан Куница велел напечатать и расклеить лозунги: “Кто не хочет говорить по-словацки, будет выселен за Ипель! Мы у себя здесь дома, мы господа! Словаки говорите громче!” ...Выселение венгров проводится грубыми методами. Венграм не предоставляется ни времени для продажи или сдачи на хранение своего имущества, ни транспорта; поэтому дети, старики, больные, беременные женщины вынуждены идти пешком десятки километров до венгерской границы. Старые работники компартии венгерской национальности, будучи не в состоянии прекратить

⁷ Там же. С. 199

⁸ Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3. Оп. 66. Д. 725. Л. 6.

⁹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 224.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 17.

незаконные действия местных властей, уезжают в Венгрию»¹¹. В заключении Бурцев отмечал, что действия местных властей, направленные против венгров, не согласовываются с советскими военными комендатурами, а иногда местные власти поступают вопреки распоряжениям комендантов. Не редки случаи, когда красноармейцы по собственной инициативе препятствуют применению грубых методов по отношению к венграм.

Эта информация, как свидетельствуют материалы Архива Президента РФ, Г. Димитровым была направлена В.М. Молотову. В своем сопроводительном письме Димитров писал: «Из этого и других материалов, которыми мы располагаем, видно, что методы, применяемые словацкой администрацией при решении венгерского вопроса, неправильны и могут повлечь за собой неблагоприятные последствия. По нашему мнению, следовало бы в соответствующей форме обратить на это внимание представителей чехословацкого правительства»¹². Оба вышеприведенных документа позволяют констатировать, что в них осуждается не столько факт принудительного переселения венгров, сколько жесткие методы проведения этой акции.

Начавшееся переселение не могло не вызвать в Венгрии острой реакции всех политических партий, включая коммунистов. Некоммунистические партии напрямую связывали начавшиеся акции по переселению «с рукой Москвы», называя их «пробным шагом Молотова»¹³. Некоторые материалы российских архивов, хотя и не дают прямых подтверждений такой оценке, тем не менее «высвечивают» и проясняют позицию советского руководства. На встрече И.В. Сталина и В.М. Молотова с премьер-министром Чехословакии З. Фирлингером и заместителем министра иностранных дел В. Клементисом, состоявшейся 28 июня 1945 г., в ходе обсуждения ситуации в Закарпатской Украине и Тешинской области чехословацкой стороной был поставлен вопрос о выселении немцев и венгров. В протоколе беседы записано: «Фирлингер спрашивает, как быть с выселением немцев и венгров из Чехословакии. И.В. Сталин говорит: “Мы мешать Вам не будем. Прогоняйте их. Пусть испытают на себе, что значит господство над другими”. Фирлингер просит в связи с этим дать указание советским военным о содействии этому выселению немцев и венгров. И.В. Сталин спрашивает “А разве наши военные препятствуют этому?” Фирлингер говорит, что препятствий нет, но хотелось бы иметь активное содействие». Однако, как вытекает из протокола, Сталин уходит от прямого ответа, переключив внимание собеседников на проблему необходимости урегулирования отношений с Польшей в районе Тешина¹⁴. На основе этой записи можно сделать вывод, что Сталин летом 1945 г. по существу еще ставил знак равенства между акциями по выселению немцев и венгров.

Но в кругах официальной дипломатии во второй половине 1945 г. все более широко обсуждалось предложение отложить решение вопроса о венгерском меньшинстве в Словакии до будущей мирной конференции, с тем чтобы вывести его из одной плоскости с решением вопроса о немцах. Думается, что важную

¹¹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 224–225.

¹² АП РФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1357. Л. 210.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 28. Д. 32. Л. 71.

¹⁴ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 232.

роль в этом сыграло соглашение между Чехословакией и Венгрией об обмене населением, заключенное в феврале 1946 г. Его принятием проблема венгерского меньшинства в Словакии была переведена в плоскость двусторонних отношений и четко отделена от решения немецкого вопроса.

Однако на практике реализация заключенного соглашения столкнулась с большими трудностями, поскольку стороны, подписавшие его, стояли на позициях, существенно различавшихся по конечным целям. Чехословацкая сторона рассчитывала провести обмен населением таким образом, чтобы превратить районы компактного проживания венгров в чисто словацкие. Венгерская же сторона категорически отказывалась принять то количество переселенцев, на которое рассчитывали словацкие власти. Венгры мотивировали свою позицию тем, что не смогут обеспечить для 650 тыс. переселенцев соответствующих экономических условий жизни. Они настаивали на предоставлении остающемуся в Словакии венгерскому меньшинству равных со словаками гражданских прав, которых оно было лишено сразу после окончания войны.

Создалась по существу тупиковая ситуация. Соглашение об обмене населением фактически не выполнялось. Дело доходило до открытых конфликтов. Чехословацкая сторона, стремясь ускорить процесс переселения венгров, в ответ на отказ Венгрии принять транспорт с переселенцами запретила пропуск через свою территорию эшелонов с немецким населением, переселяемым из Венгрии в советскую зону оккупации Германии¹⁵.

В условиях такого острого чехословацко-венгерского противостояния Москва получала весьма выгодную роль арбитра. Поддерживая то одну, то другую сторону, советское руководство использовало «национальную карту» для того, чтобы влиять на проходящие в обеих странах политические процессы постепенного усиления позиций коммунистов в системе власти, способствуя тем самым продвижению их к установлению властной монополии.

По мере приближения сроков мирной конференции нажим советской стороны и на Чехословакию, и на Венгрию стал усиливаться. В апреле 1946 г. Сталин принял венгерскую делегацию во главе с Ф. Надем. Этой встрече предшествовала беседа Молотова с министром иностранных дел Дьендеша, где вопрос о положении венгерского населения в Словакии был представлен венгерской стороной как требующий неотложного решения. На встрече со Сталиным венгерская делегация дала аргументацию своей позиции в документе под названием «О судьбе венгерского народа, проживающего в Чехословакии». Для решения данного вопроса венгерские представители предлагали советским лидерам два варианта. Первый — мирный договор должен обязать Чехословакию обеспечить для венгерского меньшинства условия полного равноправия, чтобы «венгры могли свободно жить и развиваться, как это осуществлено в Югославии и в соответствии с тем, как решен национальный вопрос в СССР». Думается, что такая аргументация была или наивной идеализацией национальных отношений в СССР, или это был тонкий дипломатический ход, обращенный к Сталину, считавшему себя теоретиком по национальному вопросу. В ходе беседы Ф. Надь

¹⁵ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 31. П. 150. Д. 31. Л. 17.

акцентировал внимание собеседников на том, что со стороны государственных деятелей ЧСР неоднократно делались заявления о намерениях ликвидировать венгерское меньшинство. Учитывая это, венгерская сторона предлагала второй вариант решения рассматриваемой проблемы. Теперь речь шла о том, «чтобы часть чисто венгерских областей, населенных компактными венгерскими массами... вернуть Венгрии, с тем, чтобы в случае дальнейшего стремления Чехословакии ликвидировать национальные меньшинства, иметь возможность разместить там население»¹⁶. Ф. Надь уверял советскую сторону, что правильная реализация любого из этих решений успокоит венгров и создаст базу для установления добрососедских отношений между двумя странами.

Сталин же в ходе беседы предложил венгерской стороне все-таки встать на путь обмена населением, подчеркнув при этом, что при обмене дело не только в количественном равенстве. «Количество не играет роли, — говорил он. — Кто хочет, тот может вернуться на Родину, а кто остается, тот должен пользоваться свободой и правами»¹⁷. В ходе обсуждения Сталин изложил свое понимание позиций чехословацкой стороны, разъясняя венгерским собеседникам: «Чехи хотят удовлетворить все просьбы словаков, которые неохотно остались в составе Чехословакии. Словаки хотят расправиться с венграми, а чехи не препятствуют этому». «Это несправедливо, что венгерскому населению не предоставляют прав, школ и т. д.», — заключил Сталин свои рассуждения и вновь возвратился к идее обмена населением. «Обмен населением мог бы быть произведен, такой подход был бы аналогичен разрешению вопроса между Польшей и Литвой... для Венгрии лучше получить из Чехословакии венгров, так как они будут денационализированы. Таким образом, с точки зрения национальной политики, целесообразнее получить венгров», — подвел он итог обсуждению вопроса¹⁸.

Насколько позволяют судить доступные на сегодняшний день документы, реализация мер, предлагаемых Сталиным венгерской делегации, началась незамедлительно. 30 апреля Молотов в Париже говорил с полномочным представителем чехословацкого правительства В. Гайду по вопросам переселения венгерского населения из южных районов Словакии. Гайду информировал Молотова, что чехословацкое правительство не видит никакой другой возможности, кроме как постановки этого вопроса на мирной конференции. Молотов, в свою очередь, настаивал на том, что по вопросам переселения немцев и венгров следует делать различия. Он настойчиво рекомендовал чехословацкой стороне принять энергичные меры, чтобы договориться с венграми об обмене населением на той же основе, на которой СССР договорился о переселении с Польшей. Гайду, ссылаясь на опыт прошлого, упорно доказывал, что между венграми, живущими в Чехословакии, и немцами нет разницы. «Венгры проявили себя так же нелояльно по отношению к Чехословакии, как и немцы, ратуя за расчленение Чехословакии. С чехословацкой точки зрения венгры в Чехословакии будут всегда представлять опасность для чехословацкого государства»¹⁹. В ходе обмена мнениями

¹⁶ Восточная Европа в документах российских архивов ... Т. 1. С. 413–414.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 415.

¹⁹ Там же. С. 431–432.

Молотов настойчиво выяснял у чехословацкого дипломата, какой информацией последний располагает относительно позиции США и Англии. Гайдю вынужден был признать, что «представители чехословацкого правительства неоднократно делали демарши перед послами Англии и США, но до сих пор не получено официального ответа». По сведениям Гайдю, английская сторона высказала сомнение, что подобный вопрос должен быть включен в проект договора с Венгрией. Получив такую информацию, Молотов в конце беседы делает заключение: надо было более энергично действовать после окончания войны. Такая позиция советского министра иностранных дел по существу перечеркивала те рекомендации, которые давались чехословацкому правительству советскими дипломатами ранее, во время заключения перемирия с Венгрией.

Было очевидно, что чехословацкой стороне не удастся добиться на мирной конференции согласия Великих держав на тотальное переселение венгров из Словакии. Оставался лишь путь обмена населением через договоренности с венгерским правительством. Но он, по-видимому, чехословацким политикам представлялся малоэффективным для достижения их целей. Поэтому неслучайно Готвальд говорил, что после окончания обмена они будут «продолжать добиваться, чтобы остающаяся часть венгерского населения была выслена в Венгрию, а южные границы Словакии стали снова словацкими»²⁰.

В такой напряженной обстановке в течение 1946–1947 гг. власти Праги и Братиславы стали расширять начавшиеся еще в 1945 г. акции по принудительному переселению венгерского населения из мест их компактного проживания в западные и северо-западные районы Чехии. Здесь создавались так называемые трудовые поселения. Для юридического обоснования этой акции был использован декрет президента о трудовой повинности лиц, не занятых полезным трудом. В соответствии с этим декретом по данным, поступившим в МИД СССР, около 50 тыс. венгров было отправлено на работу в промышленность и сельское хозяйство Чехии²¹. Советское посольство в своем политическом отчете, анализируя состояние межнациональных отношений в Чехословакии, вынуждено было констатировать «бесправное положение венгерского меньшинства». «Это, как отмечалось в отчете посольства, вызывало возмущение народно-демократической Венгрии. Сама Венгрия проводила совсем другую национальную политику в отношении словацкого меньшинства на венгерской территории. Она дала словакам все права и требовала от ЧСР такого же решения вопроса»²².

Венгрия и ЧСР по сути оказались в состоянии конфликта, в разрешение которого попробовал включиться и венгерский католический епископат. Об этом наглядно свидетельствует письмо эстергомского архиепископа Йозефа Миндсенти министру иностранных дел СССР В.М. Молотову от 22 июля 1946 г. «Чехословакия, под угрозой высылки, конфискации имущества и арестов, принудила 200 000 венгров из 750 000 находящихся на ее территории объявить себя словаками, а 400 000 венгров, по официальным заявлениям, она собирается прогнать

²⁰ Там же. С. 849.

²¹ АВР РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 107. Л. 102.

²² Там же.

из страны» — такими словами начиналось письмо Й. Миндсенти в Москву²³. Далее он сообщал: «Съезд венгерских епископов на своем заседании от 21 июля протестует перед всем культурным миром против этих бесчеловечных мероприятий и просит прекратить произвольные гонения против тех, предки которых жили с девятого века на этой территории и которые, будучи людьми, — обладают человеческими правами. А в настоящее время даже в церквях запрещен их родной венгерский язык». Далее следовало предложение, как правильно с точки зрения венгерского епископата разрешить сложившуюся непростую ситуацию: «Ввиду того что Чехословакия не желает предоставить этому блоку венгров человеческих прав — пусть эта территория будет возвращена обратно Венгрии. Таким образом, прекратится несправедливость, с одной стороны, и страдания, с другой стороны, и мир будет водворен в Средней Европе»²⁴. Если судить по пометам на документе, то советская сторона откровенно проигнорировала архиепископа Миндсенти, оставив это письмо без ответа.

Между тем напряженность отношений между ЧСР и Венгрией продолжала нарастать.

В состоянии конфликта оказались и лидеры КПЧ и ВКП. М. Ракоши с весны 1947 г. предпринимал весьма энергичный нажим на советское руководство, добиваясь помощи СССР в деле урегулирования вопроса о венгерском меньшинстве в Словакии. Беседуя с Молотовым 27 апреля 1947 г., он подчеркивал, что отношения с Чехословакией очень плохие: «...Сейчас идет обмен населением между двумя странами. Это стоит нам 200 млн форинтов, что составляет 7% бюджета. Чехословаки берут у нас пролетариев, а нам присылают крестьян-богачей. Мы все делаем, чтобы урегулировать отношения с чехословаками, но до сих пор это не удается... Венгерских коммунистов в Чехословакии преследуют... Чехословаки хотели расселить венгров, направив их в Судетскую область, но потом отказались от этого. Тогда они стали использовать венгров как чернорабочих. Дело зашло в тупик. Контакты с компартией Чехословакии у нас нет»²⁵. В российских архивах хранятся письма Ракоши на имя Сталина, Молотова, записи его бесед в ЦК ВКП(б). Везде красной нитью проходила одна идея: чехословацкие коммунисты политикой преследования венгерского меньшинства в Словакии наносят вред политическим позициям венгерских коммунистов в стране. В некоторых письмах он доходит до прямой клеветы на отдельных наиболее тогда популярных в Словакии коммунистических политиков, таких как Г. Гусак, В. Клементис, Л. Новомеский, обвиняя их в словацком национализме и антисемитизме²⁶.

Запоздалые попытки Готвальда осенью 1947 г. получить поддержку своих позиций в Москве оказались малоэффективными. Москва теперь твердо исходила из того, что Праге более целесообразно будет добиваться договоренностей об обмене населения с новым венгерским правительством, в котором к этому времени наконец-то существенную роль стали играть коммунисты. К сожалению мы не располагаем материалами о тех конкретных шагах, которые

²³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 27. Д. 420. Л. 26.

²⁴ Там же.

²⁵ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 618.

²⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 156.

были предприняты ЦК ВКП(б) по урегулированию отношений между руководствами двух компартий в вопросе о положении венгерского меньшинства в Словакии. Но о том, что такие шаги предпринимались, косвенно свидетельствует тот факт, что на рубеже 1947–1948 гг. официальная позиция руководства КПЧ стала заметно меняться. В январе 1948 г. венгерская сторона получила неофициальную информацию из международного отдела ЦК КПЧ, что после парламентских выборов в Чехословакии, которые должны состояться в мае 1948 г., венгерскому населению Словакии будут предоставлены равные с чехами и словаками права и вопрос о выселении будет вообще снят. К этому же времени относится и беседа посла СССР в Праге М.А. Силина с Р. Сланским и В. Широкич. В ходе беседы последние рассказывали, что их недавно вызывал Готвальд и «предложил окончательно решить венгерский вопрос ...венгерцам (так в тексте. — Г.М.) дадут все конституционные права, им предоставят возможность вступать в компартию, но не разрешат вступать в другие партии»²⁷. Однако, несмотря на такие обнадеживающие обещания, ни установление властной монополии КПЧ в феврале 1948 г., ни победа этой партии на парламентских выборах в мае 1948 г. не привели к сколько-нибудь заметному снижению напряженности в межнациональных отношениях словаков с венгерским меньшинством. О чем весьма наглядно свидетельствует письмо М. Ракоши в Политбюро КПЧ в апреле 1948 г. (См. приложение к данной статье.)

Это было связано с рядом существенных моментов. Один из них — это курс на словакизацию венгерского населения, который имел поддержку новой политической элиты, закрепившейся в системе власти. Именно о таком, как весьма возможном варианте, предупреждал венгерскую сторону Сталин еще в 1946 г.

Весной 1948 г. советское посольство в Праге информировало Москву, что венгерские власти находятся на распутье: «Они должны или согласиться с предложением словаков и передать в словацкое гражданство 250 тыс. из числа венгров, имевших словацкое происхождение, а остальных забрать, или согласиться на оставление венгерского меньшинства и заставлять его поддерживать мероприятия коммунистического правительства»²⁸.

По данным, поступившим в МИД СССР, к началу 1949 г. уже 20 тыс. венгров объявили себя словаками. Словацкие историки приводят данные о том, что всего в ходе этой кампании поменяли свою национальность (ресловакизировались) 326 697 венгров²⁹. Что же толкало людей на этот шаг? Думается, не малую роль играло то обстоятельство, что в словацком обществе продолжали превалировать настроения добиваться выселения венгров из Словакии. Об этом со всей очевидностью свидетельствует предпринятый еще летом 1948 г. опрос словацкого населения. В ходе него на вопрос «Вы за переселение мадьяр?» «да» ответили 55 %, «нет» — 21 %, «не знаю» — 24 % опрошенных³⁰.

Поэтому неудивительно, что и в 1948, и в 1949 гг., несмотря на то что еще 28 октября 1948 г. было принято чехословацким правительством решение

²⁷ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 150. Д. 31. Л. 17–18.

²⁸ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 47. Д. 9. Л. 13.

²⁹ История Словакии. М., 2003. С. 339.

³⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 164. Д. 43. Л. 106.

о восстановлении всех прав венгерского населения, на практике продолжал реализовываться курс на расселение компактно проживающего венгерского меньшинства. Но теперь он стал воплощаться в жизнь в явно завуалированной форме — под лозунгами борьбы с классовыми врагами. В 1949 г. советские дипломаты сообщали из Братиславы, что «длительное время идет подготовка к выселению из южных районов Словакии в чешские области некоторых категорий венгерского населения»³¹. К октябрю 1949 г. было подготовлено к переезду 600 венгерских семей. Как информировал советское посольство Г. Гусак, возглавлявший тогда словацкое правительство, «больше половины этих людей составляли венгерские кулаки, кустари и мелкая буржуазия»³². Таким образом, теперь национальный аспект акции по выселению венгерского меньшинства формально исчезал, ему придавалась «классовая» окраска.

На венгров, оставшихся в Словакии, оказывался весьма жесткий нажим и на чисто бытовом уровне. В советское консульство в Братиславе поступали сведения о том, что «Венгерское культурное общество в Словакии» вынуждено было обращаться с жалобами к уполномоченному по делам школ в правительстве Словакии о насильственной записи венгерских детей в словацкие школы.

Столь напряженная ситуация в сфере межнациональных отношений в Словакии давала повод Ракоши для обращений в ЦК ВКП(б) с предложениями обсудить этот вопрос на одном из заседаний Коминформбюро. Еще в 1948 г. Й. Реваяи и М. Ракоши пытались добиться согласия М.А. Суслова на такую акцию. Но их предложение не получило прямой поддержки советской стороны. Суслов в состоявшейся беседе убеждал венгерских собеседников в желательности и необходимости урегулирования отношений с Чехословакией на основе взаимных договоренностей, без вмешательства извне.

Однако было бы наивным полагать, что получаемая из Будапешта информация оставалась без внимания главного идеолога ЦК ВКП(б). Когда весной 1948 г. под его руководством развернулась в Москве интенсивная подготовка секретных аналитических записок с развернутой критикой руководства компартий четырех стран — Югославии, Польши, Чехословакии и Венгрии; материалы, получаемые из Будапешта о словацко-венгерских отношениях, оказались весьма востребованными. В многостраничном документе, названном «О некоторых ошибках коммунистической партии Чехословакии», имелся специальный раздел, посвященный анализу политики КПЧ в сфере национальных отношений. В нем весьма жестко констатировалось, что, несмотря на произошедшие серьезные изменения во внутривнутриполитическом развитии Чехословакии и радикальные изменения положения дел в Венгрии, позиция компартии Чехословакии (а также и компартии Словакии) относительно положения венгров в республике фактически не изменилась: «До самого последнего времени в государственной политике Чехословакии оставалась в силе установка на лишение венгров, еще находящихся в стране, основных демократических свобод, то есть по существу реализовывалась официальная программа дискриминации венгров...»³³.

³¹ Там же. Ф. 023. Оп. 1. П. 3. Д. 80. Л. 1.

³² Там же.

³³ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 850.

И хотя этот документ не был Кремлем использован так, как аналогичный документ об ошибках КПЮ, и сформулированные в нем обвинения в адрес руководства КПЧ не стали предметом публичного обсуждения в Коминформбюро, он, бесспорно, представляет большой интерес для исследователей. Именно он позволяет выявить в полной мере эволюцию взглядов советского руководства по вопросу о судьбах национальных меньшинств на конкретном примере венгерского меньшинства в Словакии. Если в 1945 г. исходная позиция определялась словами Сталина «гоните их, мы мешать не станем», то в апреле 1948 г. речь шла уже об обвинении чехословацких коммунистических политиков в «шовинистическом угаре». Такая трансформация советской позиции показывает, что для руководства СССР проблема судеб того или иного национального меньшинства никогда не рассматривалась как самостоятельная. Ей всегда отводилась роль инструмента в решении какой-либо другой, более приоритетной с советской точки зрения, задачи.

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что в 1945–1947 гг. вопрос о судьбах венгерского меньшинства в Словакии, безусловно, рассматривался Москвой прежде всего через призму продвижения коммунистов к власти. Поэтому подходы советского руководства к проблеме переселения венгров из Словакии постоянно менялись. Если в 1945 г. Кремль, учитывая общественные настроения в Чехословакии, гласно или негласно, в разном словесном оформлении все же отдавал предпочтение переселению венгров из Словакии, то к 1948 г., когда компартии в Восточной Европе стали монополюбно правящими, ситуация изменилась. Теперь на первый план выдвигалась в качестве главной задача формирования «лагеря мира и социализма», находящегося в капиталистическом окружении. Модель ускоренного построения «социализма по Сталину» провозглашалась универсальной. Реализовывавшаяся в Словакии политика в отношении венгерского меньшинства и вызывавшая напряженность в межгосударственных отношениях ЧСР и Венгрии не сопрягалась со сменой стратегического курса советского руководства. Она была квалифицирована им теперь как «буржуазный национализм». Носителями его объявлялись словацкие коммунистические политики тех лет: Г. Гусак, Л. Новомеский, В. Клементис, ставшие жертвами репрессий на рубеже 1940–1950 гг.

Приложение

Будапешт, 20 апреля 1948 г.

Политбюро Чехословацкой Коммунистической партии,
Прага

Уважаемые Товарищи!*

Несколько дней тому назад венгерское правительство передало чехословацкому правительству ноту по делу венгров в Словакии. Серьезность вопросов, поднятых в ноте, заставила нас поставить спорные вопросы не только по правительственной, но и по партийной линии.

* В документе сохраняется написание подлинника.

Во время пребывания здесь товарища Широки, главным образом именно по его предложению, Политбюро Венгерской Коммунистической партии сформулировало письмо и через товарища Широки передало Политбюро Чехословацкой Коммунистической Партии свою точку зрения относительно разрешения спорных вопросов. Согласно этой точке зрения, ни венгерское правительство, ни Венгерская Коммунистическая партия не будут ставить вопроса о венграх в Словакии до проведения выборов в Чехословакии, чтобы не затруднять положение чехословацких товарищей в их борьбе против реакции. Мы отметили также и то, что условием этого является сохранение до выборов статус-кво в вопросе венгров в Словакии. Мы обещали продолжать обмен населением, а также, в соответствии с имеющимися возможностями, оказывать экономическую помощь Чехословакии, в первую очередь в области снабжения мясом. Далее мы выразили желание, чтобы на сальдо в результате обмена населения в пользу венгерской стороны Чехословакия выплатила три миллиона долларов.

Мы должны констатировать, что на сформулированную письменно точку зрения нашего Политбюро, Политбюро Чехословацкой коммунистической партии ограничилось тем ответом, что оно не считает приемлемым предложение о выплате авансом трех миллионов долларов. На все другие поставленные вопросы мы не получили ответа, что мы с правом расценили, как согласие с точкой зрения Политбюро Венгерской Компартии. Политбюро Венгерской Компартии, несмотря на то, что предварительная выплата трех миллионов долларов являлась существенным пунктом предложения, немедленно начало осуществление соглашения: начали обмен населением, выполняли поставки мяса, невзирая на недостаток мяса у нас, кроме того, мы не поднимали вопроса о венграх в Словакии. Наоборот, факты показывают, что отсрочку постановки венгерского вопроса до проведения выборов Чехословакия хочет использовать для того, чтобы добиться законченных фактов в деле венгров в Словакии.

Это доказывают те факты, которые перечисляет венгерское правительство в ноте, адресованной Чехословакии, о возобновлении конфискации имущества и выселения, а также о новых запретах пользоваться венгерским языком. Это подтверждается и проектом новой чехословацкой конституции, который заранее лишает венгров в Словакии гражданского равноправия и делает невозможным какой-либо поворот в политике по отношению венгров в Словакии, создает принужденное положение с точки зрения переговоров, которые должны начаться между двумя государствами.

Обостряющаяся политика дискриминации по отношению к венграм точно так же, как проект конституции, имеет своей целью оказать нажим на венгров в Словакии и насильственно принудить их к так называемой «ресловакизации».

Политбюро Венгерской Компартии подчеркивает, что ни при каких обстоятельствах не примирится с политикой законченных фактов и на переговорах об урегулировании положения венгров в Словакии оно не склонно признавать положение, создавшееся в результате насильственной «ресловакизации». Политбюро Венгерской Компартии не скрывает своего мнения, что оно считает политику, ведущуюся в отношении к венграм в Словакии, но в особенности политику «ресловакизации», которая при существующем бесправном поло-

жении венгров в Словакии может быть только насильственной, буржуазно-националистической национальной политикой, несовместимой с основными принципами ленинско-сталинской национальной политики. Это подтверждается тем фактом, что политика Чехословацкой Компартии в венгерском вопросе на сто процентов тождественна с политикой Бенеша, который, как известно, не является приверженцем сталинской национальной политики. Эта политика затрагивает такой соседний народ, который доказал, что он может преодолеть реакционно-шовинистические силы и идет непоколебимо вперед по пути народной демократии. Политика угнетения и лишения прав венгров в Словакии, которая исходила из того, что реакционная роль венгерского народа аналогично роли немцев теперь, после серьезных успехов венгерской демократии, потеряла даже видимость обоснованности. Венгерская компартия ни при каких обстоятельствах не примирится с продолжением и в дальнейшем этой политики, направленной против венгерской народной демократии, которая доказала свою боеспособность и прочность; которая является надежным членом фронта мира, во главе которого стоит Советский Союз; которая связана договорами о союзе с СССР, Югославией, Румынией и Польшей. Продолжение такой политики делает невозможным сближение и соглашение между Чехословакией и Венгрией и закрывает путь даже перед экономическим и культурным сближением двух стран.

Политбюро Венгерской Компартии и в дальнейшем готово придерживаться той договоренности, согласно которой мы отложим постановку вопроса о венграх в Словакии до проведения выборов, несмотря на то, что после большой победы чехословацких народных сил³⁴ выборы не имеют теперь уже прежнего значения с точки зрения разрешения венгерского вопроса. Чехословацкая Компартия, если в ее намерения входило бы изменение политики по отношению к венграм в Словакии, уже теперь имела бы возможность соответствующим образом подготовить этот поворот без малейшей угрозы успеху демократических сил на выборах. Тот факт, что вместо этого не сохраняется даже статус-кво в положении венгров в Словакии, а продолжается и даже усиливается политика дискриминации, а также проект новой конституции, делающий неравноправие венгров окончательным фактом, доказывает, что Чехословацкая Компартия и после выборов не собирается изменить свою политику по отношению к венграм.

Венгерская Компартия не может безразлично относиться ко всему этому. Мы тоже будем придерживаться своего обещания отсрочить постановку венгерского вопроса до проведения выборов только в том случае, если договоренность будет выполняться и Компартией Чехословакии. Если политика дискриминации вместо того, чтобы ослабнуть, будет дальше усиливаться, для нас станет невозможным дальнейшее молчание, тем более потому, что венгерская реакция уже теперь использует наше молчание в этом вопросе, и нам стоило больших усилий, чтобы венгерская клерикальная реакция не довела до сведения общественности увеличившееся преследование венгров в Словакии.

³⁴ Имеются в виду поражение сторонников Э. Бенеша в период февральского политического кризиса 1948 г. в Чехословакии и превращение Чехословацкой компартии в монополю правящую силу в стране (*Прим. Г.М.*).

По всем этим причинам мы должны были в ноте венгерского правительства поставить возможность прекращения обмена населения на тот случай, если положение не изменится в срочном порядке.

Мы обращаем внимание Чехословацкой Компартии на то, что существующее между чехословацкой и венгерской народной демократиями разногласие, которое, если не будет достигнуто соглашение на основе принципов ленинско-сталинской национальной политики, неизбежно больше обострится, является таким открытым и слабым пунктом во фронте мира демократических государств, который будет использован империалистами. Следовательно разногласия между двумя странами укрепляют не только внутреннюю реакцию обеих государств, но и силы империалистической агрессии.

Политбюро Венгерской Коммунистической партии надеялось, что большая победа чехословацких народных сил, в первую очередь чехословацкой братской партии, над реакцией улучшит условия для дружественного соглашения между двумя народными демократиями. Тем большим было наше разочарование, когда мы увидели, что наши ожидания не сбылись, что факты резко противоречат заявлениям отдельных чехословацких правительственных деятелей о соглашении между двумя государствами.

На основе всего этого Политбюро Венгерской Коммунистической Партии решило обратить внимание Политбюро Коммунистической Партии Чехословакии на серьезность положения и на необходимость срочных изменений. Просим Товарищей быстро ответить нам.

С коммунистическим приветом.

Генеральный Секретарь Венгерской Коммунистической Партии
Ракоши М.И.³⁵

³⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 34. Д. 445. Л. 13–19.

М. Шмигель
(Банска-Бистрица)

СОВЕТСКАЯ РЕПАТРИАЦИОННАЯ ОПЕРАЦИЯ В СЛОВАКИИ (1944–1950 гг.) КАК ФАКТОР ПОСЛЕДСТВИЙ ВОЙНЫ*

Проблематика репатриации советских граждан из стран Западной и Центральной Европы и других государств в первые годы по окончании Второй мировой войны вплоть до недавнего времени являлась одной из наименее изученных в историографии. Отсутствие источниковой базы (вплоть до конца 1980-х гг. документация по этому вопросу в СССР была засекречена) и соответственно объективной информации породило множество самых разных утверждений, в том числе откровенных мифов. Это относится к целому ряду публикаций, вышедших как на Западе, так и в России. В 1990-х гг. исследователи, прежде всего российские, получили доступ к ранее закрытым источникам, и по проблеме послевоенной репатриации вышли в свет ряд статей и публикаций¹. Причем авторы этих публикаций разделились на «государственников», в целом одобряющих действия советского правительства как обусловленные реальной экономической и политической необходимостью, и на «правозащитников», концентрирующих внимание на юридических и гуманитарных аспектах проблемы².

* Статья была подготовлена в рамках гранта VEGA № 1 / 0145 / 12 «Migračné procesy na Slovensku v rokoch 1918–1948» («Миграционные процессы в Словакии в 1918–1948 гг.»).

¹ Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 годы // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41; *Он же*. Репатриация советских граждан в 1945–1946 годах: Опираясь на документы // Россия XXI. 1993. № 5. С. 74–81; *Он же*. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 3–13; № 6. С. 3–13; *Он же*. Некоторые проблемы репатриации советских перемещенных лиц // Россия XXI. 1995. № 5–6. С. 183–192; и др.; Шевяков А.Л. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 3–11; *Он же*. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920–1950-е годы: Численность, потери, миграции. Сб. науч. трудов. М., 1994. С. 195–222; Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996; Арзамаскин Ю.Н. Заложники Второй мировой войны: Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001; Галицкий В.Л. Репатриационная политика советского правительства во Второй мировой войне и после нее // Трагедия плена. Красногорск, 1996. С. 110–112; и др.

² Андреев В. Обретение Родины. Репатриация в СССР после Второй мировой войны. Ч. 1. С. 1. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/articles/article0349.html>

Прошедшая в Словакии в 1945–1948 гг. акция по репатриации советских граждан относится к ряду проблем, которые еще только ожидают своего исследования. По естественным причинам чехословацкая историография второй половины XX в. не могла уделить внимание данной проблеме. Мероприятия советских властей, проведенные с продвижением фронта в 1945 г. на территорию Чехословакии, стали объектом изучения только в 1990-х гг., прежде всего в Чехии. Словацкая историография до сих пор не уделила этой проблеме должного внимания, хотя необходимость изучения данной темы была отмечена в нескольких публикациях³.

Послевоенная советская репатриационная операция (1944–1952 гг.) была нацелена на поиск и возвращение в Советский Союз граждан, которые по разным причинам покинули советскую территорию во время войны 1939–1945 гг. (были взяты в плен или отправлены на работы в третий рейх, эмигрировали или бежали с территории СССР) и после ее окончания остались в странах Центральной и Западной Европы.

В октябре 1944 г. Управление Уполномоченного Совета народных комиссаров (Совета Министров) СССР по делам репатриации, возглавлявшееся генерал-полковником Филиппом Ивановичем Голиковым, бывшим руководителем советской военной разведки, установило, что к концу войны осталось в живых около 5 млн советских граждан, оказавшихся за пределами СССР. «Большинство из них составляли “восточные рабочие” (“остарбайтер”), т. е. советское гражданское население, угнанное на принудительные работы в Германию и другие страны. Уцелели также примерно 1,7 млн военнопленных, включая поступивших на военную или полицейскую службу к противнику. Сюда же входили десятки тысяч отступивших с немцами из СССР их пособников и всякого рода беженцев, часто с семьями⁴. Из них более 3 млн находилось в зоне действия союзников (Западная Германия, Франция, Италия и др.) и менее 2 млн — в зоне действия Красной армии за границей (Восточная Германия, Польша, Чехословакия и др.)»⁵. «Некоторые, хотя это будет звучать странно, — подчеркивает А. Аппельбаум — вообще не были советскими гражданами. По всей Европе (больше всего в Югославии) были разбросаны антикоммунистические эмигранты, “белые”⁶, т. е. те, которые

³ См.: *Konečný S. Zmluva o Zakarpatskej Ukrajine a opcia občianstva ZSSR na Slovensku po druhej svetovej vojne // Čo dala — vzala našim rodákam optácia. Košice; Prešov, 2002. S. 32; Šmigel' M. Ruská a ukrajinská politická emigrácia v Česko-Slovensku (1918–1945) a spôsoby jej likvidácie v povojnových rokoch // Hrodek D. et al. Slovanství ve středoevropském prostoru. Iluze, deziluze a realita. Praha, 2004. S. 326–344; Šmigel' M.; Kruško Š. Opcia. Proces opcie a presídlenia občanov Československa do ZSSR na základe československo-sovietskej dohody z 10. júla 1946. Prešov, 2005. S. 39–45; Šmigel' M.; Mičko P. Evakuácia v znamení úteku. Utečenci z Ukrajiny a Poľska na Slovensku v roku 1944. Banská Bystrica, 2006. S. 98–107.*

⁴ Российские исследователи, как правило, называют всю эту массу людей «перемещенными лицами».

⁵ *Земсков В.Н. Проблема советских перемещенных лиц (1944–1956 гг.) // Великая война и великая Победа народа. М., 2010. Кн. 2. С. 399–420. URL: http://kamen-jahr.ya.ru/replies.xml?item_no=1697.*

⁶ В результате прихода к власти в России большевиков и обострившегося внутриполитического кризиса из страны в соседние государства эмигрировали сотни тысяч людей.

проиграли в борьбе против большевизма и поселились на Западе. Сталин хотел вернуть даже их: никто не мог избежать возмездия большевиков»⁷.

Советский Союз, понесший огромные людские потери, естественно, был остро заинтересован в полном возвращении всех своих граждан. Причем высшее советское руководство задало целью вернуть их всех без исключения, невзирая на желание части этих людей остаться на Западе⁸. Во время Ялтинской конференции 11 февраля 1945 г. СССР и западные союзники заключили соглашение о взаимной обязательной репатриации. Ф.Д. Рузвельт, У. Черчилль и И.В. Сталин договорились, что все советские граждане, несмотря на личные обстоятельства, должны быть возвращены в Советский Союз⁹. Начался процесс, известный как репатриация. При этом частично можно говорить о принудительной репатриации (принципиально игнорирующей индивидуальное волеизъявление) или же депортации¹⁰.

Если в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, относившейся к советской сфере влияния, советские органы, занимавшиеся репатриацией¹¹, сумели

Появилась так называемая русская («белая») эмиграция, которая в годы Гражданской войны приобрела массовый характер. Как следствие территорию бывшей Российской империи в 1917–1922 гг. покинуло от 1,5 до 2 млн человек — в основном русских, украинцев и представителей других народов. См.: *Harbuľová E. Ruská emigrácia a Slovensko. Pôsobenie ruskej poškôbenej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939.* Prešov, 2001. S. 8.

⁷ Applebaum A. GULAG. Dějiny. Praha; Plzeň, 2004. S. 380.

⁸ Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 5. Выходцы из СССР к тому же рассматривались как лица, воспитывавшиеся в духе советской, большевистской идеологии. Поэтому они считались человеческим материалом, который недостаточно пригоден для ассимиляции в западном мире. См.: Земсков В.Н. Репатриация перемещенных советских граждан [Статья первоначально опубликована в сб.: Война и общество (1941–1945). Кн. 2. М., 2004. С. 331–358]. С. 4. URL: http://scepsis.ru/library/id_1234.html.

⁹ В соглашениях СССР с США и Великобританией был зафиксирован принцип взаимной обязательной репатриации. Оказавшиеся в советских зонах американские и английские граждане подлежали такой же обязательной выдаче США и Великобритании независимо от их желания. Соглашение, аналогичное ялтинским договоренностям, в июне 1945 г. было заключено СССР и с Францией. См.: Земсков В.Н. Репатриация перемещенных советских граждан... Прим. 4.

¹⁰ См.: *Zilynskyj B. Ukrajinci v českých zemích v letech 1945–1948.* Praha, 2000. S. 21; *Полян П.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 48. От обязательной репатриации советским руководством были освобождены только две категории лиц, являвшихся к 22 июня 1941 г. гражданами СССР: 1) бессарабцы и буковинцы, оформившие румынское гражданство (более 4 тыс.); 2) женщины, вышедшие замуж за иностранцев и имевшие от них детей (в начале 1950-х гг. — около 30 тыс.). См.: Земсков В.Н. Репатриация перемещенных советских граждан... Прим. 7.

¹¹ Представители Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации направлялись в действующую армию, конкретнее в создаваемые фронтовые и армейские сборно-пересельные пункты (СПП). Кроме них на освобожденных территориях создавались проверочно-фильтрационные пункты и лагеря НКВД. В задачи персонала данных пунктов и лагерей входили сбор, учет, первичная проверка и отправка советских граждан в СССР. См.: *Андреев В.* Обретение Родины. Репатриация в СССР после Второй мировой войны... Ч. 1. С. 2.

обеспечить ее относительно плавный ход, то в государствах Западной Европы подобная операция проходила гораздо сложнее.

Основная масса советских граждан — военнопленных и интернированных гражданских лиц — желала возвратиться на родину. Впрочем, были и противники репатриации. «Прочие опасались того, что их может ожидать. Однако офицеры НКВД, ездившие по лагерям военнопленных и апатридов, убеждали их вернуться. Офицеры ходили по лагерям, искали русских, украинцев и иных представителей народов СССР и рисовали им полные счастья миражи светлого будущего... Некоторые, особенно те, которые ранее сталкивались с большевистскими практиками, естественно, возвращаться не хотели. “На Родине достаточно места для каждого”, — говорил советский военный атташе группе задержанных в лагере для военнопленных в Йоркшире. “Мы-то знаем, какое место там будет для нас”, — возразил ему один из пленных»¹².

Несомненно, этих людей, в том числе не настроенных враждебно к Советскому правительству, мучили опасения по поводу расследования фактов их жизни за границей, обстоятельств сдачи в плен (первоначально отсутствовала ясность в вопросе об ответственности военнопленных за попадание живыми в плен) и возможных репрессий. «Но больше всего их волновала совсем другая проблема, — констатирует В.Н. Земсков, — зная о негативном и подозрительном отношении правящих кругов СССР к “иностранщине” и к людям, побывавшим в ней, они опасались, что Советское правительство не разрешит им вернуться на Родину»¹³.

Опираясь на многочисленные свидетельства, В.Н. Земсков утверждает, что не менее 80% «восточников» (т. е. жителей СССР в границах до 17 сентября 1939 г.) в случае добровольности репатриации возвратились бы по собственной воле в СССР. Что касается «западников» (т. е. жителей Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковины), то они существенно отличались от «восточников» по менталитету, политическим и ценностным ориентирам, и в их среде действительно заметно преобладали невозвращенцы. Те из них, кто оказался в зоне действий Красной армии, были насильственно возвращены в СССР. «Западников», оказавшихся в западных зонах, англоамериканцы с самого начала освободили от обязательной репатриации, передав советским властям только тех из них, которые сами этого хотели¹⁴. Во время войны с Германией и в первые месяцы после ее окончания

¹² Applebaum A. GULAG. Dějiny... S. 381.

¹³ Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.)... № 5. С. 4.

¹⁴ В период работы Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) союзники еще не признали новых границ Советского Союза. основополагающим критерием в определении круга лиц, подлежащих обязательной выдаче советским властям, для них являлось проживание до 1 сентября 1939 г. на территории СССР в его границах до вышеуказанной даты. Ни во время переговоров в Галле (май 1945 г.), ни во время Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) советской дипломатии не удалось переубедить англоамериканских союзников, что перемещенные лица из числа жителей Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и т. д. являются советскими гражданами и к ним должны быть применены ялтинские соглашения по вопросу насильственной репатриации. См.: Земсков В.Н. Репатриация перемещенных советских граждан... Прим. 5; По-

англоамериканцы насильственно передавали Советскому Союзу в основном «восточников»-невозвращенцев (преимущественно коллаборационистов)¹⁵.

Среди советских пленных и беженцев, не желавших возвращаться в СССР, часто случались выступления против их передачи советским органам. Они убежали из лагерей, нередко выдавали себя за граждан других стран или же за евреев, к которым союзники были более снисходительны. Имели место и случаи самоубийств, в том числе и массовых. 12 июля 1945 г. в Кемптене и 29 июня 1946 г. в Форт-Дикс были совершены групповые суициды при попытке американской администрации произвести их принудительную репатриацию. Во время другого трагического инцидента в австрийском Линце британские солдаты были вынуждены прибегнуть к помощи штыков и прикладов, чтобы заставить тысячи женщин и детей сесть в поезда, следующие в СССР. Предпочитая «возвращению» смерть, женщины выбрасывали своих детей с моста и прыгали вслед за ними. Были зафиксированы случаи, когда мужчины убивали своих жен и детей, после чего совершали самоубийство. Бывшие советские люди опасались того, что их ждет по возвращении в СССР, — враждебная пропаганда распространяла слухи о расстрельных группах или ГУЛАГе¹⁶. Как констатировал чешский публицист В. Быстров, «первоначально эти советские граждане, отказывающиеся вернуться домой, не были приняты на Западе с распростертыми объятиями. Так же как и четверть века тому назад¹⁷, мир опять стал перед решением — до какой степени защищать демократические принципы общественного устройства и не допустить их разрушения коммунистическими идеалами. И, подобно тому как и около четверти века тому назад, мир опять избрал дорогу компромисса. В результате на смену близоруким утилитарным интересам пришли невосполнимые потери и трагедии. К сожалению, массы людей, которые не хотели жить в СССР, были восприняты политиками западных держав в первую очередь как угроза основаниям возможного взаимовыгодного сосуществования и сотрудничества с Советским Союзом»¹⁸.

ляи П.М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация... С. 200–201, 242.

¹⁵ Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.)... № 5. С. 5.

¹⁶ Tolstoj N. Oběti Jalty. Praha, 1998. S. 13; Applebaum A. GULAG. Dějiny... S. 381.

¹⁷ Самую первую репатриационную операцию большевистское правительство провело в начале 1920-х гг., когда, осознав результаты «белой» эмиграции (1917–1922 гг.), оно объявило политическую амнистию для всех эмигрантов из России. Акцию по репатриации проводил «Союз возвращения на Родину» и его филиалы в европейских эмигрантских центрах. Часть эмиграции по разным причинам вняла пропаганде и в рамках акции вернулась на родину. В течение 1921–1931 гг. таким образом было репатрировано около 180 тыс. человек. Однако с «возвращенцами» советские органы поступали в основном согласно одному сценарию. Бывшие офицеры, военные чиновники и солдаты были расстреляны сразу после возвращения, другие скончались в лагерях на севере и востоке СССР. Так проявились истинные планы советских властей в отношении эмигрантов, которые, в понимании большевиков, были предателями родины. См.: Harbul'ová E. Ruská porevoluční emigrácia v Európe a vo svete. Centrá a činnosť pooktóbrovej politickej emigrácie z Ruska v rokoch 1918–1945. Prešov, 1999. S. 8.

¹⁸ Bystrův V. Z Prahy do Gulagu aneb překáželi. Praha, 1999. S. 131.

Вероятно, с ростом инцидентов, связанных с нежеланием возвращения в СССР, союзники начали пересматривать свое отношение к этому вопросу¹⁹. Одновременно и в политической сфере произошло охлаждение отношений с Советским Союзом, ставшее началом холодной войны. В конце концов 29 ноября 1945 г. американский президент Д. Эйзенхауэр запретил дальнейшее проведение принудительной репатриации из американской зоны. Вместе с тем США издали так называемую директиву Макнарни-Кларка, которая уточняла категории советских граждан, находившимся под угрозой депортации. Постепенно к подобной политике присоединились Великобритания и другие западноевропейские государства²⁰.

Советы выступили с протестом и даже подняли данный вопрос на уровне Организации Объединенных Наций (ООН)²¹. Кремль настаивал на том, чтобы репатриация была проведена на широкой основе и в соответствии с действующими международными принципами. За этим явно просматривалось стремление СССР контролировать всех своих предполагаемых граждан (кроме этого, Советский Союз нуждался в трудовых силах для восстановления страны, которая в результате войны оказалась в руинах)²². К тому же советские власти были заинтересованы в максимально строгом наказании части репатриантов, поскольку с точки зрения СССР они стали коллаборационистами и предателями своей социалистической родины. Однако это намерение не удалось реализовать согласно плану.

Бывшие западные союзники Советского Союза в 1946 г. продолжали отказываться в выдаче «западников», 17 сентября 1939 г. не являвшихся советскими

¹⁹ Как отмечает В.Н. Земсков, в августе 1945 г. Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации располагало сведениями, что в лагерях перемещенных лиц американские и английские службы развернули настоящую «охоту за умами». Из числа «восточников» вычленились профессора, доценты, доктора и кандидаты наук, конструкторы, технологи, инженеры и другие специалисты, с которыми велась активная агитационная работа с целью склонить их к отказу от возвращения в СССР. См.: *Земсков В.Н.* К вопросу о судьбе советских репатриантов в СССР (1944–1955) // Политическое просвещение. 2011. № 1(60). С. 84.

²⁰ *Tolstoj N.* Oběti Jalty... S. 13.

²¹ Словацкая коммунистическая печать сообщала, что в начале февраля 1946 г. на заседании Комитета по социальным и гуманитарным вопросам ООН обсуждался вопрос беженцев, сосредоточенных в Западной Европе. На переговорах «сотрудница украинской делегации обратила внимание, что под маской беженцев скрываются люди, принимавшие участие в убийствах мирных граждан, которые опасаются предстать перед судом своего народа. Такие люди не заслуживают помощи Объединенных Наций и должны быть возвращены на родину». После докладов остальных делегатов комитета слово взял представитель Советского Союза, который обратил внимание на фашистскую деятельность беженцев-коллаборационистов и предателей. Он заявил: «Было бы очень странно, если бы агенты Гитлера нашли в Объединенных Нациях помощь и прощение». Советский делегат подчеркивал, что Объединенные Нации не имеют права создавать проблему вечных беженцев, и выразил надежду, что сейчас этот вопрос будет решен лучше, чем после Первой мировой войны. См.: *Východoslovenská pravda*. 6.2.1946.

²² *Zilynskij B.* Ukrajinci v českých zemích v letech 1945–1948... S. 20.

гражданами, и лиц с паспортами Нансена²³. По отношению к другим группам граждан союзники также начали действовать более доброжелательно: начиная с сентября-октября 1945 г. принцип добровольности репатриации стал распространяться и на «восточников», окончательно закрепившись в начале 1946 г.²⁴ Под влиянием политики «антисоветизма» командование союзных армий чинило всяческие препятствия посещению лагерей и сборных пунктов советскими уполномоченными для разъяснения политики советского правительства в отношении репатриации²⁵. Впоследствии отдельные государства Западной Европы постепенно приостановили осуществление репатриации советских граждан и в августе 1951 г. в одностороннем порядке запретили в зонах своего контроля в Германии и Австрии деятельность советских миссий по репатриации²⁶.

Период массовой репатриации достиг кульминации в 1945 г. и к первой половине 1946 г. был фактически завершен. По статистике ведомства Ф.И. Голикова, к 1 марта 1946 г. было репатрировано 4 199 488 советских граждан (2 660 013 гражданских и 1 539 475 военнопленных), из них 2 352 686 поступило из зон действия союзников, включая Швейцарию (1 392 647 гражданских и 960 039 военнопленных), и 1 846 802 — из зон действия Красной армии за границей, включая Швецию (1 267 366 гражданских и 579 436 военнопленных). В последующие годы репатриация резко пошла на убыль, и до 1 июля 1952 г. было репатрировано в общем 4 305 035 советских граждан. Репатриация, хоть и в крайне незначительных размерах, продолжалась и после 1952 г. (по упразднению Управления Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации выполнение задач по возвращению советских граждан было возложено на посольства СССР). С учетом всего этого В.Н. Земсков оценивает общее число советских граждан, оказавшихся вследствие войны за границей и возвращенных впоследствии в СССР, примерно в 4,5 млн²⁷. За пределами СССР осталось

²³ Паспорт Нансена — специальное удостоверение личности, которое в 20-х гг. XX в. начала выдавать Лига Наций беженцам без гражданства. Название происходит от имени Фритьофа Нансена, комиссара Лиги Наций по вопросам российских беженцев и основателя Женевского комитета международного центра по попечению над эмигрантами из России. Паспорт Нансена давал его владельцу статус апатрида и наделял правами наравне с правами граждан страны пребывания или привилегированных иностранцев. С 1924 г. паспорт массово выдавался эмигрантам из бывшей царской России и был особенно популярен у представителей русской и украинской эмиграции. Паспорта Нансена использовались вплоть до 40-х гг. XX в.

²⁴ *Земсков В.Н.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.)... № 5. С. 5.

²⁵ *Шевяков А.Л.* «Тайны» послевоенной репатриации... С. 7.

²⁶ *Tolstoj N.* Oběti Jalty... S. 214.

²⁷ *Земсков В.Н.* Репатриация перемещенных советских граждан... С. 10. По мнению российских историков, легенда о том, что почти все репатрианты были репрессированы, просто не выдерживает критики. Однако судьбы десятков тысяч советских перемещенных лиц (особенно офицеров-красноармейцев) сложились трагически. Между тем большинство репатриантов избежало арестов, и руководство СССР воздержалось от крупномасштабных репрессий. Процент подвергшихся репрессиям или «переданных в распоряжение НКВД» у репатрированных гражданских лиц был менее 2. Процент репрессированных

около 450–500 тыс. советских граждан-невозвращенцев, положивших фундамент так называемой второй (советской) эмиграции²⁸.

Советская **репатриационная операция**, естественно, не обошла стороной и послевоенную Чехословакию (ЧСР). Следует отметить, что в ЧСР акция началась гораздо раньше, чем в остальных государствах Центральной и Западной Европы. Она была связана с продвижением советской Красной армии. Общеизвестно, что в Словакии сразу после прохождения фронта свою деятельность начало элитное подразделение НКВД, так называемый «СМЕРШ» («Смерть шпионам»), второе (оперативное) отделение которого занималось специальной задачей — срочным поиском и арестом в только что занятых населенных пунктах противников советской системы и коммунистической идеологии. В основном «добычей» СМЕРШа были именно советские эмигранты²⁹ и беженцы с территории СССР, которые в годы войны и особенно накануне ее окончания (в результате продвижения Восточного фронта) перешли на территорию тогдашней Словацкой Республики (1939–1945 гг.)³⁰. Советские эмигранты, которые не успели или не хотели переехать дальше на запад, после организованных розысков были насильственно транспортированы обратно в СССР. Местные словацкие органы оказывали этому поддержку³¹, что подтверждается множеством сохранившихся отчетов³².

Со второй половины 1945 г. в Чехословакии проходила «репатриация русских граждан, т. е. всех лиц, которые по своему происхождению, месту проживания или вследствие натурализации получили гражданство на землях, находящихся в настоящее время под суверенитетом СССР», и лиц, которые эти территории покинули после 1940 г., «несмотря на то, как они сюда прибыли — добровольно или не добровольно, как военнопленные, дезертиры или демобилизованные»³³.

бывших советских военнопленных был, однако, гораздо выше. См.: *Андреев В.* Обретение Родины. Репатриация в СССР после Второй мировой войны... Ч. 2. С. 2.

²⁸ См.: *Земсков В.Н.* Рождение «второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 3–24.

²⁹ *Letz R.* Činnosť sovietskych orgánov NKVD na Slovensku v rokoch 1944 a 1945 // Slovensko na konci druhej svetovej vojny. Bratislava, 1994. S. 107.

³⁰ В конце лета 1944 г. правительство Словацкой Республики (1939–1945) по договоренности с немецкими учреждениями приняло на свою территорию группу советских беженцев численностью 18 тыс. человек (прежде всего из украинской Галиции), которым предоставило убежище и выдало документы на постоянное место жительства в Словакии. Однако после начала Словацкого национального восстания в августе 1944 г. и в результате приближения Восточного фронта большая часть из них все-таки покинула территорию Словакии (они были транспортированы немецкими органами в Австрию). См.: *Šmigel M.; Mičko P.* Evakuácia v znamení úteku. Utečenci z Ukrajiny a Poľska na Slovensku v roku 1944. Banská Bystrica, 2006. 120 s.

³¹ Slovenský národný archív (далее — SNA). Bratislava, f. PV — bezp. K. 485. Č. 538 / 1945. Oblastná spáva OBZ Veliteľstva 4. Oblasti č. 6184 / Taj. zprav. 1945. nač. z 18. októbra 1945.

³² SNA Bratislava, f. PV — obež., k. 2, inv. č. 5; Štátny archív (далее — ŠA) Levoča pobočka Poprad, f. ONV Kežmarok 1945–1948, k. 75, č. 3180 / 1945 adm. Ukrajinci z Haliče, repatrjácia.

³³ ŠA Bratislava pobočka Trenčín, f. ONV Nové Mesto nad Váhom 1945–1960, k. 14, č. 6584 / 1945 prez. Hlásenie stanice NB Modrová č. 697–1 / 45.

Один из приказов Комитета внутренних дел Словацкого национального совета (СНС), адресованных Главному управлению национальной безопасности, ясно документирует отношение к советской **репатриационной операции** и к «ски-тающемуся» по Европе советскому населению: «Вскоре в Братиславу придут 2 группы освобожденных из лагеря в Румынии. Одна группа состоит из 111 человек, в том числе 56 словаков, 4 чехов и 51 украинца... Организуйте прием всех освобожденных. Словаков допросите каждого по отдельности об обстоятельствах, при которых они попали в лагерь, и только после должной проверки можно их освободить. Чехов передайте III отделу Министерства внутренних дел в Праге, а украинцев — НКВД в Братиславе»³⁴. Цитированный документ не нуждается в комментариях.

Розыск и репатриация русских, украинцев, белорусов и представителей других национальностей СССР, находившихся в республике, были произведены в несколько этапов. В первую очередь органы безопасности составили списки, на основе которых вызывали людей для последующего отъезда в советские сборные лагеря или же прямо оттуда их депортировали³⁵. Часто случалось, что советские органы игнорировали центральные органы ЧСР, а обращались напрямую к региональным командирам Национальной безопасности, чтобы они привели того или иного «найденного» гражданина СССР в ближайший советский пункт сбора³⁶.

С начала 1946 г. проходил второй этап репатриации. Он был реализован при тесном сотрудничестве между советскими и чехословацкими органами безопасности³⁷. Даже чехословацкая армия оказывала помощь в розыске лиц, происходивших с территории СССР, принуждая их покинуть ЧСР³⁸. По мнению чешского историка Я. Вацулика, «охота» на людей «не только противоречила позиции ООН, что репатриация должна проходить согласно принципу полной добровольности, а не путем насильственной депортации, но и нарушала суверенитет чехословацкого государства»³⁹. Депортированные советские граждане (за исключением жен чехословацких граждан, лиц с послевоенными советскими паспортами и тех, кто до 1 декабря 1939 г. эмигрировал из СССР⁴⁰) сосредотачивали в нескольких лагерях сбора — центрах репатриации, разбросанных по всей республике. В частности, речь идет о следующих городах и местечках: в Чешских землях — Прага, Брно, Ческе-Будейовице, Пардубице, Тын, Влашим,

³⁴ SNA Bratislava, f. PV — bezp., k. 483, č. 34/1945. Nariadenie Veliteľstva NB — 2. odd. č. 1593/2/1945.

³⁵ ŠA Levoča pobočka Poprad, f. ONV Poprad 1945–1948, k. 26, č. 376 / 1946 prez. List splnomocnenca vlády ZSSR vo veciach repatriácie v ČSR.

³⁶ Vaculík J. Hledali svou vlast. Edice Podkarpatská Rus. Praha, 1995. S. 14.

³⁷ SNA Bratislava, f. PV — bezp., k. 453, č. 20105 / 1946. Obežník Ministerstva vnútra č. Z / I–3495 / 281–4/6–46–1; См. также: Демократический голос. 12.10.1946.

³⁸ Vojenský historický archív Bratislava, f. Operace «Banderovci» 1945–1948, k. 70, inv. č. 322–323. Smernice veliteľstva «Oceľ–6» č. 1830 / Dôv. zprav. 1946.

³⁹ Vaculík J. Hledali svou vlast... S. 14.

⁴⁰ Konečný S. Zmluva o Zakarpatskej Ukrajine a opcia občianstva ZSSR na Slovensku po druhej svetovej vojne... S. 32. См. также: SNA Bratislava, f. PV — obež., k. 11, č. 32 / 1947. Opcia príslušníkov zo Zakarpatskej Ukrajiny a repatriácia sovietskych občanov — smernice. Obežník PV č. 41.556 / 3-VI / 1-1947.

Йиндржихув-Градец, Тршебонь; в Словакии — Братислава (район Патронка), Малацки, Кошице⁴¹. Возвращение репатриантов в СССР обеспечивал с начала 1946 г. подполковник Деев, специальный представитель Уполномоченного правительством СССР в Праге по делам репатриации, которого в августе 1946 г. сменил на этой должности подполковник Кувыркин⁴². В течение 1947–1948 гг. в документах появляется также имя подполковника Панова, заместителя Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации в Чехословакии⁴³.

В сентябре 1946 г. Комитет внутренних дел СНС приказал районным и областным командирам Национальной безопасности в Словакии подготовить список лиц, которые могут представлять интерес для советских органов в Чехословакии, и оказать содействие в процессе их репатриации в СССР. Регистр имен следовало подготовить в трех частях.

В первой части должны были быть перечислены граждане СССР, которые пребывали в Словакии без соответствующего заграничного паспорта, выданного специальным органом на родине и которые оказались на чехословацких территориях после 1 сентября 1939 г. Сюда относились: «а) лица, которые до 1 сентября 1939 г. обладали гражданством СССР и как пленные или наемные рабочие были доставлены в Словакию военными или гражданскими органами или попали сюда после побега, возвращаясь из других стран, временно остались в Словакии или же пришли сюда вместе с Красной армией; б) бывшие польские или румынские граждане, которые в начальный период войны официально проживали на территориях, которые сегодня принадлежат Союзу ССР, особенно на Буковине, в Восточной Галиции или Белоруссии».

Во втором списке должны были быть перечислены лица, проживавшие ранее в населенных пунктах Закарпатской Украины (бывшей Подкарпатской Руси, аннексированной СССР в 1945 г. по соглашению с чехословацким правительством), в том числе те, кто при тогдашней оптации, осуществлявшейся на базе чехословацко-советских договоров 1945–1946 гг. об оптации и взаимном переселении населения⁴⁴, не избрали чехословацкое гражданство.

В третий список попадали лица, «обладавшие советским гражданством и впоследствии его потерявшие, и лица, которые имели свидетельство о прописке на территориях Польши, Румынии или Австрии и получили чехословацкое гражданство, или же лица без государственной принадлежности, заявляющие до сих пор о своей русской, украинской или белорусской национальности».

⁴¹ SNA Bratislava, f. PV — obež., k. 2, č. 6 / 1945. Obežník Povereníctva vnútra č. 18243 / 1—III / 3—1945; f. PV — obež., k. 2, č. 5 / 1945. Obežník Povereníctva vnútra č. 12.616—1 / 1945—III / 3; f. PV — bezp., k. 485, č. 449 / 1945. Odpis nariadenia Ministerstva vnútra v Prahe; ŠA Banská Bystrica pobočka Lučenec, f. ONV Lučenec 1945–1948, k. 107, č. 3863 / 1947 adm. Sovietski príslušníci — repatriácia.

⁴² Вовканич І. Чехословачина в 1945–1948 роках. Ужгород, 2000. С. 259.

⁴³ SNA Bratislava, f. PV — bezp., k. 470, č. 20864 / 1948. List predstaviteľa splnomocnenca Rady ministrov ZSSR vo veci repatriácie v Československu Povereníctvu vnútra v Bratislave z 10. marca 1948.

⁴⁴ См.: Šmigel' M. Historické otázky a súvislosti opcie a presídlenia československých občanov do Sovietskeho zväzu roku 1947 // Historický časopis. 2004. № 1. S. 31–66.

В первом и втором списке Комитет внутренних дел СНС обращал внимание на то, что «список следует составить одновременно с арестом лиц, которые должны быть собраны для репатриации. Необходимо строго соблюдать, чтобы упомянутые лица перед их сбором не сбежали, поэтому список следует сверить непосредственно перед сбором репатриантов». Перечисленных в списках лиц (за исключением обладавших пропиской в Закарпатье, но имевших недвижимость на территории ЧСР, чья репатриация должна была пройти позднее, в соответствии со специальной директивой) должны были доставить под конвоем органов госбезопасности в Братиславу и передать в центр по репатриации на Патронке, откуда их должны были вывезти на родину. Против людей, обладавших пропиской в Закарпатье, но имевших недвижимость в Чехословакии, а также перечисленных в третьем списке, временно не применялось никаких превентивных мер, в том числе даже их концентрация⁴⁵.

Из списков, которые составили отдельные районные штабы Национальной безопасности в Словакии в сентябре-октябре 1946 г., следует, что подпадавшие под две вышеуказанные категории люди еще пребывали в Словакии (некоторые находились в розыске) или были переданы в советские пункты репатриации. В списке № 1 упомянуто 159 человек: из данных следует, что среди них было 62 человека, которые прибыли в Словакию в конце июля — начале августа 1944 г., из чего можно предположить, что речь шла об украинских и русских беженцах, принятых правительством Словацкого государства. В списке № 2 перечислено 449 человек, из которых приблизительно треть уже была передана в советский центр для репатриации на Патронке. Из списка № 3, который содержит 792 лица, следует, что после его проработки сотрудники советских органов не проявили интерес к 446 (прежде всего это были эмигрировавшие в Чехословакию в межвоенный период, особенно в 1920-х гг., и, так сказать, осевшие люди, с семьями, владевшие недвижимостью, и т. д.). О судьбе остальных в последней, третьей, категории можно только догадываться (доступные документы говорят лишь о четырех лицах, переданных в советский центр по репатриации)⁴⁶. Вероятно, третий список имел только информационный характер, т. е. должен был послужить советским органам только в качестве сводки о бывших российских гражданах — эмигрантах, живших в Словакии⁴⁷.

⁴⁵ SNA Bratislava, f. PV — bezp., k. 489, č. 72 / 1946. Ruski štátni príslušníci — repatriácia.

⁴⁶ Ibidem. K. 489–491. Repatriácia sovietskych príslušníkov — zoznamy podľa okresov.

⁴⁷ Согласно В.Н. Земскову, репатриация была обязательной только для советских граждан. Прочие лица (белогвардейцы и др.) обязательной репатриации не подлежали. Имели место исключения из этого правила, но в целом оно соблюдалось. Известны факты насильственного вывоза в СССР отдельных белоэмигрантов из Чехословакии и других стран, где находились советские войска (при этом в документах ведомства Ф.И. Голикова эти лица нигде не выделяются и, видимо, входят в общее число советских граждан, репатрированных из зон действия Красной армии за границей). См.: *Земсков В.Н.* Репатриация советских перемещенных лиц (1944–1952 гг.) // СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: новое в исследовании и освещении в учебной литературе. М., 2005. С. 240; *Он же.* Репатриация перемещенных советских граждан... Прим. 18. Аресты белоэмигрантов в Чехословакии проводились с мая 1945 г. аж до 1955 г. В числе первых 215 арестованных в Праге лиц были российский консул В.Т. Рафальский, 79-летний

В процессе сбора подпадавших под репатриацию лиц и их передачи советским органам происходили и многочисленные нарушения. Часто объектами репатриации становились больные люди, женщины с детьми или беременные на последних месяцах. Вследствие их депортации были разбиты семьи, так как некоторые лица имели словацкого сожителя / сожительницу. Грубое отношение к репатриантам наблюдалось прежде всего со стороны чехословацких силовых структур. На эту ситуацию в одном из своих циркуляров указывал Комитет внутренних дел СНС в Братиславе: «В результате этих безобразий Комитет внутренних дел настоятельно просит районные командования Национальной безопасности сообщить нижестоящим органам госбезопасности, ответственным за данную операцию, чтобы с лицами, подлежащими учету и сбору, обращались прилично, по-человечески, а не враждебно, чтобы не разрывали семьи (матерей от детей и мужей). Семьи, в которых один из супругов был (и остается) советским гражданином, а второй чехословацким, пускай катятся со своими документами в генеральное консульство СССР в Братиславе, где они должны потребовать вид на жительство в Словакии. В случае если речь идет о репатриации целой семьи, запрещается их разделение, для них должен быть организован общий транспорт в Братиславу. Нужно дать людям возможность взять с собой свое движимое имущество». Одновременно словацкий Комитет внутренних дел призывал, чтобы в случае пересчета лиц, указанных в списке № 3, с ними обходились «как можно более корректно, а не грубо, поскольку бывшие российские эмигранты, ныне граждане ЧСР, после этого считают грубое отношение с ними за уголовную санкцию по отношению к ним и распространяют различные тревожные новости об их возможной репатриации»⁴⁸.

Последний (основной) этап репатриации советских граждан проходил с начала 1947 г. до конца 1948 г. (на практике — до середины 1952 г.). Советские органы предоставляли Комитету внутренних дел СНС в Братиславе списки лиц, которых впоследствии разыскивали отделы Национальной безопасности Словакии. Счет шел на десятки человек. Искали находившиеся в Чехословакии «остатки», несмотря на время их въезда. Разыскивали также тех, которые в 1946–1947 гг. бежали из аннексированного Закарпатья⁴⁹ или же сбежали из других репатриационных центров⁵⁰. Особое внимание уделялось так называемым украинским апатридам — держателям паспортов Нансена из так называемой первой Чехословацкой Республики (1918–1938 гг.), украинцев из Буковины, Северной Бессарабии и бывших польских территорий, присоединенных

князь П.Д. Долгоруков, один из основателей евразийства П.Н. Савицкий, архитектор М. Ковалевский, ученый А.Л. Бем и др. См.: Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945. Прага, 2008. С. 164, 306, 308, 414–416.

⁴⁸ ŠA Prešov pobočka Humenné, f. ONV Snina 1945–1948, k. 11, č. 111 / 1947 prez. Ruskí štátni príslušníci — repatriácia, dodatočné pokyny.

⁴⁹ ŠA Banská Bystrica pobočka Lučenec, f. ONV Lučenec 1945–1948, k. 67, č. 28570 / 1946 adm. Prechod hraníc ZSSR čl. občanmi, zamedzenie.

⁵⁰ ŠA Prešov pobočka Humenné, f. ONV Snina 1945–1948, k. 11, č. 111/1947 prez. Sovietski štátni príslušníci — útek zo sústredovacieho strediska, zadržanie.

к СССР⁵¹. Одновременно Комитет внутренних дел СНС отмечал, что множество украинцев выдавало себя за поляков, белорусов, румынов или словаков или даже за реэмигрантов⁵² (подчиненным органам предписывалось составлять дальнейшие списки)⁵³. Комитет внутренних дел СНС выпустил в конце 1947 г. новую инструкцию о репатриации советских граждан и даже предупредил некоторые национальные комитеты о том, что в случае отказа от розыска перечисленных лиц последуют наказания провинившихся органов⁵⁴. Отдельные — малочисленные — случаи розыска и репатриации советских граждан имели место в Словакии (Чехословакии) и в начале 50-х гг. XX в.⁵⁵

В материалах российских исследователей содержатся лишь данные по всей территории Чехословакии. По состоянию на 1 марта 1946 г. из ЧСР было репатрировано 40 655 советских граждан (6423 военнопленных и 34 232 гражданских), причем из состава гражданских — 8086 мужчин, 16 684 женщин и 9462 ребенка. За период с 1 марта 1946 г. по 1 июля 1952 г. был репатрирован еще 2051 человек. Всего, таким образом, к 1 июля 1952 г. из общего числа репатриированных советских граждан (4 305 035) из Чехословакии прибыло 42 706 человек⁵⁶.

По-видимому, уже никогда не удастся определить точное количество советских граждан, которые после прихода Советской армии были репатриированы из Словакии в СССР, как и количество советских репатриантов в последующие послевоенные годы. Однако словацкие документы этого периода, несмотря на их отрывочный характер, все-таки предоставляют много информации, приоткрывая ход самого процесса репатриации и судьбы людей, вынужденных вернуться в СССР. Даже по прошествии времени они имеют право на то, чтобы им были посвящены работы историков, занимающихся сохранением исторической памяти.

⁵¹ SNA Bratislava, f. PV — obež., k. 11, č. 32/1947. Obežník Povereníctva vnútra č. 12.616–1 / 1945–III / 3.

⁵² ŠA Košice pobočka Michalovce, f. ONV Michalovce 1945–1948, k. 79, č. 22588 / 1947 adm. Obežník Povereníctva vnútra č. 739 / 1–V / 3–1947 dôv.

⁵³ ŠA Prešov pobočka Humenné, f. ONV Humenné 1945–1948, k. 29, 1509 / 1948 prez. Sovietski príslušníci — súpis.

⁵⁴ ŠA Košice pobočka Košice, f. ONV Košice-Okolie 1945–1948, k. 792, č. 2275 / 1947 prez. Zoznam osôb určených na repatriáciu do ZSSR.

⁵⁵ ŠA Prešov pobočka Bardejov, f. ONV Bardejov 1945–1960, k. 115, č. 22 / 1952 adm. Rozkaz KNV v Prešove č. 28 / 1952 taj.

⁵⁶ Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.)... № 5. С. 10. Динамика репатриации советских граждан из Чехословакии (1944 — первая половина 1952 гг.) была следующей: в 1944 г. — 835; 1945 г. — 34 665; 1946 г. — 5155; 1947 г. (январь — июнь) — 293; июль 1947 — июнь 1952 г. — 1758 человек. *Он же*. К вопросу о судьбе советских репатриантов в СССР (1944–1955)... С. 10.

*Л.Ф. Широкова
(Москва)*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ОТРАЖЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ТЕМА ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ДУХОВЕНСТВА И ВЕРУЮЩИХ В СЛОВАКИИ В 1950-х гг.)

Словацкая литература на протяжении своей истории — наряду с художественной — традиционно выполняла еще и общественную функцию: будительскую, национально-охранительную или модернизирующую, дающую импульсы для обновления национального самосознания. Поэт всегда был здесь «больше, чем поэт», а литература воспринималась, как совесть нации. В период социализма (1948–1989 гг.) ей навязывалась роль воспитателя нового человека, проводника партийной линии в искусстве, коммунистической идеологии и пр., однако даже тогда в творчестве истинных писателей преобладал этот фактор совести и верности исторической и художественной правде.

Отражение исторической памяти в специфических художественных формах — еще одна из функций искусства, в полной мере воплотившаяся в словацкой литературе XX в. Коллективный опыт Второй мировой войны, Словацкого национального восстания преломляется здесь в разных ракурсах и тематических аспектах (в их числе и тема участия словаков в войне на Восточном фронте). Испытания, пережитые страной, показаны через призму человеческих судеб, через индивидуальный опыт героев таких произведений, как романы «Поколение» (1958–1961) В. Минача, «Площадь святой Альжбеты» (1958) Р. Яшика, «Смерть зовется Энгельхен» (1959) Л. Мнячко, «Аменмария. Только хорошие солдаты» (1964) Л. Тяжкого, «Мастера» (1976–1979) В. Шикулы и др.

В отличие от военной, тема преследований за веру, борьбы властей против католической и грекокатолической церкви¹, которая развернулась в начале 1950-х гг. как прямое следствие послевоенного развития Словакии, включенной в зону советского влияния, встречается в словацкой художественной литературе не так часто. Это связано, разумеется, с подцензурностью литературы на протяжении почти всего социалистического периода (за исключением краткого отрез-

¹ В 1950 г. властями были проведены четыре силовые «акции»: «Акция В» — домашний арест всех епископов; «Акция К» — ликвидация всех мужских монастырей (так называемая варварская ночь); «Акция Р» — ликвидация грекокатолической церкви; «Акция Д» — ограничение деятельности женских монастырей. В 1951 г. прошли судебные процессы над католическими епископами Яном Войташшаком, Михалом Бузалкой и епископом грекокатолической церкви Павлом Петером Гойдичем.

ка времени в 1968 г.). Ее отражение можно найти в основном лишь за пределами цензурных рогадок.

Это, например, ряд поэтических произведений, созданных за рубежом в 1950-х гг. словацкими писателями-эмигрантами, прежде всего теми, кто входил в круг «Католической модерна»². Так, поэт Андрей Жарнов (1903–1982) в стихотворении «Словацкая печаль» (1952) представил трагический образ покинутой родины, превратившейся из «края, где красота со святостью едина» в «волчье логово сталинского мира». Стихотворение изобилует риторическими вопросами, обращенными к Богу и далекой родине: «Что означает эта ухмылка над крестом правды?», «Куда вас гонят из темниц, апостолы?», «Где ваш язык, божьи пророки?»³. О неизменной вере в духовное возрождение своей «каменистой державы» «после ухода тьмы из Европы» говорит в стихотворении «Моему посоху» (1958), написанном в Аргентине, Горазд Звоницкий (1913–1995).

Мотив религиозных преследований изредка звучал и в литературе «официального обращения», создаваемой в стране. В произведении одного из ведущих словацких прозаиков Алфонса Беднара (1914–1989), киносценарии «Три дочери» (в 1967 г. по этому сценарию режиссером Штефаном Угером был снят фильм) главные действующие лица — монахини, вывезенные из монастыря на трудовое перевоспитание в село. В одной из первых сцен показано, как этот «монастырский взвод» трудится в знойный полдень на уборке урожая, выделяясь на фоне местной молодежи длинными темными одеждами и, несмотря на ударную работу в кооперативе, выглядит «хмуро, чужеродно, словно стая загнанных ветром и стужей во временное пристанище ворон»⁴. Второй мотив этого произведения, также связанный с репрессиями начала 1950-х гг. — раскулачивание зажиточных крестьян и насильственная коллективизация, — воплощен в фигуре старого крестьянина Майды, у которого власти реквизируют все имущество и изгнали из родной деревни. При этом автор, несмотря на явное сочувствие, не идеализирует своих героев. Так, настоятельница принуждает молодую миловидную монахиню завлечь местного начальника: «Другого выхода нет, Клеменция. Ты должна привлечь к себе кадровика, завоевать его расположение, иначе нас и отсюда выселят»⁵. Неоднозначна и фигура неприкаянного старика Майды: в свое время трех своих дочерей он «выгнал в монастырь», чтобы оставить все хозяйство целиком в руках сына, и теперь лишь младшая дочь, Клеменция, прощает и поддерживает его, не боясь возмездия за укрывательство «кулака». Вместе с тем само обращение писателя к теме репрессий (даже в относительно либеральной атмосфере второй половины 1960-х гг.) было для художественной литературы социалистического периода весьма неординарным шагом.

После «нежной» революции 1989 г., когда были сняты идеологические ограничения, в Словакии произошел закономерный подъем интереса к закрытой

² Группа поэтов-католиков, сложившаяся в 1930–1940-х гг. (Р. Дилонг, П.Г. Глбина, Я. Силан и др.), в творчестве которых основными были мотивы духовных исканий.

³ Цит. по: *Hvišč J., Marčok V., Bátorová M., Petrík V.* Biele miesta v slovenskej literatúre. Bratislava, 1991. S. 183.

⁴ *Bednár A.* Sklený vrch a iné. Bratislava, 2008. S. 469.

⁵ *Ibid.* S. 470.

ранее теме преступлений коммунистического режима, в том числе теме преследований за веру. За последние годы появилось большое число публикаций документов, научных работ, публицистических выступлений, посвященных периоду репрессий конца 1940–1950-х гг., в которых тема религиозных преследований рассматривается особо.

Так, в книге Р. Лесняка «Письма из подполья» (1998) собраны, обработаны и классифицированы в девяти разделах документы христианского самиздата в Словакии 1945–1989 гг. В предисловии автор-составитель, один из крупнейших специалистов в данной области, обратился к причинам и предпосылкам трагических событий. Он видит их не только в «коммунистическом и атеистическом» характере силы, завершившей Вторую мировую войну и положившей конец существованию так называемого клеро-фашистского режима. Решающим фактором в изменении положения верующих и церкви в обществе, как подчеркивает Р. Лесняк, стал коммунистический переворот 1948 г., когда «основной для государства стала функция подавления под предлогом “обострения классовой борьбы”, хотя при этом декларировалась свобода совести». Говоря о конкретных шагах властей, исследователь упоминает закрытие большинства религиозных печатных органов и переход «на службу режиму» небольшого числа оставшихся, а затем — развертывание кампании по преследованию духовенства, кульминацией которой стала ликвидация весной 1950 г. большинства мужских и женских монастырей и массовые аресты священников. «Личный контакт духовенства с верующими являлся, по сути, единственным возможным средством поддержания духовной жизни религиозных сообществ. Потому-то и были запланированы акции, отвечающие принципу “ударь пастыря, и разбежится стадо”»⁶.

Еще одна работа Р. Лесняка — вышедшая при его активном участии автобиография Антона Нойвирта, врача, политического заключенного, а позднее — дипломата, представлявшего Словакию в Ватикане, — книга с характерным названием «Лечить зло любовью» (2001). Воспоминания о детстве и юности сменяются картинками послевоенных «лет суровых испытаний, страданий и человеческих трагедий», репрессий, тюремного заключения, светлыми моментами в которых были встречи с выдающимися людьми — товарищами по несчастью. В главе «Оздоровление духа — универсальная терапия» доктор Нойвирт вспоминает о своих беседах с отбывавшим пожизненный срок грекокатолическим епископом Павлом Петером Гойдичем, уже очень больным, но удивительно стойким и скромным человеком, любимцем всех заключенных. «Минуты, — пишет он, — проведенные с епископом Гойдичем, относятся к самым сильным моим переживаниям. (...) Когда мы принимали его в больницу, его состояние ухудшилось. (...) Во время наших разговоров он очень скупо касался того, что относилось к его особе. Намекнул только, что его очень сильно мучили. (...) Поскольку все чаще было слышно об амнистии, мы надеялись, что отец Гойдич отправится домой, но его не выпустили»⁷. Несколько иным было отношение А. Нойвирта к находившемуся здесь же в заключении католическому епископу Яну Войташшаку

⁶ *Lesňák R.* Listy z podzemia. Kresťanské samizdaty 1945–1989. Bratislava, 1998. S. 11.

⁷ *Neuwirth A., Lesňák R.* Liečiť zlo láskou. Bratislava, 2001. S. 104.

(он также проходил по делу в рамках «процесса над католическими епископами и их приспешниками» наряду с П. Гойдичем и М. Бузалкой): «Он производил на меня впечатление человека очень добродушного, даже “бодрячка”, хотя был весьма замкнут, малообщителен, в речах сдержан»⁸.

В ходе процесса против трех словацких епископов выдвигались обвинения в шпионаже, в сотрудничестве с немцами, в помощи бандеровцам, в агитации за Демократическую партию во время выборов 1946 г. и др. Многочисленные документы, относящиеся к этому процессу, опубликовал словацкий Институт памяти нации в 2007 г. В их числе — речь государственного прокурора, основным пунктом обвинения которой явилась «враждебность новому государству», что «служит доказательством антинародной и антисоциалистической политики, которую высшая церковная иерархия и в прошлом, особенно в период Первой республики и при оккупации, всегда проводила в отношении словацкого народа»⁹.

В словацкой художественной литературе после 1989 г. тема политических и религиозных преследований 1950-х гг. затрагивалась, как и прежде, лишь изредка (правда, уже по другим причинам). Наиболее развернуто она прозвучала в творчестве Винцента Шикеры (1936–2001) — в его романе-дилогии «Орнамент» и в незавершенном романе «Ударь пастыря». Сюжет первого произведения во многом основан на собственном опыте писателя, который, еще будучи подростком, вместе с другими воспитанниками был изгнан из миссионерской школы при монастыре в Нитре. В одной из опубликованных уже после его смерти книг, представляющих материалы из его архива, есть и автобиографическая заметка «Монастырь (Summarium vitae)», датированная январем 2001 г. Краткая и эмоциональная, она свидетельствует о том, какое значение для всей последующей жизни и творчества В. Шикеры имело как пребывание в миссионерской католической школе, так и драматические события, сопровождавшие ее закрытие. «Я находился в монастыре на Кальварии, но монастырь распустили, а всех наших наставников пересажали. Детей вроде меня после войны было множество. Я долго еще не мог после этого оправиться... Я представлял себе, что смогу стать священником, однако мир для меня настолько изменился, что порой не хотелось жить... Мой главный девиз до сих пор — *Ora et labora!* Молись и работай! Этому я научился в Нитре»¹⁰.

Роман «Орнамент» был задуман и в основных чертах написан В. Шикерой к концу 1960-х гг. Отрывки из первых глав, наиболее безобидные с точки зрения цензуры периода «нормализации», успели выйти в двух номерах журнала «Словенске погляды» за 1970 г. Готовилась большая публикация в чешском журнале «Пламен», которая так и не осуществилась из-за закрытия журнала. Но в полном объеме роман смог увидеть свет лишь в 1991 г.; вторая его часть, получившая название «Ветряная вертушка», вышла в 1995 г. Причиной столь сложной судьбы романа послужила прежде всего его центральная сюжетная линия, основанная

⁸ Ibid. S. 105.

⁹ Letz R. Dokumenty k procesu s katolíckymi biskupmi Janom Vojtaššákom, Michalom Bužalkom a Pavlom Gojdičom. Bratislava, 2007. S. 200.

¹⁰ Šíkula V. Požehnaná taktovka. Bratislava, 2001. S. 173–174.

на реалиях начала 1950-х гг., когда взявшая власть коммунистическая партия развернула кампанию по преследованию церкви, ликвидации монастырей и репрессированию священнослужителей. В романе показана и неприглядная роль в этом деле органов госбезопасности, что также не могло приветствоваться в 1970-х гг. с точки зрения тогдашней идеологической линии «закручивания гаек» и борьбы с ревизионизмом.

В предисловии к роману В. Шикюла пишет о своем замысле и его трансформации по ходу времени и событий: «Я всегда говорил, что на протяжении всей жизни пишу одну и ту же книгу. И если в отношении других вещей это имело скорее переносное значение, то к “Орнаменту” относится в полной мере. Первоначально это должен был быть автобиографический роман о моей молодости, хотя, разумеется, каждый персонаж, в том числе и “я”, был слеплен из нескольких людей... События 1968 г. настолько выбили меня из колеи, что пришлось отложить роман. И только во второй половине 1980-х годов я стал мысленно возвращаться к “Орнаменту”. Правда, возвращаться пришлось сквозь целые десятилетия, так что и сам не знаю, будет ли это хоть отдаленно напоминать задуманное в 1960-е годы»¹¹.

В романе «Орнамент» тема религии, церкви — одна из основных: страдалец за веру Йожо Патуц — молодой католический священник, который появляется в жизни главного героя — Матея Гоца, скрываясь от преследования властей после «варварской ночи». Его характер раскрывается в сценах бесед с Матеем, в отзывах о нем других людей, а его судьба прослеживается пунктирно (в финале дается лишь намек на его гибель). Однако Патуц — важный исторический персонаж и «духовный фактор» произведения. Он передает своего рода эстафету духовного поиска помогавшему ему молодому другу. Автор наделил своих героев многими чертами собственной биографии и характера, словно разделившись на два персонажа, передав каждому часть своего личного жизненного опыта, своих мыслей и переживаний: Йожо — опыт своего духовного воспитания в католическом монастыре и мечтой стать священником, а Матею — светские заботы бедного студента, влюбчивого и неприкаянного. В определенном смысле Йожо — двойник Матея, его лучшее, искомое им «я».

Йожо Патуц, с которым Матею пришлось долгие месяцы делить кров и скудную студенческую трапезу, будучи личностью, духовно богатой и развитой, оказывал на легкомысленного юного героя благотворное влияние: «Я начал рассуждать более трезво, задумывался над вещами, которые меня раньше совсем не интересовали» (С. 20). Прежде всего это касалось его отношения к религии. С верой его связывали почти стершиеся детские воспоминания о праздничной службе в сельской церкви, о своих светлых и радостных ощущениях, но политическая реальность первых послевоенных лет с ее атеистической пропагандой и борьбой с буржуазными предрассудками наложила свой отпечаток на сознание и поведение Матея Гоца, сделав его, пусть отчасти и на время, равнодушным конформистом. Потребность в вере, в церкви как убежище страдающего человека, герой осознал позднее, когда Йожо Патуца уже не было рядом, но именно он пробудил в Матее стремление к духовному развитию.

¹¹ Цит. по: Šikula V. Ornament. Bratislava, 1991.

Тема религии, церкви в широком смысле слова зазвучала в диалогии столь проникновенно, как ни в одном другом произведении В. Шикеры. Как глубоко верующий человек он вложил в характер и мысли своего героя многое из пережитого и продуманного им самим. Писатель прослеживает путь духовного становления Матея Гоца, его нравственного прозрения. Первые шаги по этому пути были сделаны под благотворным влиянием Йожо Патуца, беседы с которым заставили Матея задуматься о потерянной было вере: «Я стал равнодушен к вере еще в студенческие годы, хотя все же не стал совсем неверующим, скорее — ленивым... Бог ускользал из моих мыслей... А в детстве церковь значила для меня так же много, как и семья, наш двор и дом, кухня и горница, как вид из окна, как дорога, которая вела мимо дома к церкви» (С. 11).

Матей, уже будучи учителем, поначалу ради заработка и из чувства противоречия («назло им») становится органистом в сельской церкви, но постепенно осознает потребность бывать там все чаще, «и не только чтобы играть на органе. Просто я был недоволен самим собой». Его гнетет внутренняя раздвоенность, усталость от лжи и лицемерия, необходимость выполнять нелепые распоряжения начальства — проводить перепись кур на крестьянских подворьях и проверять, не носят ли школьники нательные крестики.

Причиной усиленного внимания служб госбезопасности к молодому учителю стало «укрывательство опасного преступника», каковым считался у них беглый священник. «Это религиозный фанатик, — твердит Матею допрашивающий его майор, — он распространяет вредные взгляды, враждебные для нашего государства. Он, знаете, какой-то уж слишком интеллигентный, в этом-то и есть главная опасность» (С. 145). Шантаж и угрозы («Вы же хотите окончить университет?», «Подумайте о себе и о своей семье!»), моральное и физическое давление, постоянное напряженное ожидание новых визитов и «увещеваний» добавляют драматизма в переживания героя. Вместе с тем эти сцены — тоже, к слову, связанные с фактами биографии В. Шикеры — передают атмосферу того времени, когда молодой энтузиазм одних сопровождался жестокостью и циничным карьеризмом других.

Последний, незавершенный роман «Ударь пастыря» вышел уже после смерти писателя, в 2001 г. В его названии — отсылка на слова из Евангелия от Матфея: «Тогда Иисус сказал им: “В эту ночь все вы преткнётесь из-за меня, как написано: «Поражу пастыря, и овцы стада разбегутся»». Это повествование о жизни, духовном подвиге и мученической смерти грекокатолического священника, епископа Павла Петера Гойдича (1888–1960). Его арест в 1950 г. стал наряду с другими антицерковными акциями частью массовых политических репрессий властей, подавлявших любые формы инакомыслия. Кроме того, преследование Гойдича велось в русле насильственной ликвидации в Чехословакии (вслед за СССР) грекокатолической церкви и подчинения ее приходов православной церкви. Однако обвинения в его адрес были иными. В уже цитированной обвинительной речи на судебном процессе над тремя словацкими епископами отдельно упоминаются мнимые «злодеяния» П. Гойдича: «ненависть к простому народу, жажда богатства и власти», «он всегда

предавал интересы народа и преданно служил правящему классу графов и латифундистов»¹².

Однако на деле его популярность в народе была очень высока, о чем, в частности, свидетельствуют сохранившиеся легенды о святости Гойдича. Так, в воспоминаниях А. Нойвирта наряду с прочим затронут и этот момент почитания Гойдича как святого его товарищами-заключенными: «Ферко Ондрушка упомянул, что как-то раз смотрел на его руки, поскольку говорили, что у него были и стигматы. Гойдич это заметил и сказал: “Ферко, ты смотришь на мои руки, но там у меня ничего нет, да и не было никогда”»¹³.

Упоминался в свидетельствах очевидцев и открывшийся у Гойдича дар к предвидению. Ф. Андрушка (или Ф. Ондрушка)¹⁴ подтверждал, например, что епископ сам предсказал дату своей смерти, 17 июля 1960 г., в день своего 72-летия. Встречаются и иные, более апокрифические рассказы: о том, как Гойдич беседовал с находившимся вместе с ним в заключении Г. Гусаком и предрек ему, «что он освободится, станет большим человеком и получит власть в 1968 г., ...коммунистический режим рассыплется, а сам он вернется в свою исконную веру»¹⁵. Отголоски народной веры в мученика-чудотворца зафиксированы даже в документах процесса. Представитель «компетентных органов» сообщал о настроениях жителей Восточной Словакии: «...Распространяются провокационные слухи о том, что Гойдич — святой, что раны, которые открываются у него каждую пятницу, светятся так ярко, что рядом с его особой невозможно находиться. И от этого сияния, якобы, умерло уже несколько сотрудников ГБ, которые его охраняли»¹⁶.

В своем последнем, незавершенном романе «Ударь пастыря» В. Шикула обратился к выдающейся личности епископа Гойдича, стремясь осмыслить не столько его масштабность и подвижничество, сколько его человеческие качества и нравственные основы. Писатель почти полностью оставляет в стороне политические аспекты происходящего, конфессиональные или социальные противоречия, главное для него — гуманистическая сущность его героя.

Жизнь Гойдича прослеживается в книге пунктирно, в наиболее значимых эпизодах, начиная с детства и отрочества будущего епископа, избрания им духовной стези, посвящения в сан, пасторского служения — до его ареста органами госбезопасности, пожизненного приговора и тяжелых лет тюремного заключения. Большое место на страницах произведения занимают сцены в тюрьме, где епископ Гойдич подвергался физическим и нравственным мучениям, но так и не отказался от своих принципов и от своего служения людям.

Форма повествования часто меняется: фрагменты рассказа от первого лица (внутренние монологи, молитвы Гойдича) чередуются с речью повествователя от третьего лица. Так, например, представлены воспоминания о детстве и юно-

¹² *Letz R. Dokumenty k procesu... S. 209.*

¹³ *Neuwirth A., Lesňák R. Liečiť zlo láskou... S. 104.*

¹⁴ Видимо, это одно и то же лицо, сокамерник П.П. Гойдича. У В. Шикулы это персонаж по имени Феро Ондрушка.

¹⁵ *Tymkovič V.* URL: http://www.gojdic.wbl.sk/gojdic-spomienky_006.jpg

¹⁶ *Letz R. Dokumenty k procesu... S. 323.*

сти Петра, сына сельского священника-русина, о его добросердечных, но строгих родителях, о полях, где «не раз сталкивались друг с другом в битвах за Карпаты русинские, словацкие и польские, украинские, русские — и немецкие, и французские мученики»¹⁷. Тема мученичества, затронутая в начале повествования, будет развита затем в жизнеописании самого Гойдича. Это же относится и к близкой В. Шикуле идее всеобщего, «интернационального» гуманизма, терпимости и сострадания ближнему. Характерна сцена народного сельского праздника в честь посвящения в сан молодого грекокатолического священника Гойдича, на котором собрались, «чтобы выразить ему свое уважение», не только русины, но и местные католики, евреи, цыгане.

Кратко и фрагментарно представлена пастырская деятельность Гойдича во время войны, когда он проявлял истинное мужество и верность своему долгу, стараясь всегда быть рядом со своим народом: «Я сам объездил все верхом на коне, но тайком, поскольку меня никуда не хотели пускать, чтобы я, мол, не напоролся на мину» (С. 37). Сама война воспринимается и автором, и его героем как кровавое, бессмысленное преступление против человечества, губительное для всех: «Словацкие матери оплакивали своих молодых сыновей, а словацкие офицеры крали из украинских, белорусских, русских церквей христианские чаши, алтари и иконы. Красная Русь ничего не простила. Она хотела отплатить немцам, но жестоко отплатила и славянам» (С. 28).

Большая часть повествования посвящена годам гонений, когда Гойдич сначала оказался под домашним арестом (здесь автор передает функцию рассказчика реально существовавшему лицу — экономке и кухарке епископа Барборке, которая говорит о бытовой стороне его жизни, привычках, болезнях, родственниках), а потом — на допросах, в суде, в тюрьмах, когда события излагаются в виде отдельных сцен, а сюжет чаще строится на внутренних монологах-размышлениях Гойдича.

Нередко сцены романа основаны на реальных эпизодах жизни П. Гойдича, зафиксированных в документах и воспоминаниях людей, бывших в те годы рядом с ним. Одна из центральных — сцена «искушения» епископа свободой и властью в обмен на предательство. Сокамерник епископа по тюрьме в Леопольдове Франтишек Ондрушка так вспоминает об этом эпизоде: «В тюрьме в Рузине его привели из камеры в парадное помещение, где его принял старший офицер в военной форме. Он сообщил епископу, что тот поедет из этого помещения прямоком в Прешов, если согласится стать патриархом православной церкви в Чехо-Словакии. Отец епископ это предложение отверг, оправдываясь тем, что это был бы страшный грех перед Богом, предательство Св. Отца, собственной совести и верующих»¹⁸. В романе В. Шикулы этот скупой изложенный эпизод развернут в драматический диалог измученного физическими страданиями, но не сломленного Гойдича и офицера госбезопасности, несмотря ни на что уважающего его убеждения: «Господин епископ, все знают, что вы святой человек. Вы настоящий патриарх! ...Достаточно вам кивнуть головой, и вы будете патриархом всей

¹⁷ Šikula V. Udri pastiera. Bratislava, 2001. S. 9.

¹⁸ URL: <http://www.gojdic.wbl.sk/gojdic-spomienky>

православной церкви в Чехословакии». Аргументы Гойдича — не только религиозного, но и политического характера: «Мне будет указывать Москва, как нужно молиться? ...Я должен предать Ватикан и примкнуть к православию, когда оно под пятой Молотова, Берии и Сталина? Я предал бы не только Святого Отца, но и всю епархию» (С. 73).

Стойкость и человечность Гойдича показана в романе и в отношениях с товарищами-заключенными, которым он показывает пример достойного поведения в самых унижительных ситуациях. Он проявляет истинное христианское смирение в сцене издевательства над ним охранника: «Надзиратель ударил его по лицу. Епископ извинился.

— Простите, что я улыбнулся. Надсмотрщик: — Что вы делали до того, как стали заключенным? Заключенный: — Я — грекокатолический епископ. Надсмотрщик снова ударил его по лицу, и епископ снова извинился: — Вы же спросили! ... — Молчите, здесь вы всего лишь заключенный, здесь вы всего лишь номер. — Он с доброй улыбкой посмотрел на надзирателя: — Перед Господом Богом и перед теми, за кого я был в ответе, я все еще епископ. — Для меня вы не епископ, а всего лишь религиозный фанатик!». (С. 59.) Охранник бьет старого епископа по лицу, а тот, страдальчески улыбаясь, повторяет: «Пожалуйста, если хотите, ударьте! Я епископ! Если хотите, ударьте». От расправы его спасает, принимая удар на себя, колонна заключенных, запевших вместо положенного марша о Сталине духовный гимн. Умершего в неволе епископа хоронят на тюремном кладбище, но вместо креста с именем и саном, который сделали для любимого пастыря заключенные («разных религий и национальностей без разбору»), тюремное начальство, разбив его, ставит колышек с номером заключенного.

В. Шикуча, сам бывший очевидцем репрессий властей против служителей католической церкви и закрытия монастырей в ходе нескольких так называемых «акций», пережил многое из того, что перенес потом на страницы своих книг. Это помогло ему художественно достоверно воссоздать, по замечанию словацкого исследователя В. Марчока, «социальное и духовное состояние людей, которые в 1950–1960-е годы подверглись преследованию и травле за свои религиозные убеждения»¹⁹. Идейное содержание произведений писателя не ограничивается, разумеется, этой тематикой, однако она представляет собой существенную его составляющую как часть духовно-нравственного опыта словацкого общества в XX в.

Научные издания, посвященные этой теме, среди которых наряду с упомянутыми есть еще немало книг, предоставляют читателю богатый материал, связанный с историческими фактами. В художественной литературе фактография, пропущенная через «магический кристалл» творческого видения, предстает уже в ином, реконструированном виде. При этом литературная образность сохраняет историческую память в более яркой индивидуализированной форме, дополняя и зачастую формируя наши представления об исторических событиях.

¹⁹ *Marčok V. a kolektív. Dejiny slovenskej literatúry III.* Bratislava, 2004. S. 276.

А.С. Стыкалин
(Москва)

ПАМЯТЬ О ВЕНГЕРСКИХ СОБЫТИЯХ 1956 г. В ПЕРИОД ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ 1968 г.

В последние годы, с выходом ряда фундаментальных документальных сборников¹, значительно расширилась источниковая база для изучения политики СССР в условиях чехословацкого кризиса 1968 г. Введенные в научный оборот документы² дают более полное представление о содержании дискуссий, происходивших как в руководстве КПСС, так и на совещаниях лидеров социалистических стран. Публикация новых документов дополнила существенными, ранее неизвестными деталями наше знание о механизмах выработки линии КПСС в отношении Пражской весны, о мотивах, которыми руководствовались Политбюро ЦК КПСС и лидеры стран — союзниц по ОВД, делая в августе 1968 г. окончательный выбор в пользу силового решения чехословацкого вопроса. Выясняется, насколько полной и объективной информацией о ситуации в Чехословакии обладало руководство СССР и какова была роль посольства СССР в Праге

¹ См.: Пражская весна и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010; Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010. Новые источники введены в научный оборот также составителями сб.: Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР. М., 2010. Однако тенденциозно составленная вступительная статья резко снижает научную ценность этого издания. См. отклик: *Мурашко Г.П.* Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР: размышляя над книгой... // Славяноведение, 2012. № 1. С. 62–69.

² Среди них постановления ЦК КПСС по чехословацкому вопросу; записи, в том числе стенограммы происходивших с марта по конец августа 1968 г. совещаний лидеров СССР и ряда стран — членов Организации Варшавского договора (ОВД), на которых обсуждалось положение в Чехословакии; дипломатические донесения из Праги (в том числе записи бесед посла СССР в ЧССР и сотрудников посольства с функционерами КПЧ и другими чехословацкими политиками); отчеты советских представителей, выезжавших в 1968 г. по разным линиям в Чехословакию; информационные письма для ознакомления партийного актива с ситуацией в Чехословакии и другие документы аппарата ЦК КПСС; советско-чехословацкая дипломатическая и межпартийная переписка; записи некоторых телефонных бесед Л.И. Брежнева и А. Дубчека; информационные письма для лидеров братских партий; документы МИД СССР о деятельности советской дипломатии в западных странах в период чехословацкого кризиса (включая записи бесед посла СССР в США А.Ф. Добрынина с Госсекретарем США Д. Раском); информация КГБ о ситуации в Чехословакии и собственной деятельности в условиях внутривластного кризиса в этой стране.

в создании той картины чехословацких событий (во всей их динамике), которая определяла характер советской политики, влияла на выбор принципиально важных решений.

Из документов явствует, что Политбюро ЦК КПСС при выработке своей реакции на Пражскую весну 1968 г. учитывало (и это вполне естественно) уже имевшийся опыт разрешения внутривластных кризисов в странах советской сферы влияния. Особенно часто и охотно советское руководство обращалось к событиям осени 1956 г. — польскому и особенно венгерскому кризису, в ходе которого вся система партийно-государственных органов в центре и на местах развалилась в течение нескольких дней и коммунисты фактически утратили власть. Первым чехословацким событием, которое в среде советской партноменклатуры вызвало прямые ассоциации с «будапештской осенью» 1956 г., дав тем самым повод для серьезных беспокойств, явился, по всей видимости, IV съезд Союза чехословацких писателей (27–29 июня 1967 г.). Острокритические выступления ряда писателей с требованием отмены цензуры, осуществления в стране системных реформ и обеспечения реальных демократических свобод³ напомнили советским дипломатам, сотрудникам спецслужб, а также работникам идеологического аппарата КПСС о деятельности литераторов и журналистов в Венгрии 1956 г.⁴ В сознании советской партократии был довольно прочно укоренен стереотип о том, что именно венгерская творческая интеллигенция (прежде всего писатели и журналисты) своими оппозиционными выступлениями на протяжении многих месяцев совершала идеологическую подготовку венгерского восстания. Показательно выступление Н.С. Хрущева в мае 1957 г. на встрече с деятелями культуры в Подмоскovie: венгерских событий не было бы, «если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов»⁵. Информацией о положении дел «на идеологическом фронте» Чехословакии обладал и Л.И. Брежнев, посетивший Прагу в декабре 1967 г. Хотя он и устранился тогда от вмешательства во внутривластную, внутривластную борьбу⁶, но все-таки предостерег своих чехословацких собеседников в связи с возможной утратой партийного единства — это напомнило ему Венгрию 1956 г.⁷

³ На русском языке материалы съезда см.: Чехословакия конца 60-х годов. Социализм с человеческим лицом // Реферативный сборник ИНИОН. М., 1991. С. 62–79.

⁴ О восприятии этого события в контексте растущей обеспокоенности в Москве положением в Чехословакии см.: Семенов Н.П. Тревожная Прага. Воспоминания советского вице-консула в Чехословакии (1968–1972). М., 2004. С. 27. О восприятии советской партийно-идеологической номенклатурой ситуации в Чехословакии в 1964–1967 гг. см.: Джалилов Т.А. К вопросу о влиянии советского фактора на чехословацкие события 1964–1967 годов // Новая и новейшая история, 2012. № 6.

⁵ См.: «А вы сидите, как сурок, и о демократии говорите». Выступление Н.С. Хрущева на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 г. // Источник, 2003. № 6.

⁶ «Это, товарищи, ваше внутреннее, чехословацкое дело», — заметил он в ответ на попытки склонить его выразить свое мнение по вопросу о целесообразности дальнейшего пребывания А. Новотного на посту первого секретаря ЦК КПЧ. См.: Латыш М.В. «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998. С. 18.

⁷ Генеральный секретарь ЦК КПСС тогда еще не был склонен драматизировать положение в Чехословакии, но все же указал на угрозу раскола в руководстве КПЧ, который

Избрание А. Дубчека (человека, получившего образование в СССР) в начале января 1968 г. первым секретарем ЦК КПЧ было воспринято Л.И. Брежневым достаточно спокойно, однако в течение двух последующих месяцев наступило разочарование, причем беспокойство усиливалось по мере изменения ситуации в других социалистических странах — студенческие волнения в Польше, достигшие в марте критической точки; продолжающееся отклонение Румынии от общего внешнеполитического курса стран ОВД. Советским лидерам не нравилось во внутривнутриполитической жизни современной Чехословакии, вызывая у них определенные ассоциации с Венгрией 1956 г.: 1) резкое ослабление с февраля 1968 г. цензуры; 2) появление дискуссионных кружков и клубов, где высказывались альтернативные точки зрения; 3) самое важное: освобождение от своих должностей многих партийных функционеров, прежде всего в идеологическом аппарате и СМИ; причем уход именно тех, кого считали надежными партнерами Москвы, своего рода агентами ее влияния. В конце февраля, при посещении советской партийно-правительственной делегацией празднеств по случаю 20-летия февральских событий 1948 г. (установления монополии КПЧ на власть), гости из СССР решили не омрачать юбилейных торжеств открытой критикой в адрес хозяев, но уже в марте, по мере получения новой информации о ситуации в Чехословакии, все сильнее забили в колокола. Именно с этого времени ситуация в ЧССР постоянно обсуждалась на Политбюро ЦК КПСС, речь шла о кризисе власти в этой стране, утрате контроля правящей партии над ситуацией, что было тождественно развитию событий по венгерскому сценарию 1956 г. О драматических венгерских событиях 12-летней давности вспоминали при этом постоянно⁸. Тогдашний сотрудник аппарата ЦК КПСС В.Л. Мусатов вспоминает о том, что имевшееся в отделе по связям с компартиями социалистических стран досье с материалами ТАСС о венгерских событиях было затребовано высшим руководством для изучения⁹. 21 марта на заседании Политбюро разрабатывалась линия КПСС, которой предстояло придерживаться ее представителям на срочно созываемой 23 марта в Дрездене встрече лидеров компартий ряда социалистических стран — членов ОВД¹⁰. Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин указал на опасность неконтролируемого развития событий по венгерскому варианту 1956 г. Брежнев в этой связи заявил о том, что для защиты социализма

положит начало неконтролируемому процессу, так что дело может дойти до «повторения в Чехословакии чего-то вроде венгерских событий 1956 г.». (Записи бесед Л.И. Брежнева с руководящими деятелями КПЧ 8–9 декабря 1967 г. из Архива Президента Российской Федерации. См.: Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997. С. 161.) О пребывании Брежнева в Праге в декабре 1967 г. см.: *Латыш М.В.* Ук. соч. С. 16–18.

⁸ Первым исследователем, глубоко анализировавшим записи заседаний Политбюро ЦК КПСС за 1968 г., в том числе на основе документов Архива Президента РФ, частично переданных чехословацкой стороне в начале 1990-х, был М. Латыш. См.: *Латыш М.В.* Ук. соч.

⁹ *Мусатов В.* Брежнев встретил утро ввода войск на командном пункте // Новое время. 1992. № 16.

¹⁰ На нее не были приглашены представители компартии Румынии, занимавшие особую позицию по целому ряду принципиальных вопросов деятельности СЭВ и ОВД.

в Чехословакии нельзя исключать применения крайних мер, подобных тем, что были приняты в Венгрии¹¹.

О трагических событиях «будапештской осени» постоянно вспоминали и на совещаниях лидеров социалистических стран, посвященных положению в Чехословакии, начиная с первого, дрезденского совещания 23 марта¹². При этом как руководители КПСС, так и представители социалистических стран зачастую не могли отрешиться от венгерского опыта 1956 г. тогда, когда надо было выработать более свежий, не обремененный стереотипами взгляд на происходящее в Чехословакии¹³. Рассмотрение ситуации в Чехословакии весны 1968 г. сквозь призму остродраматических венгерских событий 12-летней давности иногда уводило в сторону от выявления чехословацкой специфики, усиливало панические настроения, вело к принятию неадекватных решений. Этому в немалой мере способствовала активность при обсуждении чехословацких проблем людей, в 1956 г. бывших непосредственными свидетелями венгерского кризиса. В частности, председатель КГБ Ю.В. Андропов (в 1956 г. посол СССР в Венгрии) в течение первой половины — середины 1968 г. имел обыкновение сравнивать едва ли не по дням развитие событий в Чехословакии с тем, что происходило в Венгрии в 1956 г. На заседании Политбюро 15 марта он говорил: «Методы и формы, которыми ведется сейчас работа в Чехословакии, очень напоминают венгерские. В этом внешнем хаосе... есть свой порядок. В Венгрии тоже с этого начиналось»¹⁴. Андропов, для которого события 1956 г. стали трамплином к головокружительному карьерному взлету, так никогда и не избавился от своего «венгерского синдрома»¹⁵. В 1968 г. он был всего лишь кандидатом в члены По-

¹¹ Ход обсуждения чехословацкого вопроса на Политбюро ЦК КПСС 15 и 21 марта подробно рассмотрен на основе записей заседаний в кн.: *Латыш М.В.* Ук. соч. С. 57–62. Насколько можно судить по имеющимся источникам, уже в марте в Министерстве обороны СССР и Генштабе активизировалась разработка плана ввода войск в Чехословакию на случай, если будет принято принципиальное политическое решение о крайних мерах. Генерал армии А.М. Майоров, в 1968 г. генерал-лейтенант, командовавший армией, дислоцированной в Западной Украине, свидетельствует о том, что он был ознакомлен с этим планом уже 12 апреля. См.: *Майоров А.М.* Вторжение. Чехословакия 1968. Свидетельства командарма. М., 1998. С. 19.

¹² О ходе дрезденского совещания см.: *Латыш М.* Ук. соч. Материалы этого совещания см. также: «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы... С. 28–30.

¹³ «Напомнив чехословацким товарищам уроки событий 1956 года в Венгрии, мы призывали их со всей серьезностью оценить эту опасность и осуществить такие мероприятия, которые преградили бы путь контрреволюции», — докладывал Л.И. Брежнев через две недели, 6 апреля, пленуму ЦК КПСС о дрезденском совещании. *Там же.* С. 39.

¹⁴ Цит. по: *Пихоя Р.Г.* Чехословакия, 1968 год. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС // Новая и новейшая история, 1994. № 6. С. 9. На Политбюро в этот день обсуждался вопрос о подготовке письма Президиуму ЦК КПЧ с призывом дать отпор антисоциалистическим силам, в письме предполагалось провести параллели с венгерской «контрреволюцией».

¹⁵ См.: *Стыкалин А.С.* Посол СССР как проводник советского влияния в «народно-демократической» стране. К истории дипломатической карьеры Ю.В. Андропова // Власть и общество: непростые взаимоотношения. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке / Отв. ред. Е.П. Серapiroнова. М., 2008. С. 283–317.

литбюро, причем недавно, всего год как избранным, но его голос (судя по доступным исследователям материалам заседаний) звучал очень веско, к его мнению внимательно прислушивались люди с гораздо более солидным опытом работы в партийном руководстве.

Впрочем, не только Андропов, но и некоторые другие советские руководители имели за плечами личный опыт участия в разрешении венгерского кризиса. М.А. Суслов (единственный из состава Политбюро ЦК КПСС 1968 г., кто и осенью 1956 г. уже был полноправным членом Президиума ЦК) трижды в 1956 г. (в июне, октябре и ноябре-декабре) выезжал в Венгрию на разных этапах кризиса для проведения линии КПСС по его урегулированию¹⁶. В общей сложности он провел тогда в Венгрии 5 недель, больше чем кто-либо другой из советских руководителей. Л.И. Брежнев (осенью 1956 г. кандидат в члены Президиума ЦК КПСС) в начале ноября 1956 г., по некоторым данным, выезжал в Закарпатскую Украину, где участвовал в организации переправки правительства Я. Кадара в Венгрию¹⁷. Личный опыт, несомненно, сказывался при выборе путей разрешения чехословацкого кризиса, подсказывал конкретный сценарий действий — сформировать альтернативное правительство из числа коммунистов, лояльных руководству КПСС и заявляющих о разрыве со старым правительством (как это было сделано в Венгрии в ноябре 1956 г.). Важно заметить при этом, что Венгрия, в 1956 г. самое слабое звено в цепи социализма, весной 1968 г., напротив, уже воспринималась (в том числе и в Москве) как едва ли не самая благополучная страна советского лагеря. Ситуация там была весьма стабильной¹⁸, а потому венгерский опыт разрешения глубокого кризиса 1956 г. считался удачным, политика, проводившаяся тогда советским руководством, расценивалась как результативная. Это давало Брежневу и его соратникам по Политбюро дополнительные аргументы в пользу игры по венгерскому сценарию применительно к чехословацкому кризису 1968 г.

О венгерских событиях 1956 г. вспоминали весной 1968 г. не только в Москве. Так, 13 марта видный американский политический эксперт З. Бжезинский (еще не обремененный высокими должностями), выступая в Колумбийском университете, проводил параллели между развитием событий в Чехословакии

¹⁶ Эта его деятельность нашла отражение в документах сб.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы / Ред.-сост. Е.Д. Орехова, В.Т. Серeda, А.С. Стыкалин. М., 1998.

¹⁷ См. материалы Президиума ЦК КПСС, отражающие его деятельность: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. М., 2003. С. 196; Т. 2. М., 2006. С. 476.

¹⁸ Так считали и в аппарате ЦК КПСС. В записке от 26 апреля 1968 г., подготовленной отделом по связям с компартиями социалистических стран для высшего партийного руководства, обращалось внимание на отсутствие в Венгрии питательной почвы для массовых оппозиционных выступлений: «Среди различных слоев населения ВНР чехословацкие события были восприняты спокойно, не вызвав какого-либо политического брожения. Вопросы, стоящие на повестке дня в ЧССР, считаются венграми либо уже решенными после 1956 г., либо находящимися в стадии решения... Одобрение хода событий в Чехословакии не выливается в критику руководства ВСРП». См.: «От правды никуда не уйдешь...» Новые документы о событиях в Чехословакии в 1968 г. / Публ. А.Д. Чернева // Кентавр. 1993. № 4. С. 83.

и начальным этапом венгерского кризиса. Указывая на сходство процессов, западные советологи выражали опасения и в связи с возможностью аналогичной реакции руководства СССР¹⁹.

О Венгрии 1956 г. с ее кровавыми эксцессами помнили, разумеется, и в самой Чехословакии. Память о событиях 12-летней давности в соседней стране присутствовала в сознании и реформаторов, и антиреформаторов, хотя уроки из венгерского опыта извлекались совершенно разные. Известный коммунист-реформатор З. Млынарж, вспоминая осень 1956 г., писал, что сторонники либерализации режима в Чехословакии, наблюдая за ходом венгерских событий, испытали настоящий страх перед толпой, линчующей коммунистов. Этот страх помог тогда Новотному утихомирить критиков своего режима, он подсознательно жил в чешских реформаторах и позже, тем более что противники перемен, в свою очередь, не давали этому чувству умереть, то и дело напоминая о венгерских «зверствах»²⁰. В отличие от стоявшего во главе экономических реформ О. Шика, поддерживавшего непосредственные связи с венгерскими экономистами, большинство чешских интеллигентов, хотя и живо интересовалось происходящим у соседей, не столь уж много могли узнать из своей прессы о сходных реформаторских начинаниях в кадаровской Венгрии. Венгерский опыт незримо присутствовал в их сознании прежде всего как память о событиях 12-летней давности, в которых виделся не столько притягательный пример, сколько предостережение. Воспоминания о драматических эксцессах «будапештской осени» и жесткой реакции Москвы побуждали активистов Пражской весны к максимальной взвешенности, продуманности каждого шага, напоминали им, насколько опасно провоцировать кремлевское руководство скоропалительными, не до конца продуманными действиями (как, например, решение правительства Имре Надя о выходе Венгрии из ОВД), насколько важна для успеха реформ верность Чехословакии своим союзническим обязательствам.

Если реформаторы из КПЧ, усвоив уроки венгерской революции, вместе с тем в своих публичных выступлениях старались по понятным причинам всячески избегать проведения параллелей с событиями тех лет, то противники реформ, напротив, охотно воскрешали в памяти соотечественников сцены кровавых расправ над коммунистами и сотрудниками ГБ, иногда преувеличивая масштабы насилия в Венгрии осени 1956 г. Аналогии сегодняшних чехословацких событий с «контрреволюцией» в Венгрии проводились ими уже начиная по крайней мере с января и в беседах с советскими дипломатами²¹.

Лидеры компартий социалистических стран тоже рассматривали происходящее в Чехословакии сквозь призму своих воспоминаний о венгерском кризисе, акцентируя внимание на опасности неконтролируемого развития событий по венгерскому варианту. Так, первый секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт,

¹⁹ См.: Орлик И.И. Запад и Прага в 1968 г. По документам Министерства иностранных дел Чешской Республики // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 5.

²⁰ Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 47.

²¹ См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 60. Д. 300. Л. 29.

занимавший очень жесткую позицию в связи с чехословацкими событиями²², помнил о влиянии Кружка Петефи и венгерской оппозиции на деятельность либерального крыла в руководстве СЕПГ, которое едва не отстранило его от руководства партии.

Заслуживает особого внимания позиция польского лидера В. Гомулки, а также Я. Кадара, с ноября 1956 г. стоявшего во главе Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП). Сдержанность Кадара на дрезденском совещании 23 марта (хотя и он признал негативные явления в ЧССР и высказал ряд предостережений, исходя из опыта «будапештской осени») довольно разительно контрастировала с истерическими возгласами его польского коллеги. Контраст покажется тем более резким, если вспомнить, какую роль каждому из этих политиков пришлось сыграть в 1956 г. За 12 лет роли поменялись. «С течением лет, — замечает непосредственный свидетель венгерской революции 1956 г. польский публицист В. Ворошильский, — террор в Венгрии ослаб, обнаружился и исторический парадокс: в то время как обожаемый в Октябре (1956 г. — А.С.) “вождь нации” Гомулка постепенно загонял страну в состояние все большей политической и экономической зависимости от СССР, растущего угнетения, нищеты и лжи — ненавидимый (и справедливо) Кадар как бы искал путей выхода из ловушки, довольно успешно пускался в экономические эксперименты, умеренно либерализовал режим, стремился прийти к соглашению с народом и его интеллигенцией»²³. Гомулка, который выдвинулся на волне польского кризиса октября 1956 г. как фигура, олицетворявшая собой национальный путь к социализму, переживал весной 1968 г. острый дефицит доверия (о чем свидетельствовали мартовские студенческие волнения), и это предопределило его крайне негативное отношение к Пражской весне, страх перед «дурным примером» чешских реформаторов, их негативным влиянием на стабильность в Польше. Кадар же, напротив, не только уверенно чувствовал себя во главе страны, но как раз в этот период достиг верхней точки своей популярности. По мере же первых успехов задуманной экономической реформы он рассчитывал на еще большее укрепление собственных позиций. В реформаторах из КПЧ он видел если не союзников, то попутчиков в осуществлении своих планов, направленных на раскрытие потенциала реального социализма, рационализацию его экономи-

²² Его позиция нашла отражение в выступлениях на совещаниях лидеров социалистических стран. См.: «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. К этому можно добавить, что именно главный идеолог Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) Курт Хагер 26 марта, выступая на научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Карла Маркса, положил начало открытой критике в странах советского блока не только отдельных «ревизионистских» проявлений в Чехословакии, но всей проводимой руководством КПЧ политики уступок. В справке Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран от 26 апреля отмечалось, что после дрезденской встречи товарищи из ГДР последовательно высказывались за «оказание коллективной помощи со стороны братских партий руководству ЧССР, вплоть до применения “крайних мер” для обеспечения социалистических завоеваний Чехословакии, если обстоятельства этого потребуют». См.: «От правды никуда не уйдешь...». С. 82.

²³ *Ворошильский В.* Венгерский дневник // Искусство кино. 1992. № 4. С. 145–146.

ческого механизма. Удар по начинаниям чехословацких коллег, менее искусных, чем он, в тактике политического маневрирования, мог отрицательно сказаться и на судьбе его реформы, а значит, и на личном престиже венгерского лидера как в глазах соотечественников, так и в зарубежном общественном мнении, хотя и не забывшего кровавую драму 1956 г., но все же успевшего признать Кадара не только коммунистом-реформатором, но и наиболее либеральным и уважаемым из восточноевропейских коммунистических лидеров. Все это предопределяло различия в отношении Кадара и Гомулки к событиям Пражской весны.

В дальнейшем позиция Кадара претерпела эволюцию — он изменил свои оценки, когда пришел к выводу, что КПЧ теряет контроль над ходом событий, а значит, существует реальная перспектива сползания к венгерскому 1956 г. варианту развития²⁴. Однако, даже дав после долгих колебаний согласие на участие Венгрии в военной акции, направленной на смену власти в Чехословакии, венгерский лидер по-прежнему не был внутренне убежден в ее необходимости. Об этом свидетельствует, в частности, его выступление на заседании Политбюро ЦК ВСРП 20 августа 1968 г., в самый канун интервенции. Судя по записям, лидер ВСРП был в тот день весьма критичен в отношении советского руководства, склонившегося в конце концов к силовому решению. Ситуация, сложившаяся в Чехословакии, вызывала у него аналогии не с венгерскими, а скорее с польскими событиями 1956 г., когда неплохо сработал мирный сценарий консолидации власти коммунистов. Соответственно и венгерский рецепт разрешения кризиса здесь, по его мнению, не подходил. Однако если мы откажемся участвовать в совместной акции, рассуждал Кадар, это создаст еще большую напряженность, нервозность, еще более осложнит ситуацию, сделает ее непредсказуемой. К тому же, если Венгрия останется в стороне, она лишит себя возможности хоть сколько-нибудь влиять на дальнейшее развитие событий. Речь, таким образом, идет о печальной необходимости. Политбюро, приняв к сведению эти доводы, санкционировало решение своего шефа²⁵. Все руководство партии искренне сожалело, что наши усилия по примирению Москвы и Праги оказались безрезультатными, вспоминал Кадар в конце 1980-х гг.²⁶ Почивать на лаврах Кадару в конце августа 1968 г. не приходилось. В Словакии, где еще живо было поколение, испытавшее на себе последствия Мюнхенского сговора и дальнейших событий, новый приход венгерских войск в силу исторических причин был встречен с особой враждебностью, что мало способствовало улучшению взаимопонимания соседних народов²⁷.

²⁴ Подробно об эволюции позиции Я. Кадара в чехословацком вопросе в условиях кризиса 1968 г. и его посреднических усилиях, направленных на достижение компромисса между лидерами КПСС и КПЧ, см.: Стыкалин А.С. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 21–41.

²⁵ См.: *Huszár Tibor*. 1968. Praga — Budapest — Moszkva. Kádár János és a csehszlovákiai intervenció. Budapest, 1998. О. 253.

²⁶ Янош Кадар о «Пражской весне» // Коммунист. 1990. № 7. С. 102.

²⁷ Надо заметить, что сам факт участия Венгрии в интервенционистской акции был должным образом использован Кремлем в ее пропагандистском обеспечении, служил советским лидерам аргументом в их спорах с «еврокоммунистами». Так, принимая в ноябре

Советские лидеры при подготовке конкретного плана действий по смене власти в Чехословакии взяли за основу апробированный 12 годами ранее в Венгрии сценарий с приведением к власти сил, заявивших о своем разрыве с прежним правительством (как и в 1956 г., новое правительство хотели назвать Революционным рабоче-крестьянским). Были, однако, и принципиальные различия в тактике. Если в 1956 г. советская сторона предпочла осуществить акцию собственными силами, то в 1968 г., напротив, она стремилась ее интернационализировать, представив чехословацкий вопрос как общее дело всего советского лагеря и разделив с союзниками ответственность за принятые меры. Когда после провала первоначального плана (так называемые здоровые силы не смогли составить большинство в Президиуме ЦК КПЧ, заручиться поддержкой президента ЧССР Л. Свободы и овладеть ситуацией) в конце концов решено было поставить на словацкого политика Густава Гусака, также сработала ассоциация с польскими и венгерскими событиями 1956 г.: Гусак, подобно Кадару и Гомулке, тоже представлял в общественном мнении жертвой прежнего режима и вместе с тем казался в Кремле (и оказался!) человеком «надежным», способным к реализации продиктованной из Москвы программы нормализации.

Подводя итоги, следует подчеркнуть: в период чехословацкого кризиса 1968 г. опыт венгерских событий 1956 г. жил в исторической памяти едва ли не всех политических игроков, проявивших себя в условиях этого крупномасштабного международного кризиса. Воспринимался этот опыт однозначно негативно, всеобщим было стремление избежать повторения в Чехословакии венгерского сценария. При этом выводы делались разные. Одни хотели пресечь на корню любые реформы, ссылаясь на возможное развитие событий по венгерскому варианту. Для других венгерский опыт был предостережением к тому, чтобы не выпускать из рук руль управления во время далеко идущих реформ. Чешские и словацкие реформаторы 1968 г. не только очень хотели избежать кровавых эксцессов «будапештской осени», они последовательно стремились противопоставить такому сценарию медленное, поступательное и по возможности безболезненное движение к более свободной модели социализма.

1968 г. деятеля итальянской компартии Э. Берлингуэра и пытаясь доказать ему необходимость военного вмешательства, член Политбюро ЦК КПСС А.П. Кириленко ссылался на Кадара, который хорошо знает, что такое контрреволюция, и именно поэтому вместе с другими лидерами выступил за «пресечение опасного развития в Чехословакии». О том, что Кадар дольше других противился акции и внутренне так никогда и не признал ее политической целесообразности, речи, разумеется, не шло. Показательно, что главным мотивом, послужившим для принятия военного решения, Кириленко называл стремление не допустить повторения венгерских событий с многочисленными жертвами: «Мы спасли социализм в этой стране». Из записи переговоров с делегацией ИКП 13–14 ноября 1968 г. // Источник. 1994. № 5.

Э.Г. Задорожнюк
(Москва)

СПЕЦИФИКА ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В СЛОВАКИИ В ПОСЛЕАВГУСТОВСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1969–1979 гг.)

Современное политическое развитие, связанное с разрешением самых разнообразных конфликтов, уже с последней трети XX в. определяется повышенной динамичностью. Это является следствием резко возросшей активности количественно немногочисленных оппозиционных структур, порождающих массовые движения. История показывает, что их исходом часто может быть разрушение устоявшихся политических режимов или даже государств. Ситуация осложняется тем, что сами эти структуры зачастую относительно аморфны и даже не являются сугубо политическими, но практически всегда могут обеспечить резкую интенсификацию как раз политически ориентированных протестных движений, приводящих к указанным изменениям.

Едва ли не впервые это продемонстрировали оппозиционные движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в конце 1980-х гг., в том числе в Чехословакии; будучи достаточно слабыми, они смогли побудить, а затем и направлять протестные движения, завершившиеся сменой общественно-государственного строя. Апробированные в Чехословакии способы организации протестов как бы из ничего стали своеобразной матрицей, по которой уже в XXI в. были организованы «цветные» революции (в основном в странах СНГ) и революции в арабских странах. Такого рода движения прослеживаются и в развитых государствах (хотя там они принимают более диссипативный, разбросанный характер) — это, скажем, протесты против экономического кризиса в странах Европы, активность квазипартии пиратов в Германии и даже нарастание общественных протестов в США (например, движение «Оккупируй Уолл-стрит»).

Все это ставит и даже актуализирует задачу более пристального изучения становления и развития оппозиционных движений в странах Центральной и Юго-Восточной Европы — прообраза нового типа протестов против устоявшихся режимов¹. С историко-политической точки зрения это изучение должно опираться на широкую междисциплинарную базу и включать принципиально новые

¹ См.: *Задорожнюк Э.Г.* Современные политические трансформации: славянский мир как зачинатель ненасильственных революций и их нарративы // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов.* М., 2011. С. 7–17; *Она же.* Вацлав Гавел: провозвестник революций нового типа // *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету.* Вип. XXX. Запоріжжя, 2011. С. 281–287.

подходы, в том числе исследование таких концептов, как, например, реципрокность (или взаимовлияние)², нарратив (или повествование)³, бифуркация⁴ и др. Использование данных понятий в конкретном историческом исследовании необходимо для адекватного анализа современных исторических событий и политических реалий. Например, это касается выявления неких точек бифуркации, когда то или иное движение приобретает неожиданно взрывную мощь из-за, казалось бы, несущественных причин.

Одной из таких конфликтных точек можно считать крушение «режима нормализации» в Чехословакии под далеко не мощным напором антирежимных сил в ноябре 1989 г. Пристальное рассмотрение истории, и особенно предыстории «бархатной» революции в Чехословакии и «нежной» революции в словацкой части тогда еще единого государства, выявление предпосылок для образования подобных критических точек позволяет разобраться в механизмах нарастания и разрешения социальных конфликтов, важных и для нового, XXI в. В данной статье анализируется предыстория образования точки бифуркации в одной части чехословацкого государства — Словакии — в первое послевгустовское десятилетие.

В рамках противостоявших «режиму нормализации» течений можно выделить чехословацкий, чешский и словацкий компоненты, при этом до настоящего времени в историографии доминируют завышенные оценки второго — чешского — составного элемента⁵. Более глубокий и дифференцированный подход демонстрирует, что по ряду направлений словацкие протестные течения глубже выражали конфликты — и остаточные, и вновь рождавшиеся — в рамках единого чехословацкого движения, направленного против режима «нормализации». Охватившее общество недовольство, носившее в это время, как правило, латентный характер, и готовило будущие точки бифуркации.

В целом в Словакии — в отличие от Чехии — на первый план в 1969–1979 гг. вышла религиозная составляющая протестных течений⁶. Она сохраняла

² Данная проблематика разрабатывалась в рамках Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов» (2009–2011 гг.). Итоги научных исследований опубликованы в коллективном труде: Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / Под ред. К.В. Никифорова. М., 2011.

³ См.: *Задорожнюк Э.Г.* Революции с определениями: поступь истории или динамика нарративов // *Sacrum et Profanum*. Языковые, литературные и этнические взаимосвязи христианской культуры. М., 2012. С. 172–184.

⁴ Под бифуркацией обычно понимается появление нового качества движения некой системы при незначительном воздействии. Данный термин из естественных наук еще в последней трети прошлого века мигрировал и в науки социальные (в этом немалая заслуга бельгийского физико-химика, лауреата Нобелевской премии за 1977 г. И. Р. Пригожина, 1917–2003). Его основные идеи в данном направлении изложены в книге «Порядок из хаоса. Новый диалог с природой». М., 1986.

⁵ «Почти все организованные диссидентские группы, — пишет С. Рамет, — были по сути чешскими группами». См.: *Ramet S.* Social Currents in Eastern Europe. The Sorces and Meaning of the Great Transformation. Durham and London, 1991. P. 109.

⁶ Подробнее см.: *Kmet' N.* Slovenská opozícia za normalizácie // *Česká a slovenská spoločnosť v období normalizace*. Slovenská a česká spoločnosť v čase normalizácie. Bratislava, 2003.

преемственность с антикоммунистически ориентированным движением словацких католиков конца 1940–1950-х гг., но одновременно приобрела новые черты. Одной из важных конфликтных линий в Словакии с начала 1970-х гг. явилось противостояние структур «тайной» церкви и патронировавшегося государством Объединения католического духовенства Пацем ин Террис (ОКД-ПиТ). Эти структуры в чем-то отражали и происходившее на более высоком уровне противостояние «режима нормализации» и провакански настроенных кругов римско-католической церкви в Словакии. Более сильные позиции католической церкви в словацкой части чехословацкого государства послужили причиной концентрации здесь основного внимания на сфере соблюдения религиозных прав с соответствующим способом оппозиционного поведения. «В отличие от Чешских земель, — пишет Я. Цугра, — в Словакии удалось выстроить реально функциональную структуру независимой церковной жизни, покрывавшую, по сути, всю ее территорию. Сеть малых общин, координированных группой, объединившейся вокруг епископа Кореца⁷, авторитет которого практически не подвергался сомнению, позволяла осуществлять как оперативную передачу информации, так и работу общесловацкого религиозного самиздата а главное — подготовку проведения общесловацких религиозных акций»⁸. Можно утверждать, что в первые годы «режима нормализации» специфика протестных проявлений в Словакии сводилась к «повседневному сопротивлению», т. е. созданию горизонтальных форм коммуникации и организации — структур «тайной» церкви.

Указанное противостояние имело свою предысторию. Чехословацкое государство еще в 1949 г. создало лояльную структуру — Католическую акцию (КА), ориентировавшуюся на привлечение активных христианских мирян к делу социалистического строительства. Однако уже в 1950 г. движение распалось, после чего режим попытался сделать ставку на католических священников, создав Движение католического духовенства за мир — ДКДМ⁹. Все же либеральный тренд периода Пражской весны, затронувший значительную часть епископата, проявился, в частности, в его ориентации на ликвидацию лояльного государству

S. 185–207; *Marušiak J.* Nezávislé iniciatívy na Slovensku v rokoch normalizácie // November 1989 na Slovensku. Súvislosti, predpoklady a dôsledky / Eds. J. Pešek, S. Szomálnyi. Bratislava, 1999; Idem. Slovenská spoločnosť a normalizácia // Slovenská otázka dnes / Ed. L. Szigeti. Bratislava, 2007. S. 309–329; *Лондакова Э.* Дискуссии о «нежной» революции 1989 г. и словацкая культура // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 702–716.

⁷ Корец Ян Хризостом (1924–2005) — иезуит, словацкий кардинал; в 1951 г., в 27-летнем возрасте, тайно рукоположен в епископы на основе правомочий, которые предоставили папы епископам в странах восточного блока. В 1960 г. осужден на 12 лет за тайную епископскую деятельность, освобожден в 1968 г. при А. Дубчеке. В 1990–2005 гг. епископ Нитры.

⁸ *Cuhra J.* Nezávislé aktivity v Československu a Charta 77 — meze protnutí // Charta 77. Od obhajoby lidských práv k demokratické revoluci. 1977–1989. Praha, 2007. S. 102; Idem. Kam nás to vedete? Křesťané a počátky Charty 77 // Dějiny a současnost. Praha, 2007; и др.

⁹ Предшественниками ДКДМ помимо Католической акции являлись две другие прогосударственные структуры: Велеградский комитет католического духовенства (1950–1951) и Общегосударственный комитет за мир католического духовенства (1951–1966).

ДКДМ. Эти попытки увенчались успехом, когда под нараставшим прессингом в отставку ушла чешская часть его руководства. Словацкие же лидеры ДКДМ отказались последовать их примеру, аргументируя свой отказ намерением продолжать в Словакии миротворческую деятельность. Но 17 апреля 1968 г. в Братиславе состоялась общесловацкая конференция делегатов католического духовенства, монахов и большого количества мирян, поддержавшая новые веяния в католической церкви в контексте начавшейся в государстве либерализации¹⁰.

Вскоре создается Комитет действий католического духовенства во главе с пражским епископом Ф. Томашеком, а также принимается Программа его действий¹¹. Аргументируя необходимость создания нового движения католиков, Томашек, в частности, напомнил о политике чехословацкого государства в церковной сфере в 1950-х гг., о «скорби и страхе минувших лет». «Ведь все мы, — говорил католический иерарх, — несли груз тех лет: насмешки, унижения, клевету, запугивание, вытеснение из общественной жизни, травлю, интернирование, тюрьму... Мы, в первую очередь, дистанцируемся от тех, кто в течение долгих лет вмешивался в права епископов, стремился выступать от вашего [т. е. верующих. — Э.З.] имени и тем самым наносил гораздо больший вред церкви и государству, чем это может показаться на первый взгляд... Нас ждет огромная работа. Цель наша будет заключаться не только в возрождении всего того, что было у нас двадцать лет тому назад... До сих пор мы находились в изоляции, настало время сближения»¹². Этот призыв поддержали и словацкие католики: «Сейчас нашлись мужественные люди, которые заявили: прочь маски, долой экономическую, общественную и нравственную потемкиниаду. Народ в нашем отечестве не потерпит потемкинской политики»¹³.

Начавшаяся в эти дни подготовительная работа по созданию новой структуры — Дела соборного обновления (ДСО) — привела в мае 1968 г. к фактической ликвидации ДКДМ как прогосударственного католического движения¹⁴. Уже 13–14 мая 1968 г. в Велеграде прошел общегосударственный учредительный съезд ДСО, в котором приняли участие несколько тысяч человек и выступили почти все епископы; председателем был избран Ф. Томашек. Организаторы новой структуры — ДСО — планировали вверить руководство движением епископам и священникам, но массовую его базу должны были составить миряне. Движение ориентировалось на издательскую деятельность, организацию мероприятий религиозного характера, католического воспитания молодежи как в школах, так и вне школ и пр. Председателем словацкого ДСО стал трнавский епископ А. Лазик¹⁵.

¹⁰ Slovenský Národný Archív (далее — SNA). Bratislava. Fond Ministerstvo kultury Slovenské Socialistické Republiky (далее — F. MK SSR). Odbor pre veci cirkevné. Krab. Č. 86. L. 481.

¹¹ Ibid. L. 459.

¹² Ibid. L. 445.

¹³ Ibid. L. 446.

¹⁴ Cuhra J. Dílo koncilové obnovy v kontextu státně-církevní politiky pražského jara // Koncil a česká společnost / Eds. P. Fiala, J. Hanuš. Brno, 2000. S. 112–124.

¹⁵ Mikloško F. Nebudete ich môcť rozvrátiť. Z osudov katolíckej cirkvi na Slovensku v rokoch 1943–89. Bratislava, 1991. S. 122, 123.

Нужно особо отметить, что работа учредительного съезда ДСО широко освещалась в вышедшей в период Пражской весны из-под государственного контроля католической прессе. В материале, опубликованном в «Католической газете» («Katolícke noviny»), отмечалось, что в его работе принимают участие не только «всем знакомые фигуры». Особый интерес вызывали «новые неизвестные лица незнакомых нам доселе епископов, тайно рукоположенных в годы деформации и гнета и только сегодня выступающих публично, чтобы представить доказательства внутренней силы церкви, которая, несмотря на преследования, лишь приобретает, очищается и становится сильнее». Это «является наглядным свидетельством жизненности католической церкви, которую даже врата ада не могут победить. *Молчащая церковь выходит из катакомб* (курсив мой. — Э.З.), чтобы получить плату за страдания долгих лет...»¹⁶.

Словацкие епископы Лазик и Побожный, выступившие с посланием к верующим в дни учреждения ДСО, заявляли о необходимости «неустанно работать над тем, чтобы как церкви, так и всем ее структурам вернули все их права и возможности для развертывания соответствующей деятельности»¹⁷. В эти же дни состоялась встреча представителей ДСО со словацкими писателями и редакторами ряда словацких СМИ, на которой выражалась необходимость поддержки новой структуры со стороны писательского сообщества на страницах светских изданий. Даже материал, содержащий критический анализ послания словацких иерархов, звучал достаточно сдержанно: «Данное выступление словацких епископов можно считать в политическом отношении одним из важнейших, поскольку их не всегда реальные требования (занятие епископских престолов, переговоры со Святым престолом, новеллизация государственно-церковного законодательства в соответствии с церковным кодексом, восстановление в первоначальном виде различных сфер церковной деятельности и др.) поддерживаются авторитетом высших церковных иерархов в Словакии, что объективно является поводом для оказания политического давления на правительство»¹⁸.

Еще до 21 августа 1968 г. повышенная активность церкви вызывала настороженность даже у реформировавшейся власти. В начальный послеавгустовский период реальная угроза объединения светских и религиозных инакомыслящих не могла не встревожить и новые власти. Курс государства на решительное пресечение деятельности ДСО прослеживается по архивным документам Секретариата по делам церкви начиная с сентября 1968 г., в которых высказаны опасения и иного рода. Так, его руководитель в письме, направленном в Словацкий национальный совет 20 сентября 1968 г., негативно оценивал деятельность ДСО. В письме отмечаются факты нападков со стороны ДСО на тех представителей духовенства, которые в течение многих лет проявляли лояльность к чехословацкому государственному строю. «Параллельно они организовали разного рода акции давления, как, например, отстранение от деятельности некоторых ведущих представителей римско-католической церкви, увеличение ти-

¹⁶ SNA. Fond MK SSR. Odbor pre veci cirkevne. Krab. Č. 86. L. 464.

¹⁷ Ibid. L. 463.

¹⁸ Ibid. L. 466.

ража католической прессы и пр. Что касается членской базы новой организации, то ее возглавляют некоторые священники и миряне, в прошлом занимавшиеся политической деятельностью; это делается с целью ввести в Словакии политический католицизм. Следует обратить особое внимание на то, что определенная часть представителей Дела соборного обновления до 21 августа тесно контактировала с нашей политической эмиграцией, стремясь выполнять ее указания»¹⁹, — заключает автор письма.

Тем самым внедрение идей соборного обновления в целом предстало осенью 1968 г. не столь простым делом, как это казалось весной, причем не только в силу давления властей, но и потому, что чрезмерная радикализация позиций руководства церкви не всегда разделялась мирянами: им важно было молиться и отправлять религиозные обряды, не всегда ориентируясь на «огромную работу», к которой призывали Томашек и некоторые словацкие иерархи. В итоге после августа 1968 г. члены ДСО приняли решение о прекращении своей деятельности, хотя основным побуждением к этому были все же начинавшиеся преследования его активистов.

Подобного рода приливы и отливы религиозной жизни в Словакии, разумеется, не могли способствовать ее стабилизации — напротив, они еще в большей мере усиливали дифференциацию словацких католиков. Голоса недовольных продолжали звучать в первый послеавгустовский год, не ограничиваясь сферой религиозной жизни и приобретая порой гражданское звучание. «Мы хотели принять творческое участие в грандиозном и доселе невиданном эксперименте соединения социализма и гуманизма в социалистической демократии, внести свой вклад в построение нашего общества»²⁰ — такого рода мнения части католического и еще в большей мере протестантского духовенства звучали достаточно часто и довольно громко.

В исторической памяти словаков не угасали яркие воспоминания о Пражской весне с ее идеями «социализма с человеческим лицом», демократического социализма. Так, в сентябре 1969 г. «Католическая газета» опубликовала репрезентативную подборку материалов, в которых отразилось отношение верующих к идеям Пражской весны. «Мы хотим, — подчеркивалось в одном из них, — участвовать в строительстве не какого-нибудь социализма, а в построении социализма демократического, который будет поставлен на службу всем, а не только горстке избранных. Этот демократический социализм, соответствующий плюралистическому составу нашего общества, должен обеспечить в с е права в с е м гражданам (разрядка в оригинале. — Э.З.)»²¹. Тем самым голоса с требованиями гражданских прав, включая права религиозные, зазвучали достаточно настойчиво, являясь своеобразным эхом несбывшихся весенних надежд 1968 г.

Не менее показательны следующие высказывания верующих, поддерживавших идеи Пражской весны: «Однозначно: мы поддерживаем Дубчека не потому, что это дань моде, а потому, что в завершении его процесса возрождения мы видим и для себя возможность как граждан и как верующих развиваться и жить...

¹⁹ Ibid. Krab. Č. 58. L. 47.

²⁰ Ibid. Krab. Č. 86. L. 469.

²¹ Ibid. L. 450.

То, что завершилось у нас в эти дни, и все, что связано с именем Александра Дубчека, — это только первое действие»²².

И все же в 1969 г. стало преобладать крушение надежд не только на воплощение в жизнь идеалов демократического социализма, но и на обновление церковной жизни; более того, возникало ощущение неизбежности новых «катакомб». Не случайно поэтому уже начальный период нормализации вызывал у верующих чувство тревоги. «Мы ожидали, — с горечью констатировалось ими, — что вслед за устранением несправедливостей и деформаций из гражданской жизни точно так же они будут устранены и из жизни религиозной, где их было не меньше, чем в других сферах... А что произошло? До сих пор почти ничего не реализовано из предъявленных требований католической церкви в Словакии. Вместо того, чтобы устранять деформации, постепенно ликвидируются даже те незначительные завоевания, которые католики получили в ходе процесса возрождения... Вот почему мы задаем вопрос: кто заинтересован в том, чтобы католики, столь искренне протянувшие руки для сотрудничества, снова вернулись в положение молчащей церкви? (курсив мой. — Э.З.)»²³.

Такого рода суждения служили сигналом появления оппозиции в рамках церкви, не отказавшейся полностью от соборного обновления. Это оппозиционное властям направление в церкви должно было на долгое время определить как стратегию новых форм противостояния «режиму нормализации», так и тактику взаимодействия религиозной составляющей с другими формами протестных движений.

В чем же заключалась их специфика в Словакии по сравнению с чешской частью чехословацкого государства? Известно, что на начальном этапе «режима нормализации» в Чехословакии, в основном в Чехии (Прага) и Моравии (Брно), давала знать о себе инерционная сила идей Пражской весны, которыми руководствовались находившиеся в стадии формирования подпольные социалистические оппозиционные структуры — Социалистическое движение чехословацких граждан (СДЧГ) и Чехословацкое движение за демократический социализм (ЧДДС)²⁴. Подобного рода нелегальные социалистически ориентированные (по модели «социализма с человеческим лицом») движения по различным причинам не проявляли себя в Словакии, хотя в одной из листовок, распространенной 9 ноября 1971 г. в Чешско-Моравском регионе, в числе подписавшихся указаны не только чешская, но и словацкая структуры: «Движение гражданского сопротивления (чешская секция)» и «Движение гражданского сопротивления (словацкая секция)»²⁵. Тем не менее можно говорить о «точечной» поддержке идей Пражской весны на начальном этапе «режима нормализации», настойчивым и последовательным «проводником» которых в Словакии являлся опаль-

²² Ibid. L. 468.

²³ Ibid. L. 466.

²⁴ См.: Задорожнюк Э.Г. Социализм против социализма: феномен чехословацкой оппозиции после поражения Пражской весны. 1969–1972 гг. // 1968 — четырдесят година после. Сборник радова. Београд, 2008.

²⁵ Социалистическая оппозиция в Чехословакии. Подборка документов. 1973–1975 / Под ред. Я. Кавана, Я. Даниела. Пер. с англ. London, 1976. С. 331–334.

ный А. Дубчек. 24 октября 1974 г. он адресовал свое письмо ФС ЧССР и СНС с протестом против ограничения свободы личности, выступив в поддержку защиты прав человека в ЧССР²⁶.

Не менее важным является то, что в Словакии, отличавшейся и отличающейся традиционной религиозностью²⁷, вектор протестных течений стал устремляться в новом направлении. Следует заметить, что здесь римско-католическая церковь, воспользовавшись либеральными веяниями периода Пражской весны, значительно упрочила свои позиции, стремясь восстановить важнейший элемент словацкой идентичности — религию. Вот почему после крушения Пражской весны власти активно приступили к «нормализации» религиозной жизни в стране²⁸. С этой целью было решено воссоздать прогосударственное движение католической церкви в качестве союзника для реализации своей политики в данной сфере. Объединение католического духовенства Пацем ин Террис — ОКД ПиТ (Мир на Земле)²⁹ — так стало называться движение лояльных государству католических священников — организовалось в 1971 г. ОКД-ПиТ явилось не только преемником прогосударственного ДКДМ (1951–1968 гг.) с аналогичными задачами и функциями, но и должно было выступать в роли проводника политики «режима нормализации». Своеобразным свидетельством того, что это движение было «демократическим», явилось то, что ОКД-ПиТ получило название в память торжественной энциклики папы Иоанна XXIII (1958–1963), который в 1961 г. сформулировал в виде пожелания четыре относившихся к сфере прав человека требования: право на активное творческое участие трудящихся в общественной деятельности, собственность, долю в прибылях и в управлении производством. В 1963 г., в своей следующей социальной энциклике «Пацем ин Террис», Иоанн XXIII попытался соотнести уже существовавший светский каталог прав человека с христианским учением.

Новое движение конституировалось на учредительном съезде 31 августа 1971 г., который прошел одновременно в Праге и Братиславе; ОКД-ПиТ придавался федеральный статус, разделявший его на чешскую и словацкую части. На начальном этапе деятельности оно объединяло около 1/3 чешских и 1/4 словацких священников. Максимальный приток в ОКД-ПиТ зарегистрирован в 1973 г., когда в Чешских землях его членами стали 726 (37%)³⁰,

²⁶ Там же. С. 138, 139.

²⁷ По данным переписи населения, в современной Словакии в 2011 г. 62% населения относили себя к римско-католической церкви (в 2001 г. — 68,9%, в 1991 г. — 69,4%); к евангелической церкви аугсбургского вероисповедания соответственно 5,9% (6,9 и 6,2%); к грекокатолической — 3,8% (4,1 и 3,4%); к реформатской христианской церкви — 1,8% (2,0 и 1,6%); к православной — 0,9% (0,9 и 0,7%). См.: Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / Под. ред. Ю.С. Новопашина. М., 2003. С. 155; см. также: URL: <http://portal.statistics.sk/files/tab-14.pdf>.

²⁸ Подробнее см.: *Balík S., Hanuš J. Katolícká cirkev v Československu 1945–1989*. Brno, 2007.

²⁹ Подробнее см.: *Cuhra J. Nejen ze života cirkví: Vznik Sdružení katolíckých duchovných Pacem in terris // Historický obzor*. 1999. 10 (5 / 6). S. 128–131.

³⁰ SNA. F. MK SSR. Odbor pre veci cirkevné. Krab. Č. 86. L. 76.

в Словакии же — 350 католических священников, т. е. практически в два раза меньше. Остальные занимались традиционной церковной практикой либо же стремились по-своему трактовать способы установления мира на земле, а также организовывать религиозную жизнь в условиях нормализации.

Отношение церковной иерархии и части верующих к ОКД-ПиТ с самого начала было преимущественно негативным. Они выражали свое несогласие с правительственными планами уже в ходе организационных работ по его созданию. Восшествие на папский престол в 1978 г. Иоанна Павла II принципиально изменило положение ОКД-ПиТ: он изначально демонстрировал резко отрицательное к нему отношение, проигнорировав приветствие объединения по случаю своего избрания, а затем в ряде проповедей давая понять, что данная структура не имеет права на существование. Воодушевленные тем, что Святой престол стал проводить более жесткую политику, многие священники во главе с кардиналом Томашеком высказались за запрещение ОКД-ПиТ³¹. Все же основным его оппонентом стали не столько открыто протестовавшие высшие иерархи, сколько структуры «тайной» церкви.

Взяв уже в первый послеавгустовский период конфронтационный курс на подчинение своему контролю деятельности римско-католической церкви, государство издавало в этой связи различного рода инструкции, директивы и постановления. Так, еще 30 сентября 1970 г. Министерство внутренних дел ЧССР разработало новые «Директивы по выявлению враждебных лиц», к которым причислялись, в частности «реакционные представители и идеологи церковной иерархии, Дела соборного обновления, тайных орденов, сект и движения мирян». Тем самым вносились уточнения в определения категории лиц и структур, однозначно зачисленных в стан врагов правящего режима. Как можно заметить, в документе отсутствует термин «тайная» церковь, однако перечислявшиеся выделенные в нем в качестве запретных структуры как раз и являлись основными составными частями «тайной» церкви. Уже в следующем году в официальных документах стал фигурировать и этот термин, а также был признан (хотя и без достаточной четкости) факт ее противостояния ОКД-ПиТ.

Краткий экскурс в предысторию словацкой «тайной», или, как ее еще называли, «катакомбной»³² («молчащей», «скрытой», «немой» или «подпольной»), церкви позволяет понять глубинные мотивы оппозиционных настроений католиков в Словакии. После 1948 г. католическая церковь оставалась практически единственной и наиболее мощной силой в Словакии, способной противостоять коммунистам. По отношению к ней правящая КПЧ избрала такую же тактику, как и в отношении других «организаций». Епископов заключали в тюрьмы или изолировали, монастыри ликвидировались, священники и миряне подвергались

³¹ Подробнее см.: Šimulčík, J. Zápas o svedomie. Hľadovka študentov bohosloveckej fakulty v roku 1980. Prešov, 2001.

³² Слово «катакомбы» еще в 1915 г. использовал Н. Бердяев в качестве метафоры, обозначающей «настоящую глубину» (и в то же время высоту духа), противостоящую внешнему блеску. Он призывал к реформе не поверхностной, не к тому, чтобы больше стало религиозных слов в политике и в быту, а к реформе внутренней: «Лишь в катакомбах, лишь эзотерически подобные стремления осуществляются».

преследованиям и арестам³³. В 1949 г. появились законы, в соответствии с которыми священники должны были в обязательном порядке получать государственное разрешение на служение, причем для каждого прихода отдельно³⁴.

Католическая церковь отвечала на ликвидаторские меры режима утаиванием части своей пасторской деятельности, ранее осуществлявшейся публично. Это стало возможным благодаря расширенным полномочиям, которые Ватикан предоставил епископам в коммунистических странах. В 1951 г., после осуждения многих католических епископов, были тайно рукоположены первые 3 епископа, которые, в свою очередь, тайно рукополагали священников. Прерогатива государства тем самым игнорировалась, что неизбежно приводило к росту конфронтационности в отношениях между государством и церковью. Мужские и женские ордена пытались выжить и не принимали новых членов, но все же появлялись тайные монахи и монашенки, в основном доминиканцы и францисканцы. Отдельные тайные рукоположения проводились в тюрьмах. Так, епископ Я.Х. Корец, по свидетельству Миклошко, рукоположил нескольких священников в тюрьме в Валдице; рукоположения словацких священников происходили в Германии и Польше. Ватикан разрешил тайно рукополагать только монахов, но для Кореца и общины «Фатима», которая организовывала многие общесловацкие мероприятия, налаживала контакты между молодежью и тайными священниками, делались исключения.

Возвращаясь к первому послеавгустовскому периоду, следует отметить, что деятельность церкви снова втискивалась в рамки установленных «режимом нормализации» регламентов, а религия вынужденно перемещалась в частные дома, куда государству сложнее было вторгаться; происходило воссоздание церковных структур с сохранением оппозиционности уже на новом историческом витке³⁵.

³³ Чешский дипломат, политзаключенный и католический активист В. Вашко (1921–2009) в серии работ представил пронзительные свидетельства этой драматической истории. См., например: *Váško V. Neumlčená kronika katolíckej cirkve v Československu po druhej svetovej välece*. D. 1. Praha, 1990; D. 2. Praha, 1990; idem. *Dům na skále*. D. 1. Církev zkoušená. 1945–začátek 1950. Kostelní Vydří, 2004. D. 2. Církev bojující. 1950–květen, 1960. Kostelní Vydří, 2007. D. 3. Církev vězněná. 1950–1960. Kostelní Vydří, 2008 и др. См. также: *Kaplan K. Stát a církev v Československu v letech 1948–1953*. Brno, 1993; *Letz R. Prenasledovanie kresťanov na Slovensku v rokoch 1948–1989 // Zločiny komunizmu na Slovensku 1948–1989*. D. I. Prešov, 2001.

³⁴ Подробнее см.: *Čarnogurský J. Vážnili ich za vieru*. Bratislava, 1990; *Šimulčík J. Zápas o nádej. Z kroniky tajných kňazov. 1969–1989*. Prešov, 2000.

³⁵ Ф. Миклошко, давая определение «тайной» церкви, отмечал: «Небольшие группы людей украдкой собирались на квартирах, ездили вместе на отдых в горы и леса, чтобы говорить о вере и Боге. Нередко с ними были священники, рукоположенные тайно, или же те, кому власть не позволила по причине неблагонадежности работать в приходе, или же те, кто пока еще работал, но за такого рода встречи с паствой вне стен церкви мог лишиться возможности проповедовать с кафедры... К тайной церкви относилось все, за что грозили преследования: увольнение с работы, лишение пастырского разрешения, тюрьма. Это означает, что тайная церковь в строгом смысле слова была повсюду. Часто духовные упражнения украдкой проводились в приходских церквях, их проводили приходские священники, на нелегальные встречи тоже нередко приходили обычные приходские

Ведущие представители «тайной» церкви, по видимости, не разрешали ее активистам заниматься политической деятельностью, руководствуясь тезисом Я.Х. Корца: «У нас могут отнять все, но не малые общины»³⁶. По сути же, на мой взгляд, «малые общины» можно трактовать как зародыши «параллельных» структур в словацком обществе; они занимались тем, что позднее, в среде чешских диссидентов получило наименование «неполитической политики»³⁷. Действительно, уже в первой половине 1970-х гг. появились требования освобождения религиозных политзаключенных, отмены церковных законов, в самиздатах стала распространяться информация об арестах христиан в прошлом, наметился и сдвиг от сугубо религиозной тематики к критике существовавших отношений в государстве. Хотя критика эта отличалась умеренностью, значимость ее заключалась в гораздо большем количестве слушателей, а также в том, что она зачастую высказывалась публично. Анализируя такого рода активность, Я. Черногурский отмечал: «В ночных программах паломничеств “тайная” церковь перестает быть тайной и перед аппаратами и видеокамерами тайной полиции обращается к тысячам и десяткам тысяч паломников. Эта способность католической церкви выдержать давление режима, приспособить свои формы к меняющимся общественным условиям и укреплять свое влияние в обществе отличает ее от светских организаций, которые не выдерживали прессинга, прекращали свое существование либо же подчинялись режиму»³⁸.

Официальная церковь в Словакии разрабатывала свою стратегию отношений с государством, занимая выжидательную позицию и не вступая в явную с ним конфронтацию. «Тайная» же церковь имела за собой мощный тыл верующих, хотя ее представители отказывались от термина «гражданская инициатива». Они утверждали, что являются объединением верующих, которое добивается соблюдения религиозных прав граждан и не стремится заниматься политической деятельностью. «Однако, как оказалось, режим все же причислил их к гражданским инициативам и реагировал на них столь же оперативно, как и на какую-либо другую оппозиционную деятельность. Он не принял ограниченности их сферы деятельности исключительно борьбой за религиозные свободы, за назначения на епископские престолы и др.»³⁹, — подчеркивал М. Кусы.

священники. Все эти слои пересекались, и в этом была огромная сила тайной церкви в Словакии». См.: *Миклошко Ф.* Это чудо, что мы еще живы. Интервью Е. Глушко 6 августа 2010 г. URL: <http://sibcatholic.ru/2010/08/06/frantisek-mikloshko-eto-chudo-chtomy-eshhe-zhivy>. См. также: *Mikloško F.* Nebudete ich môct' rozvrátiť. Z osudov katolíckej cirkvi na Slovensku v rokoch 1943–89. Bratislava, 1991.

³⁶ *Миклошко Ф.* Указ. соч.

³⁷ Подробнее см.: *Задорожнюк Э.Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. Август 1968 г. — ноябрь 1989 г. М., 2008.; *Она же.* Хартия 77 и концепция «параллельного общества» в Чехословакии // Новая и новейшая история. М., 2008. № 5. С. 84–98; *Она же.* Диссидентское движение в Чехословакии: ключевая идея и формы реализации // *Środkowoeuropejskie studia polityczne.* Poznań, 2010. № 3. С. 23–42.

³⁸ *Čarnogurský J.* Videné od Dunaja. Výber z prejavov, článkov a rozhovorov. Bratislava, 1997. S. 93.

³⁹ *Záznam panelové diskuse na téma «Hnutí za lidská a občanská práva v zemích sovětského bloku a pád komunismu» // Charta 77: Od obhajoby lidských práv k demokratické revoluci.*

Повышенное внимание ко всем составляющим сферам деятельности «тайной» церкви государство начало проявлять с самого начала 1970-х гг. Ситуация прессинга со стороны «режима нормализации» фиксировалась разветвленной сетью государственных надзорных органов, в том числе созданных на местах — отделах культуры при местных органах власти — районных и краевых национальных комитетах. Они составляли регулярные отчеты о ситуации в районах и краях, которые поступали затем в Секретариат правительства ССР по делам церкви при Министерстве культуры Словакии.

Происходившие в рассматриваемый период в Словакии события отражены в архивных документах, свидетельствующих о планомерном сужении сферы активности католиков под давлением «режима нормализации». Так, в архиве Секретариата правительства ССР по делам церкви при Министерстве культуры Словакии хранится корпус такого рода документов регионального характера. В «Отчете о положении в церковной сфере в Восточнословацком крае» от 20 апреля 1971 г. констатируется существенное упрочение в Восточной Словакии в предшествующий период позиций церкви, в первую очередь римско-католической. Она воспользовалась тем, что внимание государственных и партийных органов после крушения Пражской весны вынужденно концентрировалось на решении других проблем⁴⁰. Ситуация складывалась таким образом, что данная активность стала выходить из-под идеологического контроля властей края, чего, по их убеждению, «категорически нельзя допускать»⁴¹.

Римско-католическое духовенство, как подчеркивалось в документе, «учитывает, что за ним идут массы верующих, и полагает, что кризис в нашем обществе будет продолжаться. С этим связано его стремление привлечь тех граждан, которые из-за своей деятельности в 1968–1969 гг. были ущемлены политически, в частности тех, кого исключили из компартии. Более того, духовенством распространяется лозунг: “И коммунист может быть хорошим католиком”. Римско-католическая церковь основывается на предположении, что жесткий курс государственных органов в церковно-политической сфере будет носить временный характер и что в дальнейшем более либеральный подход к религии неизбежен». Для предотвращения подобного рода неблагоприятного для «режима нормализации» хода событий в документе ставилась цель интенсификации процесса дифференциации в церкви с ориентацией на поддержку прогосударственных католических структур⁴².

В словацкой историографии в деятельности «тайной» церкви выделяется ряд направлений: малые общины; самиздат; распространение запрещенной литературы; солидарность с заключенными; организация религиозных паломничеств и подписных акций; проведение манифестаций с требованиями соблюдения

1977–1989. Sborník z konference k 30. výročí Charty 77 / Eds. M. Devátá, J. Suk, O. Tůma. Praha, 2007. S. 381.

⁴⁰ SNA. F. MK SSR. Odbor pro věci cirkevné. Východoslovenský krajský Národný výbor v Košiciach- odbor kultury — Správa o situácii na úseku cirkvi ve Východoslovenskem kraji. Správy z KNV rok 1971. Krab. Č. 7. L. 4–5.

⁴¹ Ibid. L. 4.

⁴² Ibid. L. 5.

своих прав; передача информации через западное радиовещание⁴³. К середине 1970-х гг. малые общины объединяли детей, молодежь, семьи и священников; их встречи проходили с участием 7–12 человек с недельным или двухнедельным интервалом. «Если отвлечься, — пишет Шимульчик, — от религиозного содержания малых общин, можно сказать, что это были встречи людей, которые, даже вопреки господствовавшему в обществе страху, нашли в себе мужество регулярно встречаться и обмениваться взглядами на действительность, в которой они жили. Именно эти встречи формировали пространство свободы, солидарности и доверия. Они создавали реальные, хотя и небольшие по масштабам, островки свободы»⁴⁴. Тем самым отдельные представители словацкого общества сознавали, что они не одиноки в борьбе за свои права, благодаря постепенно налаживавшимся между малыми общинами связям.

Количество охваченных малыми общинами верующих, по словам Шимульчика, в течение всего послеавгустовского двадцатилетия не превышало нескольких десятков тысяч. Может быть, в отношении к общей численности населения это немного, но в период «режима нормализации», когда любая общественная активность жестко контролировалась центром, а малейшее отклонение наказывалось, можно говорить о происходившем в обществе значимом и важном внутреннем процессе⁴⁵. Для потребностей малых общин возникал и самиздат, начинавшийся с переписывания книг и рукописей религиозного характера. Первый самиздатовский журнал в Словакии «Ориентация» («Orientácia») тиражом 20 экземпляров готовили для себя священники Спишского епископства уже с 1973 г. В нем публиковались в первую очередь тексты богословской и философской направленности, принадлежавшие как отечественным, так и зарубежным авторам⁴⁶.

Попытки организовать религиозную оппозицию привлекли внимание руководства как католической церкви, так и «режима нормализации». Как уже отмечалось, внимание последнего к «тайной» церкви обозначилось уже с начала 1970-х гг., а с середины десятилетия стало особо заметным. Так, в одном из материалов Секретариата по делам церкви в Словакии, посвященном анализу отношений Чехословакии и Ватикана, отмечалось: «В восточной церковной политике Ватикана относительно ЧССР можно выделить несколько целей: Ватикан по-своему хочет рассчитаться за период борьбы против церкви с народно-демократическим государством и с последствиями, вытекающими из этой борьбы. Создание тайной церковной структуры в пятидесятые годы в ЧССР и рукоположение тайных епископов Ватикан хотел бы вменить в вину тогдашней государственной цер-

⁴³ Šimulčík J. Katolícka cirkev a nežná revolúcia 1989. Bratislava, 1999. S. 8.

⁴⁴ Ibid. S. 9.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Миклошко Ф. Указ. соч. К середине 1980-х гг. в Словакии в самиздате выходили более двадцати периодических католических изданий. Подробнее см.: Šimulčík J. Svetlo z podzemia. Z kroniky katolíckeho samizdatu. 1968–1989. Prešov, 1997; Lesňák R. Listy z podzemia. Kresťanské samizdaty 1945–1989. Bratislava, 1998; Pešek J., Barnovský M. Pod kuratelou moci. Cirkvi na Slovensku v rokoch 1953–1970. Bratislava, 1999; Šimulčík J. Katolícka cirkev a nežná revolúcia... S. 9.

ковной политике Чехословакии... Ватикан якобы вынужденно — чтобы церковь могла существовать — создал тайную церковь. Сегодня признается, что существование двух церковных структур — публичной и нелегальной — в настоящее время ненормально, но это положение не меняется-де потому, что церковь в Чехословакии еще и в нынешние времена не живет в нормальной ситуации. Следовательно, устранение этой неадекватной ситуации является, по представлениям Ватикана, делом ЧССР»⁴⁷.

ЧССР продолжала по-своему решать сложившуюся в стране ситуацию, следуя провозглашенным «режимом нормализации» принципам. В «Информации о торжественном заседании регионального объединения Христианской конференции за мир и Объединения католического духовенства Пацем ин Террис, посвященном 60-летию возникновения чехословацкого государства и 10-й годовщине создания чехословацкой федерации», от 13 ноября 1978 г. курс на устранение «ненормальной ситуации» выражался с чрезмерной рельефностью. «Заседание показало, — подчеркивалось в информации, — что платформа Пацем ин Террис позволяет реализовать указанные интересы с необходимым политическим эффектом»⁴⁸. Однако на нем прозвучали и иные мнения, в частности трнавского епископа Ю. Габриша, который не ограничился одними официальными поздравлениями. «Если первая часть его выступления, — подчеркивалось в информации, — носила объективный исторический характер, то вторая была на грани приемлемости и выражала ожидание, что чех[ословацкое] государство на следующем этапе — после избрания кардинала Войтылы папой — сделает намного больше для ликвидации препятствий, не позволяющих церкви развернуть в полном объеме свою деятельность»⁴⁹. Выступление Ю. Габриша, ближайшего сподвижника Я.Х. Кореца, фиксирует несовпадение позиций части католической иерархии с ориентацией прогосударственного ОКД-ПиТ. Его можно назвать в чем-то модульным для последующих 1980-х гг., поскольку по нему в дальнейшем выстраивались и другие заявления нелояльного по отношению к государству духовенства.

Реакция властей на эти и другие подобного рода заявления зафиксирована, в частности, и в протоколе рабочего совещания Секретариата по делам церкви с представителями Краевых национальных комитетов Словакии. Документ датирован 7 ноября 1978 г. и отражает озабоченность «режима нормализации» ситуацией в ряде словацких регионов. В ряду планировавшихся на 1979 г. перед местными органами власти задач предполагалось «концентрировать внимание на деятельности тайной церкви (курсив мой. — Э.З.), больше внимания уделять среднему звену иерархии (капитульные и генеральные викарии)»⁵⁰.

Ставившиеся перед местными органами власти задачи в сфере церковной политики, судя по архивным документам, власти считали крайне необходимыми, тем более что из ряда словацких областей продолжали поступать сведения, подтверждавшие их обоснованность. Так, на заседании руководства ОКД-ПиТ

⁴⁷ SNA. F. MK SSR. Odbor pro věci církevné. Krab. Č. 98. L. 269. Документ не датирован, судя по содержанию, он относится к середине 1970-х гг.

⁴⁸ Ibid. Krab. Č. 56. L. 2.

⁴⁹ Ibid. L. 3–4.

⁵⁰ Ibid. Krab. Č. 1. L. 16–17.

в Долном Смоковце 15 января 1979 г. в процессе обсуждения отчета о деятельности ОКД ПиТ в Среднесловацком крае в 1978 г. поднимался вопрос о «влиянии так называемой тайной церкви, которая снабжает [верующих] инструкциями негативного характера»⁵¹.

К концу 1970-х гг. противостояние ОКД ПиТ и «тайной» церкви стало важным фактором, определявшим векторы оппозиционного движения в Словакии в целом⁵². В чешской части государства столь же значимым фактором выступала активность диссидентской Хартии 77, выжившей после суда над ее лидерами в конце сентября 1979 г. При этом и структуры «тайной» церкви в Словакии, и хартисты в Чехии подтвердили свой отказ от политики. Если первые ориентировали свою деятельность на обеспечение прав верующих, то вторые — прав человека при общей опоре на складывавшиеся структуры «параллельного общества» и концепт «неполитической политики».

В чем заключается важное отличие в соприкосновении чешской и словацкой оппозиции с «режимом нормализации»? Так, Я. Чарногурский полагал, что в появлении Хартии 77 важнейшую роль сыграла духовная среда, которая в Чехии как минимум с 1968 г. создавалась благодаря нескольким сотням интеллектуалов; в Словакии же их не существовало в таком количестве. Спротивление против любой диктатуры использует силы, которые объединяют все общество и соответствующий им дискурс, который в Словакии оказался религиозным. «Стечение исторических и других обстоятельств привели к тому, что в Словакии в качестве обрамления сопротивления против коммунизма явилась религия, главным образом римско-католическая, но, конечно же, и евангелическая, и грекокатолическая церкви...»⁵³ — заключает он.

М. Кусы подчеркивал, что и Хартия 77 не игнорировала верующих, ставя акцент и на требованиях религиозной свободы. «Почему же она, — спрашивает он, — в этом случае не стала столь популярной в Словакии, где подобного рода требования являлись особенно чувствительными? Наверное, потому, что религиозная проблематика в Словакии обрела своего арбитра, который занимался ею еще задолго до Хартии. Это так называемая тайная церковь. Хартия в этом плане не привносила для словацких верующих ничего кардинально нового. Тайная церковь, базируясь на своем предшествовавшем многолетнем опыте, действовала по-иному, чем Хартия. Она не шла на конфронтацию с режимом, избрав, скорее, деятельность в целях “мирного прогресса в рамках закона”. Она отказывалась брать на себя роль гражданско-политического диссидентства и стремилась представлять лишь позицию верующих...»⁵⁴

⁵¹ Ibid. Krab. Č. 56. Zápisknica zasadnutia prezídia ÚV ZKD PiT. 15.1.1979.

⁵² Количество словацких подписантов Хартии 77, включая словаков, проживавших в чешской части государства, составляло 36 человек, т. е. примерно одну пятидесятую часть всех подписавших документ. Из 45 спикеров только четверо родились в Словакии, но собственно словаком можно назвать лишь М. Легкого, родившегося в Брно, остальные три проживали и работали в Чехии. См.: Задорожнюк Э.Г. Хартия 77: уроки тридцатилетней истории // Свободная мысль. М., 2008. № 2.

⁵³ Prečan V. Charta 77 na Slovensku aneb Slovensko a Charta 77 // Česko-slovenská historická ročenka. Brno-Bratislava, 2007. S. 290.

⁵⁴ Ibid. S. 284.

Причины несовпадения векторов словацкого и чешского протестных течений объяснял и Ф. Миклошко — помощник епископа Кореца, близкий к нарождавшемуся в Чехии диссидентству. «В 1970-е годы, — утверждал он, — мы были изолированы друг от друга. Чехи, которые были в центре “Хартии”, нас даже не знали. Только позднее они начали узнавать наши имена, мы долго жили в своеобразной анонимности. Это был принцип в Словакии, и Корец, и Юкл, и Сильво Крчмери защищали тезис, что мы не можем идти в политику. У Яно Чарногурского была эта привилегия, но из-за этого его держали немного в стороне от нас»⁵⁵. Все же, как представляется, с течением времени стало в большей степени проявляться сходство, а не различия «тайной» церкви в Словакии и диссидентской Хартии 77.

Нужно со всей определенностью отметить, что опыт создания на последующих этапах антинормализационного движения и других ячеек параллельного общества в Чехословакии во многом выстраивался по образцам функционирования словацких малых общин. Комментируя тезис Кореца: «У нас могут отнять все, но не малые общины», Миклошко отмечал: «Это был принцип. Число малых общин должно расти. Можно отнять самиздат, можно схватить и посадить [в тюрьмы] редакцию журнала, но малые общины ликвидировать нельзя». Не менее значимо в этой связи и свидетельство В. Бенды, который, касаясь протестных течений в Чехословакии, написал удивительные слова о том, что Словакия указала Чехии следующий путь: «Идти на площадь, идти на улицы, и без насилия. Нежная революция рождалась и в этом ненасильственном, по образцу Ганди, протесте братиславской демонстрации. Тогда впервые стала ясна сила прямой нравственной конфронтации»⁵⁶.

Тем самым базу для формирования в Словакии контуров будущего гражданского общества в целом создавали неформальные и достаточно массовые движения, в первую очередь — религиозные. Они послужили зародышами и новых политических партий, и гражданских инициатив, преобразивших после «нежной» революции словацкий политический ландшафт до неузнаваемости. Одна из заявленных ими целей — обновление церковной жизни, трактовавшееся как возвращение к истокам подлинного христианства — была озвучена еще весной 1968 г., причем озвучена явно. В дальнейшем миссию такого обновления в условиях «режима нормализации» приходилось осуществлять тайно, но от этого не менее продуктивно.

* * *

В целом можно утверждать, что первое послеавгустовское десятилетие (1969–1979 гг.) в истории Словакии ознаменовалось формированием протестного течения, на ведущие позиции в котором выходила религиозная составляющая. Структуры «тайной» церкви, являясь по сути «параллельным полисом», параллельными ячейками официальных и лояльных государству церковных

⁵⁵ Миклошко Ф. Указ. соч.

⁵⁶ Там же.

структур, становились матрицей, по образцам которой впоследствии во многом выстраивалась и деятельность Хартии 77. Важно и то, что 1978–1979 гг. явились временем установления контактов между этими движениями. Требование религиозной свободы при этом считалось общим, но — и это следует подчеркнуть особо — ему придавалось все в большей мере политическое звучание, которое в полной мере проявилось уже в следующем десятилетии (1979–1989 гг.) истории протестных течений в Словакии.

*Н.В. Коровицына
(Москва)*

СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВАКИИ ПОСЛЕ 1989 г.

В конце 1980-х гг. в Центральной и Юго-Восточной Европе началась общественная трансформация. Революционные преобразования, последовавшие за событиями 1989 г., привели к экономическому и политическому кризису, повлекшему за собой глубокие сдвиги в социальной структуре обществ восточно-европейского типа. В Словакии, которая стала самостоятельным государством в 1993 г., возникла социальная структура, принципиально отличная от существовавшей до 1989 г. Системная трансформация словацкого общества вызвала процесс его рестратификации, в результате которого появилось новое социальное деление, подобное по своим основным элементам, их характеристикам и отношениям к системам социальной стратификации западных государств. В Словацкой Республике можно наблюдать все больше признаков новой дифференциации до 1989 г. социально-экономически относительно гомогенного (дестратифицированного) общества. Можно говорить о формировании значительных различий в доходах, имуществе и уровне жизни индивидов, целых групп и категорий населения, о возникновении политико-экономических элит, закрытых по отношению к остальному населению, и, с другой стороны, о возникновении многочисленного низшего общественного класса, состоящего из людей, живущих за счет поддержки государства и благотворительности.

Детерминантой процесса социальной дифференциации словацкого общества и создания новых социальных слоев или классов, как и всей новой системы стратификации, были перемены политической и экономической системы общества после 1989 г. Главными факторами, обусловившими создание новой системы стратификации и новых общественных классов, стали смена коммунистического политического режима на демократический, замена государственной планово-командной экономики рыночной, восстановление частной собственности, либерализация рынка труда и реформа системы социальной политики государства. В рамках этих перемен важнейшую роль сыграли: большая и малая приватизации, реституция, внедрение иностранных фирм в словацкую экономику, быстрое развитие и подъем некоторых отраслей сектора услуг, угасание многих отраслей промышленности и сельского хозяйства, развитие частного предпринимательства, либерализация цен и оплаты труда, теневая экономика, возникновение и нарастание безработицы, девальвация валюты, инфляция и другие последствия макроэкономического развития.

Эти и другие явления и процессы (реформа системы образования, трудовая миграция за границу, финансово-экономический кризис и т. п.), которые принесла трансформация словацкого общества, вызвали создание или восстановление некоторых (в течение четырех десятилетий в Словакии практически не существовавших) общественно-экономических категорий, как например, предприниматели и крупные предприниматели, безработные и бездомные. Процессы перемен привели к возникновению новых социально-экономических различий и неравенств между людьми и их разделению на новообразованные общественные классы, которые сами после 1989 г. тоже стали детерминантами процессов дифференциации словацкого общества.

С точки зрения изменения системы социальной стратификации в Словакии в течение прошедших двадцати лет важнейшим фактором является трансформация экономической сферы, основой которой стал переход к иным формам собственности, свободному рынку товаров, труда и услуг. Решающее положение заняла частная собственность. Экономическую трансформацию сопровождало изменение отраслевой структуры экономики — некоторые отрасли утратили решающее положение и значение, их заменили другие. Одновременно с трансформацией и переструктурированием экономики принципиально другим стал и рынок труда: спрос на количество и тип работников, позиции в системе занятости, финансовая оценка занятия и профессии и т. п. Преобразование экономики с централизованного планирования на рыночные основы привело к тому, что ранее значительно гомогенизированное по доходам словацкое общество пережило процесс глубокой социальной дифференциации.

Первым значительным результатом экономических перемен было возникновение безработицы, которая выдвинула, в частности, вопрос социального статуса безработных и остальных неработающих. Практически пятая часть всего общества оказалась маргинализированной, что угрожает единству социальной структуры общества и эффективности социального диалога, сплоченности всех частей общества. Речь не идет лишь о переходной проблеме трансформационного периода, а об одном из проявлений глубокого структурного изменения, которое продолжается несколько десятилетий. Возможности политики занятости ограничивает характерная для Словакии низкая численность рабочих мест и преобладание низкоквалифицированного труда. Количество рабочих мест не удовлетворяет спрос на них и вынуждает людей ориентироваться на индивидуальные стратегии, нередко выходящие за границы легальности. Люди используют теневой рынок труда в стране и в соседних странах либо живут исключительно на социальное пособие. На дне социальной иерархии оказались домохозяйства с низким социально-экономическим положением, которые в 2001 г. составляли 62,4 % всех домохозяйств¹.

Усиление социальной дифференциации будет стимулировать требования к качеству и стилю жизни низших и средних слоев. Масштабы и темп этого процесса сейчас трудно предвидеть, поскольку он будет зависеть не только от эко-

¹ *Vašečka I. Sociálna stratifikácia a súdržnosť spoločnosti // Slovensko 2002. Súhrnná správa o stave spoločnosti II. Bratislava, 2002. S. 219.*

номического роста страны, но и от политических решений. Прежде всего от мер, направленных на действенность принципа распределения по заслугам и социальной справедливости.

После 1989 г. словацкое общество приняло увеличение социальных различий при условии, что обновится принцип социальной справедливости, который тесно связан с принципом оценки по заслугам и с принципом адекватной квалификации выполняемого труда. Однако вскоре обнаружили первые случаи крупных диспропорций в доходах, имуществе и положении, которые не находились, согласно общественному мнению, в соответствии с названными принципами. Эти принципы были нарушены двояко: со стороны высшего и низшего социальных слоев.

Со стороны высших слоев принцип оценки по заслугам нарушался с начала системных перемен, но в массовом порядке — после принятия концепции формирования «словацкого капиталосозидающего слоя» («slovenska kapitáltvorná vrstva»). С его созданием связаны политические скандалы, подозрения в коррупции и нарушения нравственных основ общественной жизни. Возникающий класс богачей не обладал высокой квалификацией или культурностью, а некоторые из его представителей не имели способностей распорядиться доверенным имуществом. Богатые и успешные освобождали себя от «этоса служения» и ответственности по отношению ко всему обществу.

Принцип оценки по заслугам нарушался и «снизу» в результате отсутствия интереса политической элиты к процессам возникновения массовой крайней бедности, прежде всего среди цыганского населения. Общественный кризис обострил существующую проблему цыганского населения Словакии. Цыгане в начале 1990-х гг. больше всего пострадали от первых мероприятий экономической трансформации, их социальный упадок имел системные причины. В первой половине 1990-х гг. безработица среди цыганского населения стала долгосрочной и массовой, приближаясь к стопроцентному уровню. В положение социально исключенных попали многие цыганские семьи, которым перед 1989 г. удалось выбраться из безнадежной ситуации.

Как принято считать в СР, о развитии социальной структуры словацкого общества с 90-х гг. XX в. до наших дней имеется недостаточная информация. Не хватает пока комплексного социологического анализа развития и современного состояния социальной дифференциации словацкого общества, который идентифицировал бы главные перемены в системе стратификации в ходе ее трансформации и в посттрансформационный период.

Симптоматично также, что до сих пор осуществленные социологические исследования социальной стратификации и мобильности проектировали, финансировали и осуществляли главным образом иностранные социологи и социологические центры. Лишь отдельные словацкие социологи и экономисты (Я. Бунчак, В. Гармадиова, И. Вашечка, Я. Сопоци, Р. Джамбазович, Б. Бузик) посвятили свои исследования анализу социально-классового положения населения СР и системы стратификации общества.

На основе данных репрезентативных исследований 1984 и 1993 гг., которые проводил Институт социологии АН ЧР в Праге, обнаруживаются некоторые

тенденции динамики социального статуса населения Словакии, когда она еще находилась в общем с Чехией государстве².

В 1980-х — начале 1990-х гг. социальное деление в Словакии складывалось вдоль двух взаимно независимых осей — оси культурного статуса (образовательно-профессиональное измерение и способ проведения свободного времени) и оси материального статуса (положение в управлении и величина трудовых доходов). До 1993 г. на обеих осях усиливалась тенденция к созданию сильного среднего слоя. Тенденция постепенного усиления среднего слоя продолжалась и впоследствии, но она не проявлялась сбалансированно в обоих статусах — в культурном измерении речь шла о нарастании более чем на 10% (с 33,6% в 1984 г. до 44,1% в 1993 г.); в материальном измерении лишь на 5,7% (с 22% в 1984 г. до 27,7% в 1993 г.).

Различная представленность среднего слоя в обоих статусах свидетельствует о неконсистентности (несоответствии) положения среднего слоя в Словакии — в 1984 г. он был больше в количественном отношении представлен на оси культурного статуса, и до 1993 г. это различие еще больше возросло. То есть очень многие из тех, кто обладал амбициями принадлежности к среднему слою по показателям квалификации и стиля жизни, не нашли условий реализации своих амбиций (не обрели соответствующего положения в деятельности и в управлении, а также адекватного дохода от своего труда). Неконсистентность особенно касалась специалистов, работающих в бюджетных организациях, в которых, как правило, их квалификация не находилась в соответствии с их трудовыми доходами. Это относилось главным образом к учителям, научным сотрудникам, работникам здравоохранения, культуры, социальных служб и т. п. Доходы этих групп служащих в относительном выражении не изменились. Существовали обратные случаи, прежде всего среди мелких предпринимателей, — низший уровень квалификации и стиля жизни при высшем уровне доходов и имущества. Проблема неконсистентности статуса большей части среднего слоя остра как для старших, уже находящихся на пороге выхода на пенсию, так и для молодежи, нуждающейся в материальной стабилизации на уровне своего культурного статуса.

На материальный статус, выраженный в величине трудового дохода, влияет не только отрасль, в которой человек работает. Данные микропереписи 1997 г. свидетельствуют о влиянии образования и демографических факторов. Действует принцип, согласно которому с ростом образования повышается трудовой доход. Однако этот принцип не абсолютен, и объем «исключений» подтверждает неконсистентность положения среднего слоя в Словакии. Из домохозяйств, во главе которых лица с высшим образованием, у 26,2% средний доход на душу находится на уровне жизненного минимума. Аналогично при полном среднем общем и полном среднем профессиональном образовании: 42,8 и 42,9% семей. Это обстоятельство в значительной мере связано с количеством экономически активных членов домохозяйств. Иными словами: чем больше детей в семье, тем

² *Tuček M. Zpráva o vývoji sociální struktury české a slovenské společnosti 1945–1993. Praha, 1996. S. 43–45.*

ниже средний доход. Семей с пятью и более детей с доходами выше среднего на душу вообще не существует.

Отраслевая принадлежность, число детей и возраст влияли на положение человека в обществе до 1989 г. и продолжают влиять сейчас, хотя степень этого влияния детально не изучена³.

В 2002 г. проводилось сравнение оснащенности домохозяйств представителей высшего и низшего социоэкономического классов. Полученные данные демонстрируют относительно небольшую социальную удаленность классов в СР.

Незначительные различия существуют в позициях, которые можно считать материальным стандартом в Словакии: утюг, пылесос и телевизор, — они есть практически в каждом домохозяйстве. Велосипедом, радио и швейной машинкой владеют в определенной степени представители высшего и низшего классов — эти виды собственности, очевидно, связаны не с социальной дифференциацией, а скорее с функцией этих предметов (исследование не учитывало их качество). Предметами, владение которыми служит символом принадлежности к высшим классам, как ранее считалось, являются фотоаппарат, личная автомашина, микроволновая печь, в определенной степени электрическая кофеварка, холодильник, автоматическая стиральная машина. Принадлежность скорее к низшим классам символизировало владение садом и «классической» стиральной машиной. Сейчас «символами» высших классов владеет около 40 % домохозяйств самого низшего социоэкономического класса.

В 1990-х гг. ситуация низших социальных слоев улучшилась в отношении предметов длительного потребления, которые ныне можно считать стандартной составной частью оснащенности семей. Как показали данные, между оснащенностью домохозяйств наивысшего и низшего классов не существует больших различий, но они начинают расти. Рост дифференциации является результатом снижения стандартных потребительских возможностей домохозяйств низшего социального положения и стагнации возможностей домохозяйств высшего положения. По существующим оценкам словацких социологов, это служит источником представления, распространенного среди 70 % опрошенных, что «при коммунизме жилось лучше»⁴. Сохранение ситуации, когда материальное обеспечение значительной части среднего слоя лишь минимально отличается от низших слоев, в перспективе помешает средним слоям взять на себя роль гаранта в системе социальной солидарности и стабилизатора в политической системе.

При поиске ответов на вопросы, как изменилась система социальной стратификации, число каких социальных групп выросло, а каких уменьшилось, изменилась ли взаимозависимость половой принадлежности и социального положения, а также различается ли сознание, ценности, установки, поведение и стиль жизни представителей этих групп, являются ли они потенциальными социальными классами со специфическими характеристиками и чертами, формирующими классовую идентичность, словацкие авторы опираются на данные социологических исследований социальной стратификации, осуществленных

³ Vašečka I. Sociálna stratifikácia a súdržnosť spoločnosti... S. 221.

⁴ Krajina v pohybe. Správa o politických názoroch a hodnotách ľuďi na Slovensku. Bratislava, 2001. S. 22.

в Словакии в 1993–2010 гг. Это «Социальная стратификация в Восточной Европе после 1989 г.» (4953 респондентов), ISSP (International Social Survey Programme) «Социальные неравенства 2001» (1082 респондентов), ISSP в Словакии 2006–2008 гг. (1138 респондентов), ISSP Словакия 2009–2010 гг. (1159 респондентов).

Отдельные слои или классы идентифицировались, как правило, на основе использования классовой схемы EGP (по именам авторов: Эриксон, Голдтроп, Портокареро) или иерархической модели социальной стратификации, основу которой составляли категории занятости или дохода⁵. При классификации занятости словацкие авторы используют также международный индекс социально-экономического профессионального статуса ISEI (International Socio-economic Index of Occupations). Индекс ISEI можно интерпретировать как показатель социально-экономического положения индивидов, выполняющих данную профессиональную деятельность. Позиция индивидов в системе стратификации определяется и на основе субъективной оценки собственного социального положения, т. е. самоопределения индивидов. Вопрос, как правило, звучал следующим образом: «Наше общество делится на различные общественные классы — высший, средний, низший. Куда бы вы на следующей десятиступенчатой шкале, выражающей общественную позицию, поместили себя, если 10-я ступень представляет высшее, а 1-я ступень низшее положение в обществе?»

Исследовалась социальная дифференциация экономически активного населения с точки зрения деления на шесть категорий EGP: сервисный класс, рутинные нефизические служащие, экономически самостоятельные — крупные и мелкие собственники и фермеры, квалифицированные рабочие и мастера, низкоквалифицированные рабочие и сельскохозяйственные рабочие. Данные, касающиеся 1983 и 1988 гг., получены в форме ретроспективных вопросов, раскрывающих ситуацию респондента в то время.

До 1989 г. в системе стратификации словацкого общества численно доминировал социальный класс квалифицированных рабочих и мастеров. Второй в количественном отношении социальный класс представлял сервисный класс (высококвалифицированные специалисты, ведущие и управленческие работники) и третий класс — низкоквалифицированные или неквалифицированные рабочие. Четвертым по численности был класс рутинных нефизических работников, пятым — сельскохозяйственные рабочие, и меньше всего был класс экономически самостоятельных — людей свободных профессий. Подобное стратифи-

⁵ Концепция, созданная и эмпирически протестированная Дж. Голдтропом и его коллегами в последние десятилетия, стала наиболее часто используемой в изучении социальной стратификации и мобильности в Европе. Три основные категории классов, которые Голдтроп вычленил в своей классификации, — сервисный, промежуточный и рабочий класс. Сервисный класс включает собственников и несобственников средств производства, но только тех, которые заняты нефизическим трудом («белые воротнички»), и считается классом, наиболее престижным. Промежуточный класс — смешанный с двух точек зрения: он включает собственников и несобственников средств производства и профессии физического и нефизического труда («синие» и «белые воротнички»). Рабочий класс объединяет лишь занятых физическим трудом несобственников средств производства.

кационное устройство существовало и на первом этапе общественных перемен после ноября 1989 г. На этом этапе начал обновляться или создаваться новый социальный класс экономически самостоятельных, который часто именуется «предпринимателями»⁶.

С 2001 г. в системе социальной стратификации наблюдаются значительные перемены, вызванные структурными сдвигами в словацкой экономике, которые во многом обусловлены переходом к постиндустриальной стадии ее развития. Квалифицированные рабочие и мастера перестали быть самой многочисленной социальной категорией. Наиболее представительной в количественном отношении группой стали рутинные служащие, занятые нефизическим трудом, и рабочие с низким уровнем квалификации или без квалификации.

Таблица 1

Динамика существовавших категорий ЕGP в 1983–2009 гг., %

Категории ЕGP	1983	1988	1993	2001	2008	2009
Сервисный класс	24,4	25,9	27,0	23,8	21,5	21,5
Рутинные нефизические	14,3	14,6	14,6	24,0	21,0	18,3
Самостоятельные	0,4	0,4	2,5	6,9	10,5	10,2
Квалифицированные рабочие и мастера	27,3	27,9	27,4	16,9	16,3	14,1
Низкоквалифицированные рабочие	25,6	24,4	21,7	24,9	26,0	30,2
Сельскохозяйственные рабочие	7,9	6,9	6,8	4,0	4,7	5,6

Значительно повысилась доля экономически самостоятельных, которые количественно резко превзошли сельскохозяйственных рабочих. Снизилась доля представителей сервисного класса, однако наиболее ощутимым был спад представительства квалифицированных рабочих и мастеров — их доля с 1988 г. сократилась примерно на половину. Эта динамика связана с упадком традиционной тяжелой промышленности в Словакии, но также с модернизацией производства и развитием отраслей торговли и услуг. Хотя в этот период постоянно росла численность студентов, повышение образовательного уровня населения не привело к росту социально-экономического статуса реально выполняемых занятий и видов производственной деятельности. По сравнению с 1988 г. снизилась и доля людей, работающих в сельском хозяйстве. Падение численности занятых в сельском хозяйстве было так велико, что она оказалась на границе измеримости методом случайной репрезентативной выборки.

Проанализированные данные подтверждают, что отдельные социальные категории не являются нейтральными в отношении половой структуры населения. Традиционно мужской категорией являются квалифицированные рабочие и мастера. Спад спроса на квалифицированных рабочих на рынке труда затронул в гораздо большей мере мужскую, чем женскую, часть населения. Доминирующей женской категорией остаются рутинные нефизические служащие — здесь сосредоточено около 30 % всех работающих женщин. Рассматриваемые годы

⁶ *Bunčák J., Džambazovič R., Hrabovská A., Sopóci J.* K niektorým otázkam sociálnej stratifikácie slovenskej spoločnosti // Sociológia. 2011. № 5.

отличаются значительной волатильностью доли этой категории, что может указывать на высокую степень подвижности в занятиях, принадлежащих к ней, иными словами, на низкую степень стабильности занятости в этом ее женском сегменте.

Доля мужчин в категории экономически самостоятельных (около 14 %) вдвое превышает долю экономически самостоятельных женщин (примерно 7 %). Между представителями мужчин и женщин в сервисном классе в целом небольшое различие. Это следует из довольно широкого определения сервисного класса, в который входят практически все специалисты с высшим образованием. Высокий уровень представительства женщин-специалисток в образовании, здравоохранении, но также в сфере финансовых услуг выравнивает долю женщин в этой категории, в значительной мере сглаживая дифференциацию мужчин и женщин в иерархии управления.

О величине и динамике дистанций между категориями социальной дифференциации можно судить по различиям в доходах. Динамика доходов с 1993 по 2009 г. следует из показателей чистых месячных доходов мужчин и женщин. Основная тенденция развития в этой области в случае мужчин и женщин одинаковая и свидетельствует о постоянном росте дифференциации доходов. Если в 1993 г. низкоквалифицированные рабочие-мужчины обладали доходами, которые в среднем составляли 73 % доходов мужчин из сервисного класса, в 2009 г. они составляли уже всего 62 % их доходов. Подобное изменение обнаруживается и в доходах женщин: доходы низкоквалифицированных работниц в 1993 г. составляли в среднем 76 % доходов представительниц сервисного класса, а в 2009 г. — уже 66 %. Исследования после 1993 г. однозначно подтверждают более быстрый рост доходов в высших категориях классификации EGP и более медленный рост доходов в низших категориях. Повышение доходов ускорилось по данным последних исследований, что подтверждает их достоверность, поскольку реальные доходы в Словакии начали значительно расти после 2005 г.

Особую категорию с точки зрения доходов образуют экономически самостоятельные. Если в остальных категориях EGP наблюдается лишь постепенный рост доходов, экономически самостоятельные по величине своего дохода значительно отделились от остальных категорий уже во второй половине 1990-х гг. В 2001 г. респонденты из этой категории признали примерно тройное превышение месячных доходов по сравнению с представителями другой наиболее высокооплачиваемой категории — сервисного класса. В последующие годы, однако, различия в доходах самых высокооплачиваемых категорий EGP постепенно уменьшались.

Хотя в 1993–2009 гг. динамика доходов женщин в целом повторяла динамику доходов мужчин, существовало гораздо более низкое повышение доходов женщин из сервисного класса и у рутинных нефизических служащих между 2008 и 2009 гг. Можно предположить, что это связано с экономическим кризисом: женщины в этих категориях почувствовали результаты кризиса более остро, чем мужчины. В целом величина доходов женщин представляет примерно 7 % величины доходов мужчин.

Другой показатель социального положения, проанализированный в связи с категоризацией EGP, — это индекс социально-экономического статуса заня-

тия ISEI. В исследованиях словацких авторов этот индекс достигал величины от 16 до 90. Значения индекса ISEI подтверждают рост социальной дифференциации, в которой уменьшается дистанция социального престижа экономически самостоятельных от сервисного класса и углубляется отступ этих категорий от категорий рабочих. В рамках рабочих категорий наблюдается сближение социального престижа квалифицированных рабочих и мастеров и престижа рабочих с низким уровнем квалификации. Параллельно повышается дистанция обеих этих категорий от сельскохозяйственных рабочих.

Наконец, проанализировано самоопределение респондентов в социальной иерархии общества по десятиступенчатой шкале. Средние значения самоопределения представителей всех категорий в 2009 г. колебались в небольшом промежутке от 5,5 до 4,0 — по сравнению с 2001 г. сократившемся (колебались в промежутке от 6,1 до 3,5). Однако и в этом небольшом промежутке обнаруживается субъективное подтверждение различий, полученных при измерении классификации EGP и индекса ISEI. Как и в случае величины дохода, исключение составляет категория самостоятельных. В 2001 г. она достигла наивысшей величины (среднее значение 6,1), в 2009 г. — в среднем, как и у представителей сервисного класса (5,5).

Совокупный обзор значений индекса ISEI, заработков и самоопределения на десятиступенчатой шкале представлен в табл. 2. Полученные значения позволяют констатировать высокую степень сходства и взаимного подтверждения этих индикаторов положения в общественной иерархии.

Таблица 2

Индекс ISEI, месячный доход и самоопределение респондентов в категориях EGP в 2009 г.

Категории EGP	ISEI	Чистый месячный доход, %	Самоопределение
Сервисный класс	55,8	100,0	5,5
Рутинные нефизические	41,3	72,0	4,7
Самостоятельные	43,7	123,5	5,5
Квалифицированные рабочие и мастера	32,2	77,4	4,4
Низкоквалифицированные рабочие	27,4	65,0	4,0
Сельскохозяйственные рабочие	20,1	63,3	4,1

В современной системе социальной стратификации высшее положение заняли сервисный класс и экономически самостоятельные, предприниматели. От остальных категорий они значительно отличаются величиной дохода, и респонденты, входящие в эти категории, сами помещают себя на высшие позиции общественной иерархии. Положение рутинных нефизических служащих сильно обусловлено большой долей женщин в этой категории, что сопровождается низким среднемесячным доходом этой категории. В категориях низкоквалифицированных и сельскохозяйственных рабочих доход колеблется около уровня минимальной оплаты труда.

Итак, на высший уровень сервисного класса, состоящего из высококвалифицированных специалистов и менеджеров, продвинулась социальная категория

экономически самостоятельных, подъем которой был наиболее значительным коллективным подъемом в прошедшее десятилетие. Социальное положение категории квалифицированных рабочих и мастеров приблизилось к положению рабочих с низкой квалификацией или без квалификации. Специалистами также обнаружены частые переходы из категории высококвалифицированных в категорию низкоквалифицированных рабочих.

Результаты социологических исследований подтверждают тенденцию углубления социальной дифференциации. Вместе с тем дифференциация развивается постепенно: средний доход категории с высшими доходами (самостоятельные) в 2009 г. менее чем вдвое превосходил средний доход в категории с низшими доходами (сельскохозяйственные рабочие). Еще медленнее растут различия между категориями EGP в значениях ISEI.

Сохраняется значительная половая дифференциация социального положения. Различие между мужчинами и женщинами имеет большее влияние на величину дохода, чем принадлежность к категориям EGP. Остаются большие различия между полами, прежде всего в принадлежности к категории рутинных нефизических служащих, которая является отчетливой женской категорией. Высокая волатильность доходов и значений индекса ISEI в этой категории указывает на низкую стабильность занятости и социального положения женщин.

Между основными классами — сервисным, промежуточным и рабочим — существуют области сходства и области различий во взглядах, убеждениях и поведении в различных сферах жизни. Области сходства трех основных классов классификации EGP, по данным исследования ISSP 2009–2010, являются следующие: рефлексия образа социальной стратификации, оценка актуальных общественных проблем, оценка решающих факторов успеха индивида в жизни, взгляды на степень социальной справедливости и равенства жизненных шансов в словацком обществе.

Восприятие современной формы социальной стратификации словацкого общества населением в значительной мере соответствует ее объективной форме: 82,5% респондентов убеждены, что в настоящее время в Словакии существуют типы распределения, напоминающие пирамиды с минимальным количеством людей на вершине, небольшим количеством людей в середине и большинством людей на низших уровнях. Население СР предпочитает увеличение представительства средних и высших классов в модели социальной стратификации словацкого общества. Между отдельными социально-демографическими, социально-экономическими и другими категориями населения при оценке современной и желательной формы социальной стратификации не существует значительных различий.

При оценке отдельных актуальных общественных проблем явное большинство респондентов важнейшими проблемами словацкого общества назвало здравоохранение, бедность, экономику и преступность. То есть жители Словакии выше всего оценивают те проблемы, которые прямо или непрямо обусловлены экономическим развитием общества и его социальными последствиями. Остальные проблемы (образование, окружающая среда, эмиграция, терроризм) считает важнейшими лишь небольшая часть населения.

Представители главных классов не отличаются значительно и в оценке решающих факторов успеха человека. Из 14 очень разнородных факторов, важность которых с точки зрения достижения успеха в жизни оценивалась респондентами, главными назвали позитивные личностные качества и характеристики (усердная работа, честность, амбициозность, хорошее образование), но также и социальные умения (знакомства, политические связи). Последние считаются неэтичными и нарушающими принципы справедливости, однако в современном словацком обществе они часто являются фактором успеха людей в жизни. Сравнение оценки факторов аскриптивного и производительного характера — т. е. богатство родителей, образование родителей, пол или усердный труд, честность, решимость уехать работать за границу — показало, что словацкие граждане считают производительные факторы достижения успеха в жизни более важными.

По восприятию социальной справедливости жителей СР можно разделить приблизительно на три категории. Около четверти из них не имеет отчетливого представления о степени социальной справедливости в словацком обществе. Те люди, у которых есть определенное представление по этому вопросу, делятся на две примерно равные в количественном отношении категории: половина думает, что в Словакии существует равенство шансов достижения успеха в жизни, и другая половина придерживается противоположного мнения.

Три основных класса различаются между собой в следующих сферах: оценка справедливости неравенств доходов в словацком обществе, взгляды на причины бедности, виды деятельности, осуществляемые с целью повышения уровня жизни.

Существующие различия в доходах и разные возможности людей с более низкими и более высокими доходами критичней оценивают бедные люди, располагающиеся на нижних позициях в системе стратификации, люди с низким уровнем образования, с левой политико-идеологической ориентацией, члены профсоюзов, служащие и ремесленники. Менее критически, т. е. позитивней, их оценивают предприниматели, богатые, находящиеся на высших позициях в системе социальной стратификации, более образованные люди и люди с правой политико-идеологической ориентацией.

Профессии преимущественно физического труда, не требующие высшего образования и квалификации, считают материально недооцененными прежде всего люди с низким образованием, низким общественным положением, бедные, жители села. Напротив, люди с высшим образованием, высокими доходами, принадлежащие к высшим общественным классам, чаще считают недооцененными те профессии, которые требуют квалификации, в которых преобладает духовная или управленческая деятельность, требующие большей ответственности и общественно более значимые. Большинство же считает их переоцененными.

Треть сервисного класса зарабатывает, сколько заслужило, но в промежуточном и рабочем классе так думает лишь каждый пятый. Зарабатывают меньше, чем заслужили, 65% в сервисном классе и по 75% в промежуточном и рабочем классах. Представители сервисного класса оценили степень справедливости оплаты своего труда выше всего, а рабочего — ниже всего.

Большинство населения страны считает важнейшей причиной бедности несправедливость, существующую в обществе. Индивидуальные причины

бедности — лень, недостаток твердой воли или везения — называет важнейшими лишь треть словацких граждан. В рабочем классе 58% считают важнейшими причинами бедности общественные и 34% — индивидуальные, в промежуточном и сервисном классах — соответственно 52% : 39% и 49% : 36%. 62% опрошенных (в большинстве своем представителей низших классов) указывают, что правительство должно больше думать о бедных, и лишь 37,8% (преимущественно средний и высший классы) — о среднем классе.

Высокой оценке факторов успеха в жизни, таких как упорный труд, амбициозность, честолюбие и хорошее образование, отвечает предпочтение упорного труда и образования как видов деятельности, посредством которых большинство населения стремится повысить свой уровень жизни. Деятельность по поиску полезных знакомств и контактов не соответствует высокой оценке значения таких факторов успеха в жизни, как знакомства и политические связи.

Таблица 3

Виды деятельности, выполняемые с целью повышения уровня жизни, %

Деятельность	Доля реализующих в сервисном классе	Доля реализующих в промежуточном классе	Доля реализующих в рабочем классе
Упорный труд	74,5	59,2	54,2
Образование, изучение иностранных языков	73,1	35,7	21,6
Экономия, инвестирование	54,2	38,0	35,1
Поиск полезных знакомств	41,2	28,6	26,9
Инновации, рационализаторство	30,8	15,8	9,0
Работа за границей	14,6	14,7	15,5
Предпринимательство	21,5	11,3	2,1

Таким образом, представители основных социальных групп Словакии отличаются своими взглядами на некоторые социально-экономические вопросы и способы решения этих вопросов. Они различаются и в подходах к собственной экономической ситуации, а значит, и по образу жизни и культуре. Эти группы могут стать и уже становятся реальными социальными классами изменяющегося словацкого общества.

*Г.П. Мельников
(Москва)*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГУСИТСКИХ ВОЙН В СЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Гуситские войны на территории современной Словакии относятся к тем историографическим темам, в интерпретации которых со всей наглядностью проявляются не только и не столько изменения научных парадигм, сколько трансформации общественно-исторических условий. Анализ того, как интерпретация событий отдаленного прошлого может кардинально меняться в зависимости от смены идеологий, даже под пером одного историка, представляет значительный интерес в плане более широкой проблемы исторической памяти и путей ее формирования. Мы рассмотрим, как гуситские войны — один из важнейших периодов чешской истории — интерпретировались в обобщающих трудах по истории Словакии, поскольку эти войны также затронули ее территорию. Сразу отметим, что в освещении этой темы, как в зеркале, отразились все существенные изменения, которые Чехословакия, а с 1991 г. независимая Словакия, прошли за вторую половину XX в.

Прежде чем анализировать историографическую интерпретацию, вкратце нужно осветить сам ход событий. Гуситские войны довольно быстро стали предметом большой европейской политики. 25 марта 1423 г. в городе Кежмарок был подписан международный договор, по которому польский король Владислав II и великий князь литовский Витовт обещали помочь в войне против гуситов императору и чешскому и венгерскому королю Сигизмунду, если он откажется от поддержки ордена крестоносцев, продолжавшего проводить антипольскую политику. Первый поход гуситов, точнее таборитского войска, в Словакию произошел в январе-феврале 1428 г. Они прошли Западную Словакию вплоть до Пожони (современная Братислава). Состоявшаяся в этом же городе встреча гуситских военачальников с Сигизмундом в апреле 1430 г. не дала никаких результатов. Весной следующего года войско «сироток» (так называлось войско великого полководца Яна Жижки после его смерти) совершило поход в Поважье, где понесло большие потери от войска Сигизмунда. Осенью 1431 г. табориты и «сиротки» под командованием таких знаменитых личностей, как Прокоп Голый и Чапек из Сан, вторглись двумя путями в Словакию, соединились в Жилине и пошли на Липтов. Из-за внутренних раздоров отряды разделились, венгерское войско разгромило «сироток» у Илавы. Некоторые представители словацкой шляхты в районе Нитры поддержали чешских гуситов. Летом 1432 г. вновь состоялся поход таборитов и «сироток». Они взяли Трнаву (которую Сигизмунд у них очень

скоро выкупил), Скалице, Тренчин, осадили Кремницу и Братиславу. При этом гуситы налагали различные виды дани на местное население. В самой Братиславе в ноябре 1432 г. готовилось гуситское восстание. В 1433–1434 гг. вновь были предприняты попытки взять Братиславу, окончившиеся неудачей.

Сигизмунд в 1432 г. провел военную реформу, разделив Венгерское королевство на два военных округа: южному предстояло воевать с турецкой армией, а северный, охватывавший территорию современной Словакии, должен был отражать набеги гуситов. В 1433 г. шляхтич Ладислав из Люданиц, бывший противник гуситов, перешел на их сторону и создал в своей резиденции гуситский центр, куда собирались словацкие сторонники гуситов. Весной 1433 г. гуситские войска напали на Спиш, Шариш, Липтов, Турец. Летом 1434 г. гуситы совершили поход из Трнавы на юг, вплоть до Нитры. После смерти в 1437 г. короля Альбрехта фактическую власть на значительной словацкой территории сосредоточил в своих руках бывший гуситский гетман Ян Искра из Брандыса, опиравшийся на патрициат восточнословацких и горных городов и использовавший в своих целях движение братриков, которое ранее в историографии расценивалось как антифеодальное. С именем Искры связана последняя глава гуситского влияния в Словакии. Он ввязался в династическую борьбу за венгерский престол, возглавил войска короля Ладислава Постума, в 1447 г. победил крупнейшего венгерского полководца и политического деятеля Яноша Хуньяди. Однако в 1452 г. король Ладислав лишил его всех должностей. Искра покинул Венгерское королевство. Но в 1453 г. движение братриков достигло своего апогея и стало серьезной угрозой для властей. Поэтому в 1455 г. король вновь позвал Искру и поручил ему покончить с братриками и феодальными усобицами. Полностью справиться с поставленными задачами Искра не смог. Движение братриков окончательно подавил только следующий король — Матьяш Корвин, организовавший против них походы в 1458 и 1467 гг. Таков основной исторический материал, ставший основой нескольких различных современных интерпретаций.

Сразу надо отметить, что разные точки зрения на избранную нами тему не существовали одновременно. Интерпретация плавно эволюционировала в соответствии с изменениями в идеологии чехословацкого общества, в том числе официальных идеологических установок коммунистической власти в сфере истории.

Необходимо также подчеркнуть большую значимость темы для идеологии чешско-словацких связей и позитивного влияния чешских прогрессивных традиций на словаков в эпоху существования этих двух народов в независимых друг от друга государствах — Чешском и Венгерском королевствах. Именно гуситские войны на территории Словакии (тогдашней Верхней Венгрии) явились первым историческим событием со времен Великой Моравии, связывающим оба народа. Этот аспект чрезвычайно важен для концепции чехословацкого единства в любых его вариантах от масариковского чехословакизма до братского единства чешского и словацкого народов и их прогрессивных традиций (при примате чехов) во времена социализма.

Исходя из подобных воззрений формировалась концепция гуситского влияния на словаков в фундаментальном коллективном труде словацких историков

«Словакия. История» под ред. Яна Тибенского¹, задуманного как главный словацкий историографический проект времен «нормализации». Последний аспект был акцентирован в предисловии к труду, где говорится, что «по преодолении глубокого кризиса, которым прошло чехословацкое общество во второй половине шестидесятых годов, особенно в 1968–1969 гг., историография в Словакии достигла несомненных успехов»². Соответствующий раздел написал Рихард Марсина — крупный словацкий историк, занимавшийся проблемами развития Словакии в Средневековье, который затем стал одной из основных фигур словацкой исторической науки. Он же стал автором аналогичных разделов в других коллективных обобщающих трудах по истории Чехословакии и Словакии. Поэтому особенный интерес представляет эволюция его взглядов на данную проблему и изменения в самой манере презентации исторического материала. В данной книге раздел о гуситах в Словакии является самым большим по объему в сравнении с аналогичными текстами в более поздних коллективных трудах и занимает 7 страниц (с. 289–296) большого формата.

Р. Марсина подчеркивает то обстоятельство, что среди учеников и приверженцев Яна Гуса были словаки. Словак священник Лукаш являлся одним из основателей Табора, в 1424 г. его как еретика сожгли паны из Рожмберка. Гусизм расценивается только позитивно, как самая героическая эпоха национальной истории: «"Божьи воины" целых пятнадцать лет не только героически отражали нападения армий крестоносцев, но и гуситские манифесты и последовавшие за ними ответные военные походы разбрасывали семена гуситской идеологии, усиливая антифеодальную борьбу народных масс в соседних и отдаленных краях Европы. Гуситская революция вмешалась и в судьбы соседней Словакии и словацкого народа»³. Отметим, что впоследствии Р. Марсина нигде в таком тоне не прославлял гуситов и ничего не сообщал о священнике Лукаше.

Далее Р. Марсина отмечает, что венгерские феодалы осознавали классовый характер гуситского движения, поэтому активно помогали Сигизмунду бороться с ним, участвуя в первых крестовых походах и производя грабежи по всей Чехии и Моравии. Констатируется, что «Словакия оказалась в непосредственном соседстве с гуситской революционной властью»⁴. Затем идет подробный рассказ о фактической стороне дела, весьма объективный, который в сокращенном виде затем будет повторяться в других текстах Р. Марсины на эту тему. При этом

¹ Slovensko. Dejiny / Zostavovateľ J. Tibenský. Vydanie 2. Bratislava, 1978.

² Ibid. S. 8: «Po prekonaní hľubokej krízy, ktorou prešla československa spoločnosť v druhej polovici šesťdesiatych rokov a najmä v rokoch 1968–1969, dosiahla historiografia na Slovensku neporovnateľné úspechy». Здесь и далее для словацких читателей цитаты в примечаниях приводятся на языке оригинала.

³ Ibid. S. 289: «"Boží bojovníci" celých pätnásť rokov nielen hrdinsky odrážali rúřšivé útoky križiackych armád, ale husitské manifesty, po nich advetné vojenské výpravy a "spanilé jízdy" rozosiľali semeno husitskej ideológie, rozniateli protifeudálny boj ľudových, más v susedných i vzdalenejších krajinách Európy. Husitská revolúcia zasiahla aj do osudov susedného Slovenska a slovenského ľudu».

⁴ Ibid. S. 289: «Tak sa Slovensko dostalo do bezprostredného susedstva husitskej revolučnej moci».

в анализируемой книге автор постоянно подчеркивает позитивное влияние гуситов: их гарнизоны в Словакии сыграли значительную роль, их крепости враги не могли взять, их воеводы были устрашением для венгерских светских и духовных феодалов. Позитивно оценивается инициатива трнавского гуситского гетмана Блажко, принудившего братиславский патрициат платить ему дань и едва не взявшего саму Братиславу⁵.

В то же время отмечается, что в Словакии не было объективных предпосылок для того, чтобы гуситское движение глубже пустило корни и стало «революционной идеологией народных масс»⁶. Несмотря на это, «гуситство нашло и здесь определенный отклик, и гуситская революция своими военными, политическими, социальными и идеологическими последствиями повлияла на развитие словацкой народности»⁷. Присутствие гуситских гарнизонов существенно усиливало положение словацкой народности в городах, главным образом из-за бегства немецкой части их населения. Гуситские походы также усиливали антифеодальную борьбу словацкого населения. После ухода гуситских гарнизонов связь с Чехией вновь усилилась с приходом чешских войск под командованием Яна Искры⁸.

Очень подробно рассказывается о военных и политических действиях Искры, отмечается, что его нельзя идеализировать, как это делала часть старой историографии. Искра не был представителем гуситской революционной традиции в Словакии. Он представлял собой тип кондотьера, наемника чистой воды. Однако он успешно выполнил свою функцию главного защитника прав династии Габсбургов. Именно за это его на всю Европу прославил Эней Сильвий Пикколомини (римский папа Пий II) в своей «Чешской хронике». Искра как верховный гетман стал крупнейшей фигурой политической жизни Венгерского королевства. Действия его самого и его войск усиливали феодальную анархию, но в то же время охраняли города Словакии от набегов венгерских феодалов. Искра заботился об экономическом развитии этих городов, поэтому они поддерживали его в борьбе с Яношем Хуньяди⁹. Таким образом, Р. Марсина выделяет позитивные и негативные аспекты деятельности Искры, чего в своих последующих текстах он не будет делать, избегая каких-либо оценок.

Особое внимание уделено движению братриков. Обращается внимание на то, что возникновению этого антифеодального движения кроме внутренних причин содействовало присутствие в Словакии чешского войска Искры, состоявшего из бывших гуситов. Это войско продолжало, правда в значительно меньших масштабах, гуситские революционные традиции. Братрики — это простые чешские воины, которым не заплатили денег (жолд), поэтому у них не было другого выхода, кроме грабежа монастырей, замков, городов. К движению примкнули некоторые капитаны войска Искры и ряд словацких феодалов, часть про-

⁵ Ibid. S. 290–291.

⁶ Ibid. S. 291: «Stalo sa revolučnou ideológiou širokých más ľudu».

⁷ Ibid.: «Husitstvo našlo i tu určitý ohlas a husitská revolúcia vo svojich vojenských, politických, sociálnych i ideologických dôsledkov ovplyvnila vývoj slovnkej národnosti».

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. S. 293.

столодинов словацкого, немецкого, венгерского, украинского происхождения. Главой движения стал Петр Аксамит из Косова, под его руководством движение в 1453–1458 гг. достигло апогея и четко выраженного антифеодалного характера. Братрики строили крепости, называемые ими по гуситскому образцу таборами. В 1458 г. у них было 36 градов и таких таборов¹⁰. Автор утверждает, что «братрики поддерживали в словацком народе ненависть к светским и церковным феодалам»¹¹. Потом они поддержали кандидатуру Матьяша Хуньяди (Корвина) на венгерский престол, однако тот, придя к власти, разгромил их в сражении, а затем полностью подавил их движение. В последующих работах оценка братриков будет постепенно удаляться от антифеодалной, позитивно повлиявшей на развитие словаков.

Более дифференцированно, с элементами критики Р. Марсина подходит к оценке гуситского влияния на Словакию в «Обзоре истории Чехословакии» — многотомном синтетическом коллективном труде академических ученых, который должен был свидетельствовать о расцвете чехословацкой исторической науки в годы застоя, «нормализации». Действительно, этот труд, во всяком случае тома по Средневековью и Новому времени, отличается новизной многих концепций и критическим переосмыслением устаревших догм чехословацкой историографии, включая ее раннесоциалистический период. В этом состояло главное позитивное значение этого труда¹².

Интересующая нас тематика рассматривается в главе XI (текст Р. Марсины)¹³. Подчеркивается, что гуситские войска направлялись только на территорию Словакии, они никогда не переходили Дунай, из-за гуситов турецкая опасность отошла на второй план для Венгерского королевства, что объективно ослабляло сопротивление турецким завоеваниям в Европе. Первый «прелестный поход» гуситов в Словакию в 1428 г. был организован всеми группировками гуситов (табориты, «сиротки», пражане), которые разгромили венгерские войска. Дается подробное описание походов и сражений, при этом также говорится о том, что гуситы творили насилие, сжигали монастыри, крепости и города, активно облагали данью местное крестьянство и города¹⁴. «Все эти действия уже носили черты грабительских походов и имели очень мало общего с первоначальными идеалами, провозглашенными гуситской революцией»¹⁵, — заключает автор. Отдельные командиры предпринимали походы на свой риск, их главной целью стал захват богатой добычи, часть которой делилась на всех воинов, но ее львиная доля доставалась военачальнику. Тот уже выступал как главарь наемников,

¹⁰ Ibid. S. 294.

¹¹ Ibid. S. 295: «Bratříci živilí v slovenskom poddanom ľude nenávisť proti svetským i cirkevným feudálom».

¹² Мельников Г.П. Рец. на кн.: Обзор истории Чехословакии. Т. I. Кн. 1–2. Praha, 1980–1982 // Вопросы истории. 1984. № 7. С. 163–167.

¹³ Přehled dějin Československa. Praha, 1980. D. I/1 (do r. 1526). / Red. O. Říha, J. Janáček, R. Marsina. Hlava XI (R. Marsina, P. Ratkoš, J. Vozár).

¹⁴ Ibid. S. 563–564.

¹⁵ Ibid. S. 565: «Všechna tato tažení měla už rysy kořistných výprav a měla jen velice malo společného s původními ideály, vytyčenými husitskou revolucí».

интересы которого типологически были схожи с интересами его противников¹⁶. Прежний тезис о том, что гуситские войска принесли в Словакию прогрессивные идеалы гуситской революции и усилили антифеодалное движение словаков, полностью отпал. Напротив, подчеркивается перерождение воинов-гуситов в наемников и бандитов, во многом происшедшее именно на территории Словакии. Это подкрепляется тем фактом, что после поражения гуситов-радикалов в битве у Липан в Чехии в 1434 г. вожди гуситов в Словакии поняли, что из-за отсутствия притока новых воинов из Чехии их власть в Словакии долго не продлится, и стали уходить из Словакии, часто получив «отступное» (денежный выкуп) от местных феодалов¹⁷.

В параграфе «Влияние гуситского революционного движения» четко разделяются два периода проникновения гуситской революционной идеологии в Словакию: первый — до 1430 г. и второй — с 1431 г., когда в Словакии появились первые постоянные гуситские гарнизоны. Подчеркивается позитивное влияние гуситской идеологии в первый период¹⁸. Однако это положение противоречит приведенным несколькими страницами ранее фактам о грабительском характере уже первого «прелестного похода».

Сохранен старый тезис о позитивном влиянии гуситских гарнизонов на процесс словакизации городов. Акцентируется влияние гуситской идеологии на горожан, в основном на бедноту, и земанов. Центром словацких гуситов стали владения панов из Луданиц в области Нитры. В заключение параграфа констатируется: «Хотя гуситская идеология не пустила в Словакии такие глубокие корни, как в Чехии, она все же представляла постоянную угрозу господствующему феодальному порядку и вызывала острые репрессии против своих сторонников»¹⁹. В отличие от глав чешских авторов о гуситах в этом труде, словаки более акцентируют военно-грабительский характер действий гуситов, что объективно входит в противоречие со старыми тезисами о позитивном влиянии гуситов на антифеодалные настроения словаков и усиление словацкой народности, так как остается непонятен сам механизм подобного рода позитивного воздействия при систематическом грабеже местного населения.

Целый параграф посвящен Яну Искре. Здесь окончательно развенчивается старый миф о нем как о последнем гуситском полководце, показывается дальнейшая эволюция бывших гуситских воинов в простых наемников. Подчеркивается, что акции Искры были полностью связаны с внутривластной борьбой в Венгерском королевстве. Предательство Искрой прежних гуситских революционных идеалов сформулировано в таких словах, которые в контексте чехословацкой «нормализации» 1970–1980-х гг. можно было расценить как скрытую критику режима Густава Гусака, его эволюцию от словацкого коммуниста-реформатора к чехословацкому лидеру полицейского режима «нормализации»:

¹⁶ Ibid. S. 565.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. S. 567.

¹⁹ Ibid. S. 568: «I když husitská ideologie nezapustila na Slovensku tak hluboké kořeny jako v Čechách, přece jen představovala trvalou hrozbu vládnoucímu feudálnímu řádu a vyvolala ostrá represivní opatření proti svým přívržencům».

«Когда движение, возникновению которого он, собственно, помог (движение братриков. — Г.М.), переросло в движение антифеодалное, Искра опять стал человеком, который должен был *нормализовать отношения* (курсив мой. — Г.М.), т. е. это движение разгромить»²⁰.

В параграфе о братриках вновь подчеркивается позитивное влияние гуситства на Словакию. Констатируется, что с Искрой, который стал католиком, в Словакию пришли несколько тысяч гуситских воинов, которые в Словакии сами практиковали и вводили среди местного населения причащение под обоими видами (хлебом и вином, как принято у чешских гуситов). Общее социальное чувство и понятный язык также способствовали распространению гуситских взглядов в словацкой среде. После изгнания Искры из Венгерского королевства в 1453 г. значительная часть его войска перешла на сторону братриков. Их движение, разгромленное венгерскими властями, расценивается позитивно, поскольку оно «безусловно способствовало в период своего подъема ослаблению позиций немцев в Словакии и усиливало самосознание словацкой народности; гуситская идеология в интерпретации братриков также поддерживала антифеодалное сопротивление словацкого народа»²¹.

В итоге анализ данной темы в «Обзоре истории Чехословакии» не лишен противоречий. Явно не стыкуются тезисы о позитивных аспектах гуситского влияния в области идеологии и негативного воздействия на социум Словакии военно-грабительского характера присутствия гуситских войск на ее территории.

Концепция исключительно позитивного влияния гуситов на развитие словаков вкратце приведена в синтетическом труде «Чехословацкая история в датах», написанном коллективом чешских историков, в котором не оказалось ни одного словака (научный редактор не указан)²². Автор соответствующего раздела Иван Главачек отмечает большое значение гуситских войн для Словакии не только потому, что гуситские войска многократно вторгались туда, отвечая на походы Сигизмунда против Чехии, но и потому, что они не были лишь кратковременными мероприятиями. Они сопровождались агитацией гуситских священников среди словацкого населения. Интересно отметить, что словацкие авторы об этом нигде не сообщают. И. Главачек специальный акцент делает на близости языков, подчеркивая, что даже словаки-католики, т. е. враги гуситов, стали пользоваться чешским языком. Так, старейшая чешскоязычная грамота в Словакии — долговая запись Стибора со Стибориц от 13 декабря 1422 г. была составлена противником гуситов²³. Странно, что автора не смущает то обстоятельство, что эта запись сделана за несколько лет до первого похода гуситов в Словакию и по содержанию ее никак нельзя приписать воздействию гуситской идеологии. Очевидно, здесь действовали иные побуждающие мотивы.

²⁰ Ibid. S. 572: «Když hnutí, jehož vzniku vlastně napomáhal, přerostlo v hnutí protifeudální, Jiskra se stal opět osobou, která měla normalizovat poměry, tedy toto hnutí zase potlačit».

²¹ Ibid. S. 574: «Bratřické hnutí nesporně přispělo v době svého rozkvětu k oslabení pozic Němců na Slovensku a posilovalo i vědomí slovenské národnosti; husitská ideologie v bratřické variantě také podporovala protifeudální odpor slovenského lidu».

²² Československé dějiny v datech. Praha, 1986.

²³ Ibid. S. 145.

После раздела Чехословакии в 1991 г. и формирования государственной (национальной) идеологии независимой и суверенной Словакии резко меняются многие прежние исторические концепции, включая и влияние гуситов на Словакию. Этот процесс был во многом подготовлен еще при кратковременном существовании ЧСФР и нашел отражение в синтетическом труде словацких историков под руководством Р. Марсины «Словацкая история» (год издания в книге нигде не обозначен, но ясно, что это 1989–1991 гг.)²⁴. В предисловии к этому очень краткому, сжато очерку истории Словакии Имрих Седлак отметил инновационность его концепции. Она состоит в том, чтобы сказать правду об истории словаков после долгих лет идеологизации общественных наук и одностороннего изложения словацкой истории. Это первая синтетическая работа, дающая правдивый образ Словакии. Поэтому была подготовлена англоязычная версия книги, адресованная прежде всего словакам, живущим в США. «Мы предполагаем, что этот объективный взгляд станет составной частью нашего исторического сознания», — заключает автор предисловия²⁵. Сразу же отметим, что книга создавалась в атмосфере «бархатной» революции и словацкого движения за равноправие с чехами в общем федеративном государстве, а затем за независимое словацкое государство. В результате критики старых исторических концепций, замалчивания и искажения фактов истории под видом новой объективной концепции национальной истории появился не менее идеологизированный труд, только идеологизация шла с противоположной стороны.

В разделе об истории XIV–XV вв. Р. Марсина в основном повторил свой текст о гуситах в Словакии, прежде всего фактографию, из «Обзора истории Чехословакии»²⁶. Важная инновация состоит в сугубо негативной оценке гуситского влияния. Отмечается, что «большинство населения Словакии видели в гуситах своих врагов и боялись их. Одной из черт гуситской идеологии был экстремальный антинемецкий национализм, поэтому из многих городов немцы уходили перед приходом гуситов и не всегда потом возвращались. Так проходила словакизация некоторых городов»²⁷. Ясно, что этот процесс был позитивен для развития словацкого народа. «Несмотря на это, действия гуситов в Словакии нельзя прославлять»²⁸, — утверждает Р. Марсина. Этот явный упрек чешской историографии можно также рассматривать и как самокритику автора, в свое время, как мы видели, много сделавшего для прославления позитивного влияния революционной антифеодальной идеологии гуситов на словаков. Но сейчас появился еще один важный аспект, состоящий в том, что вхождение в европейские структуры детерминирует негативную оценку движений, направленных

²⁴ *Marsina R., Čičaj V., Kováč D., Lipták E.* Slovenské dejiny. Martin (б / г).

²⁵ *Ibid.* S. 5–6: «Predpokladáme, že tento objektívny pohľad sa stane súčasťou nášho historického vedomia».

²⁶ *Ibid.* S. 54–57.

²⁷ *Ibid.* S. 55: «Preto prevažna väčšina obyvateľstva Slovenska videla v husitoch svojich napriateľov a obávala sa ich. Jednou z črt husitskej ideológie bol aj extrémny protinemecký nacionalizmus, preto z mnohých miest Nemci pred husitmi ušli, a nie všade sa potom už vrátili. Tak došlo k poslovenčeniu niektorých miest».

²⁸ *Ibid.*: «Napriek tomu účinkovanie husitov na Slovensku nemožno glorifikovať».

на отторжение национального развития от общеевропейского. К таким движениям можно отнести гуситское, опираясь на анализ его результатов, как в конце XIX — начале XX в. сделал выдающийся чешский историк Йозеф Пекарж. Однако при этом сторонники данной концепции забывают о том, что гусизм стал первой в Европе Реформацией, указавшей вектор развития реформаторам XVI в. Он имел ориентацию на общехристианский масштаб, но по мере развития гуситских войн превратился в национальное реформаторское движение, в своеобразный религиозный милитаризм, выродившийся в чистое военное наемничество именно на территории Венгерского королевства. Такому диалектическому подходу у Р. Марсины противостоит одноаспектная негативная трактовка гуситского движения, актуализированная политической злободневностью и идеей современной евроинтеграции: «С европейской точки зрения, которая также присутствует в современной чешской историографии, гуситское движение было борьбой чехов против Европы и в существенной мере препятствовало императору Сигизмунду действенно и концентрированно выступить против Османской державы, вторгшейся в Европу»²⁹.

Говоря о движении братриков, автор отмечает, что в основном это были не словаки, а чехи — бывшие гуситские воины, а теперь наемники, к которым лишь иногда примыкали представители низших слоев местного населения. Вначале они, действительно были пропагандистами гуситской идеологии, но затем, после разгрома их радикального крыла, оставшаяся часть вошла в войско короля Матьяша Корвина³⁰. Собственно оценок движения братриков и Искры в этом тексте Р. Марсины не содержится.

В полном объеме функцию нового синтетического коллективного труда по истории Словакии, полностью созданного в независимой Словакии, выполнила «История Словакии» — англоязычное издание, рассчитанное на западного читателя, созданное в братиславском Институте истории Словацкой академии наук под редакцией Элены Манновой в 2000 г. Русский перевод этого труда под научной редакцией Ю.В. Богданова осуществлен Институтом славяноведения Российской академии наук в 2003 г.³¹ В структуре книги влияние гуситских войн и движение братриков никак не выделены, по контрасту со всеми предшествующими синтетическими трудами. Этот материал содержится в тексте третьей главы «Словакия в развитом Средневековье», в разделе 3 «Политическая история XV века», автором которого является Даниэла Дворжакова. Раздел состоит из двух параграфов: «Сигизмунд Люксембургский» и «Создание сословного государства». Из самой структуры ясно, что концепция «чешско-словацких революционных связей в прошлом» уже полностью отошла в историческое прошлое. Гуситское влияние минимизировано и оценивается только негативно, автор во многом повторяет положения позднего Р. Марсины и развивает их. Д. Дворжакова вслед за немецкой и частью новейшей чешской историографии стремится

²⁹ Ibid.: «Z európskeho hľadiska, čo sa pripúšťa aj v súčasnej českej historiografii, husitské hnutie bolo zápasom Čechov proti Európe a podstatne znemožnilo cisárovi Žigmundovi účinne a koncentrovane vystúpiť proti Osmanskej ríši tlačiacej sa do Európy».

³⁰ Ibid. S. 56.

³¹ История Словакии. М., 2003.

преодолеть негативный стереотип в оценке Сигизмунда и показать положительные стороны его правления, что представляется вполне оправданным и своевременным. Автор критикует марксистскую историографию, считавшую Сигизмунда представителем реакционных сил, боровшихся с прогрессивными силами простого народа, выразителем которых считались гуситы. При этом она справедливо отмечает, что «тот же искаженный взгляд касался и оценки восприятия гусизма в Словакии»³². Далее утверждается, что «завышалась мера его влияния, преувеличивалось число сторонников гусизма в рядах дворянства, появлялись концепции насчет каких-то очагов гусизма или гуситских таборов в Словакии; новейшие исторические труды опровергли все эти несостоятельные концепции»³³. Сразу, однако, напрашивается вопрос, откуда же Р. Марсина и другие историки брали соответствующие факты, ведь круг источников не изменился. Неужели в Словакии не было гуситских крепостей, о которых говорят источники, или же автору просто хочется по принципиальным причинам не замечать их существования? Д. Дворжакова значительно упрощает расстановку сил, считая, что на сторону гуситов переходили отдельные феодалы, которые использовали их военную силу для типичных феодальных междоусобных войн, поэтому «трудно отыскать за этим какие-то убеждения или симпатии к гусизму». Принятие ее тезиса затрудняет то обстоятельство, что гуситы не являлись просто военной силой, они были еще и иной конфессией, использование которой, даже в своекорыстных целях феодалов в Словакии, предполагало принятие причастия под двумя видами, т. е. позиционирование себя как еретика со всеми вытекающими последствиями, что никак не свойственно «типичным феодальным междоусобным войнам». Поэтому нельзя отрицать конфессионально-идеологический, точнее говоря религиозный, фактор (его использование в чисто политических и своекорыстных целях придет позднее, с религиозными войнами середины XVI — середины XVII в.). Далее Д. Дворжакова повторяет тезис Р. Марсины о том, что гуситские войска на территории Словакии из-за своих опустошительных, грабительских походов однозначно воспринимались как враги. Акцентируется экономический упадок территории и сокращение численности населения. Повторяется известная точка зрения, согласно которой борьба с гуситами отвлекала Сигизмунда от борьбы с турецкой экспансией³⁴, однако не ставится вопрос, почему он считал гуситскую опасность более серьезной, чем турецкая.

Ян Искра характеризуется только как успешный военачальник³⁵. О братриках почти ничего не сказано, кроме того, что они «причиняли стране массу неприятностей». Характер их движения не раскрывается, но в то же время приводятся данные об их военных силах, в том числе о 36 полевых лагерях и замках³⁶, хотя несколько ранее наличие в Словакии «таборов», а это и есть полевые лагеря, как помнит читатель, отрицалось. Восстание братриков в 1467 г.

³² Там же. С. 111.

³³ Там же. С. 112.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 115.

³⁶ Там же. С. 117.

названо просто «восстанием» против Матьяша Корвина, которое он подавил³⁷. Ни слова не сказано о вожде братриков Петре Аксамите и его идеологии. Вместо этого весьма подробно излагается собственно венгерская политическая история данного периода.

Подводя итоги нашему анализу, надо отметить следующее. Концепция гуситского влияния в Словакии из позитивной трансформировалась в прямо противоположную после возникновения самостоятельной Словакии, идеология которой уже не нуждается в теории давних исторических связей чешского и словацкого народов и благотворности чешского влияния. Обе отмеченные концепции позиционируют себя как научно объективные, хотя фактически являются идеологически и политически детерминированными. Очевидно, как всегда, научная истина лежит где-то посередине. Историческая же память о войнах, даже хронологически отдаленных, продолжает находиться на уровне мифологизированной и идеологизированной истории, служащей объектом актуальных манипуляций.

³⁷ Там же. С. 119.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕНКО Юрай (*Mgr. Juraj Benko, PhD.*) — кандидат наук, научный сотрудник Института истории САН, член Комиссии

БИСТРИЦКИЙ Йозеф (*Plk. Doc. PhDr. Jozef Bystrický, CSc.*) — кандидат наук, научный сотрудник Института военной истории (Братислава), полковник, доцент, член Комиссии

ДАНИШ Мирослав (*Prof. PhDr. Miroslav Daniš, CSc.*) — кандидат наук, профессор философского факультета Университета Коменского (Братислава), член Комиссии

ДРОНОВ Михаил Юрьевич — младший научный сотрудник Института славяноведения РАН, ученый секретарь российской части Комиссии

ДУДЕКОВА Габриела (*Mgr. Gabriela Dudeková, PhD.*) — кандидат наук, научный сотрудник Института истории САН

ЗАВАЦКА Марина (*Mgr. Marina Zavacká, PhD.*) — кандидат наук, научный сотрудник Института истории САН, член Комиссии

ЗАДОРОЖНИЮК Элла Григорьевна — доктор исторических наук, заведующая отделом Института славяноведения РАН, заместитель председателя российской части Комиссии

КОДАЕВА Даниела (*PhDr. Daniela Kodajová*) — научный сотрудник Института истории САН, ученый секретарь словацкой части Комиссии

КОРОВИЦЫНА Наталья Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

КРЕСАН Яна Юрьевна — соискатель филологического факультета МГУ, сотрудник Словацкого института (Москва)

КРЮЧКОВ Игорь Владимирович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), член Комиссии

МАРБИНА Валентина Владимировна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, почетный вице-председатель российской части Комиссии

МЕЛЬНИКОВ Георгий Павлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, профессор Государственной академии славянской культуры (Москва)

МИХАЛЬЧЕНКО Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор, директор Центра славяноведения Брянского государственного университета, член Комиссии

- МИЧЕВ Станислав** (*PhDr. Stanislav Mičev, PhD.*) — кандидат наук, директор Музея Словацкого национального восстания (Банска-Бистрица), член Комиссии
- МУРАШКО Галина Павловна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, член Комиссии
- НЕНАШЕВА Зоя Сергеевна** — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ
- ПАВЛЕНКО Ольга Вячеславовна** — кандидат исторических наук, заместитель директора Историко-архивного института при Российском государственном гуманитарном университете (Москва), член Комиссии
- ПТИЦЫН Андрей Николаевич** — кандидат исторических наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь)
- РЕПИНА Лорина Петровна** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, председатель российской части Комиссии
- РОКИНА Галина Викторовна** — доктор исторических наук, профессор Марийского государственного университета (Йошкар-Ола), член Комиссии
- СЕРАПИОНОВА Елена Павловна** — доктор исторических наук, заведующая отделом Института славяноведения РАН, профессор МГИМО (Университета) МИД РФ, член Комиссии
- СЛОИСТОВ Сергей Михайлович** — младший научный сотрудник Института славяноведения РАН
- СТЫКАЛИН Александр Сергеевич** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН
- ШВЕДОВА Наталия Васильевна** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН
- ШЕВЧЕНКО Кирилл Владимирович** — доктор исторических наук, профессор филиала Российского государственного социального университета (Минск)
- ШИРОКОВА Людмила Федоровна** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН
- ШМИГЕЛЬ Михал** (*Doc. PhDr. Michal Šmigel', PhD.*) — кандидат наук, доцент Университета Матейя Бела (Банска-Бистрица), член Комиссии

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аксенова Е.П. 180
Александровская Л.П. 193
Алексеев М.В. 39, 41
Андерш Б. 140
Андреев В. 257, 259, 264
Андропов Ю.В. 282, 283
Андрушка Ф. — см. Ондрушка Ф.
Антал 150
Апельбаум А. 258
Арзамаскин Ю.Н. 257
Арст 207
Асман Я. 111
Ассман Я. 10
Афанасьев С.А. 165, 166
- Бадер-Заар Б. 29
Бадик К. 153
Бажанов Б.Г. 142
Бакарич В. 192
Бакош Я. 123
Балтай В. 153, 165
Баранов Л.С. 193
Барков В.Н. 158
Барновский М. 5
Барто А. 107
Бартоня Й. 122
Бауэр О. 88
Беднар А. 271
Безбородов А.Б. 195
Белай Й. 7, 152, 154, 163
Белайова М.А. 154, 155
Беллаи — см. Белай Й.
Белнай Я. 156, 157
Белон Й. 49, 50, 56
Беляев М.А. 39, 41-43, 46
Бем А.Л. 268
Бенда В. 303
Бенеш Э. 26, 120, 121, 124, 128, 150, 174,
176, 187-189, 190, 191, 245, 255
Бенко Ю. 5, 28, 75
Бердяев Н.А. 296
- Берлингуэр Э. 287
Бескид А.Г. 130-132
Бжезинский З. 283
Бистрицки Й. 6, 169
Бихари П. 30
Благож Й. 119
Блажко 320
Богданов Ю.В. 325
Богомоллов А.Е. 187
Брандстром Э. 77
Брежнев Л.И. 279, 280-282, 283
Брейха И. 129
Брешко-Брешковская Е.К. 150
Брож И. 54
Брызгушкин 108
Бузалка М. 270, 273
Бузик Б. 307
Булдаков В.П. 67
Бунчак Я. 307
Бурцев М.И. 245
Быстров В. 261
Бюхнер Г. 240
- Валек М. 221, 223-229
Валуев С. 40
Вальтер Г. фон 163
Ванек В. 44
Варга Е.-М. 144
Варзар В.Е. 50
Василевская В. 183, 185
Вацулик Я. 265
Вашек 163
Вашечка И. 307
Вашко В. 164, 297
Ваянский С.Г. 59, 60
Верещагин В.В. 150
Вильгельм II 110
Вильсон В. 46, 128
Витовт, великий князь литовский 317
Владислав II 317
Внук Ф. 170

- Вовканич I. 266
Вознесенский А.А. 193
Войташшак Я. 270, 272
Войтыла Кароль — см. Иоанн Павел II
Волков В.К. 192
Волков Е.З. 183
Волф Я. 126
Вондрак В. 33, 47, 120
Воняtkова М. 122
Ворошилов С.И. 195
Ворошильский В. 285
Вострый Я. 52
Врба Р. 122
Всеволодов В.А. 144
- Габилон 163
Габриш Ю. 301
Гавел В. 288
Гавлик К. 53
Гайду В. 248, 249
Гайн А. 125
Галандауэр Я. 45
Галицкий В.П. 257
Гамада М. 226
Ганди И. 303
Ганц 106
Гарбулева Л. 5
Гармадинова В. 307
Гацек М. 153, 161
Гергутти 106
Гибианский Л.Я. 190, 192
Гиллерсон С.И. 114, 119
Гирса В. 124
Гирса Й. 124
Гитлер А. 160, 165, 172, 182, 183, 185,
201, 205
Глава Б. 5
Главачек И. 323
Глбина П.Г. 271
Глинка А. 131, 148, 149
Глушко Ю. 298
Годжа М. 60
Гойдич П.П. 270, 272, 273, 275–277, 278
Голдтроп Дж. 310
Голец Р. 51
Голиков Ф.И. 258, 262, 267
Голицин Н.Д. 43, 46
Гольян Я. 211
- Гомулка В. 285, 286
Горак Й. 178
Горбачев М.С. 15
Горбунов Т.С. 185
Горелов А. 140
Горов П. 224
Готвальд К. 250, 251
Грабарь И.Э. 139
Грабарь В.Э. 150
Греков Б.Д. 182, 193
Гримм Э. 148
Груби А. 52
Груздев С.С. 148
Грушенецкий 106
Грушин Б. 15
Грушка Ф. 50, 55
Гундоров А.С. 185, 193
Гурбан В. 59
Гус Я. 319
Гусак Г. 193, 250, 252, 253, 276, 287, 322
Гусник В. 49, 50, 53–56
Гусник К. 50, 56
- Давид Й. 118
Дандар М. 137
Даниел Я. 294
Данилочкин В.И. 205, 206
Даниш М. 6, 152
Дворжакова Д. 325, 326
Дедина Фр. 36
Деев Н.Г. 266
Державин Н.С. 181–183, 185, 186
Джалилов Т.А. 280
Джамбазович Р. 307
Джилас М. 192, 193
Дилонг Р. 271
Димитров Г. 191, 192, 243, 245, 246
Добрынин А.Ф. 279
Долгоруков П.Д. 268
Долейш В. 121
Досталь М.Ю. 5, 180, 182, 184, 186, 193,
194
Достоевский Ф.М. 150
Дронов М.Ю. 5, 6, 7, 74
Дружков — см. Сталин И.В.
Дубовиков Я.И. 205
Дубчек А. 279, 281, 290, 293–295
Дудекова Г. 19, 28
Дуффек Ф. 52

- Духонин Н.Н. 36
Дьендешы Я. 247
Дьердьфи Ш. 111
Дюрих Й. 126
Дюрица М.С. 170
Дюрчанский Ф. 162
- Евтихиева Е.П. 207
Есенский Я. 224
- Жари Ш. 224, 226
Жарнов А. 271
Жаткович Г.И. 129–132
Жданов А.А. 181, 192
Желанов В.Н. 195
Жидков В.С. 220
Жижка Я. 317
Жирмунский В.М. 217
- Завадска М. 5, 230
Задорожник Э.Г. 5, 6, 249, 288, 289, 294,
298, 302
Замбор Я. 228
Заплетал Ф. 38
Затькова Й. 28
Звоницкий Г. 271
Земсков В.Н. 257–264, 267, 269
Зивал В. 39
Зноемский В. 123
Золотов В.П. 181
Зорин В.А. 243, 244
Зубкова Е.Ю. 234
- Ивантышинова Т. 5
Ивашко С. 123
Илемницкий П. 141
Ингланд П. 31
Иоанн XXIII 295
Иоанн Павел II 296, 301
Исаев И.А. 206
- Йоганидес Я. 218
- Каван Я. 294
Кадар Я. 283, 285–287
Калинин М.И. 158
Калмыков Я.И. 92
Каминский И. 149
Капица П.Л. 186
- Карасек В. 51
Кардель Э. 184, 192
Каржанский Н. 39, 46
Кармазин Ф. 166
Карнер С. 195, 197
Каройи М. 87
Катона Ю. 109
Качанов — см. Каржанский Н.
Кельбедин 110
Керр А. 245
Кижаяева Т.А. 30
Кикешев Н.И. 181, 183, 184, 193
Кинчок Б. 174, 176
Кириленко А.П. 287
Кириллов Г.И. 103, 111
Клеванский А.Х. 45, 78–80
Клементис В. 246, 250, 253
Клецанды Й. 126
Клиновский 156
Кнох П. 21
Ковалевский М. 268
Коваленко Н.В. 203
Кодаева Д. 5, 29, 57
Козель В. 51, 55
Козлов В.И. 143
Кокка Й. 20
Коларов В. 192
Коллар Я. 66, 180, 186
Кононенко А.П. 205
Корепов 105
Корец Я.Х. 290, 297, 298, 301, 303
Корнейчук А.Е. 181, 183, 188, 193
Коровицына Н.В. 305
Короткий В. 147
Костов Т. 192
Косыгин А.Н. 281
Котылев А.Ю. 16
Коутняк Й. 43
Кочвара А. 55
Кошут Л. 150
Крамарж К. 35, 125, 135, 149
Красин Л.Б. 124
Кратохвил Я. 33
Кресан Я.Ю. 217
Крижан А. 153
Крно Г. 152, 153
Крон 161
Крчмери С. 303
Крючков И.В. 6, 31, 91, 104

- Кгиторов С.Н. 53
Кубач Л. 215
Кувыркин Д.А. 266
Кугулов А.А. 103
Кузьяк 106
Кузма Я. 123
Кулганек А. 55
Кульков Е.Н. 179
Купала Я. 183
Кусы М. 298, 302
- Ладислав из Люданиц 318
Ладислав Постум 318
Лажанский О. 51, 53
Лазик А. 291, 292
Лаптева Л.П. 6
Латцел К. 21
Латыш М.В. 280–282
Лацко М. 171
Лебедев 109
Левада Ю. 15
Левицкий М.В. 120
Левканич Э. 135
Легки М. 302
Лесняк Р. 272
Леттрих Й. 209
Лиддел-Харт Б. 236
Лиценбергер О.А. 140
Лозовский С.А. 183
Лондакова Э. 290
Лор Э. 49
Лотман Ю.М. 220
Лукач (Лукаш) 319
Лукач Э.Б. 224, 227
Люкшин Д. 103, 104, 110, 111
- Майдль Л.И. 54
Майоров А.М. 282
Макса П. 116, 126
Малахов М.М. 195
Маленков Г.М. 193
Малиновский Р.Я. 175, 176
Малирж Ф. 56
Малицкий Н.П. 150
Мальшев В.А. 191
Мальков В.Л. 67
Маляк Я. 73
Манн Т. 109
Маннова Э. 23, 325
- Манусевич А.Я. 81
Марвикк А. 20
Маркович В. 111
Маркович И. 116
Маркс К. 285
Маркус Б.С. 206
Марсина Р. 319, 321, 324–326
Марчок В. 278
Марьина В.В. 6, 169, 180, 183, 187, 188, 190, 191
Масарик Т.Г. 26, 35, 36, 44, 59, 115, 120, 124, 126, 128, 134, 148
Масарик Я. 115
Масларич Б. 185, 193
Масюков А.К. 207
Масюкова А.К. 205
Матвеев О.В. 54
Матгоушек Я. 50
Матгьяш Корвин (Матгьяш Хуньяди) 318, 321, 325, 327
Мельников Г.П. 317, 321
Мендель В. 109
Миклошко Ф. 297, 298, 300, 303
Минаев В. 195
Минач В. 222, 270
Миндсенти Й. 249, 250
Михальченко С.И. 6, 147, 148
Мичев С. 6, 208
Мишак Й. 154
Млынарж З. 284
Мнячко Л. 218, 270
Молотов В.М. 158, 163, 164, 173, 181, 188, 191, 192, 243, 245–250
Мольнар 106
Моссе Г.Л. 24
Мостовенко П.Н. 120
Муравски Я. 153
Муратов А.А. 54
Муратова Д.И. 54
Мурашко Г.П. 6, 243, 279
Мургаш К. 153
Мусатов В.Л. 281
Мюллер 106
Мягков М.Я. 179
- Навратил А. 51
Навратил В. 54
Надь И. 284
Надь Ф. 247, 248

- Налепка Я. 208
Нансен Ф. 89, 263
Наполеон Бонапарт 149
Народи Л. 109
Нахтигал Р. 89
Недашковский 106, 107, 110
Неедлы З. 182, 184–186
Некокса В. 55
Ненашева З.С. 32, 34
Неуман А. 122
Нечас Я. 133
Никифоров К.В. 194, 289
Николай II 32, 40, 120, 126
Новак 106
Новак А. 125
Новиков Н.В. 188
Новикова И.Н. 103, 104, 111
Новомеский Л. 227, 250, 253
Новопашин Ю.С. 295
Новотни К. 51, 52
Новотный А. 280
Нойвирт А. 272, 276
Носек В. 244
Нозль-Нойман Э. 234
Нуркова В.В. 11
- Ожегов С.И. 217
Ондрушка Ф. 276, 277
Оруэлл Дж. 236
Орехова Е.Д. 283
Оришек М. 118
Орлик И.И. 284
Орсаг-Гвездослав П. 229
Орсаги, семья 50
Осипова И. 141
Особа Ф. 52
Остроухов А.И. 32, 37, 79
Отченашек Я. 218
- Павленко О.В. 6, 195
Павлу Б. 42, 43
Палацкий Ф. 150
Панасюк 106
Панов Ф.А. 266
Патейдл Й. 118
Паулины Г. 123
Пекарж Й. 325
Перламутрова В.В. 205–207
Перфецкий Е.Ю. 148
- Петрашек 106
Петр Аксамит из Косова 321, 327
Петр I Карагеоргиевич 134
Петро И. 187
Пий II 320
Пика Г. 185
Пикколомини Э.С. — см. Пий II
Писско Б. 156
Пихоя Р.Г. 282
Пичета В.И. 182
Побожный Р. 292
Погорелов В.А. 148
Подцероб Б.Ф. 191
Пожарский К. 141
Покровский Н.Н. 39, 46
Полетаев А.В. 13, 14
Полтавский М.А. 195
Поляков А. 147
Полян П.М. 257, 259–261
Пономарев М. 55
Портокареро Л. 310
Поршнева О.С. 30
Потапов Н.П. 44
Потемкин В.П. 163
Пражак А. 149
Пригожин И.Р. 289
Прокоп Гольый 317
Птицын А.Н. 49, 139
Пукиш В.С. 51, 52, 56
Пушкин А.С. 150, 161, 162
- Радлинский Р. 165
Райсел В. 224, 226, 228
Раковский И. 151
Ракоши М. 250–252, 255
Рамет С. 289
Рандин А. 166
Раск Д. 279
Рафальский В.Т. 267
Рахамимов А. 31
Рашин А. 149
Ребро Й. 155
Реброва И.В. 14, 15
Реваи Й. 252
Рейман Зд. 37, 44
Ремарк Э.М. 113
Репина Л.П. 6, 8, 10, 12, 14
Реформатский И.А. 205
Ржешевский О.А. 173, 179

- Риббентроп И. фон 162
Робинсон М.А. 180
Розсыпал А. 131
Рокина Г.В. 6, 102
Романович — см. Неедлы З.
Рубинштейн С.Л. 218
Рузвельт Ф.Д. 185, 259
Руколь Б.М. 185, 186
- Сабо 106
Сабуров А.Н. 208
Савваитова М.Д. 34
Савельева И.М. 13, 14
Савицкий П.Н. 268
Сазонов С.Д. 34
Сачук С.С. 15
Сватош Я. 51
Свобода Л. 187, 287
Седлак И. 324
Семенов Н.П. 280
Семенова Е.Ю. 30
Сенявская Е.С. 30
Серапионова Е.П. 6, 7, 29, 30, 90, 113, 282
Сергеев 109
Середа В.Т. 283
Серов И.А. 175
Сивак Й. 162
Сигизмунд Люксембургский 317–319, 323, 325
Сидор К. 154
Силан Я. 271
Силин М.А. 251
Скала Й. 119
Скиба О. 147
Славик А. 116
Слански Р. 251
Слоистов С.М. 136
Соколик Д. 123
Соколов К.Б. 221
Соколов К.Н. 148
Соколов Ф.Л. 153
Сопоци Я. 307
Спекторский Е.В. 7, 147, 148, 150, 151
Сталин И.В. 14, 160, 162, 164, 172, 176, 185, 189, 191, 192, 246, 247, 250, 251, 259
Станислав Я. 162
Старец В. 52
- Стариков С.В. 105
Стары В. 122
Стибор со Стибориц 323
Столарик Я. 154
Столарик (Белай) Й. 154
Страня К. 219
Стрекалова Е.Н. 15
Стршибрены А. 125
Стыкалин А.С. 279, 282, 283, 286
Суслов М.А. 252, 283
- Таришова Б. 122
Телицын В.Л. 77, 80
Терехина О.В. 34
Тибенский Я. 319
Тимофеева Т.Ю. 15
Тимошенко С.К. 233
Тимошкина Е. 147
Тисо Й. 152
Тисо Ф. 152, 155–159, 161, 164,
Тисо Ш. 152
Тито И.Б. 191–193
Тисова И. 152
Тишков В.А. 5
Ткачик И. 52
Товара В. 55
Толстой А.Н. 183
Толстой Л.Н. 72
Томашевский Б.В. 217, 296
Томашек Ф. 291, 293
Трисоль И. 54
Трояновский С. 193
Тука В. 162
Турияница И. 187
Тухачевский М.Н. 160
Тучек Л.В. 37
Тяжкий Л. 270
- Убереннер О. 29
Угер Ш. 271
Удальцова А.Д. 182
Удржал Ф. 125
Узлик Й. 122
Ульбрихт В. 284
Ульрих Б. 21
Ульяновский В. 147
Урбан М. 87
Урсини Й. 209

- Фабри Р. 224, 226, 228
Фадеев А.А. 183, 186
Фило 162
Фирлингер З. 159, 181, 244, 246
Фишер 106
Флегр Б. 52
Фодор Й. 152, 156–158
Фосс Б. 227
Франко Ф. 159
Франц-Иосиф I 68, 110
Фундарек 162
Фучик Ю. 184, 219, 220
- Хавинсон Я. 183
Хагер К. 285
Халама Й. 122
Хализев В.Е. 217
Халупецкий 106
Хаммерле Х. 29
Хрущев Н.С. 280
Хуньяди Я. 318, 320
Хэйних А. 111
- Цугра Я. 290
- Чапек из Сан 317
Чаплицкий Б. 141
Чаради, семья 154
Чарногурский Я. 298, 302, 303
Чеканцева З.А. 16
Челлини К. 140
Червен И. 52
Червенков В. 193
Червены О. 120
Чермак Б. 126
Чернак М. 156, 157
Чернев А.Д. 283
Чернов 105
Чернов 106, 107
Черчилль У. 164, 185, 259
Чичерин Г.В. 114, 123
Чубарьян А.О. 195
Чулен М. 185
Чулков М. 110
- Шафарик П.Й. 180, 186
Шведова Н.В. 221
Шевченко К.В. 128
Шевяков А.Л. 257, 263
- Шедивы И. 27, 117
Шелига 162
Шенк 206
Шик О. 284
Шикула В. 270, 273–278
Шиллерова Б. 52
Шило С.С. 140
Шимек 150
Шимко Ю. 153
Шимульчик Я. 300
Широки В. 251, 254
Широкова Л.Ф. 270
Шишкин В.Г. 153, 159, 161
Шкарван А. 72
Шмигель М. 6, 257
Шмигула Д. 152
Шмидке К. 212
Шмидт К. 86
Шпачек Я. 116
Шрамак А. 125, 149
Шробар В. 209, 212
Штауффенберг К. фон 160
Штепанек В. 51
Штепанек Ю. 51, 56
Штефаник М.Р. 26, 45, 126, 149
Штеффко Й. 123
Штосс Э. 84
Шуваев Д.С. 41
Шуленбург Ф.-В. фон 160
- Щербаков А.С. 183–185, 193
- Эйзенхауэр Д. 262
Эксле О.Г. 10
Экштут С.А. 13
Эргарт А. 54, 55
Эренфельд П. 131
Эриксон Р. 310
Эркенъ И. 144
Эртл Д. 209
- Юкл В. 303
Юраш М. 209
Юсупов 110
- Яковлев А.Н. 186
Ян Искра из Брандыса 318, 322, 323,
326
Яша В. 118

- Яшик P. 270
- Adler L.K. 196
Amort Č. 90
Andrš B. 140, 141
Applebaum A. 259, 261
Audoin-Rouzeau S. 24
- Bader-Zaar B. 29
Baka I. 210
Balík S. 295
Barnovský M. 300
Bátorová M. 271
Bazovský K. 69
Becker A. 24, 84
Bednár A. 271
Belajová M. 154
Beneš E. 188
Benko J. 79
Bielik P. 170
Bihári P. 30
Bischof G. 196
Bobák J. 170
Bonač V. 147, 148
Bosak P. 216
Brandt S. 24
Brändström E. 77
Büchner G. 240
Bunčák J. 310
Buschmann N. 21, 31
Bystrický J. 169, 210
Bystrický V. 64
Bystrov V. 261
- Carl H. 31
Cazacu I.E. 76
Cséfalvay F. 169
Cuhra J. 290, 291, 295
- Čaplovič M. 28, 169
Čarnogurský J. 297, 298
Červenák J. 142, 143
Čičaj V. 324
Čierna-Lantayova D. 162
- Dangl V. 23, 61, 64
Daniel U.F. 22, 25
Devátá M. 299
Deyl Z. 114, 115
- Dudeková G. 23, 25, 27, 28, 62, 64
Đurica M.S. 170
Džambazovič R. 310
- Emmert F. 143
Englund P. 31
Ernst P. 22
- Fabricius M. 69
Faltan S. 143
Fejtová O. 28
Ferko V. 49
Fiala P. 291
Fierlinger Z. 181
Fremal K. 210, 211
Fussel P. 22, 24
- Galandauer J. 45
Gašparíková-Horáková A. 59
Gebhart J. 210
Gusenbauer E. 29
Gyáni G. 30
- Hamada M. 226
Hämmerle C. 22
Hanuš J. 291, 295
Harbuřová L. 74, 259, 261
Haring S.A. 22
Hašek J. 231
Hinz U. 77
Hirschfeld G. 20–22, 25
Hlava B. 153
Holec R. 28, 30, 69
Holotík L. 82, 85, 87
Horčička V. 82, 88
Horst C. 21
Hrabovská A. 310
Hrodek D. 258
Hronský M. 28, 83
Huszár T. 286
Hvišč J. 271
- Ivaničková E. 27, 62
Ivantyšynová T. 5, 74, 79
- Jablounický J. 210, 211
Janáček J. 321
Janšák Š. 61
Jeismann M. 24

- Jilemnický P. 141
Johanides J. 218
Judson P.M. 85
Jurčištinová N. 28
- Kádár J. 286
Kalina J.L. 234
Kamenec I. 170, 175, 177, 179
Kapferer J.-N. 232
Kaplan K. 297
Karácsonyi V. 28
Karner S. von 195
Kiliánová G. 22
Kinčok B. 174, 177
Klevanskij A.Ch. 79
Kmet' N. 289
Kniežo-Schonbrunn B. 234
Knoch P. 21
Kocka J. 20
Kodajová D. 5, 28
Konečný S. 258, 265
Kosseleck R. 24
Kostrbová L. 25
Kováč D. 27, 28, 62, 67–71, 324
Kövér G. 30
Kratochvil J. 33
Krempa I. 79
Krištúfek V. 87
Krivá A. 28
Krumeich G. 20, 22, 24, 25
Kruško Š. 258
Kühne T. 22, 31
- Lacko M. 170, 172
Langewiesche D. 22
Latzel K. 21
Ledvinka V. 28
Leidinger H. 29, 81, 82, 84, 88
Lesňák R. 272, 276, 300
Letz R. 264, 273, 276, 297
Ličko M. 216
Liddell-Hart B.H. 237
Lipták L. 66, 69, 70, 324
- Magocsi P.R. 130
Majewski S. 216
Malář J. 69, 70
Malínská J. 25
Malíf J. 28
- Mannová E. 28, 61, 65
Marčok V. 271, 278
Marková M. 69, 70
Marsina R. 321, 324
Marušiak J. 290
Marwick A. 20
Masaryk T.G. 59, 133
Matejček J. 86
Medvecký K.A. 87
Mičev S. 210, 216
Michl J. 114, 118
Michnovič I. 28
Mičianik P. 211
Mičko P. 258, 264
Mikhalchenko S.I. 150
Mikloško F. 291, 298
Mňačko L. 219
Mommsen H. 69, 70
Mommsen W.J. 21, 28
Moritz V. 29, 81, 82, 84, 88
Mosse G.L. 24
Mrva I. 67
Mulík P. 170
- Nachtigal R. 77, 79, 80, 88
Neuwirth A. 272, 276
Nižňanský E. 210
Nosko J. 216
Novák R. 115, 116
- Oakes G. 230
Oltmer J. 76, 84
Orwell G. 236
Otčenášek J. 219
- Örkény I. 144, 145
- Paterson T.G. 196
Pešek J. 28, 290, 300
Petrík V. 271
Pichlík K. 81, 84
Podrimavský M. 28
Pop I. 130
Prečan V. 210–212, 216, 302
Prokš P. 60
Prost A. 20
Purdek I. 169
- Quigley J. 76

- Rachamimow A. 31, 76, 77, 80, 81, 83, 85,
89
Rakoš E. 212–214
Ramet S. 289
Ratkoš P. 321
Renz I. 20, 22
Robert J.-L. 24
Roguřová J. 64
Rozenblit M.L. 85
Rudohradský Š. 212–214
Rychlík J. 72

Říha O. 321

Sedřová B. 23
Segeš V. 23, 67, 169, 170
Seiler V. 240
Sekyrková M. 23
Sivan E. 22
Sokolovič P. 174
Sopóci J. 310
Stanová M. 169
Stearman W.L. 196
Stelzl-Marx B. 195
Stibbe M. 76
Suk J. 299
Suppanz W. 22
Suško L. 69
Svatoš J. 51
Szigeti L. 290
Szomálnyi S. 290

Šedivý I. 27, 114, 116, 118, 121, 123, 124
Šikula V. 273, 274, 277
Šikura A. 66
Šimko J. 153
Šimovček J. 210
Šimulčík J. 296, 297, 300
Šmigel M. 258, 264, 266
Šmihula D. 152, 154, 158, 159, 163
Šrobár V. 68
Štefanský M. 169
Štefanský V. 169, 216

Thoš B. 22, 31
Tibenský J. 319
Tiso J. 69
Tolstoj N. 261, 262
Tuček M. 308
Tůma O. 299
Tymkovič V. 276

Ulmann P. 22
Ulrich B. 21
Urban M. 88
Urbanová B. 66

Überegger O. 29

Vaculík J. 265
Vajanský S.H. 59
Válek M. 222, 228
Vance J.F. 75, 76
Vanemden R. 24
Vašečka I. 306, 309
Vaško V. 297
Vávra V. 79
Vnuk F. 170
Volker U. 21
Volkman H.-E. 22, 31
Vozár J. 321
Vörös L. 68, 84
Vrábel F. 66

Wall R. 20
Wette W. 21
Wingfield N. 77
Winter J. 20, 22, 24
Wurzer G. 76, 77

Zambor J. 228
Zatřková J. 28
Ziemann B. 22, 31
Zilynskij B. 259, 260, 262
Zudová-Lešková Z. 210

Žigmund Luxemburský 325

Научное издание

Социальные последствия войн и конфликтов XX века

Историческая память

Ответственный редактор Е.П. Серапионова

Именной указатель *С.М. Слоистов*

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*

Корректор *Н.Ю. Сулейманова*

Оригинал-макет *Л.А. Философова*

Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 21.01.2014. Формат 70x100^{1/16}

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 21,25

Тираж 500 экз. Заказ № 3043

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23